

АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ЧЕРТОВА ТЕЛЬНИЦА

ЧЕРТОВА ТЕЛЬНИЦА

НОВЫЕ ПРИКАЛЮЧЕНИЯ
СВАРОГА

В занимательности Александрю Бушкову не откажешь.
Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.
Radio «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает провинциальной самоуверенностью, здравомыслием и крепкой психикой советского офицера.
Сварог тут не исключение.
Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова в число фантастов первой лиги.
FANmasтика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной классикой в то время, как понятия «русское фэнтези» еще и не существовало.
Мир фантастики

...Великолепная фэнтезийная проза.
Уникальный, ни на что не похожий, глубоко продуманный мир. Мощная магия, мрачные пророчества.
Фирменный стиль, искрометный бушковский юмор.
Русская фантастика

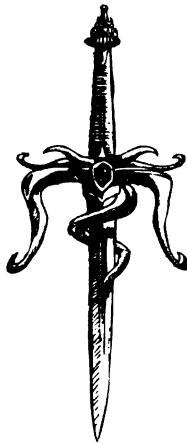
Добросовестное отношение к военным и державным реалиям, глобальное авторское видение мира, внятность мотивов и обоснованность поступков персонажей...
Книжное обозрение

Есть писатели, которые несут золотые яйца,
а есть — которые пишут хорошие книги.
Александр Бушков старается это совмещать.
Русский журнал

Таларский цикл — самый любимый поклонниками Бушкова.
Это изумительный язык: легкий, занимательный, понятный,
с приятным юмором.
Ozon.Ru

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ЧЕРТОВА
МЕЛЬНИЦА

Москва
ОЛМА Медиа Групп
2012

УДК 821
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «Чертова Мельница» принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

Обложка Сергей Иващук

Книга печатается в авторской редакции

Б 90 **Бушков А.**
Чертова Мельница: Роман. — М.: ОЛМА Медиа Групп,
2012. — 464 с. (Сварог — фантастический боевик).

ISBN 978-5-373-04472-1

Талар под угрозой. Тонут голубые небеса в отсветах Багряной Звезды. Собираются в стаи и спешат в неизвестность летающие острова. И только король королей — Сварог Барг граф Гэйр — уверен, что ему предстоит новый подвиг. Но ждет ли слава короля королей?..

Легендарный герой русского фэнтези — Рыцарь из ниоткуда, 15 лет назад отправившийся в долгий дивный путь, возвращается в новом романе цикла.

УДК 821
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-373-04472-1

© Бушков А., 2011
© ОЛМА Медиа Групп, 2012

Идти по жизни вообще нелегко
Мэрилин Монро

Глава I

ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО ДИПЛОМАТИИ

За все время подводного пути по могучему полноводному Ителу Сварог ни разу не поднимал перископ. Вовсе не оттого, что по реке в обоих направлениях буквально сновало превеликое множество кораблей, судов и суденышек, дворянских яхт и лодок, прочих плавсредств, любое из которых могло в неведении своем заехать по перископу днищем. Просто-напросто не было нужды в перископе. Аппаратура «Рагнарока» позволяла и без него обойтись. Специальный экран по левую руку от главного прилежно показывал, что творится над головой, фиксировал все плавучее в радиусе двухсот уардов — даже купальщиков, пару раз попадавшихся. Соответственно, другие приборы постоянно прощупывали рельеф дна, так что не было ни малейшей опасности налететь на какую-нибудь подводную скалу или, скажем, затонувший корабль — такие тоже порой попадались. Одним словом, пока что плавание напоминало скучную прогулку, Сварогу ничего не нужно было делать — ни отдавать указаний, ни прикасаться к чему бы то ни было на пульте.

Трудами Элкона, юного компьютерного кудесника, Сварогов трофеи, если можно так выразиться, ассимилировался в нынешних временах, на нынешней планете.

Всю прежнюю систему навигации Элкон убрал, точнее, скачал для последующего изучения, а взамен заложил новую, современную, ту, что использовалась нынешними моряками-речниками: карты звездного неба, траектория прохождения Солнца по небосводу, подробнейшие локации для морей и рек и прочее необходимое. Обошлось, фигулярно выражаясь, без насилия: возможность подобных операций явно была заложена в Главный компьютер заранее, и он нисколечко не сопротивлялся процедуре. Правда, по ее завершении принялся, раз уж такие дела, требовать и новые координаты навигационных спутников. Элкон кратенько объяснил, что отныне электронному навигатору предстоит жить и работать так, словно навигационных спутников не существует вовсе (как оно и обстояло). Человек-штурман непременно стал бы удивляться и задавать вопросы, но компьютер, как ему и полагалось по жизни, лишь принял к сведению новые правила игры, не вступая в дискуссии.

Сварог отправился в рейд (называя вещи своими именами, в набег) в полном одиночестве. С «Рагнароком» без труда мог управляться один-единственный человек, так что не стоило подвергать риску кого-то еще. Неизвестно, был ли риск и что он собой представлял — но это все-таки Горрот с его необъяснимыми погаными сюрпризами...

Ну что же. Сварог уже давным-давно плыл в горротских пределах. Он предусмотрительно держался центральной трети Итела, издревле носившей статус международных вод. Хотя... Инициаторы помятых поганых сюрпризов, есть такое впечатление, вряд ли стали бы, обнаружив они подлодку и решив что-нибудь против нее предпринять, соблюдать Конвенцию о международных водах. Не те субъекты, как показывают наглядные примеры. Поди выясни, что там произошло в глубинах Итела, и кто в том виноват...

Но пока что обходилось. Все системы активной обороны в полной боевой готовности, все датчики работают на пределе возможностей — никто не попытался атаковать лодку каким бы то ни было образом, ничто не свидетельствовало, что она замечена.

И все-таки — Горрот...

Сварог изучил все, до чего только мог дотянуться в качестве хозяина секретных служб нескольких королевств и начальника девятого стола. Вряд ли осталось что-то, чего он не знал о Горроте — точнее выражаясь, он теперь знал все, что знали выше означенные службы. И никак нельзя сказать, чтобы это приблизило разгадку хоть на шагок...

Ну, а то чнои даты внезапно нагрянувших перемен не знал вообще никто. Если она существовала в виде конкретного дня и часа, ее никому не удалось зафиксировать. Просто-напросто с некотого времени начало твориться неладное. Два с лишним года назад, вот вам и вся точность. «Лишнее», насколько можно судить, насчитывало пару-тройку недель. А то и поболее.

Первыми встревожились гланцы, для которых постоянной угрозой и вечным противником как раз и был Горрот — а потому они и держали в Горроте в несколько раз больше агентуры, чем любое другое королевство (для Ронера Горрот, хоть и сосед, был не столь уж и серьезной угрозой, а Балонг по своему статусу и вовсе не испытывал ни малейшей тревоги, хотя шпионов для порядка в Горроте держал, а как же иначе?)

И завербованные гланцами в Горроте и сточники, и засланные туда гланские «кроты», прижившиеся, отлично законспирированные, нераскрытые, вдруг перестали выходить на связь и слать донесения в установленные сроки. И не то чтобы один, два, а семь... двенадцать... пятнадцать... двадцать... двадцать два... Именно тогда, доверительно признался глэрд Баглю Сварогу, он и заметил у себя первые седые волоски. Шпионаж — ремесло специфическое, со своими давным-давно сложившимися порядками и традициями. Нет ничего удивительного в том, что время от времени какой-нибудь агент, как бы ловок ни был, все же проваливается. Дело житейское, учено выражаясь, статистическая вероятность. Случается, что провал одного тянет за собой сложившуюся сеть. Это так же неизбежно, как боевые потери.

Но что прикажете думать профилю, когда в мас-сомом порядке начинает ся пать ся агентура, никоим образом меж собой не связанная? Даже не подозреваю-

щая о существовании друг друга? Когда один за другим бесследно исчезают люди, посланные выяснить судьбу пропавших? Недели через две стало окончательно ясно, что Баглю лишился всей своей агентуры в Горроте: восемьдесят два человека о с е д л ы х и одиннадцать направленных для выяснения. И он перестал посыпать новых, уже заведомо зная, что лишь погубит их понапрасну...

Точно так же обстояло и с агентами других, подвластных отныне Сварогу государств — разве что потери были поменьше гланских. Как удалось установить чуть позже, с лоранскими шпионами все произошло точно так же.

В те же недели территорию Горрота, постепенно сгущаясь, полностью накрыла некая зона помех, сделавшая слепыми и глухими все средства наблюдения, какими располагал восьмой департамент. Имперский наместник в Горроте (в отличие от иных своих коллег, человек весьма неглупый и дальний), лишь разводил руками: он ничего не мог понять, сам лишился всей своей агентуры, а кое-какие хитрые приборы, имевшиеся в его резиденции, не зафиксировали каких бы то ни было перемен либо изменений в окружающем мире. Ни единого проявления новой, неизвестной магии. Ни следа новых техногенных явлений. Внешне все остается, как прежде: с господином имперским наместником обращаются с прежним почтением, он ведет прежний образ жизни, присутствуя на тех церемониях, которые его обязывает посещать этикет — вот только агентуры у него больше нет, ни единого человека. Работавшие на него придворные исчезли из дворца. Окольными путями удается выяснить, что кто-то оказался в тюрьме, а кто-то казнен (кстати, именно так обстоит и с теми, кто был завербован во дворце Стакора земными разведками). Всех своих людей в Горроте лишился и восьмой департамент. Никому не удается не то что восстановить прежнюю сеть, а хотя бы завербовать одного-единственного нового агента — вербовщики исчезают, разведчики, засланные с расчетом на оседание и внедрение, исчезают, несмотря на их безупречные «легенды».

Тупик. Глухая стена.

Хватаясь за соломинку (и, естественно, не говариваясь), главы тайных служб всех заинтересованных королевств пытаются объяснить все пресловутой «изменой в рядах». Остается предполагать лишь, что агенты Стакхора проникли во все без исключения соседские разведки и вычислили засланную в Горрот агентуру.

Эту версию отбрасывают очень быстро. Так попросту не бывает. Испокон веков случались и предатели, и двойные агенты, и проникшие в разведслужбы противника «кроты» — но ни один из таких не способен провалить в с е х. Даже если «кротом» окажется, скажем, глава ронерского «туманного кабинета», он попросту не может знать, кого именно заслали в Горрот Морское министерство, Пограничный корпус, наконец, сам король. И наоборот... Это в патриархальном Глане существует одна-единственная тайная служба, а в других государствах их несколько. И наконец, представить невозможно, что люди Стакхора внедрились в восьмой департамент, точно так же потерявший всю свою агентуру, в том числе и двух благородных ларов (один исчез бесследно, а второй третий год покоятся в фамильном склепе в виде золотой статуи. Как ни изучали ее н а в е р х у, ничего понять не смогли: все внутренние органы на месте, все крохотные жилочки, но все это непонятно почему стало чистейшим золотом).

Баглю (его интересы прошедшее задевало больше, чем чьи-либо другие) очень быстро придумал интересный ход. Лучшая из его бабок-ведуний, какую удалось отыскать, проплыла пассажиркой на рейсовом речном паруснике из Латераны в Балонг, причем выбран был тот рейс, что задерживается на сутки в Акобаре. Ничем не примечательная купеческая вдовушка, благообразная, несуетливая, не-приметная, как кулек крупы на полке бакалейной лавки...

Бабка вернулась живехонькой и здоровехонькой. И решительнейше заявила: ни за все время следования в пределах Горрота, ни за сутки пребывания в акобарском порту она не почуяла ни тени, ни отзыва черной магии. Вообще ни капли чего-то нового, прежде неизвестного, не почуяла. В чем клянется своими сединами, уменьями и репутацией.

Баглю был подозрителен. И назначил самое тщательное исследование. Однако дюжина собранных им ведущий заверила: перед ним та же самая бабка Сбарри, что отплыла из Латераны. И никакой она не подменыш, и никаких посторонних воздействий на нее не оказывалось.

Баглю был упрям — и еще две бабки-ведуны совершили путешествие за казенный счет по тому же маршруту. Сделав по возвращении точно такие же доклады. Тем временем та же идея осенила кое-кого в других королевствах — и через Горрот с задержкой в Акобаре поплыли ронерские ведуны, снольдерские маги и даже харланский деревенский колдун. С тем же результатом. Тем же маршрутом проследовали с полдюжины безобидных на вид речных корабликов, от носа до кормы набитых аппаратурой восьмого департамента, пытаясь выявить уже не магию, а нечто техногенной природы. Безуспешно.

Так оно с тех пор и продолжалось: чьи бы то ни было агенты, проследовавшие через Горрот водой либо суходопутьем, все до единого возвращались невредимыми (правда, ни один из них не узнал ровным счетом ничего, что могло бы помочь в разгадке). Чьи бы то ни было агенты, пытавшиеся в Горроте остановить, опять-таки все до единого пропали бесследно. Попытки стали хоть и регулярными, но редкими — с целью убедиться, что ничего не изменилось. Ничего не изменилось.

В силу той самой статистической вероятности во всех странах порой вылавливали горротских агентов — но ни один из них ровным счетом ничего не прояснил касательно страны носителей. Хотя допрашивали их весьма пристрастно, не ограничиваясь словесами. Полное впечатление, что они попросту не понимали, чего от них хотят. Никаких таких изменений в жизни своего королевства они не усматривали. В конце концов их даже перестали вздергивать на дыбу — не по доброте душевной, просто поняли, что бесполезно...

Кое-какие перемены имперский наместник все же прилежно отметил. За пару месяцев во дворце сменилось примерно три четверти придворных, и добрая половина министров потеряла свои посты. Однако подобное сто

раз происходило в других королевствах. Как ни анализировал «кадровые чистки» восьмой департамент, никакой логики в них не усматривалось. Кто-то казнен, кто-то оказался за решеткой, но большинство просто-напросто угодили в опалу классического типа — когда опальному высочайше повелевают удалиться в свое имение и носа оттуда не высовывать (а при отсутствии имения перебраться на жительство куда-нибудь в глушь). В с е, работавшие на иностранные разведки, оказались на виселице либо в тюрьме — но среди казненных и заключенных хватало и тех, кто в жизни в иностранных агентах не состоял. Среди изгнанных в отставку министров имелись как важные, так и третьестепенные — и тут ни логики, ни системы. Все это выглядело опять-таки насквозь житейским делом. Вспомнили кстати, что Конгер Ужасный, войдя в свое время на престол, разогнал весь прежний двор и всех прежних министров, причем кое-кто угодил на Монфокон, а кое-кто за решетку. Один из великих герцогов Харланских лет триста назад пошел еще дальше — он, взявиши бразды, вообще перебил в с ех придворных и министров покойного батюшки. Одним словом, не счесть случаев, когда короли п е р е т р я х и в а л и приближенных, министров, генералов и высоких чиновников еще почище, чем Стахор. Так что к э т о м у никак нельзя было прицепиться, поскольку происшедшее нисколько не заслуживало наименования «странностью».

Показалось, что кое-какая надежда замаячила после истории с подменой принцессы Делии бесплотным м о р о к о м. На очередной большой королевский прием воспрянувший было духом имперский наместник отправился, скрывая под пышным церемониальным нарядом несколько хитроумных компактных аппаратиков и детекторов. Увы, после тщательнейшего изучения записей оказалось: и король Стахор, и королева Эгле — самые обычные люди из плоти и крови, не мороки, не магические подменыши...

Четырежды во время визитов во дворец наместник ухитрялся пристроить в незаметных местах крохотные микрофончики — от безнадежности пришлось обратить-

ся к этой архаике. Однако ни разу не удалось ничего услышать, ни словечка, словно микрофоны сразу после ухода наместника изымались и уничтожались — хотя наместник ручался чем угодно, что всякий раз проделывал это незаметно.

По чьему-то предложению из пыльных кладовых извлекли еще одно архаическое приспособление: довольно громоздкое по современным меркам устройство лазерной подслушки. Невидимый луч упирался в оконное стекло, которое во время ведущихся в комнате разговоров испускало тончайшие вибрации, превращаемые означенным устройством в членораздельную речь.

Наместник лично взбрался с этой штуковиной на чердак своей резиденции. И не услышал ни словечка, хотя прощупал лучом не менее двадцати находившихся в прямой видимости окон королевского дворца. Хотя в некоторых он ясно различал фигуры беседующих, даже невооруженным глазом, без бинокля. То ли устройство вдруг отказывало, оказавшись в Горроте (хотя все индикаторы вроде бы свидетельствовали, что аппарат в полной исправности), либо был поставлен некий барьер — но его не смогла бы не обнаружить кое-какая другая аппаратура, которой наместник располагал. А она не обнаружила.

С тех пор наместник дважды подавал в отставку, и дважды его с превеликими трудами уговаривали оставаться. Последние года полтора... Нет, никак нельзя сказать, что земные тайные службы и восьмой департамент махнули рукой на Горрот. Просто-напросто все поневоле смирились с ситуацией, не имевшей разумного объяснения — тем более что в неё сохранилась полная обыденность, и не имелось никаких законных возможностей для каких бы то ни было санкций. С каковым обстоятельством был вынужден примириться столь великий знаток законов, как Костяная Жопа. Месяца полтора назад Гаудин заводил со Сварогом крайне дипломатичный разговор, пытаясь склонить его отправить на разведку в Горрот Карака («Что, если на них все эти поганые странности не действуют?»). Сварог решительно отказал без всякой дипломатии — не было никаких гарантий, что

участому сподвижнику, министру и барону удастся вернуться...

Правда, он приблизительно в то же время никак не смог отговорить старуху Грельфи, которой приспичило, изволите ли видеть, самолично произвести разведку на месте. Впрочем, ничего с ней не случилось — подобно своим многочисленным предшественницам и предшественникам совершила речное путешествие на борту корабля, часов десять отстаивавшегося в Акобаре — и вернулась невредимой, вдобавок чуточку сконфуженной. По ее собственным словам, там ничего не发生了.

И только у Сварога имелся сейчас один-единственный козырь — хотя он еще не знал, козырь ли это, а если все же козырь, то выйдет ли от этого какая-нибудь польза...

Он встрепенулся, услышав приятный, бесстрастный женский голос:

— При сохранении прежней скорости субмарины через пять минут окажется в пределах Акобара, о чем напоминаю согласно вашим указаниям.

Сварог выпрямился в кресле. Он был собран и спокоен — настолько, что показался сам себе каким-то механизмом. Вот странность, он не испытывал сейчас никаких человеческих чувств, ни малейших эмоций, а ведь следовало бы...

— Замедлить ход до двух единиц, — распорядился он ровным голосом. — По достижении Эриса повернуть туда,бросив ход до ноль три.

— Принято.

— Боевая тревога, — продолжал он столь же холодно. — Вторая батарея правого борта — шесть ракет в готовности, цель прежняя. Вторая батарея левого борта — шесть ракет в готовности, шесть — для второго залпа, цель прежняя.

— Приказ принят, — откликнулся мелодичный бесстрастный голос.

Только теперь он улыбнулся — криво, скучно. Горротские неведомые затейники от многого сумели себя обезопасить неведомым образом — от чужих разведчиков, от наблюдения, даже, как показал унылый пример, от втор-

 жения соседской армии. И ничего нельзя было с этим поделать до появления «Рагнарока».

Зато теперь... Сидя в командирском кресле идущей малым ходом на глубине двадцати уардов субmaries, он прекрасно знал, где у Горрота ахиллесова пята.

Карты.

Обычные географические карты и планы городов. Горротцы могли закрыться от шпионажа, подглядывания и подслушивания. Могли загадочным образом обрушить на вторгшуюся армию скопище каменных глыб. Вполне возможно, держали в загашнике до лучших времен еще какие-то эффективные и убойные сюрпризы. Они, наконец, столкнулись с токеретами и сумели с их помощью захватить Батшеву.

Одного они сделать не в состоянии: собрать и уничтожить подробнейшие карты Горрота и точные планы своих городов, в том числе и столицы. Таковых за пределами Горрота имеются даже не сотни, а, надобно полагать, тысячи: у разведчиков, у военных, да просто в самых что ни на есть мирных географических атласах и учебниках для университетов. До вступления в игру «Рагнарока» это обстоятельство не способно было нанести Горроту ни малейшего ущерба. Но когда отыскалось Копье Морских Королей...

— Справа по борту Эрис, — прозвучал женский голос. — Выполняю поворот, скорость сброшена до ноль три.

Сварог покосился вправо — крохотная алая точка, ползущая по разветвленной зеленой линии, свидетельствовала, что маневр, о котором докладывает Глаин, выполняется в точности. Медленно-медленно, едва ли не со скоростью пешехода, «Рагнарок» поворачивал в приток Итела. Все. Международные воды покинуты несколько минут назад, за бортом — суверенная территория Горрота. Где горротцы, собственно говоря, имеют полное право разнести, как бог черепаху, любое проникнувшее сюда иностранное судно, хоть паршивый шестипушечный шлюп, хоть «Рагнарок» — в данную минуту закон не делает меж ними никакого различия. И никто их даже на пару грошей не оштрафует, они в своем праве...

Если у них найдется чем разносить. Даже если и так, Сварог исходил не из авантюрных побуждений, а из точного расчета. Вряд ли за неделю, прошедшую с момента захвата Сварогом субмарины, в Горроте успели просчитать в с е возможные его действия и установить какие-то надежные ловушки. Все их прежние каверзы — и разрушившая гланский королевский дворец исполинская капля воды, и летающие глыбы камня, и атака на Батшеву — несомненно, требовали какого-то времени на подготовку. А вот способны ли они заранее у *п р е д и т*ь задуманную Сварогом ответную акцию, вообще предугадать таковую?

Очень сомнительно. Хотя полной гарантии нет. Ну, в любом случае отступать поздно... Попала собака в колесо — пищи, да беги...

Судя по отметкам на крайнем левом экране, судоходное движение над головой едва ли не прекратилось полностью. Специфика места, знаете ли. Если Ител — своеобразная большая дорога, этакая трансконтинентальная магистраль, то Эрис, шириной уардов в сто и глубиной в пятнадцать, больше похож на тихий тупичок. Не зря у горротского простонародья его протекающий через Акобар участок именуется «барской речкой». Отсюда и до конца города по обоим берегам располагаются лишь министерства, дворянские усадьбы (главным образом титулованных персон, магнатов), прекрасные парки и увеселительные заведения, опять-таки предназначенные исключительно для благородного сословия. Соответственно, и Эрис — нечто вроде «благородной улицы», которую не положено паскудить своим присутствием всяким там торгашам и простолюдинам. Спокойную гладь Эриса украшают лишь дворянские яхты, на которых господа изволят совершать увеселительные прогулки — но сегодня будний день, нет никакого праздника на воде, и потому за то время, что «Рагнарок» преодолел полторы лиги, локатор зафиксировал один-единственный кораблик, да и тот не плыл, а причаливал к берегу — судя по карте, там располагалось именно что богатое поместье. И все равно, перископ поднимать не стоит пока что, мало ли кто гла-застый обнаружится на берегу...

— Стоп, — распорядился Сварог. — Лодку удерживать ходами на месте. Карту на экран.

— Принято.

Только теперь нахлынули чувства и эмоции: напряжение, азарт, боевая злость... На втором справа экране вспыхнула карта: на бледно-кофейном фоне черными линиями нанесены контуры зданий, зелеными пятнами — сады и парки.

— Цель левого борта подтверждаю, — сказал он спокойно.

Три алых концентрических кольца, крест-накрест пересеченных прямыми линиями, легли на одно из зданий левого берега, в плане больше всего напоминавшее полумесяц с отрезанными концами.

Это было Морское министерство, пристанище горротских адмиралов. После долгих размышлений, планируя операцию, Сварог пришел к выводу, что именно его можно считать этакой символической целью для ответного удара. Стрелять по королевскому дворцу — пошлость. Пусть горротцы и снесли замок в Клоне, явно рассчитывая раз и на всегда прикончить Сварога, мы, господа, люди благородные и не станем уподобляться всякому быду, нарушающему рыцарские правила ведения войны. Мы, господа, выше этого...

Неизвестно точно, в каком именно государственном учреждении обретаются те, кто разрушил Клоне и обрушил каменные глыбы на его доблестные войска. Зато военно-морской флот себя как раз засветил в противоборстве со Сварогом. Батшеву и заняли господа военные моряки из-под «Кляксы», они же устроили и экспедицию к Хай Грону, пытаясь завладеть «Рагнароком». Конкретный, персонифицированный враг. Которому и предстоит получить ответную плюху...

— Цель правого борта подтверждаю.

Перекрестье прицела легло на правый берег, на здание причудливой формы — скопище не соединенных между собой квадратов, прямоугольников, кругов и полукружий, трапеций. Располагалось оно посреди обширного парка, судя по карте, усеянного множеством небольших павильонов и беседок.

Эта цель не имела ни малейшего отношения к военным объектам. Всего-навсего одно из тех самых роскошных — увеселительных заведений для высшей знати: ресторации и бордели, театрики и цирковые манежи, арены для петушиных боев и травли медведей собаками, игорные заведения и тому подобные местечки для развлечения пресыщенной, набитой золотом публики. В уничтожении этого шикарного вертепа Сварогу виделась некая циничная ирония, которую в Горроте, хочется верить, оценят по достоинству: одновременно взлетают на воздух серьезнейшая контора, Морское министерство, и один из дюжины роскошных бардаков. Ну, разве в этом нет циничной иронии? Да навалом!

Те, на правом берегу, в общем, насквозь непричастны... а разве во дворце в Клоне погибли солдаты или разведчики? Да нет, самый мирный народ, дворцовая прислуга: лакеи, горничные, пекари и полотеры, ламповщики и поварята. Они тоже были ни к чему не причастны... Главное, в этом бардаке не окажется детей — их в это заведение водить не принято. Да и особого наплыва посетителей нет, до вечера еще далеко. Ну, что же... Иные вещи, приводящие обычного человека в ужас, короли проделывают, не моргнув глазом. Должность такая, господа...

— Левым бортом — залп и тут же — повтор, — отчеканил Сварог, не чувствуя ни малейшего душевного неудобства. — Правым бортом — залп. Пуск!

— Принято. Пуск.

Лодка едва заметно содрогнулась, самую чуточку, если бы не ожидал этого легчайшего сотрясения, мог бы и не заметить... Несколькими мгновениями позже красные круги исчезли, на их месте зажглись красные точки — двенадцать слева и шесть справа. Как и следовало ожидать, ракеты все до единой легли в цель. Наверху сейчас жуткий грохот, но под водой его не слышно...

— Подвсплыть под «зеркало»! Поднять перископ!

Замелькали красные циферки, число, каковое они обозначали, становилось все меньше, справа вспыхнула короткая, широкая зеленая стрелочка — лодка шла вверх, пока не остановилась так, что перила рубки от поверх-

ности воды отделяло не более пары локтей. Вспыхнул огромный, вогнутый дугой экран перископа. Не беспокоя Глаин, Сварог сам легонько крутанул влево никелированное рубчатое колесико.

Покривил губы, по-прежнему ни о чем не сожалея и уж тем более не терзаясь угрызениями совести, отнюдь не приличествовавшими королевскому ремеслу. Подумал, что давно уже стал на с т о я щ и м королем — вот только что-то безвозвратно пропало в душе, и это, конечно же, навсегда...

Слева, за острой крышей какого-то роскошного длинного особняка, над откосами темно-коричневой черепицы, над золочеными флюгерами и вычурными чугунными карнизами все выше и выше поднимался к небу исполинский столб тяжелого черного дыма, его клубы грунтовато, можно бы даже сказать, солидно сворачивались, сливались в лениво вздымавшиеся струи, и в этом зрелище имелась своя жуткая прелест — ну, понятно, для того, кто сидел в командирском кресле выпустившей ракеты субмарины...

По набережной, то и дело выскакивая на тротуар, промчался простоволосый, совершенно ошалевший всадник на совершенно ошалевшем коне, судя по богатому платью, не из простых свиней свинья. Несся он как раз в противоположную сторону, подальше от тянувшегося к облакам дыма.

Хмыкнув, Сварог развернул перископ влево. Как и следовало из плана города, бывшее увеселительное заведение оказалось в прямой видимости: меж двумя далеко отстоящими друг от друга зданиями Сварог прекрасно видел медленно распространявшееся во все стороны буйство багрово-золотистого пламени — горели деревья в обширном парке, свечками вспыхивали павильоны и балаганы, а посреди ширившегося огненного круга тянулись в небо полдюжины дымных струй — для э т о й цели не требовалось точности, ракеты, выпущенные «по площадям», обрушились вразброс...

Ну, хватит, налюбовался. Вспоминая классику, в нашем деле главное — вовремя смыться. Мало ли что может бытьпущено в ход против нахального визитера...

В узком потоке Эриса «Рагнарок» ни за что не смог бы развернуться нормальным образом, места не хватало — но Сварог, прекрасно знавший об этом заранее, не медля ни секунды, распорядился:

— Задним ходом — в Ител! Ход — три единицы!

Перископ он не убирал еще секунд пять. Казалось, лодка осталась на месте, а красиво облицованные набережные, роскошные здания и два исполинских пожарища уносятся назад с приличной скоростью.

— Убрать перископ!

— Принято. Лодка сейчас достигнет Итела... — и приятный женский голос замолчал в ожидании необходимых команд.

— Уходим вверх по течению в сторону Глана, — распорядился Сварог. — Полный маршевый ход. Глубина — двадцать.

— Принято.

Заплясавшие красные циферки теперь изображали растущее число — «Рагнарок» быстро выходил на полный маршевый, превышавший полсотни морли* в час. Ничего опасного не было в том, чтобы нестись на такой скорости: подводное движение по Ителу не существует, разумеется, если не считать старых знакомых, крохотных поганцев, но шансы на встречу невелики, а пределы Горрота следовало покинуть как можно быстрее. На месте Стакора он сам не на шутку обиделся и рассердился бы и непременно пустил в ход хоть что-то, способное догнать и качественно достать нахала... если только оно у Стакора есть...

Резко заверещал звонок. Один из экранов слева зажегся, на нем горело три алых точки, выстроившихся почти правильным треугольником. И тут же заговорил Глаин:

— Три подводных объекта встречным курсом. Скорость — до двадцати морли. Расстояние — семьдесят два морли... семьдесят одна...

— Отставить звуковой отсчет, — распорядился Сварог. — Ограничиться цифровым.

* Морли — морская лига, примерно 1500 м. Прим. автора.

Он уставился на зеленые цифры в левом верхнем углу экрана. Число уменьшалось неспешно, но неуклонно, размеренно, словно работал часовой механизм: шестьдесят восемь... шестьдесят семь... шестьдесят шесть...

Он ничуть не сомневался, с кем встретился — больше тут оказаться просто некому... Но все же спросил:

— Размеры?

— От десяти до двенадцати уардов. Масса...

— Отставить!

— Принято. «Рагнарок» в зоне действия локаторов объектов, частотные характеристики излучения...

— Отставить! — рявкнул Сварог, мысленно выругав чесчур уж обстоятельную и педантичную дуру. — Боевой части три — боевую готовность.

— Принято.

Они сближались — «Рагнарок» и три подлодки токеретов. Правда, «крохи» наполовинубросили ход, треугольник на несколько секунд увеличился в размерах чуть ли не вдвое, потом вернулся к прежним размерам. Впечатление такое, что они растеряны, ошарашены, не сразу и сообразили, какие маневры выполнять...

Что же, застава? Но имело ли смысл эту заставу держать? По дороге в Акобар Сварог никаких токеретов не встретил. Просто плыли по своим делам? Сбавили ход, но по-прежнему идут встречным курсом...

Сварог лихорадочно искал решение. Торпеды токеретов в силу маленького размера ядерный заряд нести никак не могут, а обычная их взрывчатка для внешнего корпуса «Рагнарока» никакой опасности не представляет по причине малого количества. Для деревянных здешних кораблей они, как Сварог видел собственными глазами, смертельно опасны, но супротив «Рагнарока» — шалишь... Все равно что палить из пистолета по танку.

Что же делать-то, ч-черт? Боевая часть три — это как раз и есть торпедные аппараты, в том числе противолодочные. Достаточно отдать приказ — и эту троицу разметят в клочки...

Следствием чего непременно будет нешуточное загрязнение Итела радиацией — ведь в клочки разлетятся

и ядерные реакторы подлодок. Заканчивайся Ител в Горроте, оно бы и наплевать с высокой колокольни — но несущая смерть радиоактивная вода в конце концов непременно достигнет Балонга, отравит залив Даглати, а там и пойдет в океан...

— Курс прежний, скорость прежняя, — почти крикнул он. — В самый последний момент — маневр расхождения, вверх или вниз, судя по их курсу... Все понятно?

— Принято, — откликнулся Глаин.

Зажав в зубах незажженную сигарету, Сварог не отрывал глаз от экрана. Тридцать восемь морли, тридцать семь... тридцать шесть... они не стреляют, но это еще ничего не значит, быть может, хотят пустить торпеды с короткой дистанции...

Треугольник красных точек вдруг превратился в прямую линию — и тут же линия эта буквально провалилась вниз, на миг исчезнув с экрана, и тут же появившись вновь.

— Объекты идут на экстренное погружение, — доложил Глаин. — Сбрасывают скорость до нуля... ложатся на грунт...

Сварог весело оскалился. Ну да, никакая это не застава, они, безусловно, и знать не знают о произошедшем в Акобаре, они плыли по своим делам. Оценили размеры «Рагнарока», прикинули его возможности, сравнили со своими — и, не пытаясь глупо геройствовать, юркнули в кусты, переждать, полагая, должно быть, что за правильное поведение не получат по морде... И ведь не получат, лилипуты хреновы, их счастье...

«Рагнарек» пронесся высоко над улегшимися на грунт лодками, словно... Да черт с ними, с высокопарными аналогиями, просто пронесся. Лишь когда он отдалился морли на полсотни, Глаин доложил, что лодки начали потихонечку подниматься над дном. Вполне вероятно, в Токеранге уже знали, что «Рагнарек» отыскался, и знали, кто его нашел. Там, возле Хай Грома, Сварог не стал добивать третий горротский фрегат, качественно подшибленный капитаном Зо — и эти поганцы наверняка дотащились уже домой. Даже если они не посвящены в тайны экспе-

диции Тагарона, всего-навсего получили приказ эскортировать и охранять, не могли не видеть, как Сварог разнес ракетами в щепки остальные два фрегата. В Горроте наверняка имеется человек, который из рассказа моряков моментально сделает единственно верный вывод или уже сделал... Есть такой человек, а то и не один, не может его не быть, Тагарон не бескорыстным научным поиском озабочился, а шел к ясной, конкретной цели, горротцы точно знали, за чем идут...

Как бы там ни было, у них определенно не нашлось средств хоть что-то сотворить с «Рагнаром» — быть может, средства и имелись, но, чтобы пустить их в ход, требовалось больше времени, чем хватило Сварогу, чтобы покинуть пределы Горрота. Так и не обнаружив за собой никакой погони, он пересек ничем не отмеченную водную границу двух держав — о чем узнал только из сообщения Глаина и движения красного огонька по зеленой линии.

Предосторожности ради он прошел два десятка морли по родной гланской земле (то есть воде), не всплывая на поверхность. Судоходство здесь было оживленным, не следовало смущать умы речников, демонстрируя им «Рагнарек». Как справедливо выразился один умный еврей (кстати, коллега по ремеслу, то бишь король), во многом знании — многие печали...

Морли через полторы он приказал сбросить ход до самого малого, вскоре «Рагнарек» тихонечко свернул налево, в один из притоков и через несколько минут всплыл посреди окруженного поросшими лесом горами озера — продолговатого, глубокого, самой природой идеально созданного для потайной гавани. Здесь «Рагнарек» спокойно мог развернуться, а положи его на грунт — ни один человеческий глаз не усмотрит лодку в темной воде.

Он видел на экране, как кучка людей с конями в поводу, стоявших уардах в ста от берега, возле бомбардировщика с хелльстадским флагом на хвостовом оперении, торопливо полезла в седла. Распорядился спокойно:

— Причаливаем. Выпустить трап. Когда я покину лодку, уйдешь на главную базу. Там отстаиваться до моего появления.

— Принято, — откликнулся приятный женский голос. Какое-то время Сварог еще посидел, откинувшись на спинку кресла, медленно выпуская дым и лениво поругивая себя за то, что ввязался, называя вещи своими именами, в весьма рискованную авантюру. Он еще до отплытия знал, что это рискованная авантюра (мало ли какие сюрпризы могли сыскаться у горротцев), так что самобичевание получилось каким-то вялым и несерьезным. Главное, что риск не был глупым, а все остальное перемелется. Главное, что Стакор получил чувствительную оплеуху, и это лишь прелюдия, если события будут разворачиваться так, как Сварог предположил, то сегодняшняя рисковая вылазка окупится десятикратно...

Уже привычно, ловко пройдя по трапу, он ступил на каменистую землю. Глэрд Баглю и четверо его спутников из Медвежьей Сотни стояли верхами уардах в двадцати от берега. Не то чтобы благородные и лихие гланские вояки боялись «Рагнарока»... Просто не успели еще с винутью с этакой вот штуковиной, за что не стоит их упрекать.

За спиной Сварога тихонько стукнул втянутый трап, захлопнулся люк, шумно забурлила вода — винты заработали. Он не оглянулся. На компьютер, обладавший приятным женским голосом, можно было полагаться на все сто. Все приказы будут выполнены скрупулезнейше. Главная база располагается в Хелльстаде — так оно надежнее будет. Никто еще не высказал ему этого вслух, но кое-кто наверху страстно желал заполучить субмарину в свое полное распоряжение, так что предосторожность не лишняя...

Баглю прямо-таки в седле ерзал от жгучего любопытства, но, превозмогши неуместные в его солидном положении порывы, спросил степенно и чуть ли не равнодушно:

— Все в порядке, государь?

— Для кого как, — ухмыльнулся Сварог. — У нас с вами все в порядке, а вот в Акобаре сейчас переполох не на шутку. Вы только представьте себе, их Морское министерство отчего-то взлетело на воздух, и то, что от него осталось, сейчас наверняка уже догорело...

— Ох ты ж, незадача какая... — сокрущенно сказал Баглю, переглянувшись со своими ухмылявшимися молодцами. — Чего только на свете не бывает... Какие будут приказания, государь?

— Возвращайтесь в Клайн, — сказал Сварог. — Объявите боевую готовность пограничной страже и приграничным войскам, да и вообще поглядывайте в оба — мало ли что нам могут в отместку устроить, эти господа из Акобара, как мы уже убедились, способны на самые невероятные фокусы... А я лечу в Латерану: делу время, потехе — час...

Он кивнул и, пройдя мимо отсалютовавших ему гвардейцев с крайне довольными усатыми рожами, направился к самолету. Взбежал по лесенке, нажал кнопку, и лесенка тут же втянулась, дверь захлопнулась.

Пульть, за который он уселся, был посложнее имевшихся на снольдерских самолетах. Весьма даже сложнее. Поскольку, говоря по секрету, это был вовсе и не самолет, а вимана, выполненная в виде самолета и способная развивать сверхзвуковую скорость...

Это была не шалость, а жизненная необходимость. Очень уж широко раскинулись его нынешние владения. Даже пользуясь обычными самолетами, он терял кучу времени в разъездах — а вимана как раз массу времени экономила. Ну, а поскольку это была вимана благородного лара (обремененного к тому же серьезными воинскими и придворными званиями, а также должностями), ей, понятное дело, разрешалось бороздить небеса на тех высотах, что земным самолетам запрещены. И при необходимости отправляться прямиком в любой летающий замок, включая Келл Инир. Благородный лар вправе придавать своей вимане любой вид, никто ж не виноват, что у остальных не хватает фантазии, и они пользуются готовыми образцами. А местные... То бишь обитатели земли... Ничего они не заподозрят. Поскольку подавляющее их большинство о самолетах только слышало, в глаза не видя, откуда им сообразить, что пробег при взлете и посадке у этого самолета не правильного короток, а скорость не правильна велика? Вот разве что в

снольдерской столице и паре-тройке других городов, где имелись и аэродромы, и авиаторы, и самолетостроители, приходилось, чтобы не возбуждать излишне умы, притворяться самым обычным самолетом — и пробег в этом случае «правильный», и скорость подозрений не вызывает, и винты прилежно вертятся, и моторы шумят...

Сварог посмотрел вправо. Всадники, коротким галопом удалившиеся уже лиги на две, не оборачивались. А потому ради экономии времени он не стал применять маскировочные приемчики — взмыл с места вертикально, со скоростью, от которой обычный здешний самолет моментально развалился бы. Ну, а грохот, возникающий при преодолении звукового барьера, непременно примут за отзвук далекой грозы, и не более того...

Настроение было превосходным.

Горротская дипломатия дала о себе знать даже раньше, чем он прикидывал — уже через сутки из снольдерской столицы в Латерану сообщили, что посол Горрота в Снольдере, выполняя волю своего монарха, просит короля Сварога о немедленной аудиенции. И просит, если только это возможно, предоставить ему самолет, чтобы как можно быстрее до Латераны добраться.

Ожидавший именно такого развития событий Сварог не тянул время — не тот случай, когда из соображений государственного престижа посла маринуют в королевской приемной когда часы, а когда и недели. А потому он велел немедленно исполнить просьбу высокоуважаемого господина посла.

(Истины ради нужно уточнить, что сформулировано это было несколько иначе. Сварог, ухмыляясь, произнес: «Ладно, быстренько посадите эту старую обезьяну в самолет, и пусть чешет. Только предупредите пилотов, что ли, чтобы бадейку припасли, а то он еще по неопытности всю кабину заблюет...». Статс-секретарь заверил его, что королевская воля будет исполнена в точности, хихикнув не из подобострастия, а совершенно искренне — Сварог знал, что молодой маркиз горротцев терпеть не может с тех пор, как на войне с Горротом погиб его старший брат).

Тонкая ирония судьбы заключалась в том, что при других обстоятельствах данный господин посол ничуть не стремился бы в Латерану. Как и его многочисленные коллеги из других стран...

Вот уже недели две многочисленная дипломатическая братия, никаких сомнений, в узком кругу доверенных лиц, где среди своих можно не стесняться, поминала короля Сварога последними словами, какие ни один дипломат, будучи в здравом уме, при официальных обстоятельствах вслух не произнесет. «Но обижаться на них за это не следовало, — думал Сварог, ухмыляясь. — Трудно им сейчас. Нелегко. Можно понять и быть снисходительным...»

Две недели назад он с соблюдением должного дипломатического протокола уведомил все сохранившие пока что суверенность державы, что именно Латерану намерен отныне избрать своей Резиденцией. То есть единственным местом, где намерен принимать послов, откуда только и будут исходить королевские указы. Ничего нового он не придумал и никаких правил не нарушал — испокон веков любой земной король имел право при желании оставить свою столицу столицей, но Резиденцию перенести куда ему вздумается. Вот именно, куда ему вздумается — лишь бы в подвластных монарху пределах. Еще не забыли, как король Гитре, самодур и сатрап, для пущего удобства перенес резиденцию в крохотную деревушку и обосновался там на мельнице, с прекрасной хозяйкой какой состоял в самых что ни на есть тесных отношениях. Два года иностранные послы, стоически подавляя эмоции, ютились в походных шатрах на берегу речушки, камергеры двора обитали в курятниках, а первый министр за неимением других помещений обосновался на чердаке у старости, и ему еще многие завидовали: просторный был чердак: светлый, чистый. И никто не мог ничего поделать, даже Костяная Жопа — поскольку все было по закону. Имел король такое право, и точка, правда, через два года мельничих королю наскучила, и он вернулся в Андалу, но это уже другая история...

В отличие от незабвенного Гитре, прославившего себя не государственными свершениями, а множеством при-

чудливых чудачеств, Сварог не собирался ни развлекаться, ни шутить. Соображения были насквозь практические: общаться с иностранными послами приходится довольно часто — но не королю же ш а с т ь ради таких встреч по своим многочисленным столицам, словно молочнику по клиентам? Кроме шуток, такое подрывало бы королевский престиж.

Опять-таки, случалось в прошлом, что король королей, то бишь монарх, располагавший двумя коронами (рекорд поставил триста лет назад король Самтеро, обладавший тремя, но это единственный случай, и побил рекорд только Сварог) именно из помянутых практических соображений собирал послов и министров, если можно так выразиться, в одно лукошко. Так что дипломаты могут втихомолку возмущаться сколько им угодно, но п а р а ф ы на стороне Сварога, а значит, извольте, господа мои хорошие, как писал классик, лопать, что дают...

Ну да, нелегко им, конечно. Во-первых, когда-то еще посольства восстановят надежный контакт со своими шпионами, каковых любой дипломат в стране пребывания имеет немало. Во-вторых, безнадежно рвутся наложенные за долгие годы связи в высшем обществе и влиятельных кругах, не имеющие ничего общего со шпионажем. Ну и, наконец, расходы на достойное обустройство на новом месте немалые. Ничего, похнычат, поматерятся, а там и привыкнут. При случае можно деликатно напомнить, как их предшественники тридцать с лишним лет назад по воле Гитре ютились в армейских шатрах, а к высочайшей аудиенции отправлялись на ту самую мельницу...

Ситуация, конечно, исполнена своеобразного юмора, который несомненно повеселит не одного Сварога, а еще многих — разумеется, за исключением господ дипломатов. Есть от чего посмеяться: в Латеране будут отныне обитать пять горротских послов, пять шаганских, пять лоранских, пять отцов-посланников Святой Земли, а также пять послов по делам Вольных Маноров и пять посланников к Ганзе. Будет весело и многолюдно. Пусть еще скажут спасибо, что Сварог пока что не требует скрупулезно

выполнять параграфы и назначить послов в Хелльстад, а также в Три Королевства — потому что это уже были бы не практические соображения, а дурацкая шутка во вкусе Гитре...

А впрочем... Особой веселости Сварог как-то не чувствовал. Потому что д р у г и е обстоятельства дела могли только удручать.

Согласно тем же строжайшим, незыблемым и скрупулезно изложенным параграфам, не допускавшим юридических лазеек и двойного толкования, король королей не имел права собрать свои державы в о д н о. Даже если бы завладел всеми без исключения государствами Харума. Они обязаны были оставаться п о р о з н ь — с прежними названиями, границами, флагами и гербами, орденами и армиями и многим, многим другим. В каждом из них Сварог (как и его предшественники, короли королей) пользовался всеми правами владыки и самодержца — но они оставались п о р о з н ь. Этакое ненавязчивое воспоминание о том, что ничто не вечно, в том числе и короли королей...

Наткнувшись в свое время на это препятствие, Сварог очень быстро убедился, что уперся лбом в непрошибаемую стену — чересчур уж подробно и недвусмысленно все расписано, и порядок этот установлен в незапамятные времена, чуть ли не сразу после Шторма. Очень похоже, тут была не чья-то прихоть, а продуманное решение какого-то весьма неглупого государственного мужа Империи, всерьез (и справедливо, рассуждая с позиций высокой стратегии) озабоченного тем, чтобы земные державы, не дай бог, не усилились ч р е з м е р н о. Очень многое в государственных делах крайне упростилось бы для Сварога, стань его королевства единственным целым — но как раз этого ему и не полагалось. Даже помаленьку заселявшиеся Три Королевства повинны быть скрупулезнейшим образом восстановленными в прежних границах, что Костяная Жопа особо подчеркивал во время их последней беседы. Вот з д е с ь, Сварог прекрасно понимал, его заранее обыграли... нет, не так. Заранее и давным-давно приняли меры, чтобы какой-нибудь шустрый деятель, появись он

рано или поздно (что в лице Сварога и имело место быть) не усилил земные державы сверх некоего установленного предела...

О чем он с бессильной злостью и размышлял в ожидании горротского посла. Утешало лишь то, что касаемо личности горротского посланца он ничуть не ошибся, заранее просчитал, кого именно Стахор к нему отправит.

По давным-давно сложившейся неписаной, но свято соблюдавшейся традиции посол той или иной державы в Снольдере считается как бы старейшиной среди своих коллег-земляков. Поскольку именно Снольдер, как ни крути — самая большая, богатая и сильная держава континента. Соответственно, легко догадаться, что почетное место занимает не просто особо знатный или удостоенный особых королевских милостей субъект, а прожженнейший карьерный дипломат, не одну собаку съевший на этом поприще. Даже не особенно и блещущие умом либо обожавшие почудачить монархи, как правило, оставались жесткими прагматиками в том, что касалось дипломатии — жизнь заставляла. Послом в Вольные Маноры и Сегур, в Харлан и Глан еще можно попасть непрофессионалу — в виде королевской милости. Но что касается более крупных и серьезных держав — шалишь, тут уж требуются знатоки этого нелегкого ремесла...

Сварог вдумчиво изучил принесенное Интагаром досье и утвердился в прежних догадках — горротцы отправили к нему матерого волчару. Сорок три года на дипломатической службе, начинал еще при дедушке Стахора с неизвестного поста, какой только в посольстве существует — с канцелярского секретаря. До посла поднялся за девять лет, не имея особенной протекции и связей, исключительно за счет головы на плечах. За время службы, кроме многочисленных орденов, удостоен титула герцога и звания камергера двора. Имелась подробнейшая справка с перечислением его многочисленных побед в заседаниях Виглафского Ковенанта, дипломатических конгрессах, переговорах о мире, переговорах о торговых и шпионских делах, деликатных миссиях. Одним словом, этому палец в рот не клади — чего доброго, и голову откусит...

Когда секретарь Королевского Кабинета (дурак уникальный, но Сварогу на этой должности мало-мальски умный человек был и без надобности) с соблюдением должного церемониала доложил о прибытии господина посла, Сварог все же задержал его в приемной минут на десять. Во-первых, этикет именно этого и требовал (в конце концов, кто посол и кто король?), во-вторых, Сварог предварительно впустил через малозаметную дверь в глубине кабинета неприметного человечка средних лет, одетого отнюдь не по-придворному — снольдерского шпика из службы графа Рагана, сопровождавшего посла на самолете под видом лакея.

— Ну, и как там старый хрен? — спросил Сварог с искренним любопытством. — Не блевал?

— Ни попытки, — верноподданнически склонившись, доложил шпик. — Весь полет просидел с каменным лицом, только трубочку потягивал, даже в окно он смотрел с таким видом, словно сто раз летал. Осмелюсь доложить, ваше величество, крепкий старикан... Зараза та еще, прошу прощения за просторечие, болтало нас пару раз, а он сидит себе, как статуя и даже келимас ухитряется не расплескать.. Я дюжину раз летал, и то мутли, а этому хоть бы хны. Зараза, — повторил он не без уважения.

Сварог уже вошел в образ (точнее, в один из образов монарха — суровый король принимает посла не самого дружественного государства), а потому не мог себе позволить откровенной ухмылки. Проделавши это лишь мысленно, он отработанным взглядом отправил низко кланявшегося шпика обратно в неприметную дверь, легонько хлопнув ладонью по золоченому шпеньку звонка, придал себе горделивую осанку и непроницаемый, насколько удалось, вид.

Аудиенция, как и просил посол, характер носила неофициальный, так что обошлось без обычных церемониально-протокольных помпезностей, сопровождавших официальные приемы: ни парочки раззолоченных фанфаристов, ни усыпанной самоцветами свиты, в общем, все по-спартански, без излишеств...

Правда, для посла все равно распахнули обе створки двери — что полагалось даже при неофициальном визите. Секретарь, стоя навытяжку, громко провозгласил приличествующие церемониальные глупости — мол, такой-то и такой-то, посол такого-то монарха прибыл к такому-то королю королей. Все это и без него прекрасно известно, но так уж испокон веков полагалось.

Не столь уж и большое расстояние, три четверти пути от двери до королевского стола, посол проделал крайне неторопливо — дело тут было не в старческой немощи, а в достоинстве посла, как-никак представлявшего сейчас персону своего короля. Да уж, до старческой немощи безусловно далековато: высокий жилистый старикан, хотя и доживший без малого до семидесяти, широкоплечий, с длинным бесстрастным лицом индейского вождя, дряхленьким никак не выглядел, хотя сед, как лунь. По данным тайной полиции, до сих пор регулярно пользуется услугами веселых девиц, каковые доставляются с родины и в посольство обретаются под видом служанок — конечно же, достаточно хитер, чтобы не связываться с местными, прекрасно понимает, что они, к бабке не ходи, стопроцентно окажутся подставой контрразведки...

Посол остановился с бесстрастным видом. И он, и Сварог хорошо знали, что наступил самый щекотливый момент дипломатического протокола. Любой король или иная владетельная особа рангом ниже имеет полное право во все времена аудиенции продержать посла на ногах, а послу не положено этим возмущаться и просить хотя бы табуретку. Правда, случается такое редко, всегда предшествует либо разрыву дипломатических отношений, либо войне. Сварог не намеревался подставляться и выглядеть агрессивной стороной, наоборот, он твердо решил быть белым и пушистым образцом воспитанности и миролюбия — чтобы агрессия и неприязнь всегда исходили от горротцев.

А посему, он сделал жест, и раззолоченный камер-лакей торжественно внес предназначеннное для посла седалище. Не особенно и порадовавшее посла. Мебель для придворных церемоний делилась на девять разрядов: три

вида табуреток, три вида стульев, три вида кресел. Собственные придворные накрепко знали, кто на что имеет право и при каких обстоятельствах — а вот с иностранными послами допустим любой из девяти вариантов...

Так вот, послу принесли низкий разряд стула — жесткий стул со спинкой, но без подлокотников. Что на дипломатическом языке означало крайне холодный прием...

Однако дипломатический волчара, как и следовало ожидать, и бровью не повел, опустился на стул так, словно ему предложили кресло высшего разряда — с мягкими сиденьем, спинкой и подлокотниками, вычурными гнутыми ножками, обивкой в золотых узорах.

«Своловной дедушка», — мысленно заключил Сварог. И, поскольку посол не имел права первым завязать разговор, спросил вежливо:

— Как здоровье моего венценосного брата Стакора Четвертого?

— Его величество чувствует себя прекрасно, — церемонно ответил посол.

— Рад слышать, — сказал Сварог.

И произвел давно уже отработанное «милостивое наклонение головы» — вступительные церемонии закончились, пора было переходить к делу.

— В Акобаре случалась нешуточная беда, ваше величество, — произнес посол, честное слово, не без театральной скорби. — Неожиданные взрывы едва ли не до основания разрушили Морское министерство, а также большую часть увеселительного парка Ганимат. Разрушения обширны, и жертвы велики...

Он сделал паузу, определенно ожидая вопросов вроде: «Ну, и какого черта вы ко мне приперлись с э т и м, почтенный?» Однако Сварог молчал, глядя с величайшей готовность слушать далее — и, как он надеялся, с детским простодушием. Понявши в конце концов, что вопросов не дождаться, своловной дедушка продолжал с той же наигранной скорбью:

— Как ни печально и неприятно мне это произносить, но именно вас, ваше величество, мы считаем виновником происшедшего. Удары были нанесены пущенными из-

под воды ракетами невероятной мощи, каких не имеется на вооружении ни в одной державе Харума. У нас есть немало свидетелей, видевших, как по реке Эрис буквально у самой поверхности воды двигалась подводная лодка исполинских размеров...

Сварог вежливо, но непреклонно поднял ладонь, вынув посла умолкнуть. Усмехнулся:

— О да, конечно... Я не сомневаюсь, что у вас в Горроте сыщется немало людей, привычных к созерцанию подводных лодок. В отличие от прочих держав, где столь экзотических средств передвижения отроду не видывали...

— Я вас не понимаю, ваше величество, — не моргнув глазом, сказал посол.

— То есть как? — картишно изумился Сварог. — Вы хотите сказать, что ничегошеньки не знаете про обретающиеся в Горроте подводные лодки?

— Совершенно не понимаю, о чём вы, ваше величество, — твердо произнес посол.

Сварог мысленно расхохотался, да что там — жизнерадостно заржал, простите за вульгарность. Как и следовало ожидать, посол не мог не угодить в нехитрую ловушку: теперь Сварог совершенно точно знал, что раззолоченный прохвост брешет, как сивый мерин, что о подлодках токеретов он знает. На лбу посла, если зорко присмотреться, появились мельчайшие бисеринки пота: человек его возраста, профессии и жизненного опыта наверняка знал, что любой лар моментально определит, когда ему говорят правду, а когда врут беззастенчивым образом. Прекрасно понимает, что угодил в капкан — но ничего поделать не может, вынужден разыгрывать свою партию до конца...

— И при чём же здесь я? — с младенческой наивностью спросил Сварог. — Ни в одном из моих военных флотов нет ни единой подводной лодки. Сами посудите: ну откуда им взяться?

— Насчет флота я не сомневаюсь, ваше величество, — сказал посол. — Однако в вашем личном распоряжении находится подводная лодка... боевой подводный корабль былых времен, добытый вами на Хай Гроне...

— У вас и э т о м у есть свидетели? — поднял брови Сварог.

Интересно, как на сей раз старичок вывернется? Никаких посторонних очевидцев быть не может. Моряки с третьего горротского фрегата, кое-как дотащившиеся до родных берегов, даже если и видели, как остальные два потопили вылетевшие из-под воды ракеты, свидетелями считаться не могут, поскольку никаким чудом не могли узреть остававшуюся на глубине подлодку...

— Свидетелей нет. Но мы совершенно точно знаем, что вы, как бы это выразиться, вступили во владение лодкой...

— Да, действительно, — сказал Сварог. — Вступил, не стану отрицать. Вступил во владение деревянной подводной лодкой, снабженной запрещенным имперскими законами движителем, сиречь толкающим винтом. И была эта лодка на корабле под названием «Радуга», плававшим под горротским флагом. Корабль захвачен моими людьми, при этом погибли лишь те, кто сопротивлялся с оружием в руках, зато в наших руках оказались все без исключения инженеры и рабочие, обслуживавшие подводную лодку, а также некий ученый муж, именующийся мэтр Тагарон...

— И вы так спокойно об этом говорите? Употребляя слова «захвачен моими людьми»? Насколько я знаю, в нашем военно-морском флоте попросту нет судна под названием «Радуга», это не военный корабль, а гражданское судно. Имевшее право, как любое другое, невозбранно плавать в водах Хай Грома, никоим образом не входящего в состав ваших владений. Вы откровенно признаетесь, что совершили...

— Пиратские действия? — понятливо подхватил Сварог. — Полноте, какое же это пиратство? Означенное судно везло категорически запрещенное имперскими законами устройство, эту самую подводную лодку, в таких условиях любой лояльный подданный империи вправе, если у него есть такая возможность, захватить нарушителей закона и сдать их властям. На этот счет существуют недвусмысленные правила... я не помню точно названия

документа и номера параграфов, но при желании их не-
трудно отыскать.

Теперь уже он сделал паузу, но посол промолчал. Сварог продолжал:

— Таким образом, в руках компетентных инстанций оказалось изрядное количество ваших подданных, дающих интересные показания...

Посол отчеканил:

— Судно «Радуга» не приписано к нашему военному флоту и не принадлежит к какой-либо государственной службе. Оно находилось в частной собственности помянутого мэтра Тагарона, опять-таки не состоящего на коронной службе в каком бы то ни было качестве. Мэтр Тагарон — сугубо частное лицо. Официальные инстанции не могут нести за него ответственность. Мы предоставили убежище Тагарону, как предоставляем его другим беженцам от тирании... и, естественно, не интересовались, чем он занимается, поскольку он, как я уже говорил, вел жизнь сугубо частного лица. У вас есть какие-либо доказательства, опровергающие мои слова?

— Никаких, — честно признался Сварог. — Как и у вас нет никаких доказательств касаемо моей вины в случившихся у вас несчастьях...

— И, тем не менее в нашем с вами положении есть существенная разница, — сказал посол — Что ж, вы и в самом деле себя вели, как лояльные подданные империи... но у вас нет никаких оснований подавать официальную жалобу на Горрот в Канцелярию земных дел. А вот у нас есть все основания принести таковую и потребовать расследования. Расследование таковое, как вы, должно быть, понимаете, очень быстро выявит истину и, боюсь, приведет к неприятным для вас последствиям...

Самое смешное, что Сварог ничуточки на него не злился, даже раздражения не чувствовал. Скорее уж по королевской своей должности испытывал едва ли не восхищение оборотистостью и здоровым житейским цинизмом горротцев. Положительно, хваткие ребята: устроив кучу поганых сюрпризов и не оставив при этом улик, собра-

лись официально жаловаться на Сварога за столь же предосудительные развлечения...

— Неприятная может получиться история, — сказал посол.

— Для исключительно земного короля — согласен, — сказал Сварог. — Но вы ведь, должно быть, знаете, что у меня есть, как бы точнее выразиться, еще одна ипостась... Прелюбопытнейший казус, на котором нет ни малейшего прегрешения перед законами. Я не только земной король, но, в то же самое время...

— Наслышен, ваше небесное великолепие.

— Вот видите, — сказал Сварог. — Причем ситуация пикантнейшая — нет никаких законов, установлений, регламентов, которые обязывали бы меня определенный срок... или при определенных обстоятельствах неизменно пребывать в каком-то одном качестве. Все исключительно на мое усмотрение. Я сам определяю, кем мне в данную минуту быть, — простодушно улыбнувшись, он спросил: — Удобно я устроился, вы хотели бы сказать?

— В дипломатической практике избегают вульгарностей и просторечия, — отрезал посол.

Не было никаких сомнений, что про себя-то он думает именно так — а то и более нецензурными формулировками.

— Что поделать, так уж сложилось... — пожал плечами Сварог. — Вам нужно учитывать эти сложности...

— Я их учитываю, — сказал посол. — И тем не менее... Ваше величество, то есть ваше небесное великолепие... вы ведь хотите сказать, что именно в это время сейчас изволите пребывать?

— Предположим, — сказал Сварог.

— По роду деятельности мне не однажды приходилось бывать в Канцелярии земных дел. Я немного разбираюсь не только в земном, но и в имперском законодательстве, в той его части, что касается поведения благородных ларов на земле. Есть некие пределы, коих недозволительно преступать даже наделенному нешуточными вольностями благородному лару. Вы, очень

может быть, считаете иначе? Что ж, ваше право. Остается передать решение на усмотрение соответствующих имперских учреждений...

С о б е н н о г о вреда этот тип, примись он кляузничать на Сварога не только в Канцелярию земных дел, но и в другие имперские инстанции, не причинил бы. Однако определенный резон в его деликатно высказанных угрозах был. В любом случае, история с рейдом на Акобар непременно повлечет за собой бюрократические разбирательства — долгие, запутанные, способные отнять у Сварога немало времени и сил. Учитывая, что за облаками у него хватает недоброжелателей, причем иные облечены некоторой властью... Есть нешуточный риск увязнуть в этих разборках надолго. Никто и слова бы не сказал, снеси Сварог с лица земли хоть весь Акобар — но исключительно усилиями положенной графу Гэйру согласно его положению дружины. Но когда был использован боевой корабль, созданный до Шторма... Нервы могут трепать долго и качественно, отвлекая он насущных дел...

— Иными словами, вы твердо намерены жаловаться? — спросил Сварог невозмутимо.

— Его величество Стакор Четвертый непреклонен... думаю, вы на его месте поступили бы так же?

— Возможно, — сказал Сварог. — Хотя... Предварительно я бы попытался договориться миром и прийти к некоему согласию...

— Я не говорил, что мы т а к о е полностью исключаем...

— Тогда? — спросил Сварог небрежно. — Мы хотели бы получить убедительные гарантии, что более не повторится подобных... трагедий. Мне было бы достаточно вашего королевского слова... и слова вашего небесного великолепия. Я и мысли не допускаю, что вы можете в том или ином качестве нарушить слово, это было бы против всех правил чести...

— Продолжайте, — сказал Сварог.

— Я, собственно, все сказал...

— То есть, я должен просто-напросто торжественно поклясться, что в будущем никогда больше не про-

изойдет... печальных инцидентов? И ничего не получить в замен? — Сварог ухмыльнулся... — Любезный посол, всякое соглашение должно быть взаимовыгодным, не правда ли? Мы с вами взрослые люди и в политике, согласно своему положению, должны разбираться... Односторонние выгоды, будем чуточку циничны, наличествуют лишь в тех соглашениях, что сильный заключает со слабым. Не будем притворяться неопытными либо идеалистами — именно так в дипломатии всегда и обстояло. Вот уж чего я никогда не признаю, так это того, что я слабее Горрота. Реальность этому противоречит, рискну предположить...

— Чего вы хотите? — без малейшего удивления спросил посол.

— Хороший вопрос, — сказал Сварог. — Резонный, деловой... Ничего невыполнимого я от вас не потребую. Мои условия состоят всего-навсего из двух пунктов. Первое. В последнее время произошли весьма загадочные и крайне неприятные... необъяснимые явления. Мой замок в Клоне был уничтожен обрушившейся с неба водой. На мою армию рушились неведомо как обретшие способность летать и падать каменные глыбы...

— Я слышал об этих загадочных природных феноменах, — сказал посол с абсолютно бесстрастным лицом. — Но не понимаю, какое мы можем иметь к этому отношение. Или вы располагаете...

— Не располагаю, — сказал Сварог.

— При чем же здесь тогда?..

— Я вас ни в чем не обвиняю, — сказал Сварог. — Я просто хотел бы, чтобы в будущем подобных... феноменов не происходило. Никогда и никаких. Я не к вам обращаюсь, я просто высказываю вслух свои желания... Второе. Ваши войска должны уйти из крепости Батшева.

— Вот на это мой повелитель вряд ли пойдет, — едва дождавшись паузы, сказал посол. — Ваш второй пункт, думается мне, бесполезно и рассматривать. Могу сказать это со всей уверенностью даже без консультаций с моим королем. Мы ведь даже не воевали против вас. Мы просто-напросто заняли пустующее укрепление, где не осталось

никого живого. Почему так случилось, нам и самим решительно непонятно. Однако эта ситуация не нарушает никаких законов, ни земных, ни имперских, и не может быть поставлена нам в вину. В конце концов, вы вправе отвоевать крепость назад... разумеется, традиционными, законными способами...

— И вы нисколечко не опасаетесь, что там, — Сварог небрежно показал пальцем на потолок, — будет проведено расследование?

— Со мной департамент Канцелярии земных дел уже проводил расследование загадочного феномена, в результате коего погиб весь гарнизон крепости, — сказал посол. — Мне доподлинно известно, что на с никто не обвиняет в причастности к этой таинственной трагедии. Загадка, конечно... но мы здесь ни при чем. К нам нет ни малейших претензий со стороны каких бы то ни было имперских инстанций.

— Это вы так полагаете, — с благожелательной улыбкой сообщил Сварог. — Должен вас огорчить — все обстоит совершенно иначе.

— Вот как? Не соизволите ли пояснить?

— Охотно, — сказал Сварог, испытывая нешуточное злорадство.

Он имел дело с опытным игроком — но ни один игрок не в состоянии выиграть, если у противника обнаружилась пригоршня л и ш н и х козырей, которые можно выбросить на стол совершенно законно.

Он держал паузу. Посол напряженно ждал, несомненно, чутьем угадывая наличие в рукаве у противника каких-то козырей.

— В силу вашего положения вы, несомненно, регулярно читаете из Кабинетов императрицы и канцлера некоторые официальные бюллетени... (посол настороженно кивнул). Прекрасно. Тогда вы, быть может, обратили внимание, что некий граф Гэйр недавно назначен начальником девятого стола Кабинета императрицы?

— Мне доводилось это читать...

— А известно ли вам, какие функции выполняет означенное учреждение?

— Нет, — сознался посол. — В бюллетенях об этом ни словечка.

— Ох уж эта секретность... — вздохнул Сварог. — Ничего, вы человек высокопоставленный, ответственный и лояльный, вас можно ознакомить с некоторыми подробностями... Прошу.

Он выдвинул ящик стола и положил перед послом два листочка гербовой бумаги с печатным текстом. Отставив их на вытянутой руке (как свойственно страдающим дальновидностью) посол, судя по движению его глаз, сначала бегло пробежал текст, потом прочитал медленно, вдумчиво, не упуская ни единой строчки.

— Надеюсь, никаких неясностей? — вежливейшим тоном, любезно улыбаясь, поинтересовался Сварог.

Лицо посла неуловимым образом изменилось. Сохранило прежнюю индейскую бесстрастность — но в глазах все же явственно п о л ы х н у л а нешуточная тревога. Сварог продолжал столь же дружелюбно:

— Вы, любезный посол, не можете не знать, что Кабинет императрицы — и, соответственно, все его столы — безусловно, стоят выше на иерархической лестнице, нежели Канцелярия земных дел со всеми своими департаментами...

— Мне это известно, — сухо сказал посол.

— Прекрасно, — сказал Сварог. — В таком случае ситуация не содержит для вас каких-либо загадок или неясностей. Никто не вправе вам запретить подавать в Канцелярию земных дел любые жалобы... И никто не вправе мне запретить начать с о б с т в е н н о е расследование разнообразных... природных феноменов и прочих загадочных событий. Более того. Я не исключал бы, что следствие по поводу случившихся в Горроте загадочных взрывов будет передано не восьмому департаменту, а подчиненному мне столу. Разумеется, это вовсе не означает, что я н е п р е м е н н о начну расследование... Быть может, мы все-таки вернемся к тем двум пунктам, на которых я настаиваю? Я готов заключить соглашение, но непременно при соблюдении вами о б о и х пунктов. Итак?

— Я... Мне нужно изложить все короля.

— Ну разумеется, — сказал Сварог без всякого недовольства. — Именно так вам и надлежит поступить. Я готов подождать... но не особенно долго.

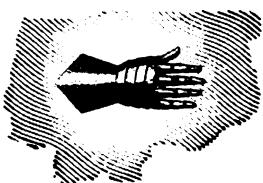
...Горротцы стали покидать Батшеву уже через три дня. Пилот посланного на разведку истребителя (по которому на сей раз не сделали ни единого выстрела, хотя он под конец долго кружил на бреющем полете, едва ли не касаясь колесами верхушек мачт), доложил, что солдатня грузится на корабли в страшной спешке, подгоняемая суетящимися офицерами, а горротский флаг уже спущен с флагштока на вершине самой высокой крепостной башни.

К вечеру из разведки вернулся второй самолет. Пилот доложил, что горротская эскадра уходит на всех парусах, а в крепости, насколько он рассмотрел, не осталось ни единой живой души. Можно было посыпать в Батшеву корабли адмирала Амонда с новым гарнизоном.

В ответ на восхищенно-изумленный крик Амонда: «Как вам это удалось, ваше величество?!» Сварог скромно ответил:

— Всего-навсего не особенно и хитрый дипломатический маневр, дорогой адмирал, только и всего. Великая все же вещь — дипломатия. Отличных результатов можно добиться добрым словом...

И постарался не думать, на сколько теперь возросла к нему ненависть горротцев.

Глава II

ИНЬЕ НЕБЕСА

Увы, иные победы недолговечны — точнее, не победы сами по себе, а радость от таковых...

Уже на другой день Сварог, вернувшись Батшеву под хозяйственную руку, не испытывал ни триумфа, ни даже особенной радости. Вспомнил очень быстро, что победа эта, рассуждая нелицеприятно, выглядит м е л к о по сравнению с главной заботой, колючим багряным огоньком, пылавшим над горизонтом. К тому же обнаружилась вдруг очередная загадка, опять-таки мелкая, но маленькие неприятности порой досаднее больших. О токеретах речь на сей раз не идет, так что никаких камлабуров.

Неприятностью это, в общем, не назовешь. Но в любом случае дурное настроение обеспечено...

Загадка пришла из прошлого, в тот момент, когда Сварог ее и не ожидал вовсе, он-то полагал, что вдова Гуродье и ее скромный домик на улице Зеркальщиков никогда уже не напомнят о себе.

Вдова в свое время оказалась не пожилой грымзой, а весьма даже симпатичной особой слегка за тридцать, так что осталось подозрение: покойный барон в домик наведывался не только по служебным надобностям — но кого это сейчас интересует...

Агентура барона Гинкера, л и ч н а я агентура, которую Сварог с удовольствием бы прибрал под свою руку для собственных надобностей (барон не держал у себя нерасторопных дураков) после его безвременной кончины, как и следовало ожидать, дружно канула в небытие, несомненно (Инtagар соглашался) выполняя заранее данные инструкции. С личной агентурой обычно так и случается. Вдовушка была не только хранительницей баронских бумаг, но еще и «почтовым ящиком», на ее адрес, как она сама призналась, приходило немало писем от орудовавших за пределами столицы агентов. «Почтовый ящик», и не более того. С агентами Гинкер никогда у нее не встречался. Для этого, конечно же, у него были свои явки. И, надо полагать, не одна. Понять, как разворачивались события после смерти барона, было нетрудно: те, кто работал в столице, сначала убеждались в отсутствии условного сигнала — как часто бывает, задернутая либо откинутая портьера, горшок с цветами на подоконнике либо, наоборот, пустой подоконник — и прочие нехитрые, но эффективные уловки. Ну, а потом, узнав о гибели принципала, агенты вмиг оборачивались самыми обычными обывателями, найти их нечего и пытаться, не дашь же в газеты объявление — а если и пойдешь на такую глупость, все равно ни один не явится...

С теми, кто пребывал где-то далеко, обстояло, конечно, чуток иначе. Смерть людей, подобных Гинкеру, никакой огласки не получает, разве что в официальных бюллетенях, рассылаемых губернским гражданским властям и полицейскому начальству, появляется новое имя на должности протектора столицы — но эти новости остаются в узком кругу, да и не служат предметом обсуждения в провинции, которой, в общем, все равно, кто там нынче возглавляет столичные учреждения...

За полгода, прошедшие после смерти барона, на улицу Зеркальщиков пришло шесть писем, от четырех агентов (двое посыпали донесения дважды). Всякий раз они представляли собой несколько совершенно бессмысленных строчек — хаотичный набор букв, не складывавшийся в нечто осмысленное.

Поначалу подчиненные Сварога полагали, что здесь необходима «сетка» — квадрат с вырезами. Сначала он накладывается на бумагу, в вырезах пишется донесение, потом промежутки заполняются набором букв — ну, а адресат, как легко догадаться, накладывает свой квадрат и читает.

Однако строчки содержали неравное количество букв — и вскоре Интагар предположил, что они имеют дело с хит्रушкой, именуемой «прыг-скок». Пишется донесение. Потом внизу, под буквами, ставится заранее условленное число — и, отсчитав в алфавите столько букв, сколько требует та или иная цифра, составляется этот кажущийся бессмыслицей текст. Если под буквой «б» стоит, к примеру, тройка, то либо отсчитываются три буквы и ставится «е», либо буква берется третья по счету, и тогда появляется «д». Число желательно выбирать длинное — тогда земные дешифровальщики, не располагающие соответствующей техникой, окажутся совершенно бессильными. Даже если они будут точно знать, каким способом депеша зашифрована, жизни не хватит, чтобы произвести вычисления пером на бумаге. А потому этот шифр заслуженно считается самым надежным.

Но у Сварога имелись и мощные компьютеры, и, что важнее, заведовавший ими Элкон... Которому понадобилось всего-то четыре часа. Оказалось, донесение и в самом деле зашифровано «прыг-скоком», по системе «через столько-то букв», а ключ представляет собой восьмизначное число. Как только стало ясно, в чем тут хитрость, последующие шифровки компьютер уже щелкал, как орехи, тратя не более пяти минут. Элкон считал, что эти восьмизначные ключи представляют собой даты жизни каких-то известных людей — гораздо проще держать в памяти какое-то известное имя, нежели длинное число. Тем более что один из ключей совпадал с датой жизни Асверуса, если написать оную без черточки: 35533581..

Загвоздка в том, что сплошь и рядом верно расшифрованное донесение оказывается совершенно бесполезным...

Они попросту не понимали, очем идет речь. Полдюжины шифровок оказались одинакового содержания: агенты доносили, что и на этот раз не достигли цели, ссылались на имена, географические названия и встречи, ничего не говорившие тем, кто не посвящен в суть дела. А примерно через полгода письма перестали приходить вовсе — определенно, агенты, добравшись до столицы, узнав, что барона больше нет, последовали примеру своих столичных собратьев. Единственное, что удалось установить, изучая почтовые штемпеля — вся четверка орудовала в провинциях Полуденного Ронера. Прошел год с лишним, новых писем больше не приходило, и Сварог, распорядившись сдать бесполезные донесения в архив (пока что невеликий), начал помаленьку о вдове забывать.

И нате вам, внезапно в ничем не примечательный полдень возле дома вдовушки остановилась повозка, и почтарь вручил ей упакованную со всем тщанием посылку: общий холстиной и украшенный парой сургучных печатей лубяной ящичек, кроме надлежащих штемпелей, украшенный еще знаком, означавшим, что внутри находятся стеклянные предметы, а потому с посылкой следует обращаться особенно бережно — что по соответствующим тарифам оплачено. Недешевое удовольствие, между прочим.

Вдовушка, женщина неглупая и ответственная, помчалась к Интагару, а тот моментально связался со Сварогом. Сварог объявился в Латеране уже через полчаса.

Спешка оказалась ни к чему. Очередная головоломка, к которой и подступаться бесполезно, не зная заранее, в чем, собственно, дело...

Внутри ничего стеклянного не оказалось. Там, самым тщательным образом обложенный изрядным количеством утрамбованной пакли и ваты, пребывал самый обыкновенный глиняный горшок, внутри коего напихана та же пакля — а еще там сыпалось свернутое в трубочку донесение, подписанное «Шестой» (предшественники Шестого тоже значились под номерами, Гинкер, наверное, не любил кличек, предпочитая обходиться именно номерами).

Донесение Элкон щ е л к н у л буквально за пару минут — никаких сюрпризов, снова «прыг-скок» с некоей датой, непонятно к какому известному в истории персонажу относящейся — но та к и е подробности никого и не интересовали.

Ну вот, изволите ли видеть... Неведомый Шестой то ли оказался пронырливее своих нумерованных коллег, то ли ему попросту с в е з л о, что в разведке тоже случается. Он докладывал, что после долгих трудов и многочисленных п о д х о д о в, потратив уйму денег и времени, все же «вышел на нужных», «долго входил в доверие» и, наконец, «п о б ы в а л». Он очень извинялся за то, что трофей оказался столь зауряден и прост — но уверял, что ничего поинтереснее попросту не видел и не мог заполучить. Впрочем, по его глубокому убеждению, сам факт того, что удалось наконец «найти и побывать», невероятно ценен, «с чем господин барон, питаю надежду, быть может, согласится».

Вот такие дела. Самый обыкновенный на вид глиняный горшок — такие в большом ходу у крестьян, небогатых градских обывателей и даже не особенно зажиточных дворян. Низкий и пузатый, с широким горлышком. В таких держат разнообразнейшие съестные припасы — молоко, сметану, варенье, смалец, масло... да много чего.

Сразу можно сказать, что предназначалась эта посудина для человека с определенными средствами: если крестьянин, то, безусловно, зажиточный, если гильдейский мастеровой или градский обыватель — то не знающий нужды. Да и для дворянина средней руки ничуть не унизительно держать такой горшок в кладовой: ничуть не похож на дешевейшую посуду для бедняков, необожженную порой, кособокую. Изготовлен очень старательно, формы ласкают глаз, горшок покрыт светло-коричневой глазурью, широкое горло украшено орнаментом в три краски, а на боку, опять-таки тремя красками, изображены цветущие яблоневые ветви. Очень качественная подглазурная роспись — как это назвал один из консультантов (у Интагара их было немало, на все случаи жизни). В лавке или на ярмарке такой, как заверил тот же консультант, стоит

не меньше семи-восьми медных сестерциев, беднота такие деньги на утварь тратить не будет — ей сойдет и товар ценой в пару грошей... Вот только где его сделали, установить так и не удалось — на донышке обнаружилось выдавленное клеймо мастера, но безусловно, как заверили, пожимая плечами консультант, не столичное — а провинциальных мастеров слишком много, чтобы вот так, с ходу назвать имя или хотя бы местность. Если начальство желает копать глубоко, он должен предупредить, что понадобится не одна неделя — пока изображение клейма получат начальники полиции провинций, пока они станут перебирать многие десятки зарегистрированных на доверенной им территории клейм...

Не особенно и раздумывая, Сварог все же приказал копать глубоко. Завернув горшок в ту же, снятую с посылки холстинку, взял его под мышку и полетел за облака, где его подчиненные могли продолжить изучение, пользуясь недоступными Интагару методами. Благо подчиненных у него прибавилось: с недавних пор образовался и самый натуральный научно-технический отдел, и магический. Он переманил на службу в девятый стол трех молодых инженеров из Магистериума и двух их ровесников, магов из Мистериора. Люди были толковые, к тому же честолюбивые, нацелившиеся не только на благородное знание, но и на карьеру — на чем Сварог их, собственно, и подцепил. В силу заоблачной специфики, то есть нешуточного долголетия ларов, продвижение по карьерной лестнице шло неспешно и туговато, что, конечно же, раздражало массу молодых честолюбцев, не имевших никакой возможности из этой системы выломиться. Ну, а у Сварога с его престижным и страдавшим от жуткого кадрового голода учреждением любой новобранец моментально прыгал на пару ступенек вверх — и быстро соображал, что здесь гораздо скорее продвигаются в чинах и должностях, вдобавок работа интересная, лишенная рутины. Так что он не сомневался: пройдет не так уж много времени, и примеру этих рекрутов последуют другие, главное, вовремя определять среди кандидатов стукачей, работающих на иных облеченных властью пер-

сон. Пока что таковых не выявлено, но они, конечно же, будут...

Первыми на горшок накинулись инженеры — и очень быстро развели руками, скучнея на глазах. Как они заверяли, это самый обыкновенный горшок, изготовленный на самом обыкновенном гончарном круге, расписанный самыми обычными красками и обожженный в самой обыкновенной печи. Химический состав глины и красок ничем практически не отличается от контрольных образцов, по распоряжению Сварога моментально купленных в латеранских лавках. Возраст — около года. Все. Больше сказать нечего. Скучнейшая вещь.

Потом за дело принялись маги — и очень быстро так же поскунили, не обнаружив ни следа магии, чар, заклинаний и прочего, входившего в круг их профессиональных обязанностей. Скучнейшая вещь.

Из Латераны незамедлительно доставили старуху Грельфи — в самом дурном расположении духа, так как ее, оказалось, оторвали от чего-то важного. Поворчав вдоволь, ядовито фыркая: «Вы бы мне еще урыльник подсунули!», бабка, получив от Сварога необходимый в таких случаях ворох комплиментов и уверения в том, что она — последняя надежда, помягчела и с гордым видом, исполнившись приятного сознания собственной значимости, взялась за дело.

Через четверть часика заметно погрустнела, заявив, что ее все же оторвали от настоящего дела ради каких-то пустяков. Ничего она не обнаружила. Правда, по ее словам, горшок содержал в себе некую странность — но вроде бы неопасную и ничем не угрожающую. Легонькая странность, и все тут, а точнее она сказать не может, потому что описать свои впечатления и ощущения правильнее нет способа, случается так иногда, светлый король, сами должны знать, что я не всезнающая и не всевидящая...

Чуть поругавшись с магами (которые никакой такой «странности» не усматривали), бабка отбыла в Латерану завершать начатое. Сварог остался у разбитого корыта. Он и без Грельфи знал, что тут скрыта некая странность — касавшаяся не самого горшка, а обстоятельств его появ-

ления. Что-то это должно было означать — и серьезное, потому что глупостями покойный барон никогда не маялся. Чтобы заполучить эту «скучнейшую вещь», неведомый Шестой, без сомнений, та еще проныра, не менее полутора лет торчал в Полуденном Ронеро, старательно выполняя полученное задание, представления не имея, что барона уже нет на свете... И добился своего... ч е г о? Поди догадайся...

В данную минуту клятый горшок стоял у пилотского кресла, на обитом роскошной ковровой тканью полу. Понурив голову, не глядя на приборную доску (автопилот браганта работал исправно), Сварог долго на него смотрел, прокручивая в памяти отчеты, пытаясь усмотреть хоть какую-то зацепку. Не усмотрел, о чем догадывался заранее.

Лежавший за его креслом Акбар пошевелился, опустил громадную голову к локтию Сварога, толкнул носом.

— Вот кстати, — сказал Сварог уныло. — Что скажешь?

Наклонился, взял левой рукой горшок и подсунул его под нос псу. Тот шумно втянул воздух носом, лениво фыркнул и отодвинулся с видом полнейшего равнодушия.

— Ну что же, — сказал Сварог. — Толковое экспертное заключение, если подумать, мало чем уступающее предшествующим...

Акбар пару раз стукнул по полу тяжелым хвостом. С некоторых пор он стал откровенно назойливо тереться возле Сварога, сопровождая его где только возможно и не всегда подчиняясь командам отвязаться. Чем это вызвано и что означает, Сварог и представления не имел — но он о многом не имел представления. Вот почему, например, небосклон сегодня, как он только что отметил, вынырнув из тягостной задумчивости, не вполне обычный, и безмятежная лазурь словно бы отливает багрянцем? Весь небесный купол напоминает полусферу из синего прозрачного стекла, то и дело озаряющуюся снаружи багряным свечением. Это никак не может иметь отношения к той самой багряной летучей дряни, находящейся еще довольно далеко — но прежде такого что-то не наблюдалось...

Переливчато закурлыкал сигнал. Увидев на пульте косую зеленую стрелочку, Сварог посмотрел в ту сторону, заметил совсем не далеко, слева, почти прямо по курсу, но уардов на сто пониже трассы полета — очередной летающий остров, на сей раз нешуточных размеров. И тут же заговорил автопилот, не женским, как на «Рагнароке», а самым что ни на есть мужским голосом, тоном предупредительного лакея:

— Слева по курсу — замок Келл Инир.

Рехнулся он, что ли? Императорскому замку здесь попросту неоткуда взяться — потому что он остался за кормой, в десятке лиг позади, Сварог его давно миновал, о чем совсем недавно прилежно сообщал тот же автопилот...

Вопросы задавать бесполезно: стандартный автопилот браганта в сто раз тупее Глаина и двустороннее общение с ним невозможно, он всего-навсего способен при необходимости какой-либо из пары десятков фраз продублировать показания приборов да выполнить опять-таки строго определенное, не такое уж большое число звуковых команд. Глаин по сравнению с этим безмозглым ящиком — сущий Сократ...

Сварог никуда не спешил, и потому, не колеблясь, быстрым движением руки отключил автопилот, потом резко сбросил скорость. Заложил вираж, по дуге пошел влево, к неведомо откуда здесь объявившемуся Келл Иниру, на довольно малой скорости, чтобы рассмотреть все хорошенько.

Очень быстро он пришел к выводу: как ни удивительно, но он и в самом деле неспешно приближается к главной императорской резиденции: длинное пятиугольное здание с башнями, обширный парк донельзя знакомых очертаний, сбившиеся в три группы домики поменьше, озеро...

Вот только издали можно было понять, что Келл Инир выглядит как-то неправильно, необычно...

Повсюду почему-то лежал снег — на крышах и кронах деревьев. Толстый слой снега покрывал землю летающий остров, полностью скрыв от глаза паутины парковых

дорожек и мощеных тропинок. Озеро, сплошь затянутое льдом, представляло окружным белым пятном. Равнина меж замком и закатным краем острова покрыта многочисленными разноцветными пятнами, да и замок, теперь можно с уверенностью сказать, выглядит как-то иначе: неведомо куда подевалась Жемчужная башня, вовсе не обрушилась, не рассыпалась, на ее месте ровный слой снега, нигде ни единого кирпичика, никаких развалин. Башня попросту пропала, как не было... Да и Коронная башня выглядит как-то непривычно, словно стала гораздо тоньше в диаметре, а крыша — гораздо выше, остree, да и крыта не знакомой темно-янтарного цвета черепицей, а зеленою, напоминающей чешую... Что же это творится? Это не тот Келл Инир, вдобавок совершенно заметенный снегом, что само по себе удивительно: Келл Инир, как и любой замок, плывет в небесах выше, чем идет дождь или падает небывалый для Талара снег. Да и среди летающих островов снег имеется только на двух. Один — это тот, на котором с исполинской елкой празднуют Новый год. Второй принадлежит известному чудаку графу Кайстелу, большому любителю сильванских снежных зим, пожелавшему, чтобы каждый год его манор*, в полном соответствии со сменой времен года на Сильване, укутывался снегами точно так, как это в природе происходит...

За его спиной Акбар шумно приподнялся и сел, его горячее дыхание ерошило Сварогу волосы на затылке. Акбар вдруг заворчал грозно и недобро.

— Бог ты мой! — вырвалось у Сварога.

Он рассмотрел с небольшой высоты, что это за разноцветные пятна по всей равнине.

И повел брагант на посадку, мимолетно зачем-то коснувшись открытой кобуры, прохладной рубчатой рукояти бластера. Никакого шевеления, ничего живого — но рука сама хваталась за оружие. И неудивительно...

* Манор (*от англ. manor*) — средневековое феодальное поместье. — Прим. ред.

Брагант опустился в снег, на секунду окутался до половины взметнувшимся белым вихрем. Не дожидалась, когда он уляжется, Сварог ударил по клавише и, едва прозрачный верх, разделившись надвое, исчез в фюзеляже, распахнул дверцу и выскочил наружу, моментально оказавшись в снегу. Ноги тут же словно бы облило нешуточным холодом.

Рядом, слева, у самого локтя метнулась широкая темная полоса — это Акбар со своим всегдашним проворством перемахнул через борт, широко расставив передние лапы, встал в снегу, заслоняя Сварога неведомо от чего, низко опустил голову, на загривке встопорщилась шерсть высотой в добрый локоть, из глотки рванулось злобное рычание. Он готов был рвать на куски... но ведь некого! Колючий холод, тягостная тишина, ни шевеления вокруг. И тела, лежащие в самых разных позах, припорощены снегом...

Сварог и сам не заметил, когда у него в руке оказался бластер. Временами налетал порывами леденящий ветер, мелкая снежная крупка противно стегала по лицу. Шагнув вправо, он обошел недобро рычавшего пса, проваливаясь в слежавшийся снег, кое-где поднимавшийся косыми застругами.

Не было ни удивления, ни страха, все обычные человеческие чувства куда-то пропали. Сделав всего несколько шагов, он опустился на колени, в снег, не чувствуя холода. Кажется, он сейчас и меча в спине не почувствовал бы.

Где-то в глубинах сознания *разгорался* самый настоящий ужас. Показалось, волосы встают дыбом.

Наполовину занесенная снегом Яна, в незнакомом ему зеленом платье с белой вышивкой, лежала на спине, нелепо разбросав руки, широко раскрытыми глазами смотря в небо. Лицо с застывшей на нем судорогой страха казалось восковым, глаза заволокла тонюсенькая пленка льда, быть может, замерзшие слезы. Золотистые пряди волос застыли скопищем нелепых сосулек, припорощенные снегом. Не в силах верить тому, что видит, Сварог осторожно протянул руку, коснулся одной из прядей — и она сломалась у него под пальцами, как сухая веточка. Сделав над собой нешуточное усилие, он приложил ладонь к щеке девушки — казалось, касался куска гладкого, промерзшего насквозь дерева.

Мысли мельтешили в столь паническом хаосе, что ни одну из них не удавалось осознать. Ужас помаленьку охватывал его, словно подступающая к горлу ледяная вода. Совсем близко раздался тягучий, протяжный вой, жалобный и словно бы растерянный. Акбар, задрав голову, закрыв глаза, был так, что все внутри переворачивалось, хотелось опрометью бежать куда-то прочь, спасаться неведомо от чего, забиться куда-нибудь как мышь под метлу...

Невероятным усилием воли кое-как взяв себя в руки, он закричал что было сил:

— Да замолчи ты!

Акбар умолк, уставился на него, жалобно, совершенно пощечинчи повизгивая. Пса била крупная дрожь.

В три шага преодолев разделявшее их расстояние, Сварог опустился на колени над лежащим вниз лицом, неизвестно когда замерзшим насмерть человеком в мундире Бриллиантовых Пикинеров. Именно его только что трогал лапой Акбар, слава богу, переставший выть. Ледяной ветер неприятно посвистывал над усеянной промерзшими трупами равниной.

Собрав все силы, понатужившись, Сварог взял покойника за холодные твердые плечи, с усилием перевернул.

И увидел собственное лицо, искаженное навечно застывшей гримасой, восковое, оскаленное.

Все, что с ним случалось прежде, оказалось все же не настоящим ужасом. Только теперь он ощутил настоящий.

Пошатываясь, всеми силами удерживая себя от того, чтобы сорваться в панику, в безумие, выпрямился во весь рост. Огляделся, унимая молотье сердце. Акбар визжал и скрипел. Ветер посвистывал как-то злорадно.

Растерянно вертя головой, Сварог, наконец, увидел.

Повсюду, куда ни глянь, небо приобрело багряный отлив, кое-где одолевший лазурь... только в той стороне, откуда он прилетел, виднелось обширное пятно безмятежной синевы, круглой формы, с неровными краями... и оно на глазах съеживалось, становилось меньше, поглощаемое багрянцем.

Справа, над заснеженными крышами и кронами, появилось неторопливо ползущее по странному небу овальное пятно тускловатого багряного свечения, казавшееся плотным, твердым, материальным. Лазурное пятнышко уменьшалось, уменьшалось...

Движимый не человеческими чувствами и догадками, а скорее уж инстинктом насмерть перепуганного зверя, он кинулся к браганту, вопя во всю глотку:

— Ко мне! Ко мне!

Его обогнала темная полоса, достигнув кабины браганта, вновь обернулась хелльстадским псом — в страхе прижавшимся к земле, стиснувшим морду лапами. Точно так же перемахнув через борт, Сварог рухнул в кресло, обеими руками ударил по клавишам, кнопкам и блестящим рычажкам. Брагант взвился над царством ледяной смерти, разворачиваясь на девяносто градусов, холодный ветер бил в лицо, Сварог наконец-то сообразил нажать нужную клавишу, поднимая верх. На предельной скорости, обогнав бы любой снаряд, несся в центр спасительного лазурного пятна, уменьшавшегося быстрее, быстрее...

Прокочил словно бы в дыру в багряной стене. И, заполошно оглянувшись, ее уже не увидел сзади — до горизонта простипалось безмятежное синее небо, нигде не видно и н о г о Келл Инира. Только руки и лицо все еще сводило от холода. Понемногу возвращалась способность мыслить и рассуждать — покуда еще вяло, заторможенно, словно он боролся с кем-то нешуточно могучим.

Значит, вот так... Вероятнее всего, это Соседняя Странница, некий параллельный мир из множества невидимых неощутимо пребывающих и рядом, и в неизмеримой загадочной дали. И Яна там в точности такая, и он там есть, и чуточку иной Келл Инир, вот только т а м никто не спасся, все погибли... и он тоже. Глупо гадать, что их погубило, и так ясно, а п о ч е м у, вряд ли узнаешь и уж никак не догадаешься.

Он скорчился в кресле, обхватив себя за плечи — трясло так, что зубы порой постукивали, мороз, царивший в мертвом дворце, словно бы успел проникнуть внутрь, выстудить тело под кожей...

 Глава III

МИЛЫЕ ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ

По свойственной ему (точнее, иногда обуревавшей) скромности Сварог устроился в уголке огромной приемной главы Канцелярии земных дел, украшенной с той чрезмерной, пошлой, дурной роскошью, что из всех имперских учреждений свойственна лишь означенной Канцелярии — для должного воздействия на земных королей. Все эти золотые чеканные пластины, россыпи самоцветов по стенам, яшмовые колонны в три человеческих роста, фонтан посередине, бьющий в малахитовой чаше тончайшей работы... Пошлость невероятная, но, поскольку заведена из практических соображений, пусть себе красуется...

Он представления не имел, почему его маринуют здесь вот уже добрых четверть часа — то ли его императорское высочество Диамер-Сонирил и в самом деле занят неотложными делами, то ли попросту хочет показать, что всегда главное Сварога, в каком бы качестве оный Сварог сюда ни являлся. Сейчас Сварог, о чем свидетельствовал мундир Бриллиантовых Пикинеров, пребывал в облике графа Гэйра, однако согласно этикету принц короны вправе мариновать в приемной любого лара, сколько душе угодно. Субординация-с.

Думать над этим не хотелось — хватало более насущных и более неприятных дел. Вместо того чтобы лететь

сюда, получив просьбу о встрече от Костяной Жопы, следовало бы поспешить в Магеру, в Балонг... или его личное присутствие там совершенно ни к чему? Пожалуй что. Пусть своим делом занимаются профессионалы, не стоит пока что путаться у них под ногами. Профессионалы, впрочем, ошарашены еще больше, чем он сам: Интагар сказал, что последний раз, уж он-то точно знает, главу секретной службы государства убивали прямо в кабинете лет сорок назад — когда к начальнику морской разведки Лорана заявились в кабинет взбешенная отставкой последняя (точнее, теперь уже предпоследняя) любовница, и, разыгрывая ангелочка, украдкой сыпнула в бокал адмиралу надежный яд из перстня. А если не считать этого случая, не имеющего ничего общего с хитросплетениями тайной войны, то он, Интагар, второго и припомнить не может, тут уж нужно старинные архивы поднимать...

Ну вот не убивают в своих кабинетах руководителей секретных служб! Как-то это не принято, что ли. И тем не менее патриция Альдората, возглавлявшего вторую канцелярию Провизориума (то есть, специально для несведущих, тайную полицию Балонга), вчера посреди дня обнаружили в собственном кабинете бездыханным, и из груди у него торчала рукоять всаженного в сердце по самое перекрестье стилета. Судя по безмятежному лицу покойника, он даже удивиться не успел — и, вполне вероятно, хорошо знал убийцу, никак от него подобного не ожидал. Разъяренные женщины, конечно, способны на многое — но все же удар определенно м у ж с к о й. Женщина, схватившись порой за кинжал, все же действует иначе, истерически пыряет железкой куда ни попадя — разумеется, если ее зовут не Мара. Здесь же, говорили профессионалы, чувствуется мужской почерк — кто-то, обладавший немалой наглостью, сноровкой, крови ничуть не боявшийся, вошел в кабинет, молниеносно нанес удар и исчез. И никто его даже не видел. Когда обнаружили труп, подняли тревогу, приказали охране перекрыть все выходы из здания и сгоряча изрядно пометались по этажам во все растущем количестве, но никакого постороннего злоумышленника так и не обнаружили. То ли он успел благополучно покинуть

канцелярию, то ли, нельзя исключать, никуда и не уходил и даже старательно помогал искать и ловить самого себя, поскольку числился с в о и м и подозрений не вызывал ни малейших...

Второе никак нельзя исключать: убийца должен прекрасно ориентироваться в здании, мало того, знать, как функционирует приемная покойного патриция. Вероятнее всего, он отидался на полукруглом балкончике по другую сторону коридора и улучил момент, когда секретарь Альдората приемную покинул и отправился в архив. Пробыл он там минут десять, и этого убийце хватило с лихвой.

Секретаря, естественно, тут же на всякий случай арестовали и водворили в одну из имевшихся здесь же камер. Он мог, конечно, оказаться и сообщником — но это еще не факт. Функций телохранителя он никогда не исполнял — чисто секретарские обязанности. И за бумагами, которые вдруг потребовались начальству, порой ходил по десять раз на дню. Ни уличить его, ни оправдать не получится до тех пор, пока не появится Сварог и не спросит в лоб, знает ли тот что-то об убийце. А пока что, как доложили Сварогу, секретарь дал интересные показания. Он был типичнейшей канцелярской крысой — высокого полета, в хорошем смысле. И упорно твердил: войдя в кабинет и обнаружив начальника убитым, он по многолетней въевшейся привычке окинул взглядом бумаги на столе. Так вот, одной недоставало, той, что лежала перед патрицием, когда секретарь уходил. Содержания он не знал, лично он ничего подобного начальнику не передавал — однако настаивал, что более всего эта бумага походила на п о с т о р о н н ю: она не была гербовой, лишена как синего квадратного штампа канцелярии в левом верхнем углу, так и тех писарских отметок, какие непременно появляются на всякой казенной бумаге, прежде чем она официальным путем попадает к начальнику в кабинет. Эта, секретарь клялся, была совершенно ч и с т а я. Но теперь она исчезла. Ни в кабинете, ни в карманах мертвца и впрямь не нашли исписанного листа, отвечавшего бы описанию секретаря. Может быть, уловка, а может, и чистейшая правда — к чему выдумывать эту историю, если

Неприятная была история. Заграничной разведкой в Балонге занимались другие, а тайная полиция, как ей и положено, ведала чисто внутренними делами. Если сходу выдвигать версии (пусть и не настаивая пока что особо на их истинности), то картина могла изобразиться классическая: скажем, Альдорату поступил донос об очередном заговоре, и замешанные в нем люди оказались настолько влиятельны, что успели принять надлежащие меры. Не такая уж и фантазия, если учесть, что за последний год Альдорат в силу двух заговоров, в которых замешаны были весьма высокопоставленные фигуры, в том числе и патриции из тех, кто не мог примириться с нешуточным кровопусканием, учиненным Сварогом главной сокровищнице Балонга — что поделать, если освоение Трех Королевств требовало немалых денег. Сварог, честно пытаясь как-то компенсировать ущерб, дал банкирским домам кое-какие привилегии в своих королевствах и даже помог прорыть сухой канал Сильвану, что было давней несбыточной мечтой господ банкиров — но иные все равно прощить не могли, что нынешний Первый Патриций (к тому же получивший власть над Балонгом не вполне джентльменскими методами) вычерпывает золото из Круглой Башни прямо-таки ведрами, кадушками и ушатами. Главы первого заговора собирались вернуть отчизне прежнюю независимость путем классического мятежа — что было с их стороны довольно неумно, поскольку в Балонге давно уже расквартированы два снольдерских пехотных легиона, полк ронерских драгун и ронерская же морская пехота (деньги требуют надлежащей охраны, не правда ли?) Главари второго оказались поопаснее, эти всерьез прикидывали, как бы избавиться от наглого расхитителя посредством стали, свинца или яда...

Что бы за этим ни таилось, а утрата серьезная. Покойный Альдорат, человек умный и хваткий, своей должности как нельзя лучше соответствующий, был верен по-настоящему. Ему, как и многим другим и на земле, и за облаками, именно Сварог устроил нешуточный карьер-

ный взлет, какого при других обстоятельствах ни за что не дождаться так быстро. Две категории людей бывают самыми преданными: исключительно благородные и те, кто всецело зависит только от тебя, причем точно знает, что с твоей смертью теряет все. Без Сварога Альдорат стал бы начальником тайной полиции и патрицием в лучшем случае лет через двадцать — и слишком много у него появилось врагов, чтобы он мог себе позволить черную неблагодарность, так что...

Заслышав, как отворяется дверь, он поднял голову — но это открылась д р у г а я дверь, из комнаты ожидания, и оттуда степенно выходили осанистые господа в годах: раззолоченные камергеры, два генерала в парадной форме, усыпанная бриллиантами дебелая пожилая дама со знаком главной фрейлины на пышной груди. Земные сановники, ага, причем мундиры, что характерно, лоранские. Похоже, его высочество вовсе и не выдерживал Сварога в приемной чванства ради, а был по-настоящему занят...

Завидев его, лоранские высокие господа отвесили довольно низкие поклоны, как и полагалось при встрече с его небесным великолепием, к тому же состоявшем в самом привилегированном императорском гвардейском полку. Дама церемонно присела. Судя по любопытным взглядам искоса, кое-кто из них его определенно узнал — ну-ну, любуйтесь, островитяне, мы за погляд денег не берем...

Как и подобало благородному лару, он ответил сухим кивком, не вставая, разумеется, небрежно отвернулся. Они ему и в самом деле были совершенно неинтересны: препустой народец, надо полагать, вульгарные дворцовые прихлебатели... По-настоящему и н т е р е с н ы х людей, вроде начальника разведки или талантливого вояки генерала Кадульфа, заочно знакомых ему по снимкам, среди этой братии что-то не усматривалось.

Золоченые двустворчатые двери кабинета принца распахнули изнутри два давно знакомых Сварогу великана-лакея в усыпанных самоцветами зеленых ливреях. На сей раз он, не мешкая, встал и поклонился — с одной стороны, этикет его нисколечко не обязывал, можно было и дальше

сидеть, развались, с другой же, всякий галантный кавалер считает своим долгом приветствовать благородную даму стоя, тем более что она не просто земная дворянка, а целая королева. Ее величество Лавиния Лоранская, ага... Очаровательная стерва тридцати с небольшим годочков — прекрасная фигура, невероятно горделивая осанка, темные волосы, уложенные в затейливую прическу, холодные синие глаза, бриллиантовое сияние на уард вокруг. Спеси преисполнена несказанной — хотя, как многим известно, по происхождению всего-то дочка убогого королька из Вольных Маноров, древнего родом, но убогого владениями. Как сплетничают, в детские годы чуть ли не босиком бегала, чуть ли не в домотканом, быть бы ей супружницей столь же убогого персонажа в тех же Манорах, да случилось так, что Гастольд Лоранский, к тому времени вдовец, охотясь в Каталауне и проезжая через убогое королевство без всяких намерений нанести визит вежливости тамошнему венценосцу, увидел семнадцатилетнюю принцессу и в о с п ы л а л — хороша, чертовка, этого у нее не отнимешь. Ну, честным пирком да за свадебку, коронованный папаша чуть от радости не помер... А самое интересное, господа мои, в том, что, когда Гастольд лет через пять скончался совершенно естественной смертью в давней и ожесточнейшей борьбе с зеленым змием, молодая порфироносная вдова проявила нешуточный ум и хватку, каких от нее, в общем, и не ожидали, привыкнувши считать «замарашкой из Маноров». Сумела быстро отыскать надежных сподвижников, очень быстро оттерла от престола раскатавшую было губы родню покойного (к сегодняшнему дню поголовно вымершую в результате череды несчастных случаев) — и давно уже сидела на троне п р о ч н о, опираясь на тех, кто всем обязан был лично ей. Регентша, конечно — но, зная ее нрав, начинаешь всерьез сомневаться, что лет через десять ее сынок, родная кровиночка, ставши совершенолетним, сумеет стать полновластным монархом. Не та баба...

Она чуть присела перед Сварогом, на миг склонив голову. Когда выпрямилась, где-то в глубине сапфировых

глаз по-прежнему светилась холодная, рассудочная ненависть — не к благородному лару, понятно, к удачливому земному королю. Сварог церемоннейшим образом раскланялся. Четыре раза убийц подсыпала, чертовка неукротимая, и вряд ли на этом остановится, краса ненаглядная... Ладно, переживем...

Сварог не смотрел ей вслед, когда она неторопливо удалялась в сопровождении свиты. Нетерпеливо повернулся к золоченой двери. Одна ее половинка захлопнулась, вторую лакей держал открытой. Бесшумно вынырнул кабинет-секретарь, поклонился:

— Граф Гэйр, его высочество вас просят...

Хорошо все же иногда побывать простым графом Гэйром, а не королем королей. Никакой дурацкой помпезности: и запропал куда-то великан-глашатай, так что обойдется без истошных церемониальных воплей, и кабинет-секретари исчезли, никто под руки не поддерживает, будто столетнего деда...

— Ваше высочество... — сказал он, остановившись перед огромным столом с позолоченными углами.

Принц-директор кивнул:

— Рад вас видеть, граф. Простите, что продержал в приемной, но вы сами, должно быть, видели посетительницу...

— Конечно, — сказал Сварог.

— Садитесь.

Сварог уселся. Справа из-за прозрачнейшего невидимого стекла исполинского аквариума тупо пялились на него огромные белоснежные карпы.

— Согласно этикету, следует предложить вам вино, фрукты, закуски. Быть может, мы обойдемся без скрупулезного соблюдения этикета? Конечно, если вы голодны или хотите вина...

— Ни то, ни другое, ваше высочество, — сказал Сварог не без настороженности.

— Прекрасно. У меня к вам срочное и серьезное дело. Можно бы сказать, не к вам, а к королю королей...

Черт его знает, что он там задумал, но на всякий случай следовало поостеречься. Сварог произнес твердо:

— Тысяча извинений, ваше высочество, но у меня столько дел, что в ближайшее время я никак не могу выступать в качестве короля королей...

— Ваше право, — сказал принц, недовольно морщась.

— Что-нибудь случилось? — спросил Сварог вежливо. — Быть может, на меня... то есть на короля королей снова поступили жалобы?

Очаровательная Лавиния уже дважды катала на него телеги — вульгарное определение, но очень точно отражающее суть дела. Оба раза требовала повлиять на короля королей, дабы вернул земли, некогда входившие в состав Лорана. И оба раза получала вежливые отписки: принц не питал ни малейшей симпатии к помянутому королю королей, но так уж карта легла: согласно незыблемым параграфам, Лоран, в свое время спустивший королевский штандарт над помянутыми землями, убравший оттуда всю администрацию и эвакуировавший население, добровольно отказался от своих прав, и земли перешли в разряд бесхозных...

— Да нет, с чего вы взяли?

— Я разминулся в приемной с очаровательной королевой Лорана...

— Да, очаровательная женщина, — кивнул принц. — И к вам, в самом деле, отчего-то не питает симпатий... Но разговор не об этом. Никаких жалоб пока что нет. Мне бы о другом хотелось поговорить. Вы сейчас, разумеется, остаетесь начальником девятого стола — и в этом качестве все же вынуждены поддерживать разговор о земных делах... Не так ли?

— Да, конечно, — сказал Сварог, пытаясь угадать, что за неприятный сюрприз ему на сей раз подготовили.

— Я слышал, вы крайне серьезно относитесь к Багряной Звезде?

— Да, — сказал Сварог.

— Могу вас заверить, я тоже, — сказал принц, поглядывая на него с непонятным выражением лица. — Милорд Гаудин по молодости лет может себе позволить откровенный скептицизм... но у меня есть кое-какие основания относиться к Багряной Звезде со всей серьезностью. Я все-

ръез опасаюсь, что она, как иные предсказывают, способна вызвать на Таларе катаклизм, не уступающий Штурму и Вьюге. Я пока что не знаю, как этому воспрепятствовать, но считаю, что мы обязаны приложить все силы...

Сварог выругал себя последними словами. Об этой стороне дела следовало подумать заранее — и сообразить, что у него сейчас нет более надежного и решительного союзника, нежели его императорское высочество Диамер-Сонирил...

Причины, конечно, лежат на поверхности. Сварог изрядно урезал полномочия господина директора, добившись, чтобы из его земель выставили имперских наместников, но здесь другое, похуже. Если грянет катаклизм и отбросит Талар в первобытное состояние, принц в одночасье станет никем и ничем. Пост свой, свою контору он, разумеется, сохранит, но не одна сотня лет пройдет, прежде чем на земле возродятся прежние государства. Слишком многое будет развалено по кирпичикам, в прямом и переносном смысле. Невелика честь управлять насмерть перепуганными, оборванными, голодными толпами, скитающимися по превращенному в груду развалин Харуму... Мотивы у принца, конечно же, насквозь шкурные — но какая разница? В политике никто не обращает внимания на этакую вот лирику. Главное, у принца есть причины встать плечом к плечу со Сварогом, когтями и зубами драться за спасение нынешнего своего положения...

Принц подался вперед, прямо-таки буравя Сварога взглядом, он вроде бы оставался вялым, расслабленным, но уже немного изучивши его Сварог с уверенностью мог сказать: для принца это означает примерно то же самое, что для человека более темпераментного — маханье руками, бурная жестикуляция...

— Вы нашли какой-нибудь способ п о в л и я т ь на ситуацию? Какое-нибудь средство?

— Пока нет, — сказал Сварог со вздохом. — Как ни стараются мои люди...

На лице принца появилось откровенное разочарование.

— Ну что же вы так... — произнес он печально. — У вас репутация человека, способного горы свернуть...

Сварог молча пожал плечами. Нечего тут сказать.

— Ну, хорошо, будем надеяться на лучшее... — сказал принц. — А пока что я хотел бы с вами посоветоваться. Мои люди раздобыли интересную и крайне загадочную информацию...

Ну разумеется. Имперских наместников, называя вещи своими именами, выставили — но созданные ими агентурные сети остались. Да и мощные средства наблюдения за земной поверхностью никто у Канцелярии земных дел не отбирал. Из агентов этих, кстати, в дружеские объятия тайных полиций Сварога пока что попали считанные экземпляры, рядовые шпики, ни одного серьезного резидента пока что заполевать не удалось...

— Вам известно, что на земле кое-кто знает о существовании Багряной Звезды? О том, что она приближается? О том, какие последствия это может вызвать? О том, что знающие сплошь и рядом не держат язык за зубами?

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Кто-то что-то такое прочитал в древних книгах, а кто-то обладает способностями. Пока что идут сплетки, не получившие большого распространения. Тех, кто嘗試ed выступать в классической роли бродячих пророков, вещающих массам, мои люди отловили вовремя. Надеюсь, будут отлавливать и впредь... Конечно же, мои службы запускают в оборот другие слухи — противодействующие, дискредитирующие. Они это умеют.

— Вот в этой связи у меня есть вопрос... Что вы можете сказать о ронерской провинции Гартвейн?

— Да ничего особенного, — произнес Сварог после короткого раздумья. — Провинция как провинция, ничем особым не выделяется. Средней величины, граничит со Снольдером, Гланом и Горротом. Патриархальная глубинка, фабрик и мануфактур практически нет, деревни в основном фригольдерские, хватает охотников и речников... Очень спокойная провинция, прямо-таки сонная глушь, мне, как королю, она ни малейших хлопот пока что не доставляла... Даже не знаю, что еще и добавить...

Он старался, чтобы выглядело так, будто он отвечает, не задумываясь — но тщательнейшим образом подбирал слова. Даже если принц решит его прощупать с помощью той, во многом неизвестной магии, которой располагают члены императорской фамилии, он ни за что не сможет уличить Сварога во лжи. Сварог ему нисколечко не лгал — он только лишь не сказал в сей правды...

Что-то там, в означенной провинции, та и лось. Именно из Гартвейна поступили четыре донесения из шести, отправленных Третьим и Одиннадцатым, именно оттуда Шестой прислал загадочный горшок. Покойный Гинкер крайне интересовался Гартвейном, а сие неспроста...

— Вы, слушаем, не составили карту распространения по Харуму разговоров о Багряной Звезде?

— Вот чего нет, того нет, — сказал Сварог опять-таки чистую правду. — Девятый стол — учреждение новорожденное, у меня чертовски мало людей и совсем нет аналитиков. На земле же... Никто об этом как-то не задумывался. У меня есть более серьезные дела. В конце концов, я не представляю, чем мне помогла бы такая карта...

— Я, признаться, тоже, — кивнул принц. — И тем не менее мои аналитики карту таковую составили. Она заставляет задуматься и поломать голову... Не угодно ли?

Он сделал небрежное движение, и слева от Сварога вспыхнул огромный экран с картой Харума. Очертания континента изображены черным цветом, реки синим, государственные границы изумрудно-зелеными пунктирами. Еще через пару секунд территорию Ронера покрыла тусклая паутинка бледно-оранжевых пунктирных линий — ага, границы провинций... Повсюду на карте — алые, пронзительно-колючие вспыхивающие огоньки.

— Острова я не стал принимать в расчет, — пояснил принц. — Вся информация туда поступает с континента. За исключением разве что Стагара, там аномально большое количество выявленных случаев. Но это и не удивительно — как-никак Стагар с его магами... Не о том речь. Присмотритесь хорошенько и постарайтесь вывести закономерности, которые здесь, конечно же, есть...

Сварог смотрел внимательно, с нещупочным интересом. Закономерности, конечно же, имелись. Возможно, к ним следовало применить какое-то иное название...

Если не считать Ронеро, повсюду алые точки мерцали хаотичной россыпью, в которой никаких закономерностей, пожалуй что, и не усматривалось, как не усматривается их в расположении звезд на ночном небосклоне.

Что до Ронеро — там обстояло гораздо интереснее...

Провинция Гартвейн представляла собою с п л о ш н о е алое зарево, распространявшееся на часть как двух примыкающих провинций, так и приграничные районы трех смежных держав. Именно из Гартвейна тянулись во все стороны густые полосы алых точек, напоминающие уже не звездную россыпь, а Млечный Путь, с расстоянием они понемногу исчезали, превращались в скопище редких огоньков — но сам Гартвейн пылал, словно груда углей не прогоревшего костра.

— Что скажете? — спросил принц напряженно. — Есть основания утверждать, что все разговоры, все знания о Багряной Звезде распространяются из Гартвейна, или это моя стариковская фантазия разгулялась?

— Да нет, никаких фантазий, никаких случайностей... — медленно произнес Сварог. — Оттуда главным образом все и распространяется. Я ни о чем подобном и представления не имел...

— Вот я и говорю — молодо-зелено, — тоном строгого, но справедливого папаши сказал принц. — Одно дело — наподобие героев древнего эпоса и рыцарских баллад носиться на коне со сверкающим мечом наголо, что-то там захватывать, присоединять... И совсем другое — кропотливая аналитическая работа, учитывающая все аспекты и подробности. Здесь мы, старшее поколение, дадим сто очков вперед романтичной молодежи...

Его взгляд не оставлял сомнений, кого он в данный момент подразумевает под романтичной молодежью. Сварог уныло молчал. Следовало признать, что его, выражаясь высоким штилем, чувствительно приложили мордой об стол. Не станешь же вновь вспоминать о жуткой

кадровой нехватке и недостатке техники — это, конечно, чистейшая правда, но выглядит очень уж жалко...

Избегая встречаться взглядом с принцем, он спросил:

— Я смогу получить эти материалы?

— Ну разумеется! — воскликнул принц. — Какие угодно. Все, что поможет. Вы уж постарайтесь, граф, иначе дело может кончиться ох как скверно...

...Элкон спросил с нескрываемым любопытством:

— Что там, в Балонге?

— Ничего, что позволило бы продвинуться хотя бы на шажок, — рассеянно ответил Сварог. — Советника пришлось с извинениями выпустить. Он совершенно ни при чем, абсолютно непричастен. Что же, ищут...

Он с превеликим облегчением снял патрицианскую накидку, синюю, с пышными рукавами, расшитую золотыми пчелами, символом банкирской бережливости и неустанных трудов. Движением пальца отправил ее в полет, она пролетела через всю комнату и повисла на вешалке. За ней последовала корона с зубцами в виде Круглой Башни. Сунув в рот сигарету, Сварог расположился в кресле недалеко от рабочего стола Элкона, сплошь заставленного самыми современными образчиками здешней электроники — одних компьютерных экранов горело три штуки, да вдобавок мигала куча разноцветных лампочек, что-то посвистывало, что-то курлыкало, что-то создавало полупрозрачные цветные фигуры, то исчезавшие сразу, то надолго повисшие над столом. Не без уважения поглядывая на всю эту во многом до сих пор загадочную премудрость, вакханалию передовых технологий, Сварог спросил:

— Ну, а у вас что стряслось, Элкон? Не вызвали же вы меня просто так? С дисциплиной вы дружите... хотя и нарушаете ее порой, откровенно говоря...

Юноша смотрел на него с каким-то непонятным выражением, словно бы колеблясь. Потом, побуждаемый властным взглядом Сварога, все же решился:

— Командир, я это изучал четыре дня... Пожалуй, пора и докладывать. Хотя я по-прежнему ничего не понимаю... Какая-то компьютерная загадка...

— Интересно, — сказал Сварог. — Весьма. Компьютерная загадка, в которой вы ничего не понимаете... Что-то я такого прежде не помню.

— Я тоже...

— Тогда выкладывайте.

— Я чисто случайно все это обнаружил, — сказал Элкон, развернувшись на вращающемся стуле лицом к Сварогу и уже не обращая внимания на свою сверкающую огнями беспокойную машинерию. — Вовсе и не собирался заходить в Детскую, что мне там делать...

— Детская — это что? Побольше конкретики, ладно?

— Детская — это специальная компьютерная сеть, — сказал Элкон. — Связывающая нашу детвору — именно что малышню не старше шести-семи лет. Те, кто постарше, уходят в другие сети, считают уже выше своего достоинства общаться с «младенчиками». Сетей таких несколько: Детская, Лужайка, Горная Беседка... В Беседке уже подростки, там и легкий флирт, и более-менее серьезные темы... Ну, а Детская... Малышня болтает на своем уровне развития, загадки друг другу загадывает, головоломки выкладывает... Словом, развивается незатейливо, как умеет. Я бы туда и не заходил, да недавно показал младшей сестренке пару полезных при компьютерном общении вещей, хотел посмотреть, усвоила она их, или урок был впустую. Оказалось, усвоила. Я от нечего делать задержался... и наткнулся на эту Бетту...

— Я вас умоляю, поконкретнее, — сказал Сварог нетерпеливо.

— Есть, командир, как раз и пошла конкретика... Понимаете ли, никак нельзя сказать, что в Детской много людно, там их всего-то человек сорок. Далеко не все у нас интересуются компьютерной сетью общения, увы... Всякий новый пользователь вызывает живейший интерес, как это всегда у детишек бывает. Они как раз, фигулярно выражаясь, столпились вокруг новенькой, вокруг Бетты, засыпали ее вопросами, именно этот момент я и застал.

И долго не уходил, пробило меня хорошенько... — Элкон покрутил головой. — Естественно, первое, что в таких случаях м е л к и е спрашивают — из какого ты манора, какой у тебя титул? Бетта — это имя или ник? Она очень общительная, судя по всему, отвечала быстро, ничего не скрывая... со свойственным малышне простодушием. Что такое ник, она не понимает вовсе, ее попросту так зовут — Эль-Бетта, Бетта... Живет она не в маноре, а «в доме». Титула у нее нет. Взрослый моментально удивился бы не на шутку — сеть предназначена исключительно для детей благородных ларов, все просто о б я з а ны но-сить какой-то титул. Но малыши — народ бесхитростный и нелогичный, они как-то даже и не удивились вовсе, без титула, так без титула, они ж еще не уяснили н а к р е п к о, что титул непременно должен быть... Как-то эту тему п р о с к о ч и л и, болтай дальше. У них там куча дежурных вопросов, один такой вскоре и прозвучал: над какими местами сейчас летит твой замок? Бетта с тем же простодушием отвечает: она живет не в замке, а в доме, и он нигде не летает, а крепко стоит на земле, как дому и положено, вот уже лет сто стоит, еще прадедушка строил...

— Что? — Сварог едва не выронил сигарету. — На земле стоит?

— Так и отвечала, — пожал плечами Элкон. — Я рассказываю все, как было. Малышня и э т о м у не успела удивиться — как у них частенько бывает, вмиг переключились на другую тему, кто-то предложил поиграть в «трех гусят и лису», они и кинулись взапуски. Бетту, правда, пришлось учить, она об этой игре и представления не имела, что опять-таки предельно странно: это самая любимая игра малышни, в жизни в нее играть начинают, едва научившись ходить и говорить, я по себе и по друзьям прекрасно помню... Ну, а когда кончили играть, Бетту уже ни о чем особенно и не расспрашивали, приняли в компанию. Одним словом, я там проторчал четыре дня, как только выдавалась свободная минутка. Можно делать выводы, материала накопилось достаточно. Бетта там вполне освоилась, ее приняли, как свою, но она безу-

словно не отсюда. Порой обнаруживается, что она не знает самых очевидных вещей, которые у нас знает любой малыш. Она единственная, кто не выставила на аватарку ни собственного изображения, ни какой-нибудь картинки. Единственная, кто ни разу не выкладывала снимков, картинок, игр, требующих собственного графического оформления. Когда кто-то это подметил и спросил, Бетта ответила, что не может. Ее тут же попытались учить, но она твердила: дело не в том, что она не умеет или не знает, как, она просто не может... И в некоторые игры она не может играть опять-таки в те, что требуют от игрока посыпать картинки... Полное впечатление, что ее компьютер гораздо примитивнее наших. Но, несмотря на это, она, я уже говорил, прижилась. Она веселая, общительная тара-торка, с ней охотно общаются, и она общается без малейшей неловкости. Очень непосредственное создание... и я голову могу прозакладывать, что это именно что обыкновенная шестилетняя соплюшка. Но она — с земли. Командир, что вы так смотрите?

— Будь на вашем месте человек постарше и поопытнее, ох, я бы сказал... — протянул Сварог. — И вы это носили при себе четыре дня?!

— Нужно же было разобраться в этой странности...

— Это не странность, — сказал Сварог, с величайшим трудом поборов желание высказаться простыми моряцкими или драгунскими словечками. — Это, любезный мой Элкон, Белая Тревога, и никак иначе. Я серьезно. На земле вдруг обнаруживается компьютер, способный входить в нашу сеть... Черт, у меня слов нет... У вас же на столе, вон там, справа, крохотная такая черная панелька с тремя разноцветными клавишами, вы давным-давно обязаны были нажать белую... или, в крайнем случае, попытаться засечь самостоятельно, откуда эта Бетта вещает...

— Командир... — произнес Элон с ноткой укора. — Почему вы считаете, что мне это не пришло в голову? Даже если бы я не служил здесь, из чистого любопытства постарался бы отследить... но я прекрасно помню, где служу. В первый же день, когда они еще не успели наболтаться и разойтись, я врубил поиск... Бесполезно.

— То есть?

— Я просто-напросто не могу определить, откуда она выходит, — уныло сообщил Элкон. — Адрес не фиксируется, хотя любой наш адрес я бы определил довольно скоро. Я врубил автопоиск и обшарил все без исключения диапазоны. Ничего.

— А может она как-то... маскироваться? — спросил Сварог. — Я все же не силен в этой технике, честно признаюсь... Но вы понимаете, что я имею в виду?

— Понимаю, командир. «Замаскироваться» тут невозможно, ручаюсь. Как ни маскируйся, сам радиосигнал не спрячешь. Любую передачу, конечно, можно зашифровать... но налицо сигнала не спрячешь. А его нет. Я задействовал нашу наблюдательную станцию — безрезультатно.

— Ну, она у нас пока что одна-единственная, универсальностью и совершенством не блещет, — пожал плечами Сварог. — В Магистериуме наш заказ на дюжину «Филинов» выполняют лениво...

— Я знаю. А потому входил в наблюдательные сети восьмого департамента и Канцелярии земных дел, дал им парочку с воих заданий. Вы же мне этого не запрещали...

— И не собираюсь, — сказал Сварог. — Соблюдайте закон, не лезьте в сети Канцелярии императрицы, Императорского кабинета и Канцлера. Все остальное меня не интересует, знать ничего не знаю, представления не имею... — он ухмыльнулся: — Лишь бы вы не запоролись. Тебе будут меня...

— Смею заверить, я ни разу не запоролся, — скромно улыбнулся Элкон. — Они ничего не подозревают, а если даже что-то и зафиксировали, в жизни не сумеют отследить и опознать...

— И что вышло?

— Опять-таки никаких результатов, — грустно признался Элкон. — Одно и то же: Бетта преспокойно болтает в сети, но ни одна из многочисленных станций не фиксирует идущего с земли радиосигнала. Бетты как бы и не существует... но она есть. У меня от безнадежности рождаются самые фантастические идеи: а что, если ее

компьютер работает на каких-то д р у г и х принципах? Которые мы сами не используем, а потому и не можем отследить?

— И на каких же?

— Не знаю, — понурился Элкон. — Но ведь должно же быть какое-то объяснение? Бетта е с т ь...

— Выбор у нас, знаете ли, невелик, — сказал Сварог. — Радиоволны, инфракрасное излучение, магия...

— Проверено, — решительно сказал Элкон. — Не фиксировалось.

— Ну, давайте уж, если предались полету фантазии, добавим гравитационные волны и колебания земного магнетизма, — сказал Сварог, морщась.

— Вы серьезно?

— Серьезно, — молвил Сварог, — от безнадежности. Теперь-то уж все возможные виды излучений рассмотрели.

— Что же, мне попробовать и...

— А попробуйте, — сказал Сварог. — Чтобы окончательно убедиться. Нет — так нет. Зато мы в с е испробовали.

— Есть, — сказал Элкон, пожимая плечами и крутя головой. — Я, правда, решительно не представляю, как можно использовать в компьютерной связи гравитационные волны или земной магнетизм... Но если вы приказываете... Как только она опять появится... Сейчас-то ее нет, я давно уже поставил программу и держу Детскую под постоянным присмотром...

— А как она в о о б щ е ухитряется выходить в нашу сеть, эта загадочная соплюшка?

— Представления не имею, — сказал Элкон. — Но ведь выходит же. У меня младшая сестренка, я уже говорил, так что я немного изучил эту мелкоту. Вот не сойти мне с этого места — это именно что шестилетняя соплюшка...

— Которая без спросу включила папин компьютер...

— Да запросто, — сказал Элкон. — В прошлом году я оставил компьютер без блокировки, Бари его включила и ушла с него в Детскую, — он смущенно отвел глаза. — Хорошо еще, не стала лезть в «кладовку».

— Так то з д е с ь, — сказал Сварог. — А откуда на земле оставленный без присмотра папин компьютер?

— Но она...

— Ладно, я уже уяснил суть проблемы, — прервал Сварог. — Она есть. И у меня нет оснований вам не верить, когда вы на службе... Впрочем, когда вы не на службе, тоже... А что, если все вульгарнее и проще? Какой-то земной черный маг ухитрился влезть в Детскую.

— А зачем?

— А он извращенец, — сказал Сварог. — Всякие, знаете ли, встречаются извращенцы. Может, ему доставляет удовольствие общаться с малышней, выдавая себя за шестилетнюю Бетту... Теоретически такое можно допустить?

— Теоретически — да. Практически — нет. Любое вторжение в наши системы с помощью черной магии было бы моментально зафиксировано.

— Я знаю, — сказал Сварог. — То я от безнадежности всякую чушь выдумываю... В конце концов, любой взрослый человек должен бы понимать, что его присутствие быстро засекут...

— Вот это как раз далеко не факт, — сказал Элкон. — А в томатически фиксируется появление черной магии, вообще присутствие чего-то небычного. Но специально никто за Детской не присматривает, там нет никаких наставников, учителей, общение как-никак чисто виртуальное. В систему, правда, изначально заложены программы-надсмотрщики. Если кто-то из малышни начнет нецензурно выражаться или затрагивать иные сугубо взрослые темы — вот тут виновника моментально выловят и будут воспитывать. Но когда нет никаких нарушений, малышня может общаться и играть без присмотра, сколько душе угодно. Как бы ни вошла Бетта, она вошла не заметно. При обстоятельствах, которые ничуть не встревожили охранные системы. Я ведь по чистой случайности оказался в Детской, да еще в то время, когда Бетта только что появилась, и ей задавали кучу вопросов...

— Может, нам проверить и Лужайку с Беседкой? — спросил Сварог. — Вдруг и там обнаружатся... престранные гости? Это сложно? Долго?

— Да нет, не сложно и не долго. Нужно только ввести программу... но и это не сложно и не долго. Вот только

я серьезно сомневаюсь, что мы и там обнаружим не прошеных гостей. Те, кто постарше, быстро определят несообразность, не успокоятся, пока не выяснят, в чем тут дело. Это малышня над подобными странностями не задумывается совершенно. Бетта есть, с ней интересно, и этого достаточно.

— И если развивать тему... — задумчиво произнес Сварог. — То же самое касается и земли. Думается мне, что у тамошнего подростка будет достаточно ответственности... или просто страха перед родительским гневом, чтобы не лезть к компьютеру без спроса и никуда не выходить... А здесь... Что же, это и в самом деле чертовски напоминает жизненные реалии: шестилетняя соплюшка в простоте своей лезет куда не надо, а настрого ей запретить никто не догадался, потому что никто такого от нее и не ожидал... Ладно, я пошел. Ко мне собирается в гости милорд Гаудин, чую, разговор предстоит тяжелый... Есть предпосылки... Сообщите мне немедленно, как только появится Бетта. Даже если я буду говорить с Гаудином. Компьютер на земле — это поважнее любых бесед...

— Что-то придумали, командир?

— Придумал, знаете ли, — ухмыльнулся Сварог. — Если там и в самом деле шестилетняя девочка, она попадется... Точно, попадется. Черт, лучше заранее... У вас сейчас есть какие-то неотложные дела?

— Неотложных нет, одна рутинा.

— Рутину — побоку, — решительно распорядился Сварог. — Идите в Детскую. Только не в своем истинном облике, конечно. Мне тут пришло в голову... Если они без уточнений так легко приняли Бетту, если их, как вы говорите, человек сорок... Они же не могут знать в сех своих ровесников?

— Конечно, нет, — сказал Элкон. — Малышня...

— Значит, если там вдруг появится какой-нибудь гость лет шести, титулованный житель манора... пусть и несуществующего, никому и в голову не придет его прове-рять?

— Безусловно, не придет.

— А системы контроля?

— Вы же видите, они никак не реагируют на Бетту, — ухмыльнулся Элкон с крайне заинтересованным видом, кажется, начиная что-то соображать. — Если только гость не начнет непристойно ругаться или затрагивать взрослые темы...

— То бишь эротику?

— Ага.

— Ну, будем как можно неприметнее, — сказал Сварог. — С о з д а й т е этого сопляка, Элкон. По всем правилам: с портретом, с картинками... ну, вы лучше знаете. Потратьте часок, чтобы в н е д р и т с я и стать своим. Получится?

— Да запросто.

— Вот и займитесь немедленно. Стыдно подобным образом поступать с детишками, но мы же не извращенцы, нас вынуждают обстоятельства...

— Ага! А потом...

— Вот именно, — сказал Сварог, вставая. — Когда появится Бетта, именно этот сопляк, поганец этакий, расставит ей ловушки, в которые она, может статься, быстро попадет...

Глава IV

ПЕЧАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Когда на обширную зеленую лужайку плавно и бесшумно опустилась знакомая вимана — светло-коричневый с желтым изящный домик под темно-коричневой черепичной крышей, Сварог стоял в коридоре верхнего этажа, смотрел в щелочку меж высоченных портьер из тяжелого темно-вишневого шелка. Он видел, как по ступенькам невысокого, в три ступеньки крылечка с витыми перилами спустился Гаудин — издали видно, невозмутимый, спокойный, как всегда, несуетливый в движениях, уж безусловно, уверенный в себе. Никто не показался следом, начальник восьмого департамента прошел к парадному крыльцу в полном одиночестве, неторопливо поднялся по лестнице, исчез под козырьком.

И тут же появился комендант летающего острова, преисполненный служебного рвения, воинственно торпящивший усы. В здешнем штатном расписании такой должности не имелось, но не было и параграфа, запрещавшего бы Сварогу завести у себя коменданта. Он и залег. Комендант иногда необходим, как воздух. Большим умом этот ретивый усач не блистал, но от коменданта подобных достоинств вовсе и не требуется, лишь бы был рьяным в службе да исполнительным — а вот с этим у бывшего лейтенанта-антланца обстояло прекрасно.

— И что? — спросил Сварог небрежно.

— Кроме пилота, там двенадцать человек с оружием.

Сварогу стало грустно: ситуация сама подталкивала его к намеченному, решительного объяснения по душам просто не избежать, как ни печально...

— Все по плану, — сказал он решительно.

Кивнул вытянувшемуся с решительным видом коменданту и направился к лестнице, без всякой спешки. Спустился на этаж ниже, вошел в собственную приемную, где по случаю визита высокого гостя сидел секретарь — в обычное время располагавшийся в комнате перед рабочим кабинетом Сварога. Это тот кабинет и эта приемная были чисто парадными, служившими исключительно для приема сановных гостей, а потому отделанными роскошнее служебных помещений. Конечно, без той аляповатодурной роскоши, что свойственна Канцелярии земных дел. Вообще-то за пару месяцев бытия этого здания Сварог с секретарем появлялись тут второй раз, их контора не принадлежала к тем, куда знатные посетители тянутся вереницами. В первый раз здесь побывал Канцлер — без всякого дела, хотел посмотреть, как Сварог обустроился. Вряд ли Гаудин явился с теми же целями, простым любопытством тут и не пахнет...

Ни единого слова не было произнесено — они с Гаудином обменялись лишь вежливыми кивками. Лицо визитера на сей раз было особенно бесстрастным — до нарочитости. Так что Сварог, увы, не ошибался...

Вежливо пропустив гостя вперед, он закрыл за собой дверь кабинета — успев еще увидеть, как в приемной появился комендант и, перехватив его взгляд, выразительно кивнул.

— Садитесь, милорд, — сказал Сварог, усаживаясь за роскошный пустой стол (с пустыми же ящиками). — Вино? Что-то еще?

— Нет, благодарю...

Они молчали, не встречаясь взглядами. Напряжение ощущалось прямо-таки физически, словно предгрозовая духота. Чтобы не оттягивать неизбежное, Сварог заговорил первым:

— Подозреваю, вас сюда привели крайне серьезные дела...

Свистела первая стрела холодной былью...

Словно бы с некоторым облегчением Гаудин взглянул ему в глаза:

— И, к сожалению, не особенно приятные...

— Случается... — сказал Сварог, и бровью не поведя. — Быть может, в таком случае побережем время друг друга? И не станем его тратить на дипломатические экзерсисы?

— Согласен, — ответил Гаудин бесстрастно. — К вам появились серьезные претензии, лорд Сварог...

— Вот совпадение, — сказал Сварог. — У меня тоже есть к вам серьезные претензии, давайте их друг другу выскажем... Разумеется, вам, как гостю, говорить первым...

— Благодарю за честь... Лорд Сварог, вы уже дважды игнорировали просьбу Магистериума передать им для изучения «Рагнарок»...

— Просьбы порой именно что игнорируют, — сказал Сварог совершенно спокойно. — Потому что это не более чем просьбы. Законных оснований для требований у них нет. Поскольку «Рагнарок», согласитесь, великолепно подпадает под параграф «О находках» из Кодекса Вольностей. Надеюсь, вы не станете это отрицать?

— Не стану, — согласился Гаудин. — Однако бывают ситуации, когда не следует цепляться за букву закона. «Рагнарок», знаете ли, имеет мало общего с простыми находками, сделанной в старые времена дребеденью. Даже Топор Дорана, если рассудить — не более чем занятная бездешушка. А вот «Рагнарок»...

— И тем не менее позвольте уж когтями и зубами уцепиться за буку закона. Милорд Гаудин, я исхожу из нас kvозь житейских соображений. Мы оба с вами прекрасно понимаем, что «Рагнарок» в руках тружеников Магистериума послужит всего-навсего удовлетворению их безудержного любопытства... которое обычно ради благозвучия именуется «стремлением к познанию». Лично я, простите великодушно, этакую страсть поименовал бы просто — рукоблудие... Мне подлодка необходима

по насквозь практическим соображениям. В океане преспокойно плавают две гигантских змеюки, одна из которых...

— Воплощение Чего-То Там, — кивнул Гаудин. В его голосе звучала легкая насмешка. — Я никогда не верил в легенду о Четырех Воплощениях. Старинные монахи отличались безудержным полетом фантазии и неприкрытой любовью к жутким легендам.

— Вы и в Багрянную Звезду не верили до самого последнего момента.

— Ну, это другое... Значит, вы твердо настроены удерживать «Рагнарок» и далее?

— Настроен, — сказал Сварог. — До тех пор, пока у меня его не отберут заочный образом.

— А подлодка Тагарона? Этот предмет никак не подпадает под Параграф «О находках». Подлодка, как и сам Тагарон — это уже моя юрисдикция.

— И мои тоже, — сказал Сварог. — Никак не поверю, что вы не читали сопутствовавшие указу императрицы нормативные документы, определяющие обязанности и права девятого стола. Тагарон у меня под арестом, я веду официальное следствие, его подлодка — вещественное доказательство. Опять-таки все по закону.

Гаудин легонько поморщился:

— Официальное следствие... Вы, конечно, отгрохали тут чуть ли не настоящий городок, но во всей этой громадине, — он небрежно повел рукой вокруг, — лишь горсточка людей. Простите, если задеваю ваше самолюбие, но здесь пока что — пародия на серебряную разведслужбу...

— Дело наживное, — сказал Сварог. — Самолюбия моего вы не задеваете ничуточки. Расширяемся помаленьку, богатеем людьми и техникой. В любом случае у меня достаточно сил, чтобы провести полноценное расследование — зачем здесь оправа следователей? Я сам веду следствие — как и вы на моем месте поступили бы... А для выяснения второстепенных деталей, для черновой работы у меня хватает людей на земле. Да и здесь кое-какие квалифицированные кадры имеются...

— Не сомневаюсь, — тон Гаудина стал вовсе уж ядовитым. — Ваши юные компьютерные гении... На протяжении последних трех дней кто-то посторонний трижды проникал в наблюдательные системы восьмого департамента, и вдобавок загружал их какими-то своими заданиями.

«Молодчина Элкон», — подумал Сварог. И произнес тоном опытного дипломата:

— Слова «кто-то» и «какими-то» подразумевают, что вы не знаете конкретного виновника. Не так ли? Молчание — знак согласия. При чем тут я?

— Мы оба прекрасно понимаем, чьих это рук дело.

— Предположим, — сказал Сварог. — Именно что предположим. Но и здесь ни один закон не нарушен. Закон прямо запрещает проникать в архивы Канцелярии императрицы, Императорского кабинета и Канцлера. В остальном же любой благородный лар имеет право получать любую информацию, где ему заблагорассудится. Другое дело, что подавляющее большинство наших высокородных бездельников то ли забыли о некоторых своих правах, то ли совершенно ими не интересуются, кружась в вихре светских увеселений, как выражаются романисты. Закон забыт, но он действует...

— Ну, если вы такой уж законник... — недобро усмехнулся Гаудин. — В этом случае могу напомнить, что согласно тем же действующим законам я имею право вас арестовать.

— А р е с т о в а т ь? Не имеете. Есть строго определенный список прегрешений, за которые благородный лар может быть арестован. Не соблаговолите ли разъяснить, какие именно за мной числятся? Сам я ничего такого за собой не знаю...

— Ну хорошо... Арестовать я вас не могу. А подвергнуть временной изоляции — вполне. Если уж вы такой знаток законов, должны знать, что Канцлер в связи с приближением Багряной Звезды объявил чрезвычайное положение. В н е ш н е это, в общем, никак не проявляется, большинство наших светских бездельников на это и внимания не обратило, потому что их это никак не затрагива-

ет. Однако положение действует. Я имею право без письменного приказа императрицы подвергнуть временной изоляции любого — кроме Канцлера, министров и приравненных к ним лиц, а также членов Тайного Совета. Вы в эту категорию не входите...

— Ага, — сказал Сварог. — То-то вы притащили дюжину вооруженных до зубов молодчиков... Только не торопитесь их вызывать, ладно? Может получиться невесело...

— То есть?

— Милорд... — хмыкнул Сварог. — Это у вас не самомнение и уж ни как не недостаток ума. Просто-напросто вы чересчур уж привыкли за долгие годы к существующему положению вещей. И как-то подсознательно не можете смириться с новыми реалиями... Никакой сверхчеловеческой проницательности тут и не нужно, все лежит на поверхности. Вы меня... временно изолируете, а сами тем временем попытаетесь захватить «Рагнарок», подлодку Тагарона, самого Тагарона... быть может, и порыться вдоволь в памяти здешних компьютеров. Потом вам, конечно, придется доложить императрице, она немедленно прикажет меня выпустить, но дело будет сделано. Ведь так? Нехитрая комбинация, тут и голову ломать нечего, моя тайная полиция на земле и похитрой порой крутит... Вот только одно вы как-то упустили. Указ о чрезвычайном положении и мне дает полное право временно изолировать любого, кто не входит в перечисленные вами категории... Вы сами тоже в них не входите, не так ли? — увидев, как правая рука Гаудина плавным движением потянулась к браслету на левом запястье, поднял ладонь и быстро сказал: — Милорд, я вас умоляю, не губите людей зря... Ваша вимана давно уже под прицелом пары десятков серьезных стволов, там даже есть парочка «драконых вздохов» и пара «громящего огня». Комендант получил приказ, а мои приказы он выполняет исправно...

— Откуда у вас «драконий вздох» и «громящий огонь»?

Картинно пожав плечами, Сварог громко вздохнул, уставясь в потолок:

— Милорд, вы меня удивляете... Где же ваш блестящий ум? Откуда? Из арсенала, конечно. Мне, как и вам, полагается отряд спецназа, я подал заявку, ее удовлетворили... Повторяю еще раз: у меня т о ч н о т а к а я же разведслужба, как и у вас, и, если подумать, стоящая даже на ступенечку повыше: вы подчиняетесь Канцелярии земных дел, а я Императорскому кабинету, каковой согласно известным вам законам стоит на бюрократической лестнице на пару ступенек повыше... Давайте бросим эти забавы, а? Несолидно как-то, право. Вы можете арестовать меня, а я с тем же успехом — вас. Только позиция у меня лучше. У вас одна-единственная вимана, давно попавшая на прицел. Никакого воздушного подкрепления поблизости не обретается, иначе мне уже доложили бы. Если кто-то д е р н е т с я, если ваши молодцы попробуют выскочить наружу, мои люди вмиг разнесут на атомы и их, и виману. И тогда уж я буду просто вынужден вас... временно изолировать. Если так произойдет, это хоть кому-то пойдет на пользу? Не говоря уж о том, что «Рагнарок» и лодка Тагарона — в Хельстаде, самого Тагарона вам быстро ни за что не найти, а мои компьютеры подготовлены к чужому вторжению... Поиграли — и будет. Давайте считать, что этой по-мальчишески дурацкой демонстрации мускулов попросту не было. Согласны?

— Да, — обронил Гаудин.

— Я могу полагаться на ваше слово?

— Вы прекрасно знаете, что можете, — высокомерно выпрямившись, отрезал Гаудин. — Хорошо. Это было... не вполне продуманной глупостью.

— Рад слышать, — кивнул Сварог.

Гаудин, как всегда, великолепно держал удар — и лицо, и даже глаза оставались спокойными, бесстрастными, не отражавшими ни малейших эмоций. Хотя эмоции и чувства его, конечно же, переполняли. Любой тут рассвирипеет...

— Я не считаю, будто одержал какую-то победу, — сказал Сварог. — Просто-напросто я вас неплохо изучил и смог рассчитать на пару ходов вперед... У вас есть еще какие-то с е р ь е з н ы е претензии?

— Конечно, — сказал Гаудин с прежней невозмутимостью. — С тех пор, как существует ваша служба, между нами так и не наладилось полноценного сотрудничества. Нет законов, которые бы нас к этому обязывали, но этого, согласитесь, требует сама житейская практика. Вы достаточно пробыли в роли земного короля, должны прекрасно понимать: такое сотрудничество необходимо.

— Вербовочные подходы тоже в это понятие входят? — спросил Сварог безмятежным тоном.

— Простите?

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Поскольку занимались этим лично. Именно вы пытались вербовать моих юных сотрудников — маркиза Аркейна и баронессу Ролатан. Милорд, честное слово, я в полной растерянности. Куда подевался ваш ум и почему молчал ваш богатый опыт? Это уж, простите...

Гаудин холодно осведомился:

— Неужели вы намерены читать мне мораль?

— Ни в коем случае, — заверил Сварог. — Я не собираюсь давать вашим действиям каких бы то ни было оценок, и уж тем более не намерен примешивать мораль и прочие высокие материи. Разведка, само собой подразумевается — не пансион для благородных девиц... Я просто-напросто констатирую, что вы совершили грандиозную ошибку. Мои юные сотрудники из числа ларов — именно что юные. Их отличают присущие именно этому возрасту идеализм, романтика, благородство и прочие юношеские достоинства, в более зрелом возрасте, согласен, не всегда и уместные. А тут появляетесь вы и начинаете их вербовать, чтобы они на меня стучали... Вы бы видели их лица, когда они ко мне пришли... — он ухмыльнулся: — Томи Ролатан клянется, что влепила вам щечину, и я ей верю...

Гаудин пожал плечами:

— Получить щечину от дамы — не позор. Вот именно, очаровательная Томи... Она, часом, с вами не спит?

— Не надо пошлостей, — поморщился Сварог. — Она совсем молоденькая.

— Совершеннолетняя, — уточнил Гаудин. — Между прочим. Мара была гораздо моложе, когда вы... подружились.

— Это другое. И вы это прекрасно понимаете.

— Ну, как бы там ни было... Положительно, она в вас тайком влюблена. Видели бы вы, как она на меня бросилась дикой кошкой... Вам бы следовало воспользоваться случаем...

— Интересно, вы хотите меня оскорбить или просто вывести из равновесия? — спокойно сказал Сварог. — Не получится ни то ни другое. Вы безмерно упали в глазах этих молодых людей, простите за откровенность...

— Если откровенно, то их оценки моей скромной персоны меня не особенно интересуют... Давайте вернемся к главной теме.

— Давайте, — сказал Сварог. — Полноценное сотрудничество... Вот только его никак нельзя будет таковым назвать. Полноценное сотрудничество означает, что партнеры обмениваются полезной и взаимовыгодной информацией, и никак иначе. Вы же намерены только брать, ничего не давая взамен. Это ваше «полноценное сотрудничество» означает, что я должен буду передать вам массу ценной информации, не получив ничегошеньки взамен. А это просто-таки нелепо с практической точки зрения. Зачем мне быть смиренным поставщиком информации, зачем мне сообщать вам о делах, с которыми моя служба в состоянии справиться сама? Повторяю, здесь нет ничегошеньки от чванства. Один голый житейский практицизм. Сотрудничеством и не пахнет.

— Уверены?

— Увернен, — сказал Сварог решительно. — Потому что у вас нет абсолютно ничего, что могло бы меня интересовать в данный момент. Полная откровенность, так полная... Мои юные романтики, быть может, и не гении, но незаурядные мастера. Они проникли и за Серебряную Изгородь, и в Крепость, и даже, простите, в Камору. Не смотрите на меня так, мы уже поднимали эту тему. Никакие законы не нарушены. Защита у вас, конечно, стояла серьезная, но она, как выяснилось, не была рассчитана на юных компьютерных гениев. Видимо, в те времена, когда городилась защита, таковых попросту не было? В общем, все ваши архивы оказались для меня доступны. И это не

принесло ничего, кроме унылого разочарования, честное слово... Вы намерены продолжать этот разговор?

— Да.

— Жаль, — сказал Сварог. — Мне искренне жаль. Потому что очень уж болезненно бывает порой расставаться с прежними иллюзиями, переоценивать жизнь и людей...

— Можно без этих красавостей?

— Это не красавости, — возразил Сварог. Вздохнул тяжко и непрятительно. — Знали бы вы, как мне было грустно и больно в вас разочаровываться... Но я разочаровался в вас на п р о ч ь. Когда я здесь появился, когда делал первые, вот уж действительно младенческие шаги, я смотрел на вас снизу вверх с нешуточным уважением, да что там, с почтением. Как я вас уважал, вы бы знали... Нечто сродни юношеской влюбленности, право. Я всерьез верил: вот человек, который знает все тайны мира и способен спрятаться с любой угрозой... Так юный лейтенантник смотрит на седого рубаку в шрамах и орденах... А оказалось, вы с о в е р ш е н н о не такой. Вы в сто раз м е л ь ч е, слабее и беспомощнее. Ваша служба, если откровенно, кое в чем уступает иной земной тайной полиции. Добрая половина вашей агентуры занята исключительно тем, что бдительно надзирает за состоянием дел в земной науке, технике, инженерии, следит за университетами, книжниками, даже антикварами. Другая половина сплошь и рядом ничуть не превосходит уровнем и ценностью тех, кого вербуют земные разведки и тайная полиция.

— Как вы легко все ниспровергаете, — сказал Гаудин, пытаясь безмятежно улыбаться, что не вполне получалось. — Жаль, что в свое время, при создании службы, обошлось без ваших ценных советов... Вот только это было сотни лет назад, когда и ваших прадедов на свете не было...

— Да я и сейчас не даю оценок, — сказал Сварог. — Всего-то и хочу мотивировать свои мысли и поступки... Я не собираюсь вас критиковать. Я просто уверен, что в нынешней ситуации ваша служба абсолютно бесполезна, бесполезна и, я бы даже рискнул выразиться, никемна. Не торопитесь возмущаться, давайте с фактами в

руках... Вы хоть что-нибудь знаете о Багряной Звезде? Вы способны оказать ей противодействие? Нет... Вы можете хотя бы поверхностно, общими словами объяснить, что происходит в Горроте? Нет... Между тем это и есть две моих главных тревоги на сегодняшний день: Багряная Звезда и горротские загадки. Я бы с кем угодно сотрудничал, чтобы одолеть эти опасности или хотя бы узнать о них побольше... но какой смысл делиться с вами уже имеющейся информацией, если вы не в состоянии ни чем быть полезным? Вы бы на моем месте вели себя иначе? Позвольте усомниться. Рассуждая с позиций жесткого практицизма, вы мне бесполезны, милорд... а возможно, не только мне. Чисто опереточная контора. Разубедите меня, если можете. Я был бы счастлив, честное слово, если бы вы меня переубедили. Скажите, что моим ребятишкам еще учиться и учиться, что есть другие, гораздо более надежно защищенные архивы... Дайте мне что-нибудь по Багряной Звезде и по Горроту, чего я не знаю сам. И уж я, со своей стороны... Молчите? Разубедите меня, черт возьми! — он почти кричал. — Я бы ничего так не хотел!

— Знаете, в чем ваша беда? — спросил Гаудин почти спокойно. — Вы чересчур увлеклись земными делами... хотя по положению своему должны думать в первую очередь об интересах империи. Так вот, могу вас заверить: что бы ни случилось, интересы империи не пострадают. Давным-давно существуют планы действий на случай... не приближения Багряной Звезды, конечно — на случай некоей глобальной угрозы. Ничего особенно и не пришлось придумывать, осталось лишь проработать мелкие детали. Канцлер одобрил план «Журавлинский клин». Вы, быть может, не удосужились вникнуть в иные тонкости, но каждый замок, да будет вам известно, способен в считанные минуты стать...

— Межпланетным кораблем, — кивнул Сварог. — Я знаю. Защитное поле, удерживающее кислород и не пропускающее космических излучений, очистка воздуха, резервные движители...

— Вот именно. Если угроза придвинется достаточно близко, а воспрепятствовать ей так и не удастся, понадо-

бится менее часа, чтобы абсолютно все замки, дворцы, маноры собрались в единую эскадру. Вам, как и всем прочим, давно уже должны были доставить манорпакет с точными инструкциями — но вы, я полагаю, давненько не бывали д о м а... Флотилия уйдет к Сильване и переждет на ее орбите пару недель. Сильвану эта напасть совершенно не затронет, она далеко в стороне. Когда Звезда удалится достаточно далеко, мы вернемся. Вот и все. Вероятнее всего, исчезнет и эта ваша вторая «главная проблема» — горротские тайны.

— Но ведь на Таларе, вероятнее всего...

— Разразится нешуточный катаклизм, — кивнул Гаудин. — Да, вероятнее всего. Но тут уж ничего не поделать. В конце концов, это в с е г о л и ш ь Талар. Согласно заслуживающим полного доверия расчетам, Шторм пережило около пятидесяти процентов населения земли, а Вьюгу — и вовсе семьдесят. Конечно, разрушения, подозреваю, будут нешуточными... но это всего лишь Талар.

Самым жутким были даже не его слова, а то, что произнесены они спокойно, даже чуть небрежно, с чрезмерным р а в н о д у ш и е м, без тени злобы, удовлетворения, сожаления. Таким тоном зажиточный крестьянин встречает известие о том, что у него пала одна-единственная корова из пары дюжин: неприятно, конечно, но их еще полный хлев. Только теперь Сварог осознал по-настоящему, к а к а я пропасть разделяет небеса и землю. Ни капли жестокости и зла — одно безмерное равнодушие...

В голосе Гаудина зазвучали покровительственные нотки:

— Постарайтесь смотреть на проблему, как вам в вашем положении и подобает. Тогда очень многое оцените иначе.

— Нет, — медленно выговорил Сварог, глядя ему в глаза. — В а с я буду оценивать по-прежнему. Вы оказались убоги и бессильны, вы — балаганный фигляр, всю жизнь и г р а в ш и й во всемогущего и всезнающего начальника разведки. Вы не смогли проникнуть во многие земные тайны не потому, что они были неважны для империи — оттого, что не смогли и не сумели. Я говорил с людьми из Магистериума и Мистериора. На земле именно

что есть множество тайн, представляющих большой интерес для империи: хотя бы древние дороги. Да многое... Вот только вы не потянули. Сотню с лишним лет занимались ерундой, кукольными домиками, балаганом. И в конце концов проиграл Талар — по мелкоте своей и никчемности. — Он подался вперед, унимая ярость. — Я, в отличие от вас, намерен драться до конца. Я здесь попадал в переделки и почище, когда самому вот-вот можно было остаться без головы. И ничего, барабанялся... И теперь побаращиваюсь. Не будет никакого сотрудничества. Вы мне бесполезны. И огромная просьба: не путайтесь под ногами. Если попробуете что-нибудь выкинуть...

— Даже так? — спросил Гаудин, сидевший с каменным лицом.

— Даже так, — спокойно сказал Сварог. — У меня мало времени, и я не могу себе позволить такой роскоши — отвлекаться на грызню с вами. Действовать буду жестко.

— Ого... А удастся?

— Удастся, — сказал Сварог. — Карты на стол, раз уж пошла такая игра... Кто предупрежден — тот вооружен. Позвольте напомнить, что юридически ваш департамент числится в составе Канцелярии земных дел, и его высочество имеет законное право отправить вас в отставку в любой момент. Об этом все как-то подзабыли, но законное право он имеет. Я приму все меры, чтобы моя... временная изоляция, если вы на это все же пойдете, не затянулась надолго, чтобы императрица о ней узнала как можно быстрее. К тому же я пользуюсь, так уж вышло, некоторой популярностью в Серебряной Бригаде, с которой вас связывают лишь сухие и формальные служебные отношения. Наконец, Бриллиантовые Пикинеры, каправлом коих я являюсь, скверно относятся к обидчикам со стороны. Вы, конечно, можете меня убить... Вы наверняка это можете...

— Не придавайте своей персоне такое уж величие, — без улыбки сказал Гаудин. — Какая пошлость... У меня нет причин вас убивать, честное слово. Будь у меня такие причины, можете не сомневаться, я сделал бы все возможное... Но причин попросту нет. Так что барабах-

тайтесь, сколько вашей душе угодно, это ничему не мешает, не нарушает никаких законов и не представляет ни малейшей угрозы для интересов империи. Я всего-навсего хотел выстроить с вами нормальные отношения...

— Да кому вы нужны, — кривя губы, сказал Сварог. — Пользы от вас ни на грош...

— Дальнейший разговор бесполезен, я вижу, — сказал Гаудин, вставая. Достал из-за обшлага небольшой пухлый конверт, зеленый, с золотой эмблемой Канцелярии земных дел, положил перед Сварогом. — Ознакомьтесь на досуге, вам будет небезынтересно. Честь имею откланяться.

— Честь имею, — повторил Сварог деревянным голосом.

Он подозревал что-то вроде пресловутой парфянской стрелы. И не ошибся: Гаудин, уже взявшись было за причудливую, сиявшую чистым золотом дверную ручку, обернулся, проговорил спокойно:

— Я не намерен с вами... грызться, и уж тем более, вот смех, вас убивать. Вы сейчас мало чем отличаетесь от ваших юных романтиков и попросту смешны.

— Что до меня, то я вас презираю, — сказал Сварог спокойно. — И если вы хорошенъко подумаете над всем, что я говорил, быть может, и поймете, почему...

Легонько пожав плечами, не без усилий — не без усилий! — изобразив ироничную ухмылку, Гаудин распахнул дверь и вышел, аккуратно притворив дверь за собой и даже ею не грохнув — хотя Сварог ничуть такому не удивился бы. Все-таки бездна хладнокровия...

Он остался в одиночестве, сгорбился за обширным парадным столом. Тоска навалилась нешуточная: тяжело было все это говорить, еще тяжелее напрочь разочаровываться в человеке, когда-то казавшемся обладателем всех мыслимых тайн и недосягаемым образцом для подражания....

Аккуратно вскрыв конверт золотым ножом с рукоятью в виде грациозно изогнувшейся русалки, вытряхнул на девственно чистый стол пачечку листов с печатным текстом, щедро украшенных алыми надписями, синими и черными знаками, означавшими высшую степень секретности.

Ну, предположим, не самую высшую (которая именуется «Только для глаз императрицы»), но все равно, с украшенными таким вот образом документами могли знакомиться человек тридцать сановников империи. В том числе и он согласно служебному положению.

Бегло пробежав взглядом их все, вскочил, размашистыми шагами пересек кабинет, рванул дверцу изящного шкафчика, где красовался впечатляющий набор разноцветных бутылок всех форм, какие только известны здешним виноделам — это богатство предназначалось главным образом для неофициальных визитов его императорского высочества принца Элвара. Не раздумывая, ухватил за горлышко пузатую черную бутылку с узенькой желто-синей этикеткой, вынул верхний золотой стакан из полудюжины вложенных друг в друга.

Вернувшись за стол, наполнил стакан до краев и осушил единым махом, не почувствовав крепости выдержанного келимаса одного из лучших сортов. Уставясь в пространство, прошептал, неизвестно к кому обращаясь:

— А дела-то скверные, ребята...

Глава V

ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА

Смущаться Мара не умела совершенно, как и ревновать. Сварог ее успел узнать за эти два промелькнувших года — насколько можно знать женщин. Однако сейчас и человек посторонний, впервые в жизни ее видевший, заподозрил бы игру. Чересчур уж картино она конфузилась: водила носком красного сафьянового сапога по стярниному паркету, склонила голову, старательно хлопая ресницами, руки держала за спиной... Ужимки в лучшем стиле провинциального театрика.

— Ну, ладно, — сказал Сварог терпеливо. — Вижу, как тебя смущение корежит... Излагай. Надеюсь, не прикончила очередного моего царедворца за попытку вульгарно поухаживать? А то на тебя не напасешься...

— Твои царедворцы уже давно знают, кто я такая и чего от меня ожидать, — сказала Мара, подняв голову, но продолжая ковырять паркет. — Почему меня сразу начинают подозревать в каких-то прегрешениях? Я к тебе просительницей пришла, и мне ужасно неловко...

— Верю, — сказал Сварог. — Тебя в роли просительницы и впрямь как-то трудно представить... Я даже и не помню... И что нужно?

— Пару горстей алмазов из твоих вентордеранских закромов. Не обязательно твоих пригоршней, можно

моих. У тебя там все равно мешками пылятся... А мне для дела.

— Садись, — сказал Сварог, подавая пример. — Рассказывай. Что-то я не помню, чтобы тебе когда-нибудь требовались алмазы горстями и вообще приличные суммы...

— Раньше я была сама по себе, — оживившись, Мара присела к столу, выложила на него то, что держала за спиной — оказалось, свернутые в трубку бумаги. — А теперь я королева, и у меня государственные дела. А казна сегурская такие задумки не потянет... Короче говоря, собираюсь отобрать у горротцев остров Дике. Сам знаешь, какое это сокровище, там пещерный жемчуг, рубиновые копи, разные полудрагоценные минералы...

— Красное дерево, аметисты и много чего еще... — кивнул Сварог. — Дело, конечно, хорошее, но... Тебе не кажется, что ты пытаешься угрязть кусок не по зубам? Дике для Горрота — то, что именуется «жемчужиной в короне». Именно по причине тамошних сокровищ.

— И эту жемчужину вот уже тридцать восемь лет никто не пытается завоевать, — сказала Мара, разворачивая на столе верхний свиток, оказавшийся большой и подробной картой Дике с прилегающими водами. — Только всякие отчаянные головушки украдкой высаживались на безлюдных берегах, чтобы пробраться в пещеры, жемчутом поживиться, руины поискать и все такое прочее... Главное, гарнизон там не особенно и большой, всего-то две роты в крепости Картан, пехотный полк и драгунский. Есть еще несколько сотен конной стражи, но она всю жизнь гоняется за теми самыми ловцами удачи, прекрасно знает это ремесло, но никакого опыта военной службы не имеет. Да и армейцы в основном пороха не нюхали, мои шпионы постарались на совесть, немало полезного выведали, да вдобавок за хорошие денежки прикупили полезной информации. Стоит взять Картан — и полдела сделано. Да что там полдела, считай, кампания выиграна.

— Интересно, чем ты ее собираешься выигрывать? — с любопытством спросил Сварог — Сегурской армией из двух сотен человек?

— Я бы к тебе не пришла, если бы все не было тщательно продумано, — сказала Мара уверенно. — Ты ко-

роль королей, тебе не годится вникать во всякие мелочи... Знаешь один из побочных эффектов того, что ты находил столько корон? Ты же не сошел с ума, чтобы воевать сам с собой — а потому образовалась масса безработных Вольных Топоров и оставшихся не у дел пиратов. Ну, кто сейчас будет выдавать каприсные ронерские патенты, чтобы топили снольдерские корабли? И наоборот... Мои люди уже провели кое-какие предварительные беседы. Безусловно согласятся Бугас с «Невестой ветра», Варатан с «Беспутной русалкой», Лумис со своей флотилией из четырех вымпелов и еще человек шесть высокого полета, не считая дюжины-другой менее прославленных. Я могу рассчитывать не меньше чем на две тысячи Вольных Топоров. Суда для перевозки войск можно арендовать у ганзейцев, — она ткнула пальцем в карту — Топоры высаживаются здесь, здесь и здесь, пока корабли лихим налетом штурмуют Картан — то есть часть притворяется, будто окесточено штурмует, а остальные высаживают десанты вот здесь и здесь. Кроме того, сотню головорезов можно заслать в порт заранее, под видом мирных путешественников, искателей работы и прочего привычного, неопасного народа. С суши крепость защищена хуже, чем та ее часть, что обращена к морю, прикрывает бухту и порт. Топоры несколькими конными отрядами ударяют сюда и сюда. Ударяем по драгунам, окружаем пехоту, поджигаем казармы конной стражи и дело сделано.

— Интересно, кто тебе помогал? Ведь без советчиков, есть подозрение, не обошлось...

— Конечно, помогали, — сказала Мара. — Два полковника Топоров, один отставной генерал из Ронера — обосновался у меня на Сегуре, там у него поместьице, а жизнь у нас дешевая — и, наконец, капитаны. Меня уверяли, что здесь ничего нет от авантюры, вполне успешное предприятие может получиться. Я же говорю, тридцать восемь лет никто не пытался высаживаться на Дике, они там разленились и зажириели... Большие шансы на успех.

— Не спорю, — сказал Сварог. — А потом в Горроте с этим ни за что не смирятся. Любой бы на их месте разозлился. Они пошлют флотилию...

— Уж это непременно, — кивнула Мара. Развернула второй свиток, оказавшийся морской картой в три краски. — Мои капитаны эту флотилию будут встречать здесь и здесь. Есть все шансы чувствительно ее потрепать. А на Дике уже будут готовы к осаде. И, кроме того... — она уставилась на Сварога с проказливым лукавством. — Сдается мне, что кто-нибудь из земных королей с большим удовольствием вступит с Сегуром в союз и пошлет эскадры топить горротцев...

— Вообще-то ты неплохо просчитала, — сказал Сварог. — Я даже знаю, кто из земных королей моментально в эту баталию ввязется. Адмирал Амонд, вот взять, спит и видит, как бы отплатить горротцам за ту историю с Батшевой... Да и моряки из других держав горротцев топить возьмутся охотно... А если флотилия будет идти под прикрытием подводных лодок токеретов? Тебя не было, когда они топили эскадру Амонда у Батшевы, ты не видела...

Мара прищурилась:

— А если объявятся токереты, против них можно бросить кое-что посерезнее их лодочек... Или ты не решишься?

— Решусь, — мрачно сказал Сварог. — Займусь ими лично и с превеликим удовольствием, сама догадываешься... Должен признать, ты неплохо все просчитала. Взрослеешь...

— Положение обязывает, — скромно сказала Мара.

— Рад за тебя...

— Значит, одобряешь? И алмазов дашь?

Сварог тяжко вздохнул. Отведя взгляд, продолжал:

— План хороший. Шансов на успех немало. В другое время я бы тебе моментально отсыпал хоть целую каштанку алмазов и сыграл боевую тревогу на полудюжине эскадр... Я бы даже послал Гарайлу с парочкой полков — уж он-то быстренько наведет на острове порядок... Вот только время ты выбрала самое неподходящее. К нам, если ты запамятовала, идет Багряная Звезда. Меньше месяца осталось, утверждают знающие люди...

— Но ты же что-нибудь придумаешь? — передернула плечиками Мара. — У тебя всегда получалось. Сколько ты уже приложил всякой нечисти.

Ее лицо было столь безмятежным, что Сварог ощущал приступ тоскливой, беспомощной ярости — злился на весь мир, на себя и чуточку на нее. Она не понимала, как все серьезно, но от этого не легче...

Пытаясь успокоиться, он выдвинул ящик стола, достал тот самый зеленый конверт, бросил на стол перед Марой:

— Я тебе этого не давал, а ты этого не читала... Ознакомься вдумчиво...

Встал, подошел к высокому окну и равнодушно уставился на стоявшее в строительных лесах восточное крыло дворца — еще при отце Конгера пришедшее в запустение. У предшественников как-то руки не доходили все там отремонтировать, пришлось заниматься этим Сварогу. По косым лесенкам проворно сновали строители, работа спорилась, все прекрасно знали, что король в любой момент может на них глянуть из окон малого кабинета...

За его спиной едва слышно шелестели бумаги. Мара читала секретнейшие рапорты, сообщавшие, что две виманы Магистериума, отправленные на разведку к Багряной Звезде, внезапно и одновременно оборвали связь, а потом исчезли с экранов радаров следовавшей за ними на приличном расстоянии третьей, после безуспешных попыток как связаться, так и отыскать локаторами, во исполнение инструкций повернувшей назад. Багряную Звезду, кстати, не брал ни один радар, словно там ничего не было, или она поглощала лучи, как губка воду. Очень быстро (опять-таки выполняя заранее разработанные планы) к Багряной Звезде пошел брагант Серебряной Бригады, защищенный всеми достижениями науки и техники от любых возможных опасностей.

Оказалось, не от всех. Брагант, приблизившись на то же расстояние, что пропавшие виманы, замолчал и исчез.

Тогда за дело взялся военный министр — ради благолепия, конечно, именовавшийся гораздо более нейтрально, безобидно и благозвучно. Он прекрасно понимал, что шутки кончились, а потому не мелочился. Одна из орбитальных автоматических станций, о которой знал не всякий императорский министр, выпустила по Багря-

ной Звезде три ракеты с ядерными боеголовками. Ракеты словно канули в космические бездны, ни единой вспышки взрыва не зафиксировано. Направленная на сближение до дистанции прямого удара космическая платформа с каким-то загадочным, но безусловно могучим излучателем разделила судьбу ракет. Военный министр, человек решительный, распорядился пустить в ход «Белый шквал». Что это за установка, Сварог до сих пор не вполне понимал, ему достаточно стало и объяснения, что ничего сильнее, страшнее и убойнее на вооружении просто не имеется.

Несущая этот непонятный «Белый шквал» станция пропала вместе с экипажем, а двумя часами спустя то же произошло с ее автоматическим систершипом.

Больше никто ничего не предпринимал. На Багряную Звезду ничто не действовало. Она летела той же трассой с той же скоростью — и нельзя было приблизиться к ней настолько близко, чтобы посмотреть, что же это, собственно, такое...

Решив, что прошло достаточно времени, Сварог обернулся. Прочитанные бумаги лежали на столе аккуратной стопочкой. Лицо Мары было строгим и серьезным.

— Вот так, — сказал он глухо. — Не ч е м на нее воздействовать. А я понятия не имею, что это такое и чем это можно разнести в пух и прах. Архивы восьмого департамента обшарены до донышка, и ничего полезного там не найдено. То же самое с архивами Магистериума... да вообще в с е м и, какие только есть. По чисто техническим причинам нам недоступен личный архив императрицы... правда, принц Элвар мне как-то доверительно сообщил, что помещается он в одной-единственной, не особенно и большой комнате и на три четверти состоит из того, что смело можно назвать хламом, интересным лишь самой фамилии. Он, как обычно, лыка не вязал, но я склонен ему верить: если бы там что-то было, эти знания давно пустили бы в ход. Уж оба дядюшки постарались бы в первую очередь, они тут лица заинтересованные: в случае катализма Диамер-Сонирил теряет свое положение, а Элвар — привычный образ жизни... Значит, и там ничего нет.

— Плохо, — сказала Мара с застывшим лицом.

— Куда уж хуже, — отреагировал Сварог. — Счет пошел на недели. А потому... Все свои планы насчет Дике, вообще все свои планы отложи-ка подальше. Лети на Сегур и перетряхни с о и архивы. У тебя там сотни лет не было ни войн, ни мятежей, я слышал краем уха, архивы сохранились богатые. Вверх дном все переверни. Ничего д р у г о г о я пока что придумать не в состоянии. Леверлин сидит в архивах Ремиденума. Бони с Паколетом носятся по Вольным Манорам и копаются в тамошних архивах. Тетка Чари в Фиарнолле, пытается хоть что-то узнать у пиратов... вот кстати, нужно п о т р я с т и Бугаса, он со своими учеными занятиями мог на что-нибудь натолкнуться... Шедарис в Глане — с той же задачей. Все спецслужбы роются в архивах... Что еще делать? Поэтому, не откладывая...

Он замолчал, поднял бровь. В приемной, отсюда слышно, явно разворачивался неуместный и непристойный в королевском дворце скандал: там чуть ли не в голос орали... Судя по звукам, опрокинулось одно из стоявших там массивных кресел. Это, по крайней мере, ничуть не походило на вторжение банды заговорщиков, иначе там давно раздался бы лязг клинков и пальба. И на том спасибо... Но какого черта?

Решительно подойдя к двери, он распахнул одну половинку настежь.

— Ваше величество, — закричал мэтр Анрах, коего гвардейцы непреклонно оттесняли к двери в коридор. — Я нашел!

Лейтенант Синих Мушкетеров вытянулся:

— Ваше величество, вы приказывали никого непускать... Извольте видеть, нахально рвется, несмотря на все уверещивания...

— Отставить! — рявкнул Сварог. — Пропустить!

Он вернулся в кабинет, пропустил туда проскочившего меж оторопевшими часовыми Анраха, захлопнул дверь перед носом недоуменно таращившегося лейтенанта, но-веньского, не успевшего еще изучить неписаную иерархию и ближайшее окружения короля. Надо было и здесь ратагайцев поставить, они давно освоились...

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил Сварог.

Мэтр Анрах сиял, как новенький золотой солид, еще не бывавший в равнодушных пальцах банкиров. К груди он прижимал обеими руками небольшую толстую книгу, а под мышкой зажимал тонкий свиток. У Сварога вспыхнула сумасшедшая надежда.

— Садитесь, — сказал он, показывая пример. — Что у вас?

Бережно, словно хрустальную, Анрах положил перед ним книгу. Черный кожаный переплет потускнел и потрескался, позолота тисненого узора облупилась. Выглядела книга весьма старой. Из нее примерно посередине свисала закладка — длинный бумажный лоскут, судя по всему, оторванный небрежно, в спешке.

— Это из тех, что мы взяли в Горроте, — сказал Анрах тоном триумфатора. — «Энциклопедиум диковинок земных и небесных», издание четырехсотлетней давности. Считался утраченным, встречались только отрывки в других трудах. По самой достоверной гипотезе, был составлен самим...

— А это уже и неважно, пожалуй, — проворчал Сварог, отрывая книгу на обозначенном закладкой месте. — Что за черт?

Он с превеликим трудом разбирал — вернее, узнавал — лишь отдельные буквы: книга была напечатана каким-то незнакомым алфавитом, столь заковыристым, что он на миг ощущил себя неграмотным.

— Это алфавит Зорах, ваше величество, — заторопился Анрах. — Уже во времена напечатания книги был архаичным и насквозь устаревшим — но иные книжники его любили, это считалось хорошим тоном...

Не раздумывая, Сварог повернул книгу на сто восемьдесят градусов:

— Вы, я догадываюсь, к нему привычны? Читайте вслух, мне самому придется по складам...

Торопливо придвинув к себе пухлый томик, Анрах громко начал:

— Багровая Мельница, она же Чертова Мельница, она же Багровая Смерть. По отзывам, самый злокозненный и смертоносный из всех небесных уникумов. Заслуживающие доверия древние авторы... следуют перечисление дюжины имен...

- Это пропускайте.
- Заслуживающие доверия древние авторы писали, что означенная Мельница, странствуя неведомыми путями в глубинах Вселенной, раз в несколько тысячелетий проходит в опасной близости от Талара, по некоторым свидетельствам, пролетая едва ли не над верхушками деревьев и крышами домов, так что оцепеневшие в смертном ужасе люди слышат злорадный хохот Клятого Мельника, а, впрочем, мало было тех, кто его слышал и остался в живых, поскольку Багровая Мельница несет неисчислимые разрушения, невиданные хвори и форменное сотрясение основ мироздания, так что небосвод и земля взбаламучиваются, меняясь местами и смешиваясь в жуткой неразберихе, и реки текут вспять, горы встают на месте плодородных нив и пустыни на месте гор, Солнце меркнет, и земля разверзается, поглощая обезумевшие людские толпы и великие города, и древние едини в том, что после пролета Багровой Смерти земля изменяется несказанно, остатки рода человеческого, нагие и пораженные смертным ужасом, бродят меж развалин, ибо гибнет все возведенное человеческими руками, словно и не бывавшее от века, и самый лик планеты меняется, вода приходит на место суши, а неведомая прежде твердь встает над водами. Происхождение сей летучей смерти неизвестно, загадочно и не прояснено доселе. Равно неизвестны средства избавления от нее, неизвестно даже, существуют ли они. Говорят, что против Багряной Мельницы бессильны любые ухищрения человеческого ума и творения человеческих рук. Иные же утверждают, ссылаясь на канувшие в бездну времен знания, что истребить Клятого Мельника может лишь человек, родившийся под другими звездами, хотя и неизвестно, как это следует понимать. Утверждают еще, кончину Клятому Мельнику несет не благородный или неблагородный металл, не камень, не самоцвет, не заклинания, не ворожба, а исключительно дерево, растущее без Солнца и звезд, без дождей и вихрей. — Анрах отодвинул книгу. — Все, ваше величество. Разве что в конце идет стандартная старинная фраза: «Кто знает более, пусть напишет, кто не верит, вправе не верить». Должен вам сразу сказать: «Энциклопедиум» издавна принято было считать точным источником, не один ученый

на многочисленных примерах доказывал, что описания, приведенные здесь, относятся к реальным загадкам и уникумам. Не все труды сохранились, но кое-что уцелело. Не всякий раз отыщешь основания, но исключений из правил нет: отчего-то книжники единодушно считали, что в «Энциклопедиуме» нет баснословия, мифов и легенд, есть лишь неполные порой, но достоверные описания загадок Вселенной. Второго примера подобного единодушия я попросту не знаю, обычно, что греха таить, книжники никогда не приходят к единому мнению, споря и опровергая друг друга. Здесь они отчего-то всегдашнему обыкновению изменили...

Свярог подвинул к себе книгу, стал рассматривать большую, во весь лист, гравюру. Изображала она летящее в облаках карикатурное подобие ветряной мельницы, на конусообразной низкой крыше которой, охватив ее когтистыми лапами, помещался жуткий уродец в остроконечном колпаке. Огромная голова на худощавом туловище, словно ушат на палке, из широченного распаяленного рта торчат клыки, глаз насчитывается целых три, а вот ушей не видно. Далеко внизу, в разрывах облаков, виднеются рушающиеся высокие башни и крохотные, панически бегущие человечки.

— Вот кака, вне всякого сомнения, представляет собой чистейший плод фантазии, — сказал Анрах. — Ни словечком не упомянуты очевидцы... А впрочем, как знать... Мало ли...

— А что у вас за бумага? Тоже старинная?

— Нет, — сказал Анрах, кладя перед ним свиток. — Это я сам только что записал, после того, как наткнулся в «Энциклопедиуме»... Понимаете ли, ваше величество, это очень старая песня, «Баллада о бессильных витязях». Кто ее сочинил, неизвестно, полагают, в глубокой древности. И поется она при строго определенных обстоятельствах. В обычной жизни, в кабаке или на домашней пирушке — когда человека хочется послушать о сорбено грустную песню. Тогда ее исполняют неспешно и заунывно, на тягучий печальный мотив наподобие «Жалобы странника». Военные же неведомо с каких времен считают, что ее следует петь перед тяжелым сражением или решающим штурмом, считается, что это принесет удачу и позволит вернуться живым. Тогда уж поют

на лихой маршевый мотив. Мы ее пели, когда я служил в кавалерии, — мэтр смущенно улыбнулся. — И вы знаете, вернулся целехоньким из четырех кампаний... хотя объективности ради следует уточнить, что немало было и таких, кому баллада не помогла, как они ни надрывали глотку...

Сварог развернул свиток.

*И содрогнулось небо,
и плакала земля,
когда багряный отсвет
ложился на поля.
Все казалось былью,
оборвались века,
и мельничные крылья
кромсают облака.
Под горестные крики
несметных птичьих стай
шепчу: моя любимая,
прощай, прощай, прощай...
Такая доля выпала —
не трус и не герой.
Нам стало просто некуда
идти в последний бой.
Мы опустили руки,
тоской опалены,
ненужные солдаты
негрянувшей войны...**

Длинная была баллада, весьма невеселая, проникнутая смертной тоской: действительно, такое мог бы написать человек, в момент жуткого катаклизма оказавшийся вдалеке от любимой — и он, даром что старый солдат, бессилен был что-либо поделать с нагрянувшей напастью. Несметные птичьи стаи, заслонившие солнце, багряное сияние, залившее землю от горизонта до горизонта, равнина ходит ходуном под копытами перепуганных коней, могучая крепость рушится, рассыпается, словно карточный домик...

— Обратите внимание, — сказал Анрах. — Страна «...и мельничные крылья кромсают облака» удивительно соче-

* Авторы стихов, приведенных в романе — Роберт Бернс, Ольгерт Довмонт, Борис Пастернак, Перси Биши Шелли.

тается с гравюрай: здесь Чертова Мельница летит именно что в облаках, не так уж и высоко...

— Да, пожалуй... — кивнул Сварог. — Ну что же, мэтр... Вы сделали важное, чертовски важное открытие, я и слов-то не подберу, чтобы выразить вам благодарность... Великолепно... Вы уже разобрали все, что привезли из Горрота?

— Нет, еще добрая третья осталась...

— Продолжайте, не откладывая, — сказал Сварог властно. — Теперь мы знаем, в каком направлении искать. А радоваться и торжествовать некогда... Времени мало...

Едва за мэтром, прошагавшим к выходу не без горделивости, захлопнулась дверь, Мара сказала тихо:

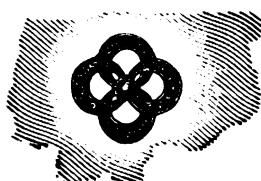
— Что-то ты не особенно и воспрянул...

— С чего бы? — сказал Сварог тоскливо. — Предположим, все с первого и до последнего слова — чистейшая правда. Я готов даже поверить, что баллада написана человеком, которому удалось уцелеть в катаклизме — очень похоже, я бы не удивился, окажись оно правдой... И что? Мы хотя бы на шаг продвинулись? Мы и без этой инку набулы уже не сомневаемся, что Багряная Звезда вызовет неслабое светопреставление... А дальше?

— Вообще-то, что касаемо человека, родившегося под другими звездами...

— Ну да, — сказал Сварог. — Это я. Предположим, мне удастся туда добраться. А не подскажешь ли, что это за дерево, которым только и можно Мельника сразить? Растущее без Солнца и звезд, без дождей и вихрей? Где это чудо-юдо взять?

Мара уныло молчала.

Глава VI

МАРЧЕРЕТ

Получив приглашение на большой императорский маскарад (подкрепленное просьбой Яны непременно быть), Сварог не стал особенно заморачиваться и ломать голову над костюмом — хватало дел поважнее. Велел, кроме полумаски, быстренько раздобыть ему подходящий по размеру мундир рядового снольдерских Смарагдовых Мушкетеров — что в Латеране особенного труда не составляло, на ее полуденной окраине казармы помянутых мушкетеров и располагались. Для императорского маскарада это был именно что маскерадный костюм.

Достали моментально — и он, на борза коня садяся, отправился в недалекое путешествие, проехать предстояло не более пяти лиг к полуночи от Латераны, где над обширным зеленым лугом, окаймленным живописными перелесками, висел в воздухе, на высоте уардов десяти, огромный красивый дворец, окруженный зеленым парком, соединявшийся с землей дюжиной широких лестниц в три пролета.

Это была очередная затея Канцлера — если подумать, весьма даже неглупая: большой императорский маскарад, куда не меньше чем ларов, приглашено и земной знати. Уже второй в этом году, но на первый Сварог попасть не смог, не имел физической возможности — он в то время как раз пребывал на морском дне, на базе «Стагар».

Неглуп наш Канцлер, ох, неглуп, Сварог в этом давно убедился... Во-первых, подобные увеселения добавят «допущенным к столу» харумским дворянам любви и уважения к императорскому престолу: приятно и сладостно быть до пущеным... Во-вторых, что гораздо важнее, после иных завязавшихся знакомств неизбежно последуют смешанные браки, а это, как признался Канцлер в доверительной беседе со Сварогом, добавит с ве же криви. Вообще-то это будет нарушением прежних традиций, говорил он, пожимая плечами, но бывает порой, что от иных замшелых традиций следует отказаться... Поскольку ларов мало. Не настолько мало, чтобы возникла угроза близкородственных браков, несущих вырождение, но угроза все же замаячила на горизонте, и отнестись к ней нужно серьезно. Сварог не мог не признать его правоты. В конце-то концов, говорил Канцлер со свойственным ему порой, приличествующим высокой должности здоровым цинизмом, несколько десятков, а то и пару сотен империя переварят и очень быстро сделает с оими, они из кожи вон будут лезть, чтобы стать своими, тут и гадать нечего. Здесь он был кругом прав...

Настроение у Сварога было отнюдь не праздничное из-за множества повседневных королевских хлопот (и то если не считать багряную колючую искорку на небосводе). А потому он и не стремился окунаться в веселье, торчал у стены, возле покрытой искусствнейшей резьбой каменной полуколонны, без особого интереса глядя на проносившиеся в танце маскированные пары.

Огромных залов было несколько, они далеко протянулись анфиладой — высокие, со сводчатыми потолками, роскошнейшие, помпезные: мозаичные полы, позолота, резной камень, сияние огромных хрустальных люстр, висевших высоко в воздухе без всякой опоры, портьеры и драпировки из лучших аксамитов, шелков и парчи... Сварогу иногда отчего-то казалось, что он угодил на станцию метро. За блачные дворцы для тамошних балов и маскерадов, несмотря на обязательное для империи великолепие, все же лишены столь дурной, вычурной, аляповатой, режущей глаз роскоши — но Канцлер из вы-

соких государственных соображений велел ослепить земную знать пышностью...

Яну он пока что не видел, как ни приглядывался — неудивительно при здешнем многолюдстве. Зато узрел его величество Бони Первого, короля Арира и ярла уже добной полудюжины прилегающих Вольных Маноров (хозяйственный наш мужичок, как и подобает справному крестьянину, прилагал немало сил, чтобы об р а с т а т ь хозяйством). Одетый странствующим монахом, он не особенно изящно, но с большим энтузиазмом выкаблучивал в обществе наряженной зажиточной купчихой стройной блондинки. Узнав ее под маской, Сварог невольно фыркнул: о моральном облике благородной графини, высокой Госпожи Летающих Замков немало интересного могло порассказать преизрядное количество светских хлыщей и гвардейских офицеров, Сварог с год назад еле ускользнул, когда эта особа вознамерилась прибавить его к своей богатейшей коллекции. Ну что же, королю Арира сегодня гарантировано самое приятное времяпровождение, остается за него только порадоваться...

Рядом с ним остановился высокий худой мельник в темно-синей полумаске — глаза в прорезях, такое впечатление, не знали покоя, обшаривая толпу, как стоящий на боевом дежурстве локатор — небо. Ну да, вот уж кому веселье, а кому напряженнейшая работа — бдить недремально, головой вертеть на триста шестьдесят градусов...

— Как обстановка, барон? — с полным пониманием и сочувствием осведомился Сварог.

Барон Абданк, начальник личной охраны императрицы, пожал костлявыми плечами:

— Да можно сказать, граф, пока благоднаятина, что радует. Ни тени магических воздействий, ни единой попытки проскользнуть во дворец кого-то, владеющего магией. Вот со стилетом за голенищем одного персонажа взяли на входе, будем разбираться... В а ш и ведь тоже здесь? Я видел вашего Интагара, лекарем наряжен.

— Ну, у меня тут человек двадцать, — сказал Сварог. — Для порядка, здесь как-никак мое королевство. Сотрудников девятого стола я сюда брать не стал, чтобы не на-

рушать ваши прерогативы, но будучи местным королем, сдается мне, должен внести свой скромный вклад...

— Да бога ради, — махнул рукой Абданк. — Сказать по совести, я решительно не понимаю, какая спецслужба и на что имеет з д е с ь право. Потому что э т а к о е ув-селение выламывается из прежних правил этикета и никакими параграфами не охвачено. То есть, я твердо знаю, что моя служба, как и при любых других обстоятельствах должна из кожи вон извертеться, а что касаемо юрисдикции прочих... да пусть над этим Канцлер голову ломает, коли уж он эти новшества взялся вводить. Лишь бы мне не мешали... Ваши не создают хлопот, и на том спасибо.

— А что, были уже... хлопоты?

— Да никаких пока, — сказал Абданк, напряженно уставился куда-то в сторону, поджал губы. — Даже его высочество п о к а что хлопот не создает, а там — кто его знает...

— Да, пока что не похоже... — сказал Сварог с большим знанием вопроса, тоже глядя в ту сторону.

Там, неподалеку, ни на кого, в общем, не обращая внимания, прохаживался осанистый субъект с внушительным брюхом, одетый в полный костюм собравшегося в лес обитателя Катаалаунского Хребта: зеленый кафтан на шнуровке, кожаные штаны, ботфорты с закатанными ниже колен голенищами, каталана с чеканной серебряной бляхой. Разве что никакого оружия на поясе не имелось, зато висевшая у бедра фляга (да что там, натуральнейшая баклaga) по размеру превышала обычные каталаунские и вмещала не менее трех квартанов*.

Сварог понимающе ухмыльнулся. Дядюшка Яны, его императорское высочество принц Элвар (ставший при помощи Сварога заядлым самогонщиком), был, всем и каждому известно, чуточку помешан на Катаалауне. Пропадал там при любой возможности, даже построил где-то в ущелье замок, где пировал не только с охотниками, углежогами, смолокурами и контрабандистами, но и с Волчьими Головами, обожал болтаться по деревенским пирушкам,

* Более 2 литров. — Прим. автора.

ярмаркам и прочим провинциальным увеселениям, помогал деньжатами, путался с местными красотками, сто раз был посаженным отцом на свадьбах и не менее этого — своего рода крестным отцом на церемониях, заменявших здесь крестины. В Полуденном Катауле он давно уже стал популярнейшей фигурой. Отчего именно Сварогу приходилось порой туговато: за последнее время принц Элвар четырежды заявлялся к нему, как к ронерскому королю, всякий раз ходатайствуя о помиловании очередного угодившего за решетку лихого молодца. Простодушно разводя руками, талдычил: «И за что к парнишке цепляться? Честное слово вам даю, Барт Ронерский, в жизни юноша ни одной глотки не перерезал, ни одной непорочной девы не насильничал. Вполне приличный юноша. Ну, купца ограбил, так ведь живым отпустил и даже мула оставил. На то и купцы, чтобы их грабили, испокон веков повелось. Ну, овец угнал, так ведь все угоняют и не попадаются, а парнишку выдала какая-то зараза... Семейство самое почтенное, отца вся округа уважает, у сестры я на свадьбе был посаженным отцом, у дедушки три военных медали. Это же Катауун, понимать надо...». Мысленно чертыхаясь. Сварог всякий раз подмахивал бумагу о помиловании и освобождении — как-никак, его императорское высочество. По крайней мере честно просил, другой член императорской фамилии на его месте самолично разнес бы тюрьму и выпустил своего протеже — и ничего бы ему за это не было, члены фамилии совершенно неподсудны земной юрисдикции...

Если не считать этих время от времени возникавших досадных недоразумений, Сварог к его высочеству относился с откровенной симпатией. Потому что человек был безобиднейший: в жизни не участвовал ни в одной дворцовой интриге, даже крохотной, никогда не стремился занять какой бы ты ни было официальный пост, придворных чинов не имел, орденов не домогался. Как пелось в старой песенке, была бы водка, да к водке глотка, все остальное — трин-трава. Белой вороной в семействе был благородный Элвар — но все с его чудачествами давно смирились...

— Ага, вот они кто, — сказал принц, останавливаясь перед ними и приглядываясь. — Барон... граф... мое почтение.

Ядреный запах доброго самогона витал вокруг него. Отстегнув свою баклагу, Элвар отвинтил серебряный колпачок, приложил горлышко к губам и, не уронив ни капли, высосал одним махом не менее стакана. Утер губы рукавом зеленого кафтана, лихо крякнул, поболтал баклагой в воздухе:

— Не угодно ли, господа? Слеза!

— Я на службе, — ответил барон Абданк.

— Службист... — проворчал принц. — Ать-два левой...

А вы, граф?

— Благодарствуйте, что-то не хочется, — сказал Сварог вежливо.

Настроение у него было невеселое, но все же не настолько, чтобы сосать из горлышка семидесятиградусное пойло — да и мало кто здесь на такой подвиг способен...

— Разучилось пить молодое поколение, — ворчал принц, завинчивая флягу. — Помню, в мою молодость так веселились, что порой замки весь день вверх ногами летали, и ничего, обходилось как-то...

— Вы не видели императрицу, ваше высочество? — спросил Сварог.

— Отчего же не видел? Довелось... А лучше бы и не видел... — буркнул Элвар. — Потому что я на нее сегодня смотреть не могу, не ругаясь мысленно углежоговскими словечками... Черт знает что... Я не замшелый консерватор, но есть же пределы... Ах, да! — он грузно развернулся в сторону Абданка. — Вот что, службист вы наш... Вы что, так ничего и не предпримете?

— По поводу? — казенным тоном осведомился Абданк.

— По поводу этого типа, что к ней прилип. Как прилип с самого начала, так и отлипнуть не может. Сколько можно возле нее отираться?

Барон тем же казенным тоном произнес:

— Данная маска не допускает никаких нарушений этикета. Нет правила, запрещавшего бы кавалеру в случае соблюдения этикета оставаться кавалером императрицы сверх определенного времени. Сама императрица неудовольствия не высказывает и о вмешательстве не просит. Что-то не так, ваше высочество?

— Да не нравится мне этот хлыщ, вот и все, — сказал Элвар упрямо. — Хоть ты тресни, не нравится.

— И это все претензии?

— А что, мало? — с досадой спросил принц. — У нас в Полуденном Каталауне есть, знаете ли, бабки, учат, как людей р а з л и ч а т ь. Говорю вам, не нравится он мне...

С величайшим терпением Абданк ответил:

— Ваше высочество, у вас, в Полуденном Каталауне, конечно, есть масса интересного... Но я-то руководствуюсь уставом службы. Данная маска магическими способностями не обладает, оружия не имеет, этикета не нарушает, неудовольствия императрицы не вызывает. Не вижу причин для вмешательства...

— Ну так я сам вмешаюсь, — сопя, пообещал принц. — Подойду, да как шарахну фляжкой по башке... Благо это и не лар вовсе...

Абданк бесстрастно сообщил:

— Вы не можете не помнить этикета, ваше высочество. Лицо, затеявшее на маскараде скандал или драку, подлежит немедленному удалению, невзирая на личность...

— Да помню... — сварливо откликнулся принц. — Вы ведь, службист этакий, мне и размахнуться толком времени не дадите, а?

— Не дам, — сказал Абданк вежливо.

— Законники... — проворчал принц. — Ничего, тут есть несколько моих дворян, а они все ха-аррошие фехтовальщики. Я этой маске обеспечу добрую дуэль, с которой она своими ногами ни за что не вернется...

— Ваше право, — сказал Абданк. — Но исключительно за пределами дворца... Ваше высочество, почему бы вам не пойти потанцевать? Здесь много новых дам...

Фыркнув, его высочество сообщил:

— Как гласит пословица, куртуаз-винохлеб годен только во гроб. Чем-то одним надо заниматься. Нет, конечно, я женского пола не чураюсь... Знали бы вы, господа, какая на речке Гин обитает мельничиха... И, между прочим, вдовая... Но это совсем другое дело, господа. Вы себе только представьте: ясный солнечный день, щебечут птицы, жужжат пчелы, размеренно шумит мельничное коле-

со, и тут появляешься ты с букетом цветов... А на грубо сколоченном столе в тенечке, под деревом, уже свежайшие хлеб и сыр, ветчина розовеет, огурчики малосольные с отрезанными концами, кувшин вина... А в амбаре копна свежескошенного сена... Вот она где, господа мои, поэзия и романтика. А эти все маскарадные стервочки... — он подался вперед и ловко сцепил Сварога за локоть. — Граф Гэйр, можем мы пару минут поговорить наедине?

— Разумеется, — сказал Сварог, шагая за стиснувшим его руку принцем.

Никакой досады он не испытывал и неприятного не ждал: если уж его высочество обращается не к королю Ронерскому, а к графу Гэйру, безусловно не будет просить за очередного разбойничка с лесной стежки или попавшегося в королевском лесу браконьера, у которого дома семеро по лавкам, а прадедушка тридцать лет беспорочно прослужил писарем в ратуше...

Выпустив его локоть, принц приподнял портьеру, закрывавшую одну из многочисленных ниш, зло фыркнул, явно обнаружив там уединившуюся парочку. Та же история повторилась и у второй портьеры, а вот за третьей, мельком туда глянув, Элвар скользнул с бегемотьей грацией.

Сварог вошел следом. Его высочество, ругаясь под нос, пытался удобно расположиться на мягким диване, обтянутом синим плисом в золотой цветочек, и это, конечно же, плохо у него получалось: диван был широкий, а спинка, далеко отстоявшая от кромки — совсем невысокая. Что поделать, ниши эти предназначались не для мужских конфиденциальных бесед — все здесь продумано именно для удобства влюбленных парочек, коим и не нужно удобство в вертикальном положении...

После нескольких неуспешных попыток устроиться уютно Элвар, яростно плюнув, уселся на краешек дивана, как школьник в классе. Сварог устроился рядом. Легонько отодвинул протянутую флягу.

— Граф Гэйр, — глядя на него серьезно и уныло, сказал принц. — Вы ведь наверняка читали отчеты по операции «Кольчуга»?

— Должность позволяет, — кратко ответил Сварог.

— Оказалось, ничего невозможного сделать...

Сварог лишь кивнул. Подавшись к нему, обдавая самонным выхлопом, ухватив за рукав, принц Элвар заговорил негромко:

— Может, хоть вы сможете что-то сделать? Вы же столько уже геройств совершили, черт-те с чем справились... Все бесполезно, и все бессильны. На вас вся надежда... — он стал едва ли не захлебываться словами. — Вы понимаете... Если грех нет катаклизм, а он, очень на то похоже, грохнет, сметет к чертовой матери и наш Катауун. Кто-то из людей, очень может быть, и уцелеет, я помню цифры, при Штурме погибла половина земных обитателей, а половина осталась... Но все равно, перекорежит вдребезги, не будет уже Катауна... а я без него сдохну с тоски... Столько у меня там добрых приятелей, крестных детишек и просто веселых собутыльников... Вы же бывали в Катаууне?

— В Полуночном, — сказал Сварог. — Проездом.

— Ну вот, должны знать, что люди-то там отличные... А я для них ничего не могу сделать. Ну, разве что, взять к себе в замок дюжину, две, три, когда объявят «Журавлиный клин»... А остальные? А сам Катауун? Я говорил с моим высокочтимым братцем, блоху ему в штаны. Говорил с Канцлером, с Янкой... Вполне возможно в срочном порядке сработать десятка три кораблей наподобие тех, что ходят на Сильвану. Я бы за пару недель на них посадил весь Полуденный Катауун...

— И что?

— Не дают, — горько сказал принц. Выпрямился, произнес чужим голосом, явно пытаясь передразнить то ли Канцлера, то ли Костянью Жопу: — Во-первых чересчур велики энергозатраты и расход апейрона. Во-вторых, подобные действия вызвали бы, вы сами должны понимать, всеобщую панику... Лучше уж предоставить события их естественному течению — а там уж кому повезет... Вот так вот.

— А... императрица?

— Я не могу до нее д о с т у ч а т с я, — сказал принц. — Она умная, добрая, да и остальные господа небожители не злые и не жестокие. Просто... Ну, просто так уж принято испокон веков — не принимать земные заботы в с е р ь е з,

это в мозги въелось, понимаете? Это вот равнодушие. И ни злобы тут, ни жестокости, ни политики. Привыкли быть абсолютно равнодушными к земным хлопотам, вот и все. Еще с тех пор, как спокойненько упорхнули окончательно за облака после Вьюги... Понимаете?

— Да, — сказал Сварог.

— Вот и выходит, что я — единственный отщепенец, который на земле проводит не меньше времени, чем за облаками. И я не смог до них всех достучаться...

Идеальный и могучий был бы союзник, доведись преодолевать какие-то бюрократические рогатки. Кабаном сквозь камыши ломился бы. Но, вот беда, не в ситуации, где помогло бы его вмешательство. Об щую эвакуацию населения с Талара ни за что не проведешь — даже у ларов не хватит сил и возможностей на столь масштабное предприятие, по крайней мере, в течение тех считанных недель, что остаются...

Одна-единственная возможность, шанс, вариант...

— А если поискать в Императорском архиве, — спросил Сварог.

Единственное хранилище информации, куда не способен проникнуть даже Элкон. Поскольку архив этот, защищенный сверх мыслимых пределов, существует исключительно в бумажном виде, без всякой электроники, и попасть туда могут только члены фамилии...

Эльвар горько рассмеялся:

— Вот спасибо-чко, подсказали... Граф, я мозги не пропил окончательно. Я туда ходил еще две недели назад, перерыл все вверх дном. Ни строчки о Багряной Звезде. Вообще, скажу вам по секрету. Императорский архив помещается в одном-единственном невеликом зале и на три четверти состоит из сущего хлама. Нет там никаких полезных секретов... ну, по крайней мере, тех, что с ей ча бы пригодились... Вот и получается, что на вас вся надежда. После всех свершений ваших... Вы ведь что-нибудь придумаете?

В глазах у него стояла такая мольба, что Сварогу стало стыдно и больно.

— Обязательно, — ваше высочество, — сказал он, вставая первым (что ничуть не противоречило здесь, на маске-

rade, обычному придворному этикету). — Непременно что-нибудь придумаю...

Отодвинул тяжелую портьеру, вышел и форменным образом побрал вдоль стены. Впервые за долгие, долгие годы ему хотелось плакать — от собственного уничижительного бессилия. В голове крутились строки Асверуса:

*Я встретил путника. Он шел из стран далеких
и мне сказал: «Вдали, где вечность сторожит
пустыни тишину, среди песков глубоких
остаток статуи распавшейся лежит.
Из полустертых черт сквозит надменный пламень,
желанье заставлять весь мир себе служить.
Ваятель опытный вложил в бездушный камень
те страсти, что могли столетья пережить.*

Кто-то, видимо, знакомый, шагнул навстречу и попытался заговорить. Сварог прошел мимо, не поворачиваясь.

*И сохранил слова обломок изваянья:
«Я — Озимандия, могучий царь царей!
взгляните на мои великие деяния,
владыки всех времен, всех стран и всех морей!»
Кругом нет ничего... глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса над ней...*

Он впервые в жизни оказался в совершеннейшем тупике. Раньше, и там, и здесь, как бы круто жизнь ни прихватывала, непременно впереди оказывалось местечко, куда можно рвануться всем телом, пусть и с нешуточным риском для жизни. Теперь был тупик. Идти просто-напросто некуда.

Точнее, ухватиться не за что. Никто ничего не знает, ни эти долбаные студенческие тайные братства, в которых состоит Леверлин, ни монахи. И те, и эти обладают кое-какими интересными секретами — но совершенно бесполезными в данную минуту. Ничего нет об этой багряной пакости и в привезенных Анрахом книгах. Ничего ни у кого нет.

Он неплохо знал Талар. И более всего бесила мысль, что где-то все же может таиться ключ к разгадке. Нельзя исключать, что где-нибудь в заплеснувших, траченых мышами, забытых за давностью лет архивах третьеразрядной разведки, а то и просто в дальнем углу заросшей паутиной библиотеки, куда сто лет не заходили потомки книгоочея, может покоиться книга или бумага, как раз и содержащая ключ. Так может оказаться. Прецеденты известны. Но где искать? Неведомо...

— Командир!

Мелодичный женский голосок. Он остановился, поднял голову. Ну конечно. Томи, маркиза Лейт, ценный, несмотря на юные годы, сотрудник, крестьяночкой нарядилась: белоснежная рубаха с вышивкой, черный корсаж в золотой канители, красная пышная юбка колокольчиком, черные волосы распущены по плечам, как, собственно, не замужней крестьянке и не возбраняется. Драгоценности, конечно, для любой крестьянки — недостижимая мечта...

— Рад тебя видеть, — сказал Сварог, пытаясь стать беззаботным и вежливым. Вот уж на ней срывать дурное настроение никак не годилось. Особенно если учесть, что эта дуреха зачем-то втрескалась в него по уши, что ему было совершенно ни к чему, только жизненных сложностей добавляло.

— Командир, вы не пригласите меня на танец?

«И какого рожна я сюда приперся? — мелькнуло в голове Сварога. Можно подумать, других дел нет...»

— Конечно, Томи, — сказал он, протягивая ей руку.

Оркестр заиграл фарагуду — вот это, что называется, влип, угодивши на медленный танец, предписывающий некое подобие объятий, как в танго... Руки на талии девушки, ее ладони на плечах Сварога, все, как и надлежит — вот только будто бы невзначай придинулась так, что он уже чувствовал ее грудь, неотрывно смотрела в глаза чересчур уж многозначительным взглядом.

Он без труда унюхал винный аромат, оценил раскрасневшиеся щеки и блестевшие глаза. Не пьяна, конечно, но бокальчиком явно не ограничилась.

— Знаете, мои родители познакомились на маскараде, — сказала Томи. — Побывали в уютных закоулках дворца,

оба считали это мимолетным веселым приключением, но оба очень быстро поняли, что все совсем наоборот...

— Томи... — сказал он спокойно.

— Что?

— Так прижиматься невежливо. Против этикета.

— И ничего подобного, — сказала девушка, ничуть не отстранившись, глядя ему в глаза. — Посмотрите направо... или налево... Это на балу невежливо, а на маскараде очень даже допускается...

Покосившись вправо-влево, он вынужден был признать, что клятая девчонка права: там прелестницы прижимались к кавалерам и потеснее. Пора думать, как из всего этого выпутываться...

— Вы здесь один? Без спутницы?

— Один, — вынужден был сознаться Сварог.

— Это замечательно, — сообщила Томи. — Знали бы вы, как давно мне хотелось с вами побывать вот так, не на службе...

Кого превеликому облегчению, фигуры танца потребовали разомкнуть объятия, и, не касаясь друг друга, отступив на пару шагов, проделать несколько неспешных пируэтов. Вот только потом все вернулось в прежнее состояние, и девушка прильнула к нему уже быстрее и увереннее.

«Ну на черта я тебе нужен? — мысленно возопил он. — Какого дьявола в о б щ е в меня влюбляться? Меня совершенно не за что любить — королевскую морду, спецслужбистскую рожу, человека, который, очень похоже, ни одну женщину не способен любить по-настоящему, в п о э т и ч е с к о м смысле... Будь ты обычной, ищущей мимолетных приключений, великосветской ветреницей, я бы, есть такой грех, не удержался, но в та к о й ситуации и пальцем тронуть не могу, как-никак ошметки принципов у меня остались...»

— Интересно, почему ты без ленточки-флиртовочки? — спросил он, в поисках безопасного русла, куда можно перевести разговор.

— Потому что не хотела, чтобы меня отвлекали флиртом. Я вас искала.

«Перевел, называется...»

— А хотите, я повяжу полосатую? — спросила Томи. — У меня с собой есть... Исключительно ради вас.

Откровеннее и предложиться невозможн...

— Может быть, когда танец кончится, вы покажете мне замок? — Томи не отводила ш а л ь н о г о взгляда. — Я никогда не бывала на верхних этажах...

— Там ничего интересного, Томи.

— Ну, неужели вы на маскараде откажете dame в таком пустяке? Может, ничего интересного и нет, но мне хочется посмотреть...

Сварог прислушался к музыке, прикинул, сколько фи-
тур уже станцована — ну, слава богу, фарагуда близилась
к финалу. Пора удирать, потому что события галопом не-
сутся к нешуточным сложностям, точнее — Томи их туда
гонит...

Музыка умолкла, но Томи далеко не сразу отступила
на подобающее расстояние. Сварог, уже обретя некото-
рую уверенность, теребил у с л о в л е н н у ю мундир-
ную пуговицу — третьью сверху, с левой стороны, во внеш-
нем ряду...

И с превеликой радостью увидел, что неподалеку с по-
хвальным проворством обнаружился Интагар, наряжен-
ный медиком: длинная мантисия, черная шапочка, укра-
шенная серебряной бляхой с изображением обвивающей
чашу змеи, кожаная сумка особого фасона. Вообще-то
бульдожья физиономия в реальной жизни абсолютно не
гармонировала с нарядом представителя столь благород-
ной профессии — но зело было на маскараде, сейчас на
нем красовалась белая носатая маска старинного фасона
(в таких старинные доктора отправлялись на чумные эпи-
демии, набив нос ароматическими травами), открывав-
шая лишь рот и квадратный подбородок. Так что ничего,
вполне пристойно...

— Куда вы смотрите? — нетерпеливо спросила Томи.

— Видишь вон того медика, что к нам спешит, — ти-
хонько спросил Сварог тоном заговорщика. — Это мой
здешний министр полиции. Сдвинулось наконец дело...

Она растерянно заморгала:

— Так вы...

— Вот именно, — сказал Сварог самым внушительным тоном, на какой был способен. — Ты же умная девочка, Томи, все понимаешь... Это они, — он широким жестом обвел беззаботную пеструю толпу, — безмятежно веселятся, а я работаю, у меня здесь операция раскручивается полным ходом. Подробности тебе знать не полагается...

— Я понимаю, — грустно сказала Томи.

— Умница, — сказал Сварог. — Вот за это ценю и уважаю...

— Только за это?

Инtagар уже был в нескольких шагах.

— Томи, тысячу раз прости, но мне некогда, — сказал Сварог. — Служба! Случилась пауза, ее хватило на один танец, но, коли уж ко мне спешит министр, события р в а н у л и. И это до утра затягивается, что поделать...

— Я понимаю, — также грустно повторила Томи. — Но ведь выпадет такой случай, когда вы не будто поглощены службой?

— Непременно, — сказал Сварог. — Какие наши годы? Ну, все, я должен идти, он явно рвется что-то сообщить...

Ободряюще улыбнулся и двинулся навстречу Интагару. Оказавшись рядом, шепнул:

— Возьмите меня за локоть и уведите подальше отсюда, в противоположную сторону. Другой рукой изображайте какие-нибудь загадочные пассы с самым озабоченным видом, какой у замаскированного возможен, говорите что-нибудь с таким видом, будто принесли мне срочное сообщение... В соседний зал.

Не выказав ни замешательства, ни удивления, Интагар моментально взял его под локоть и повлек в предписанном направлении. Украдкой оглянувшись, Сварог увидел, что Томи по-прежнему стоит возле изукрашенной колонны и печально смотрит вслед, вздохнул — ну что тут прикажете делать? Да ничего не надо делать, авось само пройдет...

Свободной рукой выписывая пассы, приличествующие скорее уж сценическому заговорщику, Интагар заговорил тихо, со своим обычным бесстрастием:

— Ее величество королева Сегура так и не прибыла, хотя твердо намеревалась быть на маскараде. Если бы она

свершила посадку в Латеране, мне немедленно сообщили бы.

«Час от часу не легче, — подумал Сварог. — Что ее могло задержать? Что могло случиться с ее виманой, замаскированной под обычный самолет? Мара — человек обязательный, вдобавок он ей ничего не поручал. Означает ли это, что нужно беспокоиться? В последнее время ждешь любых неприятных сюрпризов... Ну какие такие неотложные дела могли ее задержать на кукольном Сегуре?»

Они оказались в соседнем зале, ничем особо не отличавшимся от только что покинутого — разве что капители колонн здесь выполнены в виде виноградных гроздьев, и резьба изображает вьющиеся виноградные лозы, а не простые узоры.

— Если у вас больше ничего, можете идти, — сказал Сварог.

Оставшись в одиночестве, он выбрал местечко поспокойнее, в углу. Знакомых поблизости вроде бы не усматривалось. Хвала собственную предусмотрительность, коснулся бляхи на тулье мушкетерской шляпы — и к нему довольно быстро приблизился наряженный балонгским банковским письмоводителем человек в синей полумаске — дежурный из девятого стола, коему на всякий случай вменялось в обязанность во все время маскерада неотступно держаться поблизости от начальства.

— Идите к связистам, — распорядился Сварог тихо. — Не знаю уж, где они тут засели...

— Здесь, на первом этаже...

— Без разницы, — сказал Сварог. — Немедленно выяснить, где вимана королевы Сегура, вообще, что с ней. Живо.

Дежурный кивнул и скрылся в пестрой толпе. Что же, как давно известно, лучше *перебдеть*, чем *недобдить*. Хотя повсюду вроде бы царит полное спокойствие, тишина и симметрия, даже неведомо откуда вынырнувший после долгого отсутствия герцог Орк ведет жизнь благонравную и размеренную, при встречах со Сварогом сохраняя ровную, отстраненную светскую вежливость...

Ждать пришлось минут десять — не самых приятных...

— Вимана ее величества стоит на своем обычном месте в сегурской столице, — доложил вынырнувший с неожиданной стороны дежурный. Вся бортовая аппаратура функционирует нормально, в режиме ожидания.

— Хорошо, идите...

Вроде бы нет поводов для беспокойства: мало ли какие, возникшие в последнюю минуту дела, могли ее задержать. Коронованных особ сплошь и рядом обременяют неожиданно всплывшими срочными делами — надо полагать, так обстоит и в крохотном Сегуре, каковой, как ни крути, есть все же *д о п о д л и н н о е* королевство...

Настроение у него чуточку поднялось, когда оркестр грянул каталаунскую райду — танец, имевший некоторое сходство то ли с казачком, то ли с мазуркой. Да-да, было в музыке нечто общее, что и не удивительно: *з д е с ь* нот тоже семь, а количество звукосочетаний все же ограничено теорией вероятности. Множество здешних приключенческих и любовных романов, кстати, чертовски напоминают сюжетами и подбором героев иные земные — поскольку любовные перипетии и авантюрные приключения, в общем, *вездे одинаковы...*

Быстрый был танец, бравурный, лихой. Ну, а поскольку он имел каталаунское происхождение, едва ли не первым в цепочке пронесся, тяжело колыша чревом, притопывая и ухая, его императорское высочество принц Элвар. Сплошь и рядом он не попадал в тakt, потому что музыкального слуха лишен совершенно, о чем нисколечко не горевал — но этот недостаток восполнял нешуточной экспрессией. Как с ним частенько случается, ухитрился очень быстро оттоптать ноги парочке соседей, что соседи приняли отечески — лары прекрасно знали, кто это такой неуклюже топочет в каталаунском наряде, а земные приглашенные наверняка тоже уже прослышиали.

Сварог вдруг обнаружил, что почти беззаботно притопывает в такт. И даже принялся напевать про себя:

— Казачок! Нет тебя милее!
Каблучок! Топни веселее!
Казачок плясать заставит
целый белый свет,
лучше танца в наше время нет!

Тут не было ни малейшей тоски по покинутой Земле — исключительно ностальгия по бесшабашной курсантской юности, когда казачок гремел на всякой танцплощадке, громко топали подошвы и туфельки, взлетали подолы мини-юбок...

И осекся, моментально лишившись веселого расположения духа. Наконец-то увидел Яну и сразу сообразил, отчего так раскипятился Элвар — ну да, самогон тут почти что и ни при чем...

Ее величество Яна-Алентевита, нетрудно догадаться, была несравненна и ослепительна. Никакого сравнения с той почти что девчонкой, которую Сварог увидел впервые два с лишним года назад. Вполне взрослая девушка. Определение «юная императрица» безвозвратно осталось в прошлом. Молодая императрица, так оно теперь будет правильнее.

Но вот наряд, господа мои... Действительно, стойкому консерватору Элвару, каковой пусть строгие, но короткие платья и то воспринимал, как бык красную тряпку, было от чего возмущаться. Любой пуританин незамедлительно ляпнулся бы в обморок, откинув ножки и смертно побледневши. Всего-то и наряда, что низкий алый корсаж, зашнурованный впереди, изрядно открывавший пленительные округлости, да короткая синяя юбка из какой-то непрозрачной, но легчайшей, как пух, материи, при любом резком движении взлетавшей так, что умопомрачительные загорелые ноги открывались буквально до крайнего рубежа приличия. Хотя рубеж этот стойко держался — Сварог слыхивал о подобных портняжных ухищрениях, коими особенно любили пользоваться не самые стойкие в моральном плане придворные красотки. А если учесть, что райда как раз и состояла из резких поворотов на две или три четверти, а порой и полных оборотов...

Черная полумаска, окаймленная поясками бриллиантиков, роскошное затейливое ожерелье из рубинов и сапфиров, заплетенная на две трети коса — ну, это все даже у законченных консерваторов не вызвало бы протеста. А вот левое запястье, в тридцать три морских черта и трехнуто-го осьминога...

Повязанная на нем голубая лента — это бы еще ничего, ибо означает всего-навсего «Готова к флирту». За исключением нескольких законченных гордячек, такую ленточку на бал-маскерад повязывает не только настроенная как следует повеселиться, не заходя далеко, светская дама, но даже иные молодящиеся старушки, до седых волос исполненные оптимизма и бодрости. Это бы еще ничего. А вот вторая, полосатая, желто-красная (именно о ней Томи и упоминала), означает нечто гораздо более и г р и в о е, так как гласит «Готова к вольностям». А эти вольности, Сварог знал на личном опыте, в девяноста девяти случаях из ста заканчиваются в тех самых многочисленных будуарах, коих согласно давним традициям маскерадов полно на верхних этажах. И потому э т у ленточку наденет далеко не каждая — главным образом те дамочки, которых из светской деликатности принято именовать придворными ветреницами, хотя в обиходе, как легко догадаться, используются более смачные словечки.

Что это ей в голову ударило? Никогда прежде подобных номеров не откалывала, уж ей-то прекрасно известно, что полосатая ленточка по сути, недвусмысленный призыв всем и каждому: «Хочу в постель!». Что на нее такое нашло?

За плечом тяжко, словно пожилой морж, вздохнул Интагар. Обернувшись к нему, Сварог спросил тихо:

— В чем дело? Что это за наряд? Крестьянки всегда носят с корсажем рубашку или платье... А это больше на кабацкую танцовщицу смахивает.

— Ваше величество, — уклончиво сказал Интагар. — Мне по ничтожности моей совершенно не подобает судить...

— Повелеваю, — сказал Сварог холодным, истинно королевским голосом. — Ну?

Интагар откровенно мялся, но все же решился наконец:

— Ваше величество, маскерад, конечно — это вольности и раскованность, и этикет тут побоку... Все равно, с в о и м дочкам я бы такое ни за что не позволил надеть.

— Они здесь, кстати?

— Да, обе. Я безмерно благодарен вашему величеству...

— Пустое, — нетерпеливо сказал Сварог. — Что не так? Ну?

— Ваше величество, коли уж откровенно... Если не считать украшения и маску, получится классический наряд портовой... девицы.

— Портовой шлюхи, вы хотите сказать? — нахмурясь, уточнил Сварог. Какие, к дьяволу, в порту девицы... Ах, вот оно что... Я как-то мало бывал в портах и на э т у деталь внимания не обращал — хотя, если напрячь мозги, что-то подобное вроде бы и видел в Фиарнолле... То-то я схожих костюмов за все время заметил парочку, не больше...

— Вот именно, — угрюмо кивнул Интагар. — Это даже для маскера да малость... предосудительно. Нарядиться кабацкой танцовщицей — еще куда ни шло, а это уж чесчур. Да еще ленточка эта полосатая. На н а ш и х балах так себя ведут, тысячу раз простите, исключительно законченные оторвы. На императорском я впервые, порядков не знаю...

— Да и мне прежде на императорских такие наряды встречались крайне редко, — протянул Сварог. — И в здешнем многолюдстве их, как я говорил, два-три... — он зло выдохнул сквозь зубы. — Ну, а что тут поделаешь? Ее величество изволят развлекаться с ноткой предосудительности, а воля императрицы не обсуждается. То-то и родной дядюшка фыркал, как кабан в камышах...

Он глянул на цепочку танцующих, согнувшись хитрыми изгибами так, что совсем неподалеку оставались Яна и ее кавалер, который, по заверениям Эльвара, как прилип, так и не отлипает. Попытался опознать загадочную персону, но ничего у него не получилось — маска закрывала лицо целиком. Разве что по движениям ясно: не так уж и молод, не юный вертопрах какой, в зрелых годах. Полностью соблюден костюм Катарюса — здешнего персонажа комедии масок, во многом напоминавшего Пьеро: непризнанная творческая личность, порой поэт, порой художник, печальный романтик, не везучий и в жизни, и в любви, вечно вынужденный терпеть пинки и подножки от жизнен-

радостных нахалов вроде Бабитана или Гурамо, насмешки жестокосердных красоток. Селадонового цвета широкая блуза с кружевным жабо и рукавами до локтя, какую более всего любят художники, штаны в обтяжку, клетчатые, бело-черные (чисто сценический наряд, в жизни ни один творческий человек не наденет), черный пышный бант на шее, белоснежная маска, изображающая утрированно печальную рожу, красный колпак с белым помпоном на шнурочке, красные башмаки с загнутыми носками. Ну да, классический и законченный Катарюс — правда, в отличие от неуклюжего и нескладного на сцене Катарюса, облачившийся в его наряд незнакомец, по ухваткам видно, завсегдатай подобных увеселений, человек вполне светский. Танцует отлично, держится непринужденно, грациозен и ловок...

— Интагар, я уже привык, что вы знаете все на свете, — сказал Сварог. — Не подскажете, что это за хлыщ? Хотя, если это лар, вы знать его не можете, понятно... Или?

— Это не лар, ваше величество, — сумрачно откликнулся Интагар. — Это герцог Лемар собственной персоной.

От неожиданности Сварог и сам фыркнул почище натурального кабана, впился неприязненным взглядом. Как прилип, так и не отлипает... Едва выдастся момент склониться к ушку партнериши, болтает, болтает и болтает, наш известный мастер у б а л т ы в а т ь... Своловь такая, в бессильной ярости подумал Сварог, видя кокетливо воздетый к потолку взгляд Яны, ее игриво-отрешенную улыбку. Ну погоди, на Стагаре сгною, на Монфокон к чертовой матери отправлю, м а т е р и а л о в на полдюжины плах и два десятка баниций...

Интагар произнес без выражения:

— Вообще-то мои парнишки могли бы его незаметно и быстренько и зъ я т ь...

В его взгляде почудилось понимание и сочувствие — способные сейчас не утешить, а лишь еще более разозлить.

— Не получится, любезный мой, — вздохнул Сварог. — Права не имеете. Здесь имперская юрисдикция, и всем распоряжается лишь начальник охраны императрицы... Вам, увы, не по чину...

— А в а м? — спросил Интагар. — Вы же начальник девятого стола? Или и вам в э т о м случае нельзя?

— Если подумать, можно... — задумчиво протянул Сварог. — В крайнем случае, выйдут легонькие межведомственные трения, вот и все, сущие пустяки... Но у меня нет здесь моих людей, я и не предполагал, что они понадобятся, у моей службы все же не те функции...

— Но вы же можете их вызвать?

Сварог обернулся и посмотрел на верного бульдога в упор:

— Вы полагаете, следует?

— Это же Лемар, — почти не промедлив, откликнулся Интагар. — С его, чтобы ему провалиться, чуть ли не колдовским умением убалтывать... А он а совсем молодая и в н е к о т о р ы х смыслах, рискну заметить, от земных девушек мало отличается...

Сварог прекрасно понимал, какие мысли сейчас обуревают его верного костолома. Все знают, что жестокий и не-преклонный б у л ь д о г начисто лишен обычных человеческих эмоций, но один-единственный пункттик у него все же есть, единственная слабинка: будь его воля, будь у него такая возможность, любую девушку бы уберег от о п р о м е т ч и в о с т е й. Отец двух дочек, ага...

Сварог на какое-то время задумался над этой идеей всерьез. В конце-то концов здесь Томи, полноправная сотрудница девятого стола, самым официальным образом числящаяся на службе, так что с юридической стороной дела все в порядке. Если ей удастся выманить Лемара за пределы дворца, к подножию лестницы, где автоматически включаются ронерские законы... А если не удастся? Если этот скот всерьез н а ц е л и л с я на Яну? Прекрасно зная, что никаких законных препятствий перед ним не воздвигнуто? Тогда? Отправиться в комнату секретной связи (она тут, конечно же, обустроена для нужд соответствующих служб), вызвать полдюжины в я з а л ь щ и к о в... Как там в кино? «Министры спишутся, выразят соболезнование...»

Он стоял в растерянности, не зная, на что решиться — и нужно ли на что-то решаться. Рядом нетерпеливо сопел Интагар.

— Подождем развития событий, Интагар, — сказал он, ругая себя в душе. — Ситуация очень уж деликатная...

— Я бы его давно, будь ваша воля... — недобро протянул Интагар. И осмелился подпустить в голос малую толику иронии: — Вот вам и развитие событий, ваше величество, можете лицезреть... Если это не развитие событий, то я — балерина...

Сварог даже зубами скрипнул. Оркестр играл марчерьет — этакую помесь очень медленного танго с менуэтом, и освещение в огромном зале померкло — как и в прочих, надо полагать, во всех залах танцуют одно и то же...

Яна и Лемар оказались совсем недалеко. Герцог вольничал беззастенчиво: пользуясь медлительностью танцевальных фигур, провел кончиками пальцев по обнаженной руке Яны, от локтя к плечу, по плечу к шее, ладонь на миг задержалась под ключицами, вкрадчиво и где-то даже грациозно скользнула ниже. Другая все время длившейся чуть ли не минуту фигуры лежала не на талии, а на бедре, но Яна лишь опустила ресницы, не сделав ни малейшей попытки чему-то воспрепятствовать, даже когда кончики пальцев Катарюса прошлились по нежной коже над кромкой корсажа.

Интагар злобно сопел. Выругавшись про себя, Сварог подумал, что и тут законы бессильны: потому и померк свет, таков уж танец. Марчерет — единственный танец, во время коего кавалерам разрешается вольничать даже раскованнее, чем это проделывает Лемар — что и наблюдается повсеместно, на фоне иных парочек герцог выглядит сущим паинькой...

— Ваше величество... — едва ли не умоляюще протянул Интагар.

— Смирно. Молчать, — сквозь зубы откликнулся Сварог.

Танец подходил к концу, свет помаленьку разгорался, но еще прежде, чем он набрал прежнюю яркость, Лемар увлек Яну за высокую портьеру, в одну из множества ниш — без всякого сопротивления, положив руку на плечо.

— Такая вот ситуация, граф Гэйр... — без выражения прошел неведомо когда успевший возникнуть рядом

барон Абданк. — Ну конечно, там ничего такого не произойдет, не принято...

— А если они пойдут наверх? — зло спросил Сварог.

Барон меланхолично пожал плечами и ничего не сказал. Сварог не сводил глаз с высокой темно-синей портьеры. Он не мог толком разобраться в своих чувствах — то ли ревность, то ли горечь и разочарование. Кровь стучала в висках, злость переполняла, вот и все. Казалось, прошло очень много времени, хотя на самом деле наверняка лишь несколько минут пролетело, прежде чем парочка показалась вновь. Яна поправляла корсаж, одергивала юбку, глядя на спутника с улыбкой, за которую Сварог надавал бы ей оплеух, имей он такое право. На шее, над правой ключицей, явственно алело пятно, не оставлявшее загадок касаемо своего происхождения. Лемар что-то говорил, склонившись к ее ушку, украшенному затейливой серьгой с огромным сапфиром. Почти не задерживаясь, парочка направилась вдоль стены — прямехонько к неширокой лестнице, ведущей наверх, в глубины здания. Где располагались...

Сцепав Интагара за витой серебряный шнур полицейского погона, Сварог наклонился к его уху и шепотом распорядился:

— Пяток ваших молодчиков сюда, живо.

Оскалясь в недобром улыбке, шеф тайной полиции принялся каким-то хитрым манером перебирать форменные медные пуговицы на камзоле — обеими руками, проворно, словно по клавишам барабанил развеселую польку. Очень быстро вокруг них сомкнулись пятеро субъектов в масках и безупречных костюмах, ничем не выделявшиеся на общем фоне — разве что недюжинной статью, шириной плеч и внушительными кулаками.

Яна с Лемаром уже поднялись ступенек на десять. Рука герцога хозяйски лежала на талии девушки. Показав одному из шпиков в ту сторону легким кивком, Сварог тихонечко распорядился:

— Проследить...

Тот едва заметно кивнул и двинулся в предписанном направлении — глядя со стороны, он перемещался не-

спешно и непринужденно, словно обычный гость, кото-
рому пришла охота лениво побродить.

— Граф Гэйр, что вы намерены предпринять? — насто-
роженно осведомился Абданк, от цепких глаз которого
эта сцена, конечно же, не укрылась.

— А вы? — жестко спросил Сварог. — По-моему, не
осталось никаких сомнений и двусмысленных толкова-
ний...

Барон вновь пожал плечами, вроде бы чуточку пону-
рился:

— Ничего я не намерен делать, граф Гэйр. Поскольку
не наблюдается ни насилия, ни магических приемов. Не
имею права вмешиваться, у меня *личины*, категориче-
ские, не допускающие тех самых двусмысленных толкова-
ний указания... Личные. Я на службе.

Что-то вроде этого он и ожидал услышать. Представил
Яну в объятиях Лемара, на смятых простынях — и зубами
заскрипел от злости. А, будь что будет, дальние Кушки не
пошлют, меньше взвода не дадут... Будь что будет, но ты
ее, скотина, не получишь...

— Какие там замки? — спросил он резко.

Барон Абданк откликнулся вроде бы совершенно рав-
нодушным тоном:

— Замочная скважина снаружи, но внутри ее нет, что-
бы запереться изнутри, поворачивают головку замка.

— А зачем вообще нужна замочная скважина снару-
жи?

— Леший его ведает, — сказал барон. — Традиция та-
кая. Я так думаю, вдруг все же зачем-то понадобится бы-
стро попасть внутрь... Еще при моем предшественнике в
схожей ситуации некоего пожилого ловеласа хватил удар,
девица перепугалась настолько, что не могла отпереть
дверь лекарям, только визжала... Ну, или понадобится
кого-нибудь тихонько арестовать, и такое бывало...

Когда Сварог перехватил взгляд Интагара, тот пре-
спокойно кивнул, похлопав себя по накладному карману
камзола.

— Что вы намерены делать, граф Гэйр? — тем же вя-
лым и словно бы безразличным голосом спросил барон.

«Универсальный ключ у него наверняка есть, — подумал Сварог. — Но ведь не даст, не станет заходить настолько далеко — хитрован изрядный, как по должности и положено. Ладно, хоть не мешает, спасибо и на том...»

Он усмехнулся:

— Девятый отдел проводит операцию. О сути которой я имею право никому не сообщать, в том числе и вам. А вот вы не имеете права мне препятствовать, не так ли?

— Не имею, — вяло откликнулся барон. — Однако я, согласно правилам, вынужден буду написать отчеты канцлеру и министру двора...

— Хоть дюжину, — сказал Сварог, нетерпеливо топчась. — Ребята, за мной...

И первым направился к лестнице, стараясь не привлекать излишнего внимания, ленивым шагом. Интагар от него не отставал, четверка шпионов двигалась следом, грамотно изображая беззаботных светских бездельников.

Оказавшись на лестнице, вдали от посторонних глаз, Сварог наддал, перепрыгивая через две ступеньки. Следом топотали шпики. Очень быстро они оказались в длиннющем, неярко освещенном коридоре, где с одной стороны располагалась балюстрада с каменными перилами, откуда тянуло ночной свежестью, а справа — одинаковые двери, невысокие, темного дерева, филенчатые. Над некоторыми тускло светились зеленые фонарики, а над другими, уже занятymi, эти фонарики не горели.

Завидев издали шпика, локтем опершегося на балюстраду напротив одной из дверей, где круглый фонарик над притолокой, понятное дело, не горел, Сварог прибавил шагу. Оказавшись у двери, не сказал ни слова — просто энергично мотнул головой и сделал движение рукой, словно поворачивал ключ в замке.

Как и следовало ожидать, вымуштрованный шпик понял его и без слов — решительно шагнул к двери, извлекая из кармана стальную «лещеву лапку», покрытую на конце хитрыми выступами и вырезами, примерился к скважине.

— Что? — нетерпеливо спросил Сварог.

— Чепуха, ваше величество, — со спокойным достоинством знающего свое дело мастерового откликнулся

шпик, уже аккуратно и бесшумно вставлявший отмычку в скважину. — Гвоздем такие открывать... Щас...

Раздался едва слышный скрежет, противное металлическое похрустывание — и шпик, обернувшись, кивнул, извлек свой инструмент. Сварог, нисколечко не колеблясь, рванул на себя вычурную бронзовую ручку, распахнул дверь и бесцеремонно вторгся в обитый полосатым шелком будуар, не особенно и большой.

Карбамильская лампа в изголовье, хотя и прикрученная, давала достаточно света, чтобы рассмотреть обнявшуюся на постели парочку. На полу валяются обе маски, красные башмаки, блуза Пьеро. Только теперь голый по пояс герцог отнял губы от девичьей шеи, недовольно обернулся. Приходилось признать, что для своих лет он сохранил отличную физическую форму — ну да, судя по доносам, пару часов в день гимнастикой занимался самым серьезным образом.

Понемногу на лице герцога разгоралась нешуточная яость. Яна лишь повернула голову к вошедшим, удивленно подняв брови.

— Какого черта... — прямо-таки прошипел герцог, не хуже иного глорха.

Его ладонь, так и застывшая на обнаженном бедре девушки, послужила последней каплей. Цепенея от злости, Сварог шепотом рявкнул:

— Взять его!

Обежав его с двух сторон, шпики ринулись к постели, и, как-то ухитрившись и пальцем не коснуться императрицы или ее приведенного в совершеннейший беспорядок наряда, в и д е р н у л и Лемара, словно морковку с грядки. Оттащив от постели на пару шагов, заломив руки так, что он согнулся и вновь зашипел, но уже от боли, уставились на Сварога в ожидании новых распоряжений. Не медля, он приказал:

— Соберите все его вещички, быстренько оденьте-обуйте. Маску на морду — и тихонечко, незаметно для окружающих — в Латерану. Суньте в камеру, все равно, куда, лишь бы было надежно. Утречком я с ним поговорю...

Указания были выполнены в считанные секунды: герцога моментально выпрямили, задрали ему руки вверх, проворно накинули через голову блузу, напялили маску, завязали тесемки, подхватив под коленки, рывком закрючили ноги в воздухе, во мгновенье ока надев башмаки.

— А теперь все вон отсюда, — спокойно распорядился Сварог. — Понадобитесь — позову...

Он захлопнул за ними дверь, повернул рубчатую бронзовую головку замка на несколько оборотов, до упора, обернулся к постели. Вот тебе его решимость и уверенность в себе моментально улетучились едва ли не нарочно. Было не то чтобы стыдно и уж совсем не страшно, но как-то неудобно. Весьма даже неуютно. Только сейчас подумал, как прошедшее выглядит со стороны...

Яна, приподнявшись на локте, разглядывала его с неизвестным выражением, совершенно спокойная на вид, словно бы и не рассерженная. Приличия ради следовало бы отвернуться — ее наполовину расшнурованный корсет, собственно, ничего уже не скрывал, а юбка скомкана так, что о том самом пресловутом рубеже приличия приходится забыть начисто — но он стоял истуканом, не отводя взгляда, в каком-то дурацком оцепенении.

— Может быть, соизволишь объясниться? — спросила наконец Яна, опять-таки совершенно спокойным тоном, возможно, таившим близкую нешуточную грозу. — Я сейчас даже и не пойму — то ли это сцена из бездарного романа, то ли просто нахальство неслыханное... Всякие казусы случались с членами императорской фамилии, но такое...

Сварог наконец заставил себя разинуть рот. Содрогаясь от растерянности и смущения, произнес:

— Этот скот — первый развратник королевства, великий мастер по растлению юных девиц...

«Сейчас она мне заедет по физиономии, пожалуй, — подумал он тоскливо. — И в чем-то будет совершенно права...»

Однако Яна не шелохнулась, лишь прищурилась, улыбнулась:

— Ах, вот как... Но я-то не такая уж юная, да и с непорочностью рассталась... Быть может, мне как раз и хоте-

лось побывать в руках первого развратника королевства? Ты, собственно, какое право имеешь так поступать? Я совершеннолетняя, если ты запамятовал.

— Я тебя не узнаю, — сказал Сварог. — Такое впечатление, что это вовсе и не ты...

— Да-а?

— Да. Ты никогда раньше так себя не вела, — он сердито уставился на две ленточки, по-прежнему повязанные на запястье.

Решимость понемногу возвращалась. То ли оттого, что в ее голосе по-прежнему не было гнева или злости (скорее уж обычная, всегда ей свойственная легкая насмешка), то ли оттого, что нужные слова все же появились...

Выпрямившись, Сварог четко произнес:

— Насколько я помню, ты меня назвала своим другом?

Первый раз ты это говорила довольно давно, да и потом повторяла не раз... Я имел глупости считать, что ты не врала. Имел наглость и в самом деле считать себя твоим другом. Вот как друг я и посмел вмешаться. И убрать из твоей постели этого типа. Кто угодно, только не этот старый потаскун... Он бы тебя з а п а ч к а л, и я с этого убеждения не сойду. А ты для меня всегда была чем-то удивительно чистым... несмотря на потерю невинности.

— А теперь что же? — тихо спросила Яна без улыбки. — Я в твоих глазах отныне шлепнулась в грязь?

— Ничего подобного, — сказал Сварог. — Ты для меня остаешься... тем, чем была, прежней. Но вот иначе я поступить не мог, извини... Должен был вышвырнуть отсюда этого... — он выпрямился и продолжал почти официальным тоном. — А теперь можете поступать, как вам угодно, ваше императорское величество. Отставка, опала, ссылка и что там еще... Не могу протестовать ни словечком...

Яна вдруг засмеялась — весело, безмятежно, звонко. Проговорила, смеясь:

— Высокие небеса, видел бы ты себя со стороны... Какой ты еще дурачок... Какой ты еще глупый, наивный, романтичный мальчишка...

— Я?! — едва ли не рявкнул Сварог в приливе искреннего возмущения.

— Ага, — безмятежно сказала Яна, улыбаясь так, что сердце у него ухнуло в неведомые бездны. — Ты, кто же еще? Отставка, ссылка, опала... Может, желаешь еще, чтобы тебе голову отрубили? Размечтался...

Гибко соскользнув с постели, мимоходом одернув юбку, она, шлепая босыми ногами по ковру, подошла вплотную, подняла голову и уставилась Сварогу в глаза с той же непонятной улыбкой. Наткнувшись взглядом на расшнурованный корсет, он торопливо отвернул голову, невольно вдыхая ароматы духов и молодого свежего тела. В голове царил совершеннейший сумбур.

— Ты был великолепен, — сказала Яна, улыбаясь. — Ты ринулся на защиту моей чести, как истинный рыцарь древних времен... — ее взгляд был озорным, мечтательным, нисколечко не рассерженным. — Ты наконец-то начал меня ревновать...

— Ничего подобного...

— Да начал... — сказала Яна тихо.

Прижалась, закинула руки на шею и надолго прильнула к его губам. Сварог стоял, чувствуя себя идиотом, уронив руки.

— Яна... — только и хватило ума выговорить, когда губы оказались свободными.

Чуть отстранившись, сцепив пальцы у него на затылке, глядя в глаза, Яна опустила длиннющие ресницы, сказала спокойно:

— Помолчи, ага? Ты такой умный и значительный, когда молчишь... Помоги мне расшнуровать эту штуковину до конца.

И он помог... и лежал он, и ни о чем особенном не думал, потому что было хорошо. Если не вспоминать, что ухитрился попасть в мастерски подготовленную ловушку — но, говоря по секрету, в ловушке этой оказалось не так уж и плохо, это вам не медвежий капкан и не «ледянка» на соболя...

Пошевелилась прильнувшая к нему Яна, шепнула на ухо:

— Я тебя не разочаровала? Почти что и никакого опыта. Ты у меня второй, правда, да и первый уже через две

недели вылетел не только из постели, но и вообще с Талара... Может, тебе со мной скучно?

— С тобой не соскучишься, — усмехнулся Сварог, прижимая ее теснее. — Ни в каком смысле...

Нет, какая тут скуча? Это ведь очень приятно для мужского самолюбия — когда попавшая к тебе в постель красавица оказывается чертовски неопытной. З д е с ь Яна предстала совершенно незнакомой: прежде он знал насмешливую, гордую, самонадеянную — а теперь абсолютно другая, тихая, покорно-нежная, готовая подчиняться и учиться. Так что даже не было досады на то, что его хитрющим образом провели...

И все же он сказал, не убирай руки:

— Хорошо же ты меня перехитрила, неопытная...

Яна подняла голову, улыбаясь в полумраке весьма даже лукаво:

— А что мне оставалось делать? Помнишь, полгода назад я ночевала у тебя в Хелльстаде? Я тогда часа четыре старалась не заснуть, хотя спать хотелось ужасно. Все думала: вдруг ты наконец придешь? А я сплю? Ты, конечно, постоял бы, а потом тихонько убрался на цыпочках... Почему ты тогда не пришел?

— Нахальства не хватило, — сказал Сварог чистую правду.

— Вот видишь... И сколько бы мне пришлось ждать, пока ты наконец наберешься нахальства? Или следовало поступить, как в романах — заявиться к тебе, картишно расстегнуть верхние пуговицы, потупиться и прошептать прерывающимся голосом: «Милый, возьми меня...»? Нет, у меня отчего-то это никак не получалось. Я вообще-то гордячка, ты давно должен был заметить... — глядя ему в глаза, Яна засмеялась ничуть не обидно, весело. — А так... Все прошло, как я и рассчитывала. Уж от кого-кого, а от герцога Лемара, славного своими постельными подвигами, ты бы непременно ринулся меня спасать... что и произошло. Интересно, когда ты догадался?

— Да довольно быстро, — сказал Сварог. — Когда время шло, а ты по-прежнему ничуточки не злилась — а ведь

в такой ситуации любой взъярится... Тут до меня и начало помаленечку доходить. Да уж, неопытная...

— Ну, это разные вещи, милый — женский опыт и женское коварство...

— А откуда ты знала, кто такой Лемар?

— А мне Томи рассказывала. На прошлом маскараде, три месяца назад, он к ней прилип, в полной мере испытала его обаятельнейший напор — но устояла все же. Он и тогда был наряжен Катарюсом, кстати. Тебя не было, ты в очередной раз где-то геройствовал... Вот. А потом я запросила восьмой департамент, у них на него, если перевести в бумагу, досье высотой по колено...

— Одно-единственное досье высотой по колено... — проворчал Сварог. — У меня в тайной полиции для него завели второй шкаф, потому что в один м а т е р и а л ы уже не помещаются. А шкаф, между прочим, под здешний потолок высотой и ширины соразмерной...

— Вот видишь. Уединись я с кем-нибудь другим, ты бы наверняка стиснул зубы и терпел — зная твою романтическую натуру и нежную и трепетную душу... ой! Не надо меня душить, я не виновата, что именно таковы у тебя натура и душа... В общем, Лемара ты ни за что не стерпел бы.

— Абданк знал?

— Ну что ты! Никто не знал. О таких вещах никому нельзя рассказывать...

— Ну, а если бы я все же стиснул зубы и удержался?

— Ты н е м о г удержаться, глядя, как меня куртуазно лапает Лемар, — уверенно сказала Яна. — Ни за что не мог. Как оно и оказалось... — Сварог почувствовал, как ее тело напряглось, а в голосе теперь явственно звучало волнение. — У нас ведь теперь... отношения, правда?

— Если ты хочешь.

— Нет, ничуточки, — сказала Яна сердито. — Я тебя завлекла в расчете исключительно на мимолетную интрижку, я ведь невероятно ветреная особа и любовников меняю, как перчатки... По мне не чувствуется?

— Ну, прости. Просто, мало ли... Все же, извини великолепно, я тебя давно знаю как особу взбалмошную... Не будешь отрицать?

— Не буду, — спокойно согласилась Яна. — А чего ты хочешь от бедной девушки, в шесть лет оставшейся сиротой? И уже в те времена прекрасно сознававшей, что она не абы кто, а Госпожа Четырех Миров? Притом, что единственным, кто пытался меня хоть самую чуточку воспитывать, был дядюшка Элвар, душа бесхитростная, незатейливая... Что выросло, то выросло. Вообще, такое чудовище могло бы получиться... Хочу. Конечно, хочу. Давно хочу, черт знает с каких пор.

— Только честно тебе признаюсь... — сказал Сварог. — Никак не могу сказать, что я тебя люблю. Ты потрясающая, ты великолепная, я для тебя горы сверну, что угодно сделаю, меня к тебе тянет невероятно... но никак не могу вратить насчет любви.

— Вот и прекрасно, — безмятежно сказала Яна, моментально успокоившаяся. — Вот смех, но я про свое отношение к тебе могу сказать, если подумать, совершенно теми же словами... Совершенно теми же. Может, так даже и лучше? Влюбленность, как я слышала, иногда улетучивается, и остаются одни черепки или там пепел... Обещаю тебе не изменять... вообще-то я еще не умею, но и учиться не хочу... Веришь?

— Верю, — сказал Сварог и добавил, тщательнейшим образом подбирая слова: — Все бы ничего, но есть одно обстоятельство...

— Это ты про твою рыжую? — моментально подхватила Яна, словно бы и ничуть не удивившись. — Великие небеса, я вовсе не собираюсь тебе ставить условия и уж тем более требовать с ней порвать. К н е й я совершенно не ревную, мы с ней, — она запнулась, подыскивая слова, — вообще-то в разных мирах... Вот о чем бы я тебя попросила, так это — не путаться с придворными вертихвостками. Мне, правда, будет неприятно...

— Ну, это легко обещать и легко выполнить, — сказал Сварог. — Я и забыл, когда последний раз имел с ними дело, так что...

— А эту свою рыжую ты... любишь?

— Вряд ли, — честно признался Сварог. — Просто... Просто, как бы тебе объяснить... Это уже часть меня. Мы с ней столько раз бок о бок ходили под смертью...

— А я смогу когда-нибудь стать частью тебя? Как думаешь?

— Абсолютно честно? Кто ж его знает, будет видно...

— Вот еще и за это я тебя обожаю, — фыркнула Яна. — За то, что никогда мне не преподносил романтического вранья, не кривил душой... Тебе придется по душе, если я буду такой же честной?

— Конечно.

— Так вот, если совсем честно... Мне бы очень хотелось, чтобы ты предстал в роли официального фаворита... Ну, ты ведь знаешь, как это бывает, ты сам король и даже король королей... Это не ультиматум, если ты откажешься, ничего не изменится, мне все равно от тебя никуда не деться, я, пожалуй что, на тебя обречена... Но мне бы этого очень хотелось, ты себе не представляешь, как... — она приподнялась на локте и заглянула Сварогу в глаза. — Как я и думала, тебя чуть ли не перекосило... Что, настолько не по душе? Унизительно?

— Да нет, не унизительно, — сказал Сварог. — Дело, в принципе, житейское. Но — не по душе, тут ты права...

— Ну, а если бы ты постарался себя преодолеть? — зашептала ему Яна на ухо умоляющим голоском маленькой девочки, заблудившейся в дремучей чащобе, набитой злыми волками иексуально озабоченными разбойниками. — Мне, правда, нужно...

— Ох, как ты умеешь голоском своим мелодичным актерствовать, когда понадобится... — сказал Сварог. — Потхвастать хочется?

— Вот уж нет, — сказала Яна серьезно. — Ничего ты не понял... Ну, хорошо, давай совсем откровенно. Мне одноко. Знал бы ты, как мне одиноко, какая порой тоска!

— А друзья?

— Я не это имела в виду. Друзья, конечно, есть, но это именно что друзья, и не более того, такие же молодые, беспомощные... У меня нет опоры, понятно тебе? Я одна. На меня порой пытаются пусты с соблюдением этикета, но все же да вить министры и придворные чины, меня пытаются втянуть в свои интриги, использовать на своей

стороне, заполучить в свои ряды, чего мне совершенно не хочется — потому что в этих дурацких крысиных боях нет ни правого, ни виноватого... Наконец, с некоторых пор мне форменным образом не прдохнуть от желающих забраться ко мне в постель. Разумеется, все происходит без малейших нарушений этикета, но меня при любой возможности буквально осаждают... И очень малое число из них обуреваемы ч и с т y м вожделением. У большинства в глазах во-о-от такими буквами читается: ах, стать бы фаворитом, купаться в титулах и почете, в лести окружающих... Ты же сам король, ты прекрасно должен знать, как это бывает...

— Да знаю... — сказал он со вздохом, вспомнив полчища придворных красоток, действительно, форменным образом осаждавших его персону во всех без исключения подвластных державах. И у большинства из них в глазах, точно, во-о-от такими буквами...

— Вот видишь. Должен понимать, в каком я положении. И вдобавок я не мужчина. Не могу же я указом запретить в с е э т о? Ты же тоже не можешь... А ты... Тебе, я твердо уверена, все эти выгоды попросту безразличны. Плевать тебе на них, верно?

— Верно.

— Ну, вот... Хорошо. Наступим на шею императорской гордости... Я себя до сих пор чувствую не всесильной императрицей, а слабой девчонкой. С одной стороны, вроде бы все могу, а с другой... Я хочу быть з а т в о и м п л е ч о м... А теперь решай, как хочешь, только как же с твоим обещанием горы для меня свернуть? Или это только на словах?

Ее очаровательное лицико было серьезным, встревоженным, она застыла в неудобной позе, не сводя со Сварога глаз — можно поклясться, умоляющих искренне.

Он ей верил. Потому что сам был королем и мог понять многое, обычному человеку недоступное...

— Ты меня уговорила, — сказал он столь же серьезно. — Ладно, я официальный фаворит... Присягу какую-нибудь нужно приносить?

Яна облегченно вздохнула, опустила голову ему на грудь, прижалась, обняла:

— Ну что ты дурачишься? Прекрасно знаешь, что ничего такого и не нужно...

— Только предупреждаю сразу, — сказал Сварог. — Кое-какими выгодами своего положения я все же твердо намерен пользоваться, сразу говорю, чтобы не было недомолвок...

— Это какими? — поинтересовалась Яна, не меняя позы.

— Ну, например... — сказал Сварог. — Мне позарез нужен десяток наблюдательных спутников, а еще лучше, дюжина. Мне нужны подводные виманы — они просто-напросто не применяются, но я точно знаю — есть проекты и чертежи, по которым их можно построить за считанные часы. Нужно же отыскать в океанах и прикончить эту змеиную парочку, Митгард как-никак — одно из воплощений Князя Тьмы... Мне нужна солидная, хорошо оборудованная станция электронной разведки. Мне еще много чего нужно. А добывать все это обычным бюрократическим путем — такая канитель, даже при моих нынешних должностях...

— Ох, а я-то уж думала... — засмеялась Яна. — Какая же это выгода? Это работа на благо Империи... Решим, есть идеи... — и пытливо заглянула ему в глаза. — А что, у тебя и правда нет никаких личных просьб? Совсем-совсем?

— Есть, — сказал Сварог. — Личная и деликатнейшая. Томи ведь твоя старая подруга... Может, хоть ты сможешь как-то на нее повлиять? Понимаешь, она... она в меня врезалась по уши, и я никак не соображу, как ей объяснить, что мне это совершенно ни к чему...

— А воспользоваться? — вкрадчиво поинтересовалась Яна.

— Я не подонок, — сердито сказал Сварог.

— Вот за это я тебя и ценю... Не беспокойся, это у нее через пару недель пройдет. С ней такое периодически случается. Влюбляется по уши, какое-то время себя не помнит, а потом — как рукой снимет. В одиннадцать лет это был один лейтенант Бриллиантовых Пикинеров, в тринадцать — полковник Серебряной Бригады, в шест-

надцать... Да столько раз... Уж я-то, будучи издавна на-персницией, столько наслушалась, в том числе и о тебе... Не переживай, это само пройдет. Бесследно. Такая уж у нас Томи, такой и останется...

— Спасибо, — серьезно сказал Сварог. — Правда, успокоила. А то я не представлял, как выпутаться...

...Они спускались по лестнице, держась за руки. Оркестр по-прежнему играл, хотя танцующих изрядно побубнилось, никто вроде бы не смотрел на них прямо, но народ был придворный, опытный, и потому при этом словно бы мнимом безразличии Сварог кожей чуял бесчисленные, мимолетные п о к а л ы в а н и я исcosa брошенных удивленных взглядов — удивленных, любопытных, откровенно завистливых... При дворе сплошь и рядом самые обычные в других местах жесты носят двойной, всем понятный смысл. Если императрица идет, взявши кавалера за руку — это может означать только одно. Явление всем восьми сторонам света официального фаворита. И никак иначе.

Предприняв над собой немаленькое усилие, Сварог ухитрялся не чувствовать себя обезьяной в зоопарке — ну что же, получайте, дамы и господа, перед вами как-никак не очередной придворный хлыщ, не фертик тонконогий, а король Хелльстада и прочая, прочая, прочая.

«Вы меня еще бояться будете, бесполезные, — подумал он, не выпуская теплую ладошку сияющей Яны. — Я вас научу сапоги с вечера чистить и утром надевать на свежую голову...».

Они спустились с лестницы, в открытую провожаемые разве что пристальным профессиональным взором барона Абданка. Все прочие держались со светской бесстрастностью, включая Орка, чей цепкий взгляд Сварог успел перехватить.

— Ты прекрасно держишься, — сказала Яна шепотом, не поворачивая к нему головы и почти не шевеля губами. — Так и продолжай. Пусть знают... Ох!

Сварог вовремя отодвинул ее в сторонку — иначе на нее непременно налетел бы плечом принц Элвар, уже красный, как рак, явственно пошатывавшийся, способный

выдохом перешибить ароматы парочки сельских винокурен. Коли уж он в таком состоянии — и думать жутко, сколько успел принять. Любой выпивоха, включая легендарного князя Клабура, давно бы лежал пластом в совершеннейшей нирване...

Окинув их мутным, но еще вполне осмысленным взором, принц жизнерадостно пробасил:

— Позволь тебе поздравить, дорогая племянница. А-атличный выбор. Сподобился. Дожил. Увидел, как ты все же попала в хорошие руки. Изъясняясь высоким ста-ринным слогом, зело благостно зреть сие! И очи мои ис-точают влагу...

— Ох, дядя... — вздохнула Яна. — Вас не переделаешь.

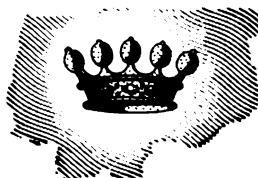
— Да хоть на семи наковальнях молотами лупи... — за-хочотал принц. Шагнул вперед и ухватил Сварога за рукав. — Вот кстати, граф Гэйр, то есть его величество король Барг Ронерский... У меня к вам пустяковое совершенно дельце. Можно сказать, припадаю скромным просите-лем, зная прославленное моловою милосердие ваше...

Тяжко вздохнув, Сварог спросил только:

— Где?

— В Барленде, — живо сказал принц. — Это такой убо-гий городишко в Полуденном Катаууне. Ваши судейские сатрапы, чтоб им провалиться, ввергли в узилище пре-краснейшего по душевным качествам юношу, по совер-шенно вздорным обвинениям. Исключительно порядоч-ный молодой человек, ни разу никому глотку...

— Давайте подробности, — прервал Сварог, вздохнув еще тяжелее.

Глава VII

ПРОСТАЯ ДЕТСКАЯ ИГРА

Сварог и не подумал распорядиться, чтобы арестованного герцога переодели, а тюремщики, естественно тоже не собирались этим озабочиваться по собственной инициативе. Так что Лемар, вошедший в приемную меж двух широкоплечих Интагаровых ореликов, по-прежнему шаголял в полном наряде Катарюса, даже в колпачке с помпоном. Только маску реквизировали, как ту деталь одежды, которую арестованным согласно каким-то циркулярам запрещалось иметь в камере.

Стоя в распахнутой двери рабочего кабинета, Сварог чуть развел руки гостеприимным жестом:

— Добро пожаловать, мой печальный романтик... Прошу в кабинет. А вы, — он обернулся к шпикам, — подождите здесь, пока герцог не освободится. Боюсь, вам придется и далее ему сопутствовать...

Шпики дисциплинированно вытянулись, поедая короля глазами. Сохраняя на лице полнейшую невозмутимость, герцог прошествовал в кабинет, выжидательно остановился у стола.

— Садитесь, садитесь, — сказал Сварог гостеприимно. — Никто вас пока что этой привилегии не лишил. Что до остального — вынужден вас огорчить... Кажется, придется вас все-таки повесить, любезный Лемар...

На благообразной роже великосветского прохиндея ни одна жилочка не дрогнула. Глядя в глаза Сварогу, он произнес безупречно светским тоном, как будто речь шла о совершеннейших пустяках:

— Осмелюсь напомнить, ваше величество, я дворянин...

— Ну что же... — сказал Сварог. — Какая, собственно, разница? Пусть будет позолоченный меч, согласно уставлениям... Вряд ли эти процессуальные тонкости занимают превеликое множество народа, которое вдохнет с облегчением...

Он зорко следил за физиономией собеседника — но видел лишь грустную покорность судьбе, и не более того. Бесстрастное лицо само по себе казалось карнавальной маской.

Сидя безукоризненно прямо, герцог произнес едва ли не небрежно:

— Ваше величество, нельзя ли осведомиться, чем обязан та к ой уж немилости? Я, как лицо заинтересованное, хотел бы знать...

Сварог встал и, недобро ухмыляясь под нос, распахнул дверцу шкафа, где на тоненькой полированной полочке покоился толстенный том в картонной канцелярской обложке.

— Видите? — спросил он холодно. — Это, изволите ли знать, всего-навсего э к с т р а к т, то есть краткое изложение ваших прегрешений, созданное на основе многотомных уголовных дел. Я вас душевно умоляю: не нужно, глядя на меня честнейшими глазами, проникновенно вещать о происках завистников и клевете врагов. Положа руку на сердце, мы оба прекрасно знаем, как все обстоит на деле... По мнению коронных стряпчих, там хватит и на поздюжины смертных приговоров, а уж и тюремные и каторжные сроки таковы, что обычному человеку их ни за что не отсидеть, тут и трех жизней будет маловато...

— Ну что же... — печально молвил Лемар. — Приговоренный к смерти имеет право на некоторую откровенность, не так ли? Простите за дерзость, ваше величество, но мы оба знаем и с т и н и ю причину подобной немилости...

Сварог смотрел на него не без уважения — хорошо держится, мошенник, на коленях не ползает, а ведь должен предполагать, что все всерьез...

— Предположим, — сказал Сварог. — И что это меняет?

Лемар сказал мягко, словно бы с легкой укоризной:

— По моему непросвещенному мнению, столь выдающейся личности, как вы, ваше величество, не вполне и пристало из-за вульгарной, пошлой ревности вести себя подобно чванливому тиранчику из Вольных Маноров. Это не лесть, государь, я и в самом деле крайне высоко вас ценю, счастлив был служить в меру скромных усилий...

— Ну что ж тут поделать, — усмехнулся Сварог не без цинизма. — В отличие от меня, вы всю сознательную жизнь прожили в этом королевстве, уж вы-то должны прекрасно знать, какими тиранами и сатрапами были короли Барг, как они частенько сносили головы из чистой прихоти. А я, как-никак, полноправный Барг, я просто обязан сохранять славные традиции предков...

По правде говоря, он не собирался Лемара казнить — даже если бы эта ночь закончилась совершенно иначе. В самом деле, мелко, пошло и недостойно мужчины. Намеревался лишь припугнуть немногого — и вернуть в ссылку на Стагар, чтобы наконец вздохнули спокойно отцы юных девиц и суеверные богатые старухи...

— Ваша воля, государь, — сказал Лемар.

Его глаза излучали уже нешуточный укор. Прекрасно сознавая, что ведет себя как лопоухий юнец, Сварог тем не менее не удержался.

— Какая может быть ревность, любезный герцог. — Усмехнулся он. — Могу вам доверительно признаться, что известная вам особа вас всего-навсего использовала, чтобы вызвать ревность у другой особы, и не более того...

— Не могу подвергать сомнению слова вашего величества, — грустно сказал Лемар. — Тем более что на шее у вас еще явственно виднеется след жемчужных зубок... (Сварог, стараясь сделать это непринужденно, тут же застегнул распахнутый ворот рубахи). Значит, вот так обстоят дела... О, это женское коварство... Что же, после такого мне гораздо легче будет идти на Монфокон. Столь жесто-

кого разочарования я еще не испытывал. Я, глупец, полагал в самонадеянности своей, будто это моя собственная скромная персона смогла заинтересовать известную нам обоим красавицу... Оказалось, я был лишь слепым орудием женского коварства... — в его голосе звучала безбрежная печаль. — Положительно, теперь не для чего жить. Я-то, глупец, потерял голову всерьез... Прикажете, ваше величество, удалиться к... тем господам? — в его голосе вдруг зазвучали насквозь деловитые нотки. — Однако предварительно я хотел бы распорядиться своими бумагами и узнать, кто будет моим преемником. Не считите за дерзость или самомнение, но не всякий способен успешно довести до конца задуманное согласно моим скучным наметкам...

— Какие еще наметки? — спросил Сварог деловито.

Герцог ответил ему в тон:

— Ваше величество, у меня столько едва задуманных, вчерне набросанных планов... Взять хотя бы способ, которым мы смогли бы изгнать Лоран из Виглафского Ковенанта...

— Так... — сказал Сварог. — А ну-ка, поподробнее...

— Вы, государь, теперь имеете в Ковенанте безусловное большинство голосов, — тоном опытного лектора начал герцог. — Однако Лоран, неспособный повлиять на исход голосования, способен отнять у нас массу времени и сил, забрасывая меморандумами и проектами хартий, топя в чисто процедурных вопросах...

Сварог поневоле сердито фыркнул. Так и обстояло: клятая Лавиния, не в силах повлиять на голосование, старательно топила дипломатов Сварога в самом настоящем море бюрократической волокиты, вынуждая Ковенант собираться вновь и вновь, чтобы обсуждать пустяковые тонкости, третьюстепенные детали, идиотские проекты, пусть и заранее обреченные на провал при голосовании. Это не приносило ни малейшего реального вреда, но нервы мотало не на шутку. Особенно в тех случаях, когда Лавиния, на что имела полное право, требовала созыва Коронной Палаты, то есть съезда монархов — и приходилось день-два торчать в роскошном зале Палаты, часами

восседая на троне в полном облачении, слушая и поневоле обсуждая невероятные глупости, внесенные на рассмотрение исключительно затем, чтобы трепать Сварогу нервы. Стакор, несомненный враг, и то до такого не опускался — зато Лавиния оттягивалась по полной...

— Ваше величество, пикантность в том, что Лоран давно уже не имеет никакого права состоять в Ковенанте. И может быть оттуда на законном основании изгнан... Вы знаете историю с принцем Заритом?

— Представления не имею, что это за тип, — сказал Сварог.

— Младший сын горротского короля, младший из трех. Дело происходило триста с лишним лет назад. Юноша, как свидетельствуют хронисты, был крайне честолюбив и обуреваем жаждой власти. Однако третьему сыну в подавляющем большинстве случаев трон не доставался, приходилось до седых волос носить титул принца, с ним и сходить в могилу... Короче говоря, сей амбициозный молодой человек ухитрился составить заговор, оставшись неразоблаченным, с помощью своих сторонников захватил остров Дике, укрепился там и провозгласил себя королем Дике. Снольдер и Глан, а также несколько Вольных Маноров его признали официально — высокая политика, дурные отношения... Асмунд, тогдашний горротский король, обладал неплохими связями в Канцелярии земных дел. Ему удалось протолкнуть указ, согласно кое-му о с т р о в н ы е королевства не имели отныне права состоять в Виглафском Ковенанте — нужно же было хоть чем-то насолить непочтительному сыночку. Сегур — безвинно пострадавший за чужие грехи — из Ковенанта, согласно букве закона, тут же исключили — а Дике так и не приняли. Года через четыре очередная военная кампания против Дике увенчалась успехом, остров вернулся под горротскую корону, а Зарита захватили в плен.

— Интересно, что с ним стало? — фыркнул Сварог.

— Отрубили голову, — пожал плечами Лемар. — Во-первых, такие вещи без последствий не оставляют, а во-вторых, следовало дать хороший урок двум остальным принцам, чтобы сидели смирно и не вздумали последовать

примеру младшенького. Кстати, урок они усвоили — средний стал королем чуть ли не в пятьдесят, а другой так никогда и не сидел на престоле... Впрочем, эти мелочи нас сейчас занимать не должны. Главное, в указе было четко и недвусмысленно прописано: о с т р о в а не имеют права состоять в Виглафском Ковенанте. В те времена Лоран островом не был — но после того, как тамошний король во время известных событий велел прорыть Великий Канал, Лоран с ю р и д и ч е с к о й точки зрения стал о с т р о в о м. Остров — это участок суши, со всех сторон окруженный водой. Это понятие не допускает ни двойных толкований, ни исключений. Так что вот уже сто с небольшим лет Лоран состоит в Ковенанте абсолютно незаконно. Исключительно благодаря тому, что об иных юридических тонкостях как-то забыли. Исключительно поэтому. Б у к в а закона на нашей стороне. Разумеется, следует еще дать подробнейшее юридическое обоснование, составить немало бумаг — но это уже задача моего преемника...

— Не дурите, — угрюмо бросил Сварог.

— Простите, ваше величество?

— Не будет никакого преемника, — сказал Сварог, отводя глаза и борясь с неудержимым желанием дать как следует кулаком по столу. — Вы остаетесь на прежнем месте.

— А как же быть с Монфоконом? — осведомился Лемар вежливо.

— Обойдется без Монфокона, — отрезал Сварог, в очередной раз покоряясь неизбежности. — П о к а ч т о. Идите и работайте, немедленно составьте обширный, убедительный и юридически безупречный документ, с которым я мог бы отправиться в Канцелярию земных дел... Лемар...

— Да, ваше величество?

— Можете вы, мать вашу растак, жить поскромнее? — рявкнул Сварог.

— Я постараюсь, ваше величество, — смиренно заверил Лемар.

Его взгляд был олицетворением преданности и благонравия. Сварог ощущал нешуточное бессилие — но он и в

самом деле ничего не мог сделать, этот прохвост оказался ему необходим, как воздух... И, что хуже всего, не мог этого не понимать...

— Когда-нибудь терпение у меня лопнет, — сказал Сварог уже нормальным голосом. — Не говоря уже о... прочем, мне осточертели жалобы оскорбленных отцов...

— Ваше величество, — сказал Лемар с прямо-таки одухотворенным лицом. — Даже если иногда некие юные особы оказывались у меня в гостях при... не совсем обычных обстоятельствах, честью клянусь: во всем последующем никогда не было и тени принуждения...

— Зарежут вас когда-нибудь в темном переулке, — усмехнулся Сварог.

— Надеюсь, этого не произойдет.

— Вот кстати... — с улыбкой сказал Сварог. — А вам никогда не приходило в голову поухаживать за какой-нибудь из дочек Интагара? Редкостные красавицы...

— Жизнь мне, знаете ли, дорога, ваше величество, — серьезно сказал Лемар. — Вот уж в этом случае мой хладный труп очень быстро найдут в темном уголке городские подметальщики... Ваше величество, осмелюсь спросить... Кто была та черноволосая красавица, с которой вы танцевали на маскараде? Ужею, по моим наблюдениям, вы нисколечко не увлечены, так что я позволю себе поинтересоваться...

Задохнувшись от бессильной злости, Сварог подошел вплотную и, зажав в кулаке дурацкое жабо Катарюса, тихо пообещал:

— Голову оторву. Самолично. Своими руками.

— Простите за опрометчивый вопрос, — сказал Лемар, ничуть не изменившись в лице. — Я все понял...

Отпустив его, Сварог подошел к двери и распахнул ее настежь. Шпики, не сговариваясь, исполненные служебного рвения, сделали шаг вперед.

— Можете идти, — сердито распорядился Сварог. — Господин герцог не нуждается в провожатых...

Они не на шутку удивились, сразу видно, но перечить и задавать вопросы, конечно же, не посмели. Низко по-

клонившись, четко повернулись через левое плечо и двинулись вон из приемной. Лемар, отвесив Сварогу церемонный поклон, зашагал в ту же сторону, вальяжный и представительный даже в маскерацном костюме, нелепом в коридорах дворца. Секретарь, навытяжку стоя, таращился на Сварога преданнейше.

— Никаких поручений пока что, — бросил Сварог и скрылся в кабинете, исходя той самой бессильной злостью.

— Ваше величество, ее величество королева Сегура...

Эту фразу секретарь протараторил уже в спину Маре, решительной походкой вошедшей в кабинет. Сварог сердито махнул на него рукой, секретарь понятливо склонил голову и скрылся за бесшумно затворившейся дверью.

Мара, щеголявшая в сегурском генеральском мундире, сиреневом, щедро расшитым золотыми дубовыми листьями, без церемоний плюхнулась в мягкое кресло, вытянула ноги в начищенных форменных сапогах. Спросила с любопытством:

— Что у вас тут творится? Иду я, а навстречу мне Лемар в маскерацном костюме...

— Да так, пустяки... — сказал Сварог.

Мара лукаво прищурилась:

— Ну что, тебя можно поздравить? Свежеиспеченного фаворита императрицы? Между прочим, я сто лет назад тебе советовала не быть дураком и не хлопать ушами. Что угодно готова прозакладывать: это она взяла инициативу в руки, ты сам еще долго топтался бы, как дрессированный медведь на ярмарке, маясь дурацким благородством... Ну вот оно все и сладилось. Надо же... Ничего, что я тут расселась, а не навытяжку стою, господин фаворит?

— Поди ты... — сказал Сварог, уткнувшись взглядом в стол и искренне надеясь, что щеки у него не пылают. — Уже донесли сплетники?

— Обижаешь. Не сплетники, а тайные агенты. Я никак королева, и разведка у меня поставлена... Когда прилетела, тут же рассказали во всех подробностях, как наш беспутный герцог, судя по всему, пытался злодейски сорвать императрицу, но ты, надо полагать, ее спас, после чего... Голову так и держи.

Она подошла, накинула Сварогу на шею что-то массивное и тяжелое, оказавшееся золотой цепью с прямоугольными, покрытыми искусственной чеканкой звеньями. На цепи болтался изрядных размеров орден, незнакомый, замысловатый, покрытый трехцветной эмалью и усыпанный сапфирами.

— Высшая награда Сегура, — безмятежно пояснила Мара. — Орден Морских Королей. То, что ты наконец-то совершил, безусловно заслуживает награды. Нет уж, не надо его снимать, если хочешь сделать приятное... Ну я тебя прошу! Тебе идет... — Мысленно махнув на все рукой, Сварог остался сидеть с дурацким орденом на шее. Вновь усевшись в кресло, Мара осведомилась с легкой настороженностью:

— Интересно, а она насчет меня ничего такого...

— Абсолютно ничего, — сказал Сварог, старательно глядя в сторону. — Оказывается, она к тебе нисколечко не ревнует, в точности как ты....

— Не ценишь ты своего счастья, балда, — облегченно вздохнула Мара. — У тебя две великолепных женщины, очаровательные, умные, терпимые, и ни одна к другой не ревнует. Ты нас на руках носить должен, право слово. Несчислимое множество народу жаждало бы на твоем месте оказаться...

— Идите вы, ваше величество... — тоскливо сказал Сварог. — И без ваших подколок жизнь нелегка...

— Я тебя не подкалываю, — заверила Мара. — Я за вас обоих искренне радуюсь, особенно за императрицу: сколько бедняжка времени и сил потратила, чтобы попасть в твои объятия, а ты чурбана бесчувственного изображал... Вот любопытно, она уже все умеет, или учить пришлось?

— Мара... — сказал он страшным голосом.

— Все, умолкаю, — покладисто согласилась Мара. — Уж и порадоваться за близкого человека нельзя...

— А кстати, что это ты так вырядилась? Никакой войны вроде бы нет. Просто пофорсить захотелось?

— Не совсем, — сказала Мара. — У меня был военный совет, я прямо после него улетела, переодеваться времени не было...

Сварог поднял голову, пытливо глянул на спутницу жизни. Она вновь что-то очень уж картино изображала совершеннейшую невинность, бросив взгляд искоса, уставилась в потолок.

— Мы, кажется, уже все обсудили и пришли к единому выводу? — спросил он раздраженно. — Говорилось же, что твои лихие военные планы, при всей их толковости, следует отложить на потом...

— Я и отложила, — сказала Мара. — Ты же прекрасно знаешь: твоим прямым приказам я всегда подчинялась, подчиняюсь и буду подчиняться. Вот уже вторые сутки человек пятьдесят роются в архивах, я пообещала щедрые награды тому, кто найдет хоть что-то дельное о Багряной Звезде... Ну, а военные неожиданности... Честное королевское слово, все произошло помимо моей воли, я ничего такого не приказывала, понятия не имела...

— Что там у вас стряслось? — спросил Сварог фельдфебельским голосом.

— Ну понимаешь, так уж вышло... — покаянно сказала Мара. — Совершенно случайно... Бугас встретил в открытом море горротский корвет, плывший в одиночестве. И не какой-то незнакомый, а именно, что «Гривастого крокодила»... Если ты не помнишь...

— Прекрасно помню, — сухо сказал Сварог.

С «Гривастым крокодилом» у Бугаса были особенные счеты. Когда пару лет назад три горротских корабля изрядно потрепали чудом ускользнувшую в конце концов «Невесту ветра», взятый в плен Бугасов квартирмейстер был повешен на ноке рея именно этого корвета. После чего Бугас поклялся жизнь положить, но пустить эту посудину на дно, а впustую он такими обещаниями не разбрасывался...

— Ну, тогда сам понимаешь... — сказала Мара, старателю изображая раскаяние и сожаление. — Бугас за них тут же принял со всем усердием. Горротцы в конце концов припустили прочь. Бугас не отставал... Дело было неподалеку от Дике... Бугас человек мстительный и азартный, любой бы на его месте...

— Ну да, — саркастически усмехнулся Сварог. — И никогда не делал культа из территориальных вод, с Джагед-

дином, помнится, он сцепился прямо на рейде Малабы, на глазах превеликого множества свидетелей...

— Вот и сейчас сгоряча не удержался... — сказала Мара. — Горротцам бы уходить под защиту пушек Картана, а они сдуру кинулись гораздо левее, к верфи, где никаких пушек нет... В общем, Бугас их поджег и потопил в полулиге от берега... В половине морской лиги, — уточнила она, хотя это не имело ни малейшего значения.

— А какая разница? — пожал плечами Сварог. — Сухопутная лига или морская? Если территориальные воды заканчиваются в четырех морских лигах от берега? Есть исключения, конечно, но не для этого случая... Погоди-погоди. Тут и голову ломать нечего. Бугас шел под сэгурским флагом?

— Ага. Он ж у меня официальным образом принят на службу, имеет право...

— Неплохо, — сказал Сварог. — Корабль, идущий под государственным флагом, топит корабль другого государства в территориальных водах последнего. Причем топит военный корабль... Тебе напомнить, как это именуется в официальных документах?

— Не надо. Сама знаю.

— В том числе и «законный повод для войны», — сказал Сварог. — А если горротцы все же решат отплатить той же монетой? Я бы на их месте не на шутку разозлился. Им вовсе не нужно долго и старательно собирать армию вторжения — при твоем-то могучем воинстве в две сотни человек... Пошлют эскадру, посадят в трюмы полк морской пехоты... У тебя, правда, Бугас на службе...

— В порту, кроме него, стоят еще «Беспутная русалка» и «Серая касатка»...

— Что пнем по сове, что сову об пень... — поморщился Сварог. — Все равно маловато против эскадры... Ну, что ты снова ерзаешь? Говори уж...

— Ты мне не одолжишь «Рагнарок»? Я с ним хорошо научилась управляться. Я бы даже и торпед не тратила в случае чего, я же понимаю, что их мало и пополнить боезапас уже негде... «Рагнарок» их отпугнет одним своим присутствием, в конце концов, можно таранить, как ты

тогда, возле Хай Грана... Сегур жалко. Люди же ни в чем не виноваты...

— Кто спорит... — проворчал Сварог. — Никто не виноват, кроме одной-единственной безответственной особы, которая доверяет государственный флаг кому попало... «Рагнарока» я тебе не дам, и не проси. Его сейчас никак нельзя выводить из Хелльстада, на него разевают рот и Магистериум, и восьмой департамент...

— Но ты же сейчас... Сам знаешь кто...

— Что бы я не предпринял, все это будет п о т о м, — сказал Сварог. — Уяснила? Если они будут знать, что меня на лодке нет, неизвестно еще, как может обернуться. Пока я смогу что-то предпринять, они его уже разберут к чертовой матери...

— Но нужно же что-то делать... — Мара уставилась на него с искренней мольбой, без малейшего притворства.

— А кто сказал, что я ничего не стану делать? — буркнул Сварог. Не глядя, протянул вбок руку, дернул витой из жестких нитей золотой канители шнур, и, когда на пороге бесшумно возник секретарь, распорядился: — Адмирала Амонда ко мне немедленно. — Едва дверь затворилась, повернулся к Маре. — Составим договоры о военно-морском союзе Сегура со Снольдером и Ронеро. Пометим задним числом — проскочит... Отправлю в море достаточно солидную эскадру, с которой никто с бухты-балахты связываться не рискнет.... Авось и обойдется без большой войны, на нее мне сейчас некогда отвлекаться...

— Я тебя люблю беззаботно, — выпалила просиявшая Мара.

— Выпороть бы тебя, рыжее чудовище, — сказал Сварог мечтательно. — Только это, увы, нисколечко не поможет. Выпорол уже одну, но, подозреваю, урок пошел не впрок...

...Сварог нетерпеливо ерзал на вертящемся стуле, но поделать ничего не мог — детишки уже добрых четверть часа увлеченно играли в «переставочку», взапуски соревновались, кто больше составит новых слов из какого-нибудь

длиннущего, наподобие «абракадабры» или «идиосинкразии». Элкону, по крайней мере, было чем заняться, он, чтобы не отставать от других, играл за своего персонажа, шестилетнего маркиза из вымышленного манора.

— Вот тут Бетта откровенно в хвосте, — сказал Элкон, проворно нажимая клавиши. — Ну конечно, откуда ей знать словечки наподобие «виманы» или «орбиты»... Ага, к финалу близится... Ну да, Бетта на последнем месте... Все!

— Давайте! — оживившийся Сварог придинулся поближе к столу.

Элкон кивнул. Сварог тихонечко ему подсказывал реплики.

Карапузик-маркиз вдруг предложил:

— А давайте теперь играть в буквы-цифирки!

Естественно, моментально посыпались однотипные вопросы:

— А как это?

— Как это?

— Это что?

Ага, вот и Бетта присоединилась:

— Как это?

— Вы знаете, что у каждой буковки есть своя циферка?

Свой номер в алфавите? — продолжал «маркиз».

Появилось несколько значков, означавших «озадаченность» — видимо, это были самые маленькие. А вот те, что постарше, не особенно и медлили:

— Ага!

— Ну да!

— Я знаю, меня учит мэтр!

И, к превеликой радости Сварога, наконец-то отзвалась и Бетта:

— Я знаю.

— Пусть каждый напишет название того места, где живет, — продолжал «маркиз». — А потом мы сложим все циферки, выиграет тот, у кого самое большое число. Понятно?

— Понятно!

— Ага.

- А «манор» считается?
- Нет, только название.
- Понятно!
- Коллат!
- Тайр!
- Шанири!

Сварог моргнуть боялся, таращась на экран.

- Туарсон!

Это *Б ет т а!* Кошкой метнувшись к соседнему компьютеру, Сварог ударил по клавишам, словно вошедший в экстаз джазовый пианист. Программа была включена заранее, оставалось только вставить в окошечко название...

Секунды ползли, как улитки. Он затаил дыхание. Экран вспыхнул. Справа — карта с тонкой красной стрелочкой, указывающей на черную точку с названием, слева аккуратные строчки.

«Туарсон — фригольдерская деревня в провинции Гартвейн, Ронеро. Двести одиннадцать дворов, тысяча шестнадцать человек обоего пола. Овцеводство, посевы ячменя, рыбная ловля, охота. Единственная мануфактура по выделке конской сбруи, принадлежащая градскому обывателю Филатро. Ярмарок нет».

Там были еще какие-то пустяки, но это уже не имело значения. Сварог разглядывал карту. То самое классическое захолустье — сотня лиг до гланской границы, деревня располагается у самых поросших лесом отрогов Каталайнского хребта, смело можно сказать, на отшибе, вдали от больших дорог и проезжих трактов. До самого ближнего соседнего села... ага, не менее сорока лиг. В такой глухи не то что компьютер — в такой батальон спрятать можно, если, как это обычно у крестьян и бывает, действует круговая порука, никто в большом мире и не узнает...

— Получилось! — воскликнул Элкон. — Командир, вы...

— Не гений, но что-то близкое, — скромно сказал Сварог. — Получилось... Что вы хотите, все-таки шесть лет... Но снова Гартвейн. Сплошные от него сюрпризы...

— Я могу войти в сеть восьмого департамента. Снова воспользоваться их наблюдательными системами.

— Я крепко подозреваю, они поставили защиту. Коли уж Гаудин прекрасно знает, что мы пользовались его системами, но не может ничего доказать...

— Конечно, поставили, — пожал плечами Элкон. — Я их обойду в два счета. Их компьютерщики, полное впечатление, пользуются замшелыми наработками столетней давности. Примитивный народец, ни капли фантазии и творчества... Все получится.

— Ну, попробуйте, — сказал Сварог. — Для очистки совести. Я абсолютно уверен, что вы увидите самую обычную деревню и ее жителей, занятых обычными крестьянскими делами. Уж если у них хватило мозгов неведомо как смастерить компьютер, он, несомненно, под открытым небом не стоит. Да и Бетта вряд ли забавляется во дворе или посреди улицы... Ну ладно, для очистки совести...

— Я мог бы туда отправиться...

— Я вас туда не пущу, — сказал Сварог. — В деревне, особенно захолустной и уж тем более та к о й, к любому чужаку относятся если не с подозрением, то самое малое настороженно. Вы не сможете убедительно изображать крестьянского парня... как и я не смогу прикинуться крестьянином так, чтобы поверили. Тут нужны совершенно другие люди...

Глава VIII

КОРОЛЬ ПОСРЕДИ БУДНЕЙ

— **О**ни спят, все до единого, — предупредительно сообщил министр двора, неотступной тенью следовавший по пятам. — Я не стал распоряжаться, чтобы их будили, чуть ли не двое суток трудились без отдыха...

— И правильно, — сказал Сварог. — Пусть отдохнут...

— В статуе ни малейшего изъяна, все проверили тщательнейшим образом...

— Рад слышать, — сказал Сварог отстраненно.

И медленно принял обходить кругом бронзовую конную статую в полтора человеческих роста высотой, поблескивающую свежим литьем, еще, казалось, источавшую жар плавильной печи.

Точная копия маленькой бронзовой статуэтки, одобренной им модели. Ни капли помпезности, все просто и строго — конь выгнул шею, грациозно приподнял правую переднюю ногу, едва касаясь копытом земли, Делия сидит в седле спокойно, непринужденно, с безмятежным лицом глядя вдаль, одетая в точности, как в тот последний день. Сварог остановился, глядя в ее бронзовое лицо, обрамленное рассыпавшимися из-под шляпы кудрями. Тем, кто становится монументами, это, в сущности, все равно, как и тем, кто удостоен не более чем убогой безымянной могилы... Ему вдруг показалось, что с того страшного дня

на Морской площади минули десятки лет, и все стало не-вообразимо далеким прошлым, стершимся в памяти всех, кроме него. Перед глазами у него стояла дымная полоса, протянувшаяся высоко над головами толпы, а в ушах — бряцанье расстроенного дагараса и голос Шедариса, певшего одну из любимых баллад Вольных Топоров:

— Жил да был, смеясь и плача,
жил да был...
Где достойно, где корячясь
я и в бедах, и в удачах
не тужил,
жил да был.
На врагов и на невзгоды — положил...
Как ни гнули — не согнулся,
жил, как жил.
Но однажды оглянулся —
слишком многих пережил...
Наше время, дни и годы —
как текущая вода.
В ясный день и в непогоду —
навсегда и в никуда.
Одиноко мне на этом свете, господа...

Он стоял с сухими глазами, стиснув зубы, словно наяву видел высокое пламя, пожиравшее неведомые города, распространявшееся вширь и вдаль, лизавшее каменные своды исполинской пещеры, о которой он по-прежнему ничего не знал — кроме ее незавидного будущего...

— Что, — встрепенулся он, опомнившись.

— Что-то не в порядке, ваше величество, — тревожно прошептал министр двора.

— С чего вы взяли, — холодно сказал Сварог. — Все в полном порядке, мое величество довольны...

Он недолго призадумался, рассуждая, как наградить Гая* — чтобы и скупердяем не показаться, и не просыпать милостей чрезмерно: парень только начинает, негоже, чтобы занесся и почивал на лаврах. В конце концов,

* Гай Скалигер, автор вывески «Жены боцмана» и статуи Маргилены, герой романа «Летающие острова». — Прим. ред.

награждать живых гораздо проще, чем мстить за мертвых...

Не глядя на министра, прекрасно зная, что ни одно его словечко не пропадет даром, он сказал негромко:

— Мое благоволение передать устно. Гаю Скалигеру — орден Серебряной Собы и тысячу ауреев золотом. Мастерам — по сто золотых и по медали... какая там уместна для данного случая. Подмастерьям — по десятку золотых и сокращение оставшегося срока вдвое*. Если у кого-то есть нужды, просьбы, долги, хлопоты — помочь и решить...

— Будет исполнено, ваше величество...

— Пьедестал?

— Соблаговолите пройти...

Сварог направился в дальний угол помещения — там, на высокой консоли, стояла та самая бронзовая модель, только теперь на прямоугольной каменной плитке светлошоколадного цвета с красивыми черными прожилками.

— Мрамор из Ноллара, — прошелестел министр двора. — В полном соответствии с волей вашего величества. Вы приказали не устраивать высокого вычурного постамента... Точное подобие пьедестала. Плита уже отполирована, осталось приделать крепления и установить статую на Морской площади... У вашего величества будут замечания?

— Одно-единственное уточнение, — сказал Сварог, коснулся пальцем торца плитки. — Вот здесь пусть выбают на постаменте: «В ожидании». Предупредите, что надпись не должна быть особенно глубокой. Что со временем придется ее сбить с торца, — его лицо на миг исказила злая гримаса. — Надеюсь, это случится уже скоро...

— Будет сделано, ваше величество...

Холодно кивнув, Сварог направился к выходу, распахнул скрипучую низкую дверь, вышел во дворик, где там и сям лежали груды угля, штабеля поленьев, угловатые мешки с бронзовыми слитками. Попахивало гарью из

* Имеется в виду установленный законом срок, который положено пробыть в подмастерьях, прежде чем держать экзамен на звание мастера. — Прим. автора.

плавильной печи. Замурзанный сторож кинулся открывать ворота, Барута подвел Сварогу высокого рыжего коня, трое ратагайцев взлетели в седла.

Небольшая кавалькада крупной рысью выехала за ворота, оказавшись на широкой грязной улице, всадники подхлестнули коней и коротким галопом помчались посередине улицы. Небогато одетые прохожие, заслышав стук копыт, привычно шарагались в стороны. Никто и внимания не обращал на одетого довольно скромно короля королей и его немногочисленных спутников — чему Сварог был только рад.

Эта окраина Латераны не только роскошью, но и намеком на достаток не блистала — именно в таких и устраивают немилосердно дымящие плавильные печи, не допуская их в более респектабельные кварталы. Возле накрытого четырехугольной крышей, обложенного диким камнем колодца всадники свернули налево и, не меняя аллюра, двинулись той же окраиной — мимо невзрачных лавчонок, домиков с прохудившимися кровлями, третьеразрядных трактиров, лежавших у хилых заборчиков коров...

Через четверть часа они оказались перед высоченным глухим забором со столь же внушительными воротами, украшенными облупившейся вывеской «Медной гильдии кровельных дел мастер Бачалар с племянниками». Подъехав вплотную, Барута загрохотал в ворота сапогом, и они почти тут же распахнулись, а вскоре гулко захлопнулись за въехавшими.

В небольшом дворе не обнаружилось ровным счетом ничего, свидетельствовавшего бы, что здесь обитают кровельных дел мастера. Двор был пуст, если не считать двух дюжих молодцов с оттопыренными полами гильдейских кафтанов, примостившихся под навесами и вроде бы сонно подремывавших — однако, завидев Сварога, оба шустро вскочили и поклонились. Бросив поводья Баруте, Сварог направился к крыльцу добротного каменного дома, взбежал по выщербленным ступенькам. В крохотной прихожей обнаружился еще один малый с оружием под не застегнутым кафтаном. Он не кланялся, а замер по стойке «смирно». Почтительно доложил:

— Господин граф прибыл, государь.

— Да, я видел коня на привязи... — рассеянно отзывался Сварог и уверенно распахнул дверь направо.

Гаржак сидел за столом в комнатке с низким потолком, в обществе высокого глиняного кувшина.

— Сидите, — махнул рукой Сварог, шагнул к громоздкому старинному буфету, уверенно распахнул тяжелую дверцу и снял с полки высокий стакан отличного гларморийского стекла, синего в алых прожилках. — Налейте-ка и мне.

Гаржак проворно наклонил кувшин. Как и следовало ожидать, вино было отличным, ничуть не соответствующим непрятательному подворью, где якобы обитал мастер средней руки.

— Как постоялец? — спросил Сварог без особого интереса.

— А что ему сделается... Сидит себе, ест и пьет, только временами ноет о своей тяжкой участи, просит развеять тягостную неизвестность...

— Развею, — кивнул Сварог. — Очень скоро... Всю неизвестность как рукой снимет... — он допил вино, отставил стакан. — Мне хотелось бы вас спросить, граф... Я как-то прежде никогда и не интересовался этим вопросом, а вы должны разбираться... Как у нашей тайной полиции и подобных ей учреждений налажена работа среди крестьян? В деревнях.

— А никак, ваше величество, — нисколько не раздумывая, ответил Гаржак. — Так уж испокон веков повелось, не только у нас, повсюду крестьянами занимаются исключительно начальники полиции провинций. Вот они, точно, держат в деревнях свою осведомительную сеть. Которая занята главным образом тем, что высматривает и вынюхивает, не готовится ли где-нибудь мятеж. Ну, и тем, что касается уголовщины: скучники краденого, скотокрады, фальшивомонетчики, укрыватели разбойников, содержатели притонов и прочая публика. Но это — главным образом близ больших дорог и трактов. И, конечно, пограничная стража охотится за контрабандистами. Ну, а в глухи, в сонной глубинке, никого нет, кроме обязатель-

ных осведомителей. П р о ч и е службы в деревне по-просту не работают. Там для них нет ничего интересного. Везде так обстоит, испокон веков.

Вот именно, сердито подумал Сварог. Везде и испокон веков. Вот и получается, что процентов семьдесят населения, обитающего, с точки зрения горожан, в той самой сонной глупи которую тысячу лет не о х в а ч е н о вниманием спецслужб. Если нет донесений о замышляющемся бунте, никто и не почешется. А потом в захолустной деревушке внезапно обнаруживается компьютер... интересно, на что там можно наткнуться еще, если поискать по-настоящему?

— Интагар мне говорил, что вы трижды переряженным странствовали по деревням...

— Было, ваше величество, — кивнул Гаржак. — Но это никогда не имело отношения к крестьянам. Объектом интереса дважды были провинциальные дворяне, а в третий раз — крупный скототорговец из главного города провинции.

— Он говорил еще, что перевоплощающиеся вы способны мастерски...

— В кои-то веки он обо мне отозвался хорошо...

Сварог усмехнулся:

— Он вас по-прежнему терпеть не может, хотя давно уже не пристает с просьбами вас повесить или, по крайней мере, отправить за решетку. Однако надо отдать ему должное — он никогда не говорил, что вы п л о х о й работник... Граф, я вас намерен отправить именно что в деревенскую глупь. Дело серьезнейшее и наверняка опасное. Боюсь, если вас раскроют, постараются избавиться так, чтобы и следа не осталось...

— Ну, это мы еще посмотрим... — хищно улыбнулся Гаржак. — Куда следует отправиться?

— Деревня Туарсон в провинции Гартвейн. Редкостная глупь. Не бывали?

— Не доводилось, — сказал Гаржак. — В Гартвейн заносило пару раз... и в похожие уголки, так что примерно я эту редкостную глупь представляю. Что я должен там искать?

Сварог помедлил.

— Честно признаться, я и сам плохо представляю, что именно вам следует там искать, — сказал он. — В детали я вас посвящать не буду — исключительно оттого, что объяснения отнимут много времени, а времени у нас мало. Вам надлежит искать необычное, все, что не соответствует жизни обычной провинциальной деревни. Нечто такое, чего там быть категорически не должно. Понимаете?

— Не до конца, но в основном, ваше величество...

— Это может быть что угодно, — сказал Сварог. — Приспособления, устройства, механизмы, знания, которым не полагается быть в обычной деревне,

— Оно там есть? — серьезно спросил Гаржак.

— Есть, — кивнул Сварог. — Уж в этом-то я уверен. Там живет шестилетняя девочка по имени Эльбетта. Понятия не имею, редкое это имя, или Эльбетт там носится целый выводок. Понятия не имею, как зовут ее родителей и из какой она семьи. Но она там живет. И как раз в ее доме могут отыскаться прелюбопытнейшие вещи... Вам не нужно ничего добывать — только вызнать, что там происходит, что там припрятано по углам... Справитесь?

— Постараюсь...

— Кем вы притворяетесь?

— Первый раз я был мелким приказчиком, — сказал Гаржак. — Но работать оказалось трудновато — для крестьян и подобная личность остается городским чужаком. Поэтому я с тех пор выступаю в роли бродячего точильщика. Вот эту персону в деревнях всегда встречают радушно. В каждом дворе есть самодельные точила, но крестьяне всегда рады мастеру с настоящим станком, точильным кругом. Ножи, топоры, косы, овечьи ножницы, секачи для мяса и капусты, да чего только ни ташат...

— Вы можете, не вызывая подозрений, задержаться там на недельку, а то и подольше?

— Деревня большая?

— Двести с лишним дворов.

— Запросто. В такой деревне раньше и не справишься. И всегда можно придумать благовидный предлог, чтобы

задержаться еще на несколько дней. В таком обличье можно часами болтать с местными. Для захолустной деревни любой бродячий ремесленник — источник новостей из большого мира. Двести с лишним дворов... Значит, там неизменно есть корчма, а то и не одна. И обязательно найдутся девушки, которые не прочь почесать язык с повидавшим свет городским парнем. Среди них попадаются страшные болтушки... а иногда, говоря по правде, и не особенно строгих нравов особы, что еще более облегчает задачу.

Сварог усмехнулся:

— А нет ли риска, что деревенские парни городскому бока обломают?

— Случается... — сказал Гаржак. — Но я давно научился держаться так, чтобы не давать повода для стычек. У них и на этот случай есть вековые традиции, от которых как-то не отступают, достаточно их знать и не лезть на рожон... Знающий обхождение бойкий парень, умеющий завлекательно рассказать о новостях, поддержать степенную беседу в корчме, позубоскалить с девушками, с парнями на выгоне, местного пойла пригубить, поиграть на том и на сем — а это значит, танцульки устроить с самим собой в роли музыканта... — он кивнул на стоявший в уголке виолон, простой, без лака и украшений, как раз и приличествующий бродячему ремесленнику. — Где танцы, там и бутылочка, языки развязутся... Знакомое дело. Прикажете изобразить?

— Изобразите, — кивнул Сварог.

Проворно поднявшись, Гаржак взял виолон, устроился на лавке возле буфета и ударил по струнам:

— Сильнее красоты твоей
моя любовь одна,
она со мной, пока моря
не высыхнут до дна.
Не высыхнут моря, мой друг,
не рушится гранит,
не пересохнет водопад,
а он, как жизнь, бежит...

Сварог смотрел на него не без уважения. Перед ним оказался совершенно другой человек — недалекий, но

шустрый мастеровой-волокита, с томным, преувеличеным пафосом третьеразрядного актера бросавший пыльные взгляды в пустое пространство, где явно подразумевалась деревенская красотка, то и дело поправлявший усики ногтем большого пальца. Все ухватки и повадки битого жизнью бродячего ремесленника переданы мастерски — в меру вульгарный, в меру нагловатый дешевый кавалер с городской окраины. Сварогу такие не раз попадались во времена прошлых странствий по глухой провинции. Неподражаемое впечатление такие молодчики производят на простоватых деревенских красоток, в жизни не бывавших дальше главного города (обычно г о р о д к а) провинции, а то и просто-напросто близлежащей ярмарки.

— Довольно, — Сварог поднял ладонь. — Что же, убедительно... Только помните, что это, есть подозрения, н е в п о л н е обычная деревня.

— Магия? — деловито спросил Гаржак.

— Не похоже, чтобы там была магия, — сказал Сварог задумчиво. — Там что-то другое... Я почти ничего не знаю об этом местечке, но нет времени что-то выяснить... Да, и вот что еще... Вы знаете такую песню? «И содрогнулось небо, и плакала земля, когда багряный отсвет ложился на поля...»

— «Под горестные крики несметных птичьих стай...» — подхватил Гаржак. — Ну кто же ее не знает, ваше величество? Одна из самых известных «жалостниц», ее заказывают музыкантам в таверне, когда на душе кошки скребут. Мне тоже когда-то случалось, когда я страдал однажды от разбитого сердца — теперь-то приходишь к выводу, что зря страдал...

— Вы знаете, о ч е м эта песня, с чем связана?

— Да вроде бы с Багряной Звездой, — довольно равнодушно пожал плечами Гаржак.

— А что вы сами думаете о Багряной Звезде?

— Да ровным счетом ничего, ваше величество, — граф вновь пожал плечами, покрутил головой. — Никогда не интересовался старинными сказками и книжными премудростями.

— На сей раз придется, — сказал Сварог. — Внимательнейшим образом мотайте на ус, что в Гартвейне говорят о

Багряной Звезде. И попытайтесь сами при случае навести на разговор...

Гаржак уставился на него пытливо, но без малейшей тревоги:

— Она что же, и правда е с ть?

— Возможно, — сказал Сварог, сохранив полную бесстрастность. — Это вам тоже предстоит выяснить. Но в первую очередь — Туарсон, то н е о б ы ч н о е, что может оказаться в деревне, эта Эльбетта... или однажды из Эльбетт кое-что знает.

— Шестилетняя девочка? — серьезно спросил Гаржак.

— Шестилетняя девочка, — кивнул Сварог. — Родители недосмотрели, и эта девочка начала забавляться с некоей затейливой штуковиной, которой не то что в деревне, вообще на земле быть не должно... Поймите, у меня просто нет времени объяснять вам подробно, что это такое... Вам много времени понадобится, чтобы собраться?

— Пока доскачу, то да се... Точильный станок и необходимая одежда у меня дома... Три четверти часа — и я буду готов.

— Отлично, — сказал Сварог. — Я как раз управлюсь здесь, поговорю с нашим гостем... И приеду за вами. Я вам дам самолет, подумаем, где вас высадить, чтобы затратили на дорогу как можно меньше времени. В главный город провинции... как он там называется...

— Кардалайн.

— Да, вот именно... Я туда переброшу дюжину агентов потолковее, чтобы вы при нужде располагали подкреплением. — Сварог встал. — Ну, удачи. Поезжайте...

Кивнув графу, он вышел и направился в другое крыло домика, прошел по пыльному неширокому коридору, обитому выцветшим ситцем, синим в мелкий белый цветочек, мимо нескольких плотно прикрытых дверей, из-за которых не доносилось ни звука. В самом конце коридора, направо, вниз, в полуподвал, уходила древняя каменная лестница в дюжину ступенек, упиралась в низкую, обитую чуть поржавевшим железом дверь с полукруглым верхом и внушительным кованым засовом.

Охранники вскочили и вытянулись, как стойкие оловянные солдатики. Осторожно ставя ноги на выщерблен-

 ных ступеньках, Сварог спустился к двери, повел подбородком в ее сторону. Один из охранников проворно отодвинул засов, второй распахнул дверь. Засов отодвинулся бесшумно, и дверь не скрипнула — его приказ был выполнен в точности.

Пригибаясь, чтобы ненароком не треснуться затылком о косяк из потемневшей цельной плахи и не нанести тем самым урон королевскому величию, он вошел, и его сразу окутала промозгая сырость. Небольшая комната с низким куполообразным сводом, несомненно, использовалась прежними хозяевами как кладовая — на полу до сих пор валялись обломки досок, клепки от бочек, какой-то уже непонятный, траченый временем хлам. Справа низкая, запертая на огромный ржавый замок дверь вела в соседние помещения — но Сварогу они оказались без надобности, и он не приказывал их обустроить. Длинные, высотой в ладонь, надежно зарешеченные окошки под потолком давали сейчас, в дневную пору, достаточно света.

Жестом приказав закрыть за ним дверь, он повернулся и с легонькой ухмылкой стал разглядывать узника. Особым комфортом мэтра Тагарона тюремщики не баловали — не в целях особого издевательства, просто-напросто не было смысла и надобности заботиться о нем, как о дорогом госте. Притащили какие-то невысокие ящики, кинули на них дерюгу — получилась постель. Еще один ящик поставили рядом — получился обеденный стол. В углу стояло ржавое мятое ведро, посредством распространявшегося запаха говорившее само за себя.

Мэтр Тагарон, свесив руки меж колен, сидел на постели, смотрел на Сварога сверху вниз с унылой злостью. Неделя заточения себя показывала: надетый поверх коричневого кафтана плащ Сословия Совы измят и покрыт непонятными пятнами, волосы спутались, нехоленая борода отросла и растрепалась. Ни малейшей жалости Сварог что-то не почувствовал.

Морщась от распространяемых ведром ядреных ароматов, Сварог придвигнул ногой служивший столом ящик и без колебаний на него уселся — другой мебели все равно не было.

— Как себя чувствуете, любезный мэтр? — спросил он вежливо.

— Омерзительно, — отрезал Тагарон, затравленно по-сверкивая глазами из-под спутавшейся шевелюры.

— Будем знакомы, — сказал Сварог. — Я — король Сварог Барг.

— Наслышен, — кратко ответствовал Тагарон.

— Интересно, вы непочтительный хам или просто раскисли? — спросил Сварог. — Встать перед королем и не подумали...

— У меня есть свой король, — все так же неприязненно сообщил ученый книжник.

Сварог искренне рассмеялся:

— Вы про Стакхора? Ох уж мне эти оторванные от юридических реалий ученые мужи... Вы, любезный — сбравший за границу без выправленной должным образом подорожной подданный короля Конгера, стало быть, теперь мой. Я не помню всех судейских хитросплетений, но подобное деяние обозначено в кодексах как преступление и чему-то там подлежит. Я вовсе не собираюсь притянуть вас за это к суду, просто хочу, чтобы вы уяснили свое положение должным образом... Речь о другом. Я велел каждый день поутру спрашивать вас, согласны ли вы дать показания. Не сомневаюсь, что те обаятельные молодые люди за дверью так и поступали — мои приказы, я давно убедился, выполняются скрупулезно. Однако мне так и не доложили, что вы согласны говорить...

— Не о чем мне с вами говорить, — сказал Тагарон. — Какие такие показания? Вы на нас самым пиратским образом напали в свободных водах, захватили мирное судно...

— Которое везло другое судно, подводное, оснащенное запрещенным движителем, канцелярски именуемым «толкающий винт»...

— Вот и дайте мне возможность предстать перед официальными лицами империи. Кто бы вы там ни были в другое время, сейчас вы — обычный земной король, не имеющий права самолично заниматься таким делами. Если бы вы выступали в ином качестве, мы бы беседовали не здесь.

— Беру свои слова обратно, — ухмыльнулся Сварог. — Касательно оторванных от юридических реалий ученых мужей. Должен признать, что в законах вы кое-что соображаете. Я слышал, раньше вы таких склонностей не проявляли... Поднатасал кто-то? Интересно, а почему вы решили, что вам было бы лучше та м? — он показал пальцем на низкий потемневший свод. — Прежде всего, там опять-таки попали бы в руки ко мне...

— В любом случае та м действуют законы, а не произвол, — отрезал Тагарон. — Сомневаюсь, что там меня держали бы в этакой гнилой дыре, — он окинул подвал возмущенным взглядом.

— Произвол так произвол, — сказал Сварог преспокойно. — Ну, а чего другого вы хотели от Баргов? Буйная кровь, знаете ли... — он переменил тон, заговорил резко, холодно. — Вот что, почтенный мэтр... у меня нет ни малейшего желания вести здесь с вами словесные дуэли. Во-первых, времени нет, а во-вторых, воняет тут почище, чем в зверинце, а нос заткнуть нечем... Поэтому говорить будем кратко и по существу. Мне нужно, чтобы вы подробно рассказали, что вы делали в Горроте, кто там вам покровительствовал и содержал, кто помогал вам строить лодку и отправил к Хай Грону. Горротцы, конечно, от вас отказались самым официальным образом, о чем мне сообщил их посол. Они твердят, что просто-напросто в силу присущей им исстари доброды далиубежище почтенному ученному мужу, бежавшему от невыносимой тирании сатрапа и врага просвещения Конгера Ужасного. И ведать не ведали, чем вы там занимаетесь на собственные денежки, куда плаваете и зачем... Или вы ожидали другого? Неужели вы настолько глупы и младенчески наивны? Любое государство в столь щекотливой ситуации отречется громогласно от провалившегося... Но я-то прекрасно знаю, что в Горрот вы бежали в спешке, бросив здесь все свое имущество, да и деньги в банкирской kontоре Улимана с сыновьями. У вас при себе был лишь тощий кошелек да и то, что на вас было тогда надето... Так что все создано на горротские денежки. Вот об этом и расскажите подробно.

— Не дождется.

— Ну вы и болван, — без малейшего раздражения сказал Сварог. — Даю вам срок до завтрашнего полудня. Если вы и к этому времени будете изображать гордую нестигаемость, я вас быстренько переправлю в Глан. Во-первых, там есть глухие места, где вас сам черт не найдет. Во-вторых, там хорошие палачи. Здесь сыщутся не хуже, но в Глане легче сохранить тайну. Уж там постараются, чтобы вы и не померли раньше времени, и язык развязали очень скоро. С гвоздями под ногтями и с содранной с задницы шкурой вы быстренько начнете петь получше любого баритона королевской оперы. И не смотрите на меня так. Я не чудовище. Я, к превеликому сожалению, король. А любой король руководствуется не слюнявой гуманностью, а жестокой истиной под названием «государственная необходимость». Сейчас она требует, чтобы я вас вывернул наизнанку. Значит, придется...

— Вы не посмеете...

— Интересно, с чего это вдруг? — ничуть не притворяясь, натуральным образом удивился Сварог. — С какой такой стати? Вы — беглец, вступивший за границей в спор с врагами королевства. Людей покрупнее вас, знатных, сановных, титулованных за подобные проказы вздергивали на дыбу и разрывали лошадьми на площади — и не обязательно в ныне подвластных мне землях, повсюду... И никаких дискуссий! — рявкнул он, завидев, что Тагарон открыл было рот. — Я в своем праве. Если угодно поинтересоваться моими чисто человеческими чувствами, то таких, как вы, я ненавижу почище врагов. Враг — он и есть враг, ему положено... А умные головы вроде вас, по бескорыстной страсти к благородному познанию влипающие в самые грязные дела... Не будет никаких дискуссий. Подумайте над своим положением. Повторяю: срок до завтрашнего полудня. Не станете говорить, окажетесь в гланской пыточной. Счастливо оставаться.

Он резко повернулся и, не оглядываясь, пошел к двери. Оказавшись отрезанным от вони солидной дверью, облегченно вздохнул полной грудью, спросил, ни на кого не глядя:

— Часы есть?

Охранники, торопливо выворачивая карманы, предъявили ему часы: большие круглые в стальном корпусе и квадратные поменьше, в потемневшем бронзовом. Критически присмотревшись к циферблатам, Сварог кивнул:

— Вроде бы ходят нормально... Каждый час будете заходить и отвешивать нашему гостю пару-тройку оплеух. Особенно не увлекайтесь, пусть он всего-навсего поймет, что церемониться с ним тут не будут. То же самое передайте ночной смене. Воды принесите, но ужином не кормить. Завтраком тоже. Если он пожелает мне что-то передать, сообщить немедленно. Все ясно? Молодцом...

Стал осторожно подниматься по щербатым ступенькам и был уже на середине, когда наверху, в проеме, показался запыхавшийся шпик, тот, что начальствовал здесь над всеми.

— Ваше величество! — выдохнул он, пучка глаза. — Глэрд Баглю...

 Глава IX

БЕГЛЕЦ

Чтобы хорошенько присмотреться, выбрать место для посадки — и вообще понять сначала, можно ли тут приземлить — Сварог сделал три круга, на небольшой скорости, с каждым разом опускаясь все ниже. Уже после первого круга кто-то зоркоглазый и бдительный его заметил и тут же, надо полагать, поднял тревогу: на верхушках трех круглых башен, на галерее донжона, во дворе показались люди, уставившиеся в небо. У всех оказалось в руках оружие, у кого лук, у кого мушкет, но никто и не пробовал целиться: чересчур уж уникальным явлением была для Талара Сварогова вимана, так что его ни с кем другим не могли спутать.

Троюродный прадедушка Баглю, когда-то выбравший именно это место для возведения небольшой крепости, несомненно, обладал немалым житейским опытом. Крепость — точнее говоря, всего-навсего не особенно и большой замок — построена в глубине отдаленного горного ущелья, куда по земле приходилось добираться от более цивилизованных мест лиг двадцать, извилистым путем, пролегавшим меж скальными откосами, где в самом широком месте бок о бок могли проехать лишь четыре всадника. С трех сторон над крепостью вздымались отвесные горные вершины, с четвертой примыкала глубокая про-

пашь. Последние пол-лиги к воротам вела узенькая тропинка, где места хватало одному-единственному конному или пешему. Горстка отчаянных малых — особенно если заготовили достаточно провизии — могла защищаться тут против целой армии хоть год, хоть два. Впрочем, любая армия убралась бы отсюда гораздо быстрее — уж ей-то понадобилось бы несметное множество припасов, которые трудновато раздобыть в этом малолюдном и бедном kraю. Баглю как-то упоминал, вроде бы шутливо, но с затаенной гордостью: его предки-родственники дважды держались здесь против войск стаинных королей, с которыми ссорились. Оба раза венценосцы держали осаду ровно столько, чтобы не потерять лица, а потом трубили отход, высокомерно объявляя, что им-де жаль терять время на этот убогий курятник...

Сварог остановил виману в воздухе над мощеным двором, присмотрелся и вертикально повел ее вниз — очень медленно, чтобы ненароком не придавить кого-нибудь из толпившихся там. Ну, соображения у них хватило — прытко кинулись врассыпную, освободив даже гораздо, больше места, чем требовалось.

Он сажал «самолет» так, чтобы крылья оказались параллельны стене замка — но все равно, между кабиной и стеной осталось не более пяти уардов, да и между хвостом и донжоном примерно столько же. Размах здешней архитектуре был не присущ, что вполне объяснимо.

Он летел один, а потому лесенку пришлось опускать самолично. Привычно стал спускаться. Ножны меча, как их ни придерживай, то и дело колотили по легким перильцам. Ничего тут не поделаешь: благородному гланскому дворянину, а уж тем более королю, появиться за пределами дома без оружия так же неприлично, как без штанов... тыфу ты, без тартана...

Обитатели замка толпились на почтительном расстоянии, уважительно прижимая к груди береты с орлиными перьями и беличьими хвостиками — судя по одежде, поголовно простые ратники и замковая прислуга. Единственным обладателем дворянской цепи оказался глэрд Баглю, он неторопливо шел к Сварогу, согласно малому

этикету, то останавливалась и трижды притопывая левой ногой, чтобы громко звякала шпора, то прижимая к сердцу левую руку, то чинно касаясь ею берета, делая вид, что вот-вот его снимет, но, разумеется, так и не снял: господа глэрды с незапамятных времен обладают привилегией оставаться перед королем с покрытой головой. Сварог, коего этикет не обязывал выкидывать этакие церемониальные коленца, с потаенной радостью ограничился пресловутым «милостивым наклонением головы». Правда, пришлось еще выслушать пару-тройку длиннющих церемониальных фраз, какими всякий дворянин обязан встречать в своих поместьях короля: мол, и весь замок, вплоть до последнего закутка, к услугам его величества, и все здешнее народонаселение, вплоть до последнего поваренка, умрет на месте, выполняя королевскую волю... И все такое прочее.

Хорошо еще, надолго это не затянулось. Следя приглашающему жесту почтительно отступившего на шаг хозяина, Сварог поднялся по узкому каменному крыльцу, где справа и слева сидели оскалившимся медведи (сразу видно, сработанные не особо и талантливым, но чертовски усердным каменотесом), вошел в небольшую прихожую, обитую потемневшими досками, на которых не особенно и живописно развешано старинное оружие (содержавшееся, впрочем, в идеальном порядке — ни единого пятнышка ржавчины). Огляделся: несколько низких дверей, каменный пол, высоко над головой перекрещаются толстые балки... Обнаружив в углу грубый стол с несколькими массивными креслами, туда и направился. Не теряя времени, уселся, жестом разрешил хозяину последовать его примеру, спросил нетерпеливо:

— Что случилось, Баглю? Вы меня неожиданно вызвали, да еще в этот медвежий угол... Снова что-то с Горротом?

— Можно и так сказать, — Баглю пожал плечами словно бы в некотором замешательстве.

— То есть? — спросил Сварог напористо.

— Видите ли, ваше величество... Нам сдался горротский посол...

— Сдался? — поднял брови Сварог. — Ну, не хотите же вы сказать, что у вас тут была в ойна с посольством? Это как-то даже и чересчур, даже при нынешних напряженных отношениях...

— Простите, ваше величество, я неточно выразился... — Баглю явно пребывал в некотором замешательстве, что для него не свойственно. — Он... Перешел... В общем, вчера утром он ни с того ни с сего объявился на моем подворье на двух каретах: в одной он сам с семейством, во второй — сундуки с пожитками. И попросил об убежище в полном соответствии со старинной традицией: предстал передо мной босиком, с поясом, висящем на левой руке, произнес должные слова: мол, припадая к подножию престола, рассчитывая на великодушие моего монарха... Пришлося соблюсти традицию, я пообещал передать все на ваше благоусмотрение, через пару часов выехал сюда вместе с ним и его семейством — он очень просил спрятать его где-нибудь в глухом уголке...

— Интересные дела, — сказал Сварог, не зная, что и думать. — Я о таком что-то и не слышал даже...

— И не удивительно, ваше величество, — ответил Баглю задумчиво. — Вещь редкая. Лет девяносто назад тогдашний лоранский посол в Ронеро попросил убежища. А других случаев я и не припомню...

— А что там было девяносто лет назад?

— Дела житейские, — усмехнулся Баглю. — Господин посол был одержим неутолимой страстью к игре. Спустил в игорных домах Равены не только свои деньги и драгоценности жены, но и всю посольскую казну до последнего грошика, золотую и серебряную казенную утварь, даже лошадей с экипажами. Что тут оставалось?

— Интересные дела, — повторил Сварог. — А на ш в чем таком провинился, что решил бежать и просить убежища?

— Представления не имею, — сказал Баглю. — Согласно той же традиции допрашивать его не имею права: он обо всем расскажет лишь вашему величеству. Может, конечно, наврать с три короба, ну, тогда придется проверять... Смело могу сказать одно: у меня нет никаких сведений о растрате им казенных денег на какие-то свои нужды.

— Значит, и не растрачивал, — сказал Сварог. — Зная ваш опыт... Я никогда не требовал подробного отчета, но представляю, как вы о б л о ж и л и горротское посольство...

— Смею думать, надежно, — со скромной гордостью, с легкой улыбкой сказал Баглю. — Как-никак наш главный противник...

— Может, что-нибудь по женской части?

— Исключено, — Баглю решительно мотнул головой. — Представьте себе, в противоположность очень и очень многим он супруге не изменяет. Редкостная красавица, брак по любви... Случалось, конечно, что со временем и такие браки заканчивались изменениями, иногда обоюдными, но не сейчас... Я бы знал. Это в с а м о м Горроте неким загадочным образом проваливаются все до единого шпионы, и очень быстро, а вот в посольстве работает прекрасно, на него горротские загадочные чудеса отчего-то не распространяются, у меня там столько соглядатаев...

— Ладно, не буду гадать, — сказал Сварог. — Расскажите все, что у вас на него есть. Уж на такую персону, как горротский посол, у вас немало должно накопиться... Бумаги, должно быть, складывать некуда, а?

— Я бы так не сказал... — тонко усмехнулся Баглю. — Но пара полок в шкафу заполнена до отказа... Итак. Эгар, граф Канмор. Род очень старый и прославленный, но, как это порой и с такими родами случается, давно уже впал в то состояние, которое принято деликатно называть «благородной бедностью». Не считая троюродного брата посла, которому повезло очень выгодно жениться, остальные живут исключительно службой и жалованьем. Нашему графу — тридцать с небольшим, он практически ровесник Стахора. В восьмилетнем возрасте попал в королевский дворец — какие-то старые связи работали. Вы ведь знаете, как это бывает.

— Знаю, — кивнул Сварог. — Пажом?

— Берите выше. «Товарищ по играм и забавам его высочества принца». В Горроте это официальное придворное звание, нельзя сказать, что особенно высокое, но иные высокородные родители стараются протолкнуть своих от-

прысков на эту должность даже ожесточеннее, чем интриговали и боролись бы за звание камергера для себя лично. Ну, вы же понимаете... Постоянный участник игр и забав наследного принца... Дети сближаются, они растут... Некоторые «товарищи по играм» потом поднимались очень высоко. Были, правда, и такие, которые это звание очень быстро теряли: малолетний принц во многом ничем не отличается от обычновенного ребенка, у него свои симпатии и антипатии. Какой-нибудь очередной навязанный взрослыми товарищ категорически ему не понравится — и ничего тут не поделаешь, приходится искать нового... Граф Канмор, однако, продержался в своем звании шесть лет, после чего получил следующее: «Спутник в учебе и благородных занятиях его высочества принца». Похоже, мальчишки подружились всерьез и крепко. Еще через два года принц стал совершеннолетним, после чего ему уже не полагалось официальных «товарищей» и «спутников». Но граф все равно остался при дворе — явно по настоянию Стахора. Стал камер-юнкером, и, что гораздо важнее — членом Академии Единорога. К ученым занятиям этот кружок не имел никакого отношения — собственно, во многом он напоминал Академию Лилий королевы Дайни Барг. Сам Стахор, «господин ректор», и девятеро «академистов». Все десять носили прозвища, которыми и пользовались в своем кругу. Всевозможные проказы на манер студентов Ремиденума, пирушки тайком, осада девичьих сердец — и не обязательно придворных... Словом, юные шалопаи развлекались, как могли, шесть лет. Потом король умер, Стахор взошел на трон, и его тогдашние советники, имевшие на него влияние, сумели внушить, что существование Академии далее неуместно, поскольку королю такое не приличествует, а времена Дайни Барг давно ушли в прошлое... Стахор взялся своих друзей у с т р а и в а т ь. Кто-то занял неплохое место в военной службе, кто-то в гражданской, кто-то остался при дворе. Канмора и еще двоих Стахор сделал послами: у нас, на Сегуре, в Шагане. Решение, должен сказать, неглупое: все три державы — и мы в том числе, увы — в мировой политике играют небольшую роль, особенно Сегур, который

никакой роли не играет вовсе. Но посол есть посол: титулы, привилегии, положение в обществе, деньги, непременные ордена... Восемь лет назад граф Канмор прибыл к нам с верительными грамотами и молодой женой. С тех пор и обитает... Безусловно неглупый молодой человек, хотя звезд с неба не хватает. Впрочем, у него и нет особых возможностей совершенствовать дипломатическое мастерство: между нашими странами никогда и не бывало каких-то изощренных дипломатических комбинаций, хитроумных политических игр. Воюем частенько — вот и вся дипломатия... В общем, переводя на армейские мерки, я бы его сравнил с толковым и исправным, но лишенным особенных карьерных перспектив лейтенантом. Обязанности выполняет исправно, в тайных пороках не замечен, доставшейся от предшественника шпионской сетью руководит нельзя сказать чтобы бездарно. За эти восемь лет родились два сына. Жена в изменениях не замечена. В сущности, скучноватая, ничем не примечательная персона. Одна-единственная загадка тут есть. Около двух лет назад в посольство прибыл курьер с шифрованной депешей. Мои люди сумели снять копию. Если отбросить дипломатические обороты, графу предписывалось безвыездно пребывать в Глане, не посещая Горрот. И самое интересное... Я не исключаю, что его сотоварищи по Академии, сиречь послы в Сегуре и Шагане, получили аналогичные указания. Потому что только эта троица с тех пор безвылазно сидела в тех державах, куда их отправили — хотя остальные горротские послы на родину ездили частенько. Но это лишь мои предположения, не подкрепленные точной информацией. Правда, две недели назад маркиз Витеро, посол в Сегуре, все же уехал в Горрот. Причем поплыл не прямо в Клон, а завернул к нам, вечер провел с Канмором. Увы, о чем они говорили... А что происходит при королевском дворе в Горроте, вот уже два года никому неизвестно. И вот теперь граф решил просить у нас убежища... Вот и все, пожалуй...

— Ну что же, — сказал Сварог, вставая. — Осталось прояснить, что возможно, самым простым способом... Пойдемте к вашему беглецу.

— Вообще-то он хочет разговаривать с вами с глазу на глаз... Просто-таки требует.

— Но неплохо было бы, чтобы вы, любезный Баглю, при разговоре присутствовали... — сказал Сварог.

— Ваше величество, — вкрадчиво сказал Баглю. — Вы ничего не имели бы против, если бы я присутствовал при вашей беседе так, чтобы граф об этом и не подозревал?

— Это было бы неплохо, — ухмыльнулся Сварог. — А что, можно что-нибудь... придумать?

— Я вас с ним сведу в Оленьей гостиной, — деловито сказал Баглю. — Очень удобное место. Она практически окружена потайным ходом, есть масса искусственных приспособлений для подслушивания и подсматривания. В старину любили такие вещи — и не развлечения ради. Порой хозяин замка — и не только этого — сохранял свободу и жизнь именно благодаря этим придумкам...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Будем соблюдать традиции славных предков, нам порой не грех у них поучиться житейской практичности... Показывайте дорогу. А по дороге кратко и емко изложите мне закон об убежище. Мне как-то не приходилось еще заниматься жаждущими убежища беглецами...

Отчего гостиная получила именно такое название, можно было догадаться с первого взгляда: повсюду на потемневших резных панелях красовались олени рога, огромные, разлапистые, судя по количеству отростков, принадлежавшие материам самцам. Несколько дюжин, считая навскидку.

Баглю куда-то незаметно исчез, как призрак — он это умел. У двери выжидательно вытянулся усатый молодец в тартане цветов Баглю, с мечом и двумя кинжалами на поясе.

Опустившись в тяжелое старинное кресло со спинкой, увенчанной резной оленьей головой, Сварог оглядел комнату, пытаясь угадать, где могут располагаться потайные глазки и слуховые отверстия. Бесполезно и пытаться: такие вещи для того и устраиваются, чтобы их нельзя было высмотреть сходу. Старинные выцветшие gobelenы, многочисленные резные орнаменты и прочие архитектурные излишества...

— Приведите... просителя, — сказал Сварог.

Усатый кивнул и проворно скрылся за дверью. Не прошло и минуты, как он, распахнув ее вновь, пропустил в гостиную молодого человека, одетого с небрежной роскошью старинного дворянства. Остался стоять у косяка, глядя приведенному в спину без всякого доверия: ну не любили тут горротцев, что поделаешь... Видно было, что он с превеликой охотой, достаточно королю мигнуть, пустил бы в ход весь свой богатый арсенал.

Властным жестом отослав его прочь, подождав, когда дверь плотно затворится, Сварог принял пытливо разглядывать вошедшего. Баглю, как всегда, оказался точен в характеристиках — симпатичен, определенно не глуп, держится с осанкой человека, много лет состоявшего в придворных чинах, при королевском дворе — но сильной личностью не выглядит. Действительно этакий исправный лейтенант без особых перспектив. Человек покрупнее калибром обязательно постарался бы остаться при дворе и сделать там карьеру — с таким-то послужным списком...

— Садитесь, — кивнул Сварог. — Как вас зовут, я уже знаю. Как зовут меня, вы не можете не знать. Так что постараемся говорить кратко без лишних дипломатических красавостей, у меня много дел... — он усмехнулся. — Граф, как вы считаете, оказанный вам прием — суховат?

— Иного и ожидать не следовало, ваше величество, — едва заметно пожал плечами молодой посол.

Излишнего подобостраствия в его тоне не наблюдалось, что Сварогу понравилось.

— Рад, что вы это понимаете, — сказал он бесстрастно. — В конце концов, вы до последнего времени представляли здесь страну, которую можно считать первой в списке врагов Глана... Поэтому отношение к вам будет не то чтобы враждебное, но определенно настороженное. И не только оттого, что вы из Горрота. История сама по себе, мягко говоря, удивляет. Крайне редко случается, чтобы убежища просили послы... А потому, думается мне, я вправе потребовать от вас полной откровенности. Или вы считаете иначе?

Молодой человек сказал почтительно, но твердо:

— Тысячу раз простите, ваше величество, но я не намерен выдавать доверенных мне государственных тайн. Это было бы против чести...

Сварог откровенно ухмыльнулся:

— Изъяснясь высоким слогом старых романов, такие взгляды делают вам честь... Не волнуйтесь. Никто не собирается требовать от вас каких-то тайн, это и в самом деле против правил... к тому же, простите уж, но вы и знать не можете никаких таких особенных тайн, не правда ли? Здесь, мы оба с вами прекрасно знаем, провинциальная глупость, захолустье... Речь о другом. Согласно закону об убежище вы обязаны подробнейшим образом изложить мотивы, толкнувшие вас на этот поступок. Обычно это полагается делать письменно, бумаги долго странствуют по инстанциям, поднимаясь снизу вверх, пока не попадут к королю на стол. Но в вашем случае обернулось так, что мы оба избавлены от бюрократической канители. Или вы предпочитаете обычную процедуру?

— Это было бы глупо, ваше величество, — сказал бывший посол. — Коли уж мы оказались с вами лицом к лицу... Мне хотелось бы закончить все быстрее, — он впервые проявил нервозность, улыбка была вымученной. — Жена места себе не находит, да и я никак не могу оставаться хладнокровным...

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Здесь, как мне объяснили, есть процедурные тонкости... Всякий беглец вправе просить убежища... но король, в данном случае я, не обязан предоставлять его всякому, кто о том попросит. Вам это должно быть известно?

— Разумеется, ваше величество.

Неторопливо, словно сам с собой рассуждая вслух, Сварог продолжал:

— Согласно букве закона, я могу дать вам убежище, а могу и отправить назад... а там уже, несомненно, знают, что вы бежали. Насколько я понимаю, вы со вчерашнего утра числитесь государственным изменником. Человек попроще мог бы отделаться тюрьмой или каторгой, но полномочный посол... Для вас возвращение не может закончиться иначе, нежели плахой. И вы, собираясь бежать, должны были прекрасно это понимать... Не так ли?

— Конечно, я это прекрасно понимаю...

— Вот тут-то и начинается главная интрига, я полагаю, — сказал Сварог. — В таких случаях шансов примерно поровну. Вы пошли на такой шаг, прекрасно понимая, что в случае отказа потеряете голову. Чтобы идти на такой риск, нужны чрезвычайно веские мотивы... Которые я обязан знать. Итак, что вас толкнуло?

Не отводя взгляда, граф тихо произнес:

— Да просто-напросто осознание того, что голову я могу потерять в любом случае...

— А вот это уже крайне интересно, — сказал Сварог. — Это надо понимать так, что на родине в самое ближайшее время вам в с е р а в н о грозила плаха?

— Крепко подозреваю...

— Интересно, с чего бы вдруг? — усмехнулся Сварог. — Стахор, конечно, мой враг, но я всегда старался составить о нем объективное мнение. Врага нельзя оглулять, недооценивать, закрывать глаза на его сильные стороны и положительные качества, если они есть. Его надо представлять себе д о с т о в е р н е й ш е. О Стахоре я немного знаю. Вот уж на кого он не похож, так это на тупого тирана, рубящего головы из чистой прихоти. Ну в чем та к о м вы могли провиниться, восемь лет сидя вдали от родины? Или все же крепко провинились? В заговоре каком-нибудь участвовали, и все провалилось?

— Ничего подобного.

— Вот и рассказывайте, — сказал Сварог. — Подробно, но не растекаясь мыслью по ненужным мелочам, — он присмотрелся к собеседнику, прищурился. — Я вижу, вы волнуетесь... Может быть, кубок вина для храбрости? Я распоряжусь.

— Нет, благодарю вас, ваше величество. Не нужно. Я, конечно, волнуюсь, но не только в волнении тут дело... Я пытаюсь подобрать надлежащие формулировки, точные и исчерпывающие, а это, поверите, нелегко...

— Вы же дипломат, — сказал Сварог без улыбки. — Должны уметь не только запутывать дело при необходимости, но и... формулировать. Точно и исчерпывающе. Например, когда отправляете домой посольские доне-

сения. За восемь лет вы их столько должны были составить...

— Да, конечно. И все же, все же... — он рывком поднял голову, напрягся. — Если кратко... В Горроте, ваше величество, два последних года что-то очень и очень неладно. Я имею в виду в первую очередь королевский двор и самого короля. За пределами дворца, насколько я могу судить, продолжается самая обычная жизнь, прежняя. А вот внутри... Ваше величество, должен сразу предупредить: многое из того, о чем я буду говорить — не точные факты, а мои домыслы, догадки, попытки что-то проанализировать и свести в систему...

— Буду это учитывать, — кивнул Сварог. — Излагайте.

— Полагаю, ваше величество, мне не следует подробно рассказывать историю своей жизни? — он бледно улыбнулся. — Я прекрасно осведомлен о деловых качествах гляэрда Баглю, у меня было достаточно времени, чтобы оценить его по достоинству. А потому не сомневаюсь: у вас уже есть мое достаточно полное жизнеописание...

— Не буду отрицать, — сказал Сварог без улыбки. — Что же, обычная практика... Да, можно сказать, что жизнеописание ваше достаточно полное. Итак... Ваша формулировка меня устраивает. В Горроте, точнее, в королевском дворце, два года творится что-то неладное... У этого «чего-то» есть точный срок? Точно определенная точка отсчета? День? Дата? Ну, как с каким-нибудь мостом — ночью он еще стоял, а утром обрушился...

— Понимаю, ваше величество... — лицо графа было хмурым и напряженным. — Даже если и есть такая точка, мне она неизвестна. Просто-напросто мне с определенного момента стало казаться, будто происходит что-то неладное. Далее я лишь укреплялся и укреплялся в этом убеждении. И наконец, когда приехал...

— Нет уж, конец пусть будет в конце, — решительно сказал Сварог. — Давайте с начала, так оно будет вернее... Что, как, почему...

— Так вот... Я был вдали от Горрота, и потому никак не могу определить точно, когда там это началось. Зато могу назвать день и даже час, когда все началось лично для меня.

Видите ли, все эти шесть лет мы переписывались, бывшие члены Академии — мы трое, оказавшиеся за пределами Горрота, не только друг с другом, но и с оставшимися в Горроте, и с королем тоже. Конечно, при переписке с его величеством никаких фамильярностей не допускалось, король есть король — но тем не менее мы все вправе были позволять в общении с королем гораздо больше вольности, чем обычные придворные. Все подписывались теми прозвищами, что носили в Академии, и король тоже. В общем, так продолжалось шесть лет. И вдруг в ответ на свое последнее письмо я получил не ответ от короля, а рескрипт от министра двора, официальный, на гербовом бланке министерства, с большой печатью и оттиском министерского перстня. Министр мне устроил форменную выволочку, порой не особенно и стесняясь в выражениях. Мне категорически запрещалось впредь писать его величеству в столь развязном и неподобающем тоне, равно как и употреблять вместо положенного титулования какие-то «глупые прозвища, оскорбительные для монаршего величия». Как выяснилось чуть позже, точно такие же письма получили граф Гасфорд, посол в Шагане, и маркиз Витеро...

— Посол в Сегуре. Я знаю.

— Да, вот именно... Мало того, министр двора был н о в ы й. Конечно, любой министр на своем посту не вечен, но это имя... Я этого человека прекрасно знал. Он до того лет пятнадцать прослужил в министерстве двора, но на десятых ролях, без всяких перспектив — дрянной был человечишко, мелкий интриган и мелкий пакостник, с кучей грешков за душой. В министерстве его держали исключительно из-за дяди — он адмирал флота, человек влиятельный. Словом, уж кого-кого, а это пакостливое ничтожество я никак не ожидал обнаружить на министерском посту. В конце концов, король его даже не знал близко, для короля он всегда был одной из множества безликих фигур на заднем плане... И вдруг, изволите ли видеть... Как бы вы поступили на моем месте?

Не раздумывая, Сварог ответил:

— Я бы немедленно сел и написал друзьям в Горрот, чтобы объяснили, какая там чертовщина завертелась...

— Вот так я и поступил. Только ответы были предельно странными — уклончивыми, обтекаемыми, сухими. Мне писали, что им, изволите ли видеть, не подобает обсуждать поступки его величества, и предлагали впредь следовать их примеру. Словно чужой рукой писано. Я всех их знал с детства — и не узнавал сейчас никого. Полное впечатление, что все шесть писем написаны под чью-то диктовку, будто всех шестерых собрали в одном месте, дали перо, чернила, стали диктовать... Хотя, конечно, друг друга письма слово в слово не повторяли. И все равно...

— А почерк?

— Каждый, несомненно, писал своей собственной рукой, — ответил граф безрадостно. — Все почерка были знакомыми. А впрочем, любой почерк можно подделать, есть мастера... А еще примерно через месяц я получил от министра двора очередной разнос: мне запрещалось впредь в частной переписке с Гасфортом и Витеро обсуждать все, что касается короля и двора. Наверняка наши письма где-то перехватывали, вскрывали и читали... Я написал еще нескольким знакомым, входящим во дворец — но ни один не сообщил ничего толкового. Та же уклончивость, сухость, словно писано под диктовку, а то и вовсе кем-то другим, мастерски подделавшим почерк. Троє из пятнадцати не ответили вообще: а ведь все эти люди, все до одного, были настоящими друзьями... Еще через несколько дней прискакал курьер, уже с собственноручно подписанной королевской грамотой. Мне без особых околичностей предписывалось безвыездно оставаться в Глане впредь до особого распоряжения. По сути, это была даже не немилость — опала. Как это бывает, когда человеку предписывается «незамедлительно отбыть в дальние имения». Только вместо дальнего имения — Глан... У меня твердая уверенность, что Гасфорт и Витеро получили те же самые ре- скрипты: они никогда не упоминали о том в письмах, но ни разу и не сообщали, что побывали в Горроте... Я попросил жену написать несколько писем. Две ее давних подруги — фрейлины королевы, еще несколько приняты при дворе... То же самое: одни молчали, другие отвечали уклончиво. За всем этим должно было скрываться нечто масштабное и се-

рьезное: ну, вряд ли все затеяно исключительно против нас девятерых, бывших «академиусов»... Новый министр двора, новый министр иностранных дел — опять-таки мелкий, препустой человечек, которого никто и не ожидал увидеть на этом посту... Вот так оно все и началось.

— И как продолжалось?

— Собственно, говоря, никак, — пожал плечами граф. — Около двух лет, вплоть до недавнего времени, я так и просидел в совершеиннейшем неведении: ясно было, что писать друзьям и знакомым бесполезно. Попробовал пару раз, не удержался — снова сухие отписки, а то и молчание... Я... Понимаете, ваше величество, я с м и р и л с я. За все это время среди проезжавших из Горрота путешественников не оказалось никого, кто мог бы хоть что-то прояснить: ни один из них не бывал при дворе, а в с т р а н е, судя по их рассказам, не изменилось ровным счетом ничего.

— А близкие и родственники? Ваши и вашей жены? Вы же не могли не поддерживать с ними переписку?

— С некоторых пор никто из близких и родственников не отвечал на вопросы и не сообщал и н т е р е с н ы х новостей. «Как поживаете? Как дела? «Малышка Траси выросла и вышла замуж за флотского лейтенанта», «Граф Бельгор окончательно промотался и живет теперь в единственном оставшемся у него именище, на которое по его убогости даже нет покупателей». В таком вот духе. Пустая светская болтовня. А потом начались вовсе уж непонятные странности, уже не связанные с королем и двором. Во время осады крепости Корромир... боюсь, ваше величество не поверит...

— Подбежавшая к воротам собака, вдруг взорвавшаяся в крепостных воротах невероятной силы бомбой? — скучным голосом уточнил Сварог.

— Да, вот именно...

— Ну отчего же мне не верить, — сказал Сварог. — Верю. Видел своими глазами. Простите, не буду рассказывать, как так получилось.

— Да, конечно, я понимаю... — закивал граф. — Я-то об этом узнал, вот смех, от своих шпионов в Глане...

— Значит, ничего подобного прежде не было? — деловито спросил Сварог. — Никогда раньше ваши армейцы... или кто-то еще таких вещей не использовали?

— Никогда раньше, — твердо сказал граф. — В жизни не слыхивал. Ну, а потом эта вода, что обрушилась с неба на ваш здешний дворец, камни, упавшие на вашу армию... Такого прежде не бывало, не знаю, что и думать... Быть может, есть и другие загадочные случаи, только я про них не знаю...

«Уж это наверняка, — подумал Сварог, вспомнив живые бомбы, спалившие дотла домик бабки-гусятницы и гостиницу Тетки Чари, вспомнив рассказ о тюлене, вызвавшем цунами. — Вполне может оказаться, было еще что-то похожее, о чем мы оба не знаем...»

— Продолжайте, — сказал он сухо.

— После всего этого я окончательно уверился, что дело тут не просто во внезапно вспыхнувшем королевском самодурстве... кстати, абсолютно не сочетающемся с тем Стакором, которого я знаю больше двадцати лет... Что-то грандиозно-жуткое случилось... хотя страна, такое впечатление, ничего не замечает...

— Прямой вопрос, — сказал Сварог. — Ваше решение бежать как-то связано с вашей встречей с маркизом Витеро, случившейся недели две назад?

— Вы и это знаете? Ну да, конечно...

— Шпионаж — дело житейское, любезный граф, — сказал Сварог преспокойно. — Вы им сами занимались вплоть до последнего времени, должны понимать.

— Я понимаю...

— Итак?

— Витеро решил отправиться в Горрот на свой страх и риск, — сказал граф, зябко поеживаясь так, словно в гостиной стоял лютый холод. — Он из нас всех — самый горячий и нетерпеливый. У него попросту кончилось всякое терпение, не мог больше сидеть на этом чертовом острове... Его отец в последний год очень плох, и он решил использовать это печальное обстоятельство. Сыновние чувства возобладали над исполнением королевской воли... Он выразился примерно так: черт побери, в конце концов,

голову мне не отрубят и в тюрьму не упекут. В крайнем случае с треском вышибут со службы и сошлют в дальние имения — но, по крайней мере, у меня будет шанс разобраться наконец во всей этой чертовщине...

— Резонно, — сказал Сварог. — И как, удалось ему что-то вызнать?

— Да, ваше величество. Два дня назад его доверенный слуга привез письмо, собственно, даже не письмо — большой, обстоятельный отчет. Витеро горяч и вспыльчив, но чертовски умен. Еще до того, как Стахор стал королем, Витеро год с лишним прослужил в разведке. У него по отзывам, блестящие аналитические способности, был там на хорошем счету, его уговаривали оставаться, но это было не по его натуре — дни напролет сидеть, обложившись бумагами. Даже поднимаясь в чинах и получая ордена и прочие отличия, он до седых волос с этими бумагами и возился бы, а это категорически против его характера...

— Письмо вы сохранили?

— Нет, сжег, — признался граф чуть конфузливо. — Под влиянием минуты... Мне стало страшно... Но я все запомнил. Витеро многое успел выяснить. Выглядит все следующим образом... — он то ли старательно подбирал слова, то ли освежал в памяти содержание письма. — За эти два года, оказалось, Стахор форменным образом *проредил*, да что там, *вытолол* приближенных. Витеро не брался вычислить точный процент, у него было мало времени, и он не считал, что узнал *всё*, но главное определил... *Прежних* придворных и министров, сохранивших свое положение, можно по пальцам пересчитать. Остальных король форменным образом разогнал, большинству было предписано покинуть столицу и отправиться в дальние имения, какая-то часть оказалась за решеткой. Казней, правда, вроде бы не было... Все шестеро наших былых сотоварищ по Академии — за решеткой. По мнению Витеро, столь грандиозной *чистки* прежде не случалось ни в Горроте, ни где-либо еще. Большая часть изгнанных заняла свои места не при прежнем царствовании, а уже при Стахоре, чуть ли не всех он выдвигал и возвышал сам, ценил, уважал и доверял... Даже если предположить, что возник

какой-то заговор, невозможно объяснить м а с ш т а б ы... По словам Витеро, это напоминает старательно склошенное трудолюбивыми крестьянами пшеничное поле: сплошная стерня, ни единого спелого колоса. Поле, конечно, вновь заросло, но это уже д р у г и е колосья... И вот что немало-важно... Вопреки обычной практике, в газетах и официальных бюллетенях для дипломатов и высших чиновников о большинстве смещений, новых назначений и отлучений от двора попросту не упоминалось. Сторонний наблюдатель, не имеющий других источников информации, был бы уверен, что на данных должностях и при дворе остаются прежние люди...

«Как оно с разведчиками и происходило, — подумал Сварог. — Посольства, как и прежде, читали газеты и бюллетени, но там, как только что выяснилось, была форменная липа. А если добавить, что наложенные связи обрывались, агентура исчезала... Вот оно что, выходит...»

— Витеро сделал кое-какие выводы, — продолжал граф монотонно, словно читал по писаному. — Он считал, что собрал достаточно сведений, чтобы выявить т е н д е н ц и ю. Ни при дворе, ни среди министров практически не осталось людей, более-менее б л и з к о соприкасавшихся с королем прежде. Сплошь и рядом даже с незначительных постов такие люди изгонялись массово — в то время как обладатели постов более крупных преспокойно оставались на своих местах, и все они, поголовно, прежде находились на значительном отдалении от короля. Витеро честно признал, что объяснить этого не может. Что сделал за короткое время, сколько мог. Чтобы продвинуться дальше, понадобилось бы попасть во дворец — но его туда не собирались приглашать, зато следили неустанно, днем и ночью... — граф нервно потер руки. — Все это обширное послание было написано обычным почерком Витеро — четким, разборчивым, мелким. Но на последнем листе приписка, сделанная словно бы в спешке, большущими корявыми буквами: «Ни за что не возвращайся в Горрот». Я сжег письмо, как уже говорил... Долго думал, советовался с женой, в конце концов она согласилась, что нам следует... И вот мы здесь...

— А куда девался слуга? — спокойно спросил Сварог. — Вернулся?

— Нет. Он сказал, что господин поблагодарил его за верную службу, дал кошелек золота и посоветовал, передав мне письмо, скрыться на все восемь сторон света, не возвращаясь в Горрот... Вероятнее всего, он так и поступил... Больше мне просто нечего рассказать, ваше величество...

Он смотрел на Сварога с тоскливой надеждой — слишком горд, конечно, чтобы просить вслух... Сварог молчал. В одном можно быть твердо уверенным: граф не врал. Вполне возможно, он о чем-то и умолчал, но лжи в его рассказе не наблюдалось ни капли. Все должно было именно так и происходить, как он рассказывал.

— У вас есть какие-нибудь с о б с т в е н н ы е догадки? — спросил Сварог наконец. — Мысли по поводу? Предположения? Не могли же вы над т а к и м не ломать голову...

Граф медлил недолго.

— Ну конечно же, я думал... — проговорил он как-то отрешенно. — Предположение у меня одно-единственное: Стахор все-таки нашел клады Шелориса. Вы когда-нибудь о них слышали, ваше величество? Иные утверждают, что в незапамятные времена...

— Ну да, как же, — сказал Сварог. — Якобы в незапамятные времена на месте Горрота располагалось Черное Королевство, которым правил могучий маг Шелорис. Черный маг, естественно. Но, как мне давным-давно объяснили знающие люди, это не более чем легенда. Реальных подтверждений вроде бы нет.

— Нет, — согласился граф. — И тем не менее иногда в Горроте раскапывали древние вещи, насыщенные черной магией и порой наносявшие серьезный урон. И это уже не легенды.

— Согласен, — кивнул Сварог. — Я слышал кое-что. Кошка из черной бронзы, «смерть-дудка», ожерелье-душитель и еще пара-тройка вещичек, которым лежать бы в земле до конца времен... Однако, граф, подобные предметы находили и в других странах, в местах, которые

ни одна старинная легенда с Шелорисом не связывает... Но все равно, продолжайте. Мне крайне интересны ваши предположения.

— У нас с незапамятных пор ходят легенды о кладах Шелориса, укрытых, в отдаленных уголках. Там якобы превеликое множество талисманов, магических предметов, колдовских книг и много чего еще. Как это обычно бывает, немало людей старательно искали эти клады и ищут до сего дня. Конечно, это сплошь народец определенного склада: прекрасно знающий, что любой предмет из этих кладов, если они только существуют, исполнен черной магии и губит душу, но тем не менее...

— И Стахор интересовался кладами Шелориса?

— Я бы так не сказал, — подумав, произнес граф. — Интересовался, да, но ч у т о ч к у. Систематических, серьезных поисков не предпринимал никогда. Именно оттого, что эти клады — ступок черной магии. Но в о о б щ е клады мы пару раз искали, еще будучи Академией Единорога. Из развлечения. Однажды даже выкопали несомненную купеческую захоронку — глиняный жбан с монетами двухсотлетней давности, из полудюжины государств. Но это был наш единственный успех. И вот теперь мне подумалось — а что, если Стахор все же отыскал такой клад? Быть может, совершенно случайно, не подозревая, что это сокровища Шелориса? По легендам, там не мало поганых вещичек, уродующих человеческую душу... Чего стоит одна Черная Корона. Тому, кто возложит ее на голову, она даст неслыханное могущество и власть — но выжжет душу так, что превратит в сущую головешку... Что, если Стахор ее нашел? Это многое объясняло бы: и то, что он избавился практически от всех, кого приближал и ценил, заменив их новыми приближенными, среди которых хватает недостойных людышек... И все эти зловещие чудеса вроде падающих с неба камней... Конечно, я не настаиваю, что это верная догадка. Но я искал хоть какое-то объяснение...

— Я понимаю, — сказал Сварог. — Ну что же... Считайте, что убежище вы получили. Потом это оформят по всем правилам, как там полагается, моему величеству нет нужды вникать в такие мелочи... Ну-ну, не стоит... — он встал,

похлопал по плечу вскочившего молодого человека, явно собравшегося излить самые пылкие выражения благодарности. — Лучше ступайте-ка побыстрее обрадовать супругу. Бедная женщина наверняка томится неизвестностью...

— Да, конечно... Ваше величество... Я...

— Ступайте, обрадуйте графиню, — сказал Сварог твердо. — Мое благоволение.

Взяв за локоток ошелевшего от радости, растерявшего всю светскую невозмутимость графа, он буквально выставил белого дипломата за дверь, нетерпеливо ее захлопнул, вернулся на середину комнаты и огляделся.

Легкий скрип раздался в совершенно неожиданном месте за его спиной. Сварог обернулся. Высокая резная панель, которую раньше и заподозрить было нельзя в том, что она служит потайной дверью, распахнулась на повизгивающих петлях, показался Баглю, фыркавший, чихавший, смахивающий перчаткой пыль с плеч.

— Сто лет не пользовались, — проворчал глэрд. — Паутиной заросло, мыши по ногам шмыгают, петли не смазаны...

Он захлопнул дверь, вновь ставшую добродорядочной панелью, деликатно посторонился, чтобы не запорошить и Сварога пылью.

— Потом почиститесь, — нетерпеливо сказал Сварог. — Ну, и что вы обо всем этом думаете?

— Если он не врет...

— Он не врет, — сказал Сварог. — Ни капельки. Вы же знаете, со мной такие номера не проходят.

— Ну что же — это все интересно, конечно. Теперь мы знаем хотя бы кое-что о происходящем в Глане... и, собственно, остаемся в том же месте. Что там творилось, теперь знаем, а вот что за всем этим стоит... Может, Стакор и впрямь откопал какую-нибудь Черную Корону?

— Вот в это я плохо верю, — подумав, сказал Сварог. — Клады Шелориса всегда ассоциировались именно что с черной магией. Но за эти два года в Горроте не обнаружено никакой магии, ни черной, ни светлой. Вы не хуже меня знаете: и в случае с «каплей» над Клоном, и в случае с падающими камнями ни малейшего присутствия какой бы

то ни было магии не обнаружено. И наконец... — он помедлил. — Ну ладно, любезный Баглю, я вам выдам имперскую государственную тайну, третьюстепенную, правда. Ну, да в любом случае дальше нас с вами это не пойдет. Так вот, за эти два с т р а н н ы х года король Стакор и королева Эгле трижды бывали там, — он ткнул пальцем в потолок. — Дважды в Канцелярии земных дел, один раз на императорском приеме. И всякий раз соответствующие службы, не менее нас с вами осатаневшие от горротских н е п о н я т о с т е й, их проверяли и изучали. Всесторонне, самыми разными методами, пустили в ход весь набор средств, какой только способны предоставить наука и магия. Вывод неопровергим: это л ю д и . Самые обычные люди, как две капли воды похожие на себя прежних. Ни малейшего присутствия какой бы то ни было магии. Ни тени чего-то необычного. Поэтому лучше сразу расстаться с заманчивой, но безусловно ошибочной версией: будто настоящую королевскую чету изничтожили и заменили...

— Призраком-наваждением, как когда-то принцессу Делию? — понятливо подхватил Баглю.

— А, так вы знаете? — спросил Сварог без особого удивления.

— Ну конечно, — со скромной гордостью признался Баглю. — В этой истории было замешано довольно много людей, так что п о л н у ю тайну сохранить ни за что не удалось бы. Конечно, широкой огласки эта история не получила, но люди... любопытные оказались в курсе.

— Так вот, з д е с ь ничего подобного, — сказал Сварог. — Уж это-то можно утверждать со всей уверенностью.

Баглю вздохнул:

— А что если... Что если черная магия Шелориса была какая-то н е т а к а я ? Какая-то другая чуточку? И нынешние средства и методы попросту ее не опознают как черную магию? Хотя на деле она черная магия и есть?

— Гадать можно как угодно, — пожал плечами Сварог. — Но это будет исключительно игра ума. В конце концов, мы с вами не знатоки магии, в этом вопросе мы жалкие дилетанты и не более того... Ну ладно, хоть что-то да узнали...

Глава X

ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Элкон вертел в руках черную пластинку овальной формы, величиной с женское зеркальце, покрытую хаотически разбросанными желтыми клеммами. Разглядывал ее с ироническим презрением и ворчал:

— Это даже не позавчерашний день — младенчество компьютерного дела. Антиквариат...

— Что нашлось, — смиренно, едва ли не виновато отозвался принц Элвар. — Там все в таком виде.

— Я-то считал, что императорский архив оборудован самыми передовыми технологиями.

— Да откуда ж... — уныло сказал принц. — Традиция... Туда и заходят-то раз в сто лет...

— Традиция... Давно следовало бы...

— Господин штандарт-юнкер! — жестяным фельдфельским тоном сказал Сварог. — Извольте держаться должным образом в присутствии его высочества...

Элкон опомнился, приставил ногу и встал в довольно удачное подобие стойки «смирно»:

— Прошу прощения, командир...

— Работайте, — тем же тоном приказал Сварог.

— А получится что-нибудь с этим... антиквариатом? — спросил принц тревожно.

— Конечно, ваше высочество, — ответил Элкон уже более почтительным тоном. — Вот только возиться придется долго. Здесь нужно не менее двух адаптеров, перекодировка формата, а может, и что-то еще...

Он отложил пластинку и принялся сооружать у себя на столе загадочное устройство из серебристых коробочек, прозрачных кубиков, пронизанных сложным переплетением металлических нитей, черно-матовых дисков, мигающих цветными огоньками. Что-то соединял разноцветными проводами, чем-то щелкал.

Наблюдавший за ним Сварог мысленно усмехнулся. Что ни говори, а задумка была неплохая...

Его мальчики и девочки (вернее, достигшие уже совершеннолетия юноши и девушки) оказались работниками неплохими — умными, старательными, исполнительными. Вот только дисциплине им негде было научиться. И к своей службе они до сих пор относились с долей игры. Хорошо еще, что человечество давным-давно придумало лекарство от этих детских болезней — армию...

Еще месяц назад Сварог, поразмыслив как следует, военизировал свою контору по полной программе. Присвоил каждому звание по разработанной им самим системе, придумал мундиры, сочинил устав — короткий, но, как в армии и полагается, изощренный в формулировках, не допускающих двойного толкования. Должным образом зарегистрировал в вышестоящих инстанциях и пустил в ход. Три дня в неделю его бравые сотрудники обязаны были появляться на службе в мундирах — да и в оставшиеся дни иные штатские вольности были безжалостно изгнаны. В конце концов, чтобы служба медом не казалась, он ввел обязательные шестичасовые дежурства по манору — с практической точки зрения бесполезные и никому не нужные, однако опять-таки дисциплинировавшие. Он с превеликим удовольствием учредил бы еще и занятия по строевой подготовке, но это был бы уже перебор. За этот месяц он свою юную вольницу, конечно же, не превратил в полноценную воинскую часть, но подтянул изрядно...

Принц Элвар наблюдал за манипуляциями Элкона с почтительным уважением. Его высочество, вот чудо, был поч-

ти что трезвехонек — за час пребывания здесь осушил всего-навсего стаканчик из своей неизменной баклажи, что для него смотрелось едва ли не лютой абстиненцией. Молодец все же: заставил архивариуса и двух его подчиненных перерыть императорский архив сверху донизу, сам рылся во всех укромных уголках — и отыскал-таки одну-единственную, черт знает куда засунутую коробку, судя по надписи, имевшую прямое отношение к Багряной Звезде...

Ощущив во внутреннем кармане кафтана назойливую вибрацию, Сварог запустил туда руку и вытащил некое подобие «флейты Пана» — десяток прозрачных цилиндриков длиной со спичку и толщиной с сигарету. Один из них равномерно пульсировал неяркими синими вспышками. Не было нужды смотреть на условный значок, украшавший торец каждого цилиндра: третий слева — это, конечно же, Интагар...

Ему так и не удалось, как он хотел, установить двустороннюю связь меж земными столицами и летающими замками. Слишком многие высокопоставленные сановники ныли о незыблемости иных традиций, вставляли палки в колеса и интриговали (сановных недоброжелателей у Сварога здесь, увы, хватало). А у него не было времени, чтобы посредством хорошо продуманной комбинации, найдя очередную прореху в законах, получить одобрение Яны или Канцлера. Поразмыслив, он применил гораздо более простое средство: кто-то из десяти его доверенных нажимал кнопку, и на это вот простенькое приемное устройство уходил сигнал-импульс, короткий, моделированный так, что его, по заверениям Элкона, не могли перехватить станции восьмого департамента.

Что-то там случилось интересное, требовавшее присутствия Сварога — точно тем же способом его вчера вызвал глэрд Баглю. Ну, синяя тревога — еще не красная и уж тем более не белая, так что подождет. Как подождет и мэтр Тагарон, в конце концов расклевавшийся от хамского обращения и согласившийся, как говорится, разоружиться перед партией. Уж кто-кто, а Интагар прекрасно разбирается в нехитрой палитре из трех цветов. Синий — значит, может и подождать...

— Ну вот, теперь понятно! — триумфально возгласил Элкон.

— Что там? — спросил Сварог.

— Видеозапись, — сказал Элкон, барабаня по клавишам и не отводя взгляда от крохотного экранчика. — Сегодня старина, формат пять-альбан-два...

— Технические подробности побоку, — сказал Сварог. — Воспроизвести можете?

— Конечно. Еще несколько секунд, сейчас окончательно адаптируется... Какой экран?

— «Стену», — не раздумывая, распорядился Сварог.

— Есть, командир... Начали.

Справа, на месте одной из стен, загорелся огромный мерцающий, молочно-белый прямоугольник. Сварог развернулся туда на вращающемся кресле. Принц шумно передвинул свое, массивное и роскошное, предназначеннное для почетных гостей.

В следующий миг экран засветился голубым и белым, появились летящие безукоризненным строем аппараты искусственного происхождения, которые Сварог опознал моментально.

Над белоснежным, бугристым облачным ковром, зиявшим многочисленными прорехами, шла тройка самолетов чуточку непривычного вида, но все равно сразу ясно было, что они, во-первых, реактивные, во-вторых, боевые. Для бомбардиров определенно маловаты — истребители или штурмовики. Скошенные крылья, двойные, светящиеся алым сопла, двойные кили, чуть скошенные наружу, длинные каплевидные кабины, острые носы, гроздья оперенных цилиндров под крыльями — ракеты, тут и гадать нечего...

Они шли уступом — в три эшелона, каждый правее и ниже левого крайнего. Судя по всему, съемка велась из кабины четвертого самолета, идущего с той же скоростью выше и чуть позади. Белые облака (судя по ним, на земле стояла прекрасная погода) еще более поредели, внизу медленно проплыvalа буро-зеленая земля с желтоватыми, геометрическими правильными очертаниями полей (похоже, к жатве еще не приступали), извилиами речек, кучками крохотных коробочек — то ли деревни, то ли ма-

ленькие городки. Наметанным глазом десантника Сварог определил высоту в пять с небольшим лиг.

Легонько потрескивало, звучали казавшиеся чуточку механическими голоса — ага, это в наушниках ведущего съемку пилота.

— Акоран — Пятому. Три-шесть по радиусу.

— Пятый понял.

— Первый пояс не отвечает.

Эта монотонная, насквозь непонятная перекличка продолжалась довольно долго, и самолеты прежним курсомшли на той же высоте.

Слева булькнуло — это принц Элвар, отчего-то стараясь проделывать все совершенно бесшумно, наполнял серебряный стакан живительной водицей из баклажи. Перехватив взгляд Сварога, словно бы виновато улыбнулся, долил до краев, но пить не стал, сказал тихо:

— Это — до Шторма. Вроде бы непосредственно перед...

— Я понимаю, — ответил Сварог тоже отчего-то едва ли не шепотом.

— Внимание! — раздалось в наушниках у пилота. — Объект прошел второй зенитный пояс без видимых последствий. Пояс замолчал. Я...

Ворвались помехи — стрекотание, свист, треск. Голос словно бы отдалился, ослабел, хотя звучал по-прежнему четко:

— Акоран, цель идет через третий квадрат курсом три-ноль-двенадцать. Если будет идти прежним, и вы тоже, вы с ней скоро пересечетесь.

— Понял, — спокойно сказал пилот.

— При визуальном обнаружении — боевой заход, залп всеми бортовыми.

— Понял, боевой заход, всеми бортовыми...

— Акоран, цель приближается. Мои перехватчики...

— Пятый! Пятый! Пятый! — закричал пилот. — Пятый!

Он звал долго — но умолкнувший Пятый так и не откликнулся... В конце концов пилот перестал его вызывать, четко выговорил:

— Внимание, звено! Связь с центральным постом потеряна. Действуем согласно последнему приказу: при визуальном обнаружении боевой заход, залп всеми бортовыми.

- Есть.
- Есть.
- Есть... вот оно!!! Слева на четыре-два!
- Звено, боевой заход! Залп без команды на дистанции в шестьсот, всеми бортовыми.
- Есть!

Буро-зеленая земля внизу накренилась — это самолет лег на крыло, уходя влево, опускаясь вслед за синхронно свернувшим звеном. Очень быстро самолеты снизились до лиги с небольшим, теперь можно было рассмотреть крохотные домики, белоснежные суда на широкой реке, дорогу, по которой в обе стороны передвигались крайне похожие на автомобили коробушки.

— Вижу слева!

Сварог уставился туда. Слева со скоростью, значительно уступавшей самолетной, медленно опускаясь все ниже, летело нечто странное: насколько удается разглядеть на немаленьком расстоянии, продолговатый предмет, напоминающий то ли разрезанный вдоль дирижабль, то ли прозаический батон. Четкие очертания, ни разу не исказившиеся, ни следа реактивного выхлопа сзади, впрочем, крыльев, моторов и пропеллеров тоже вроде бы не видно — просто-напросто этакий батонообразный слиток багряного стекла с многочисленными темными вкраплениями. Отчего-то предмет этот, несмотря на правильные очертания, казался то ли слишком стекла, то ли густком багрового дыма...

Раздался новый звук — явственное, равномерное, моноトンное стрекотанье, напоминавшее то ли шелест вертолетного винта, то ли рокот исполинской швейной машинки. А то и... Шум мельничных крыльев, вертевшихся невероятно быстро. Смешанный с чем-то вроде тягучего, злорадного, опять-таки с механическими нотками хохота...

То ли звено резко прибавило скорость, то ли четвертый самолет сбавил свою — ага, точно, так и есть, судя по наземным ориентирам, он летит теперь медленнее, поднимаясь чуть выше...

Под крыльями трех самолетов, стремительно сближившихся с непонятным багряным предметом, взбуухли клубы дыма, многочисленные ракеты понеслись к цели, остав-

ляя за собой темные, ясно различимые, идеально прямые струи...

Сварог, не удержавшись, громко ахнул.

В некоей точке дымные трассы вдруг замерли на миг — а потом устремились к земле под безукоризненным прямым углом. Это было невозможно, но именно так и происходило. А парой секунд позже...

Меж багряным объектом и не изменившим курса звеном словно встала невидимая, но прочнейшая стена — почти одновременно все три самолета разлетелись тучами обломков так, словно на полной скорости вмазались в эту стену...

Земля встала дыбом, перевернулась, оказалась сверху — это последний уцелевший самолет уходил в немыслимом вираже, крутанув полубочку. Несколько мгновений спустя и земля, и облака приняли прежнее положение. Самолет поднялся на прежнюю высоту, описывая широкий полу-круг. Справа, гораздо ниже, виднелся багряный предмет, безмятежно летевший прежним курсом под слабеющий стрекот и подобие злорадного хохота. А внизу...

Внизу происходило нечто жуткое. Поверхность земли напоминала теперь взбаламученную воду, бес покойное море: она взды малась натуральнейшими волнами, ходила ходуном, вздыбливалась причудливыми буграми разнообразнейшей формы. Прекрасно можно было рассмотреть, как с вершины одного из таких бугров осыпаются дома только что стоявшего на том месте города, как широкая река разбрызгивается струями воды, сверкающими мириадами радуг, а русло, оказавшееся на гребне очередной земляной волны, лопается, рвется на части, исчезает... Уши резанул дикий, прямо-таки звериный вопль — это кричал пилот...

И все исчезло. Остался только мерцающий прямоугольник экрана.

— Это все, — произнес Элкон незнакомым, чужим голосом. — Больше там ничего нет.

Принц вяло-механическим движением поднес стакан к рту и медленно, с прихлюпом высосал все до капли. Откашлялся, уставясь на мерцающий экран, протянул хрипло:

— Вот, значит, как оно выглядело... Это ж о на, погань Багряная... Видали?

«Все совпадает, — подумал Сварог с изумившей его холодной отстраненностью. — Эта запись, гравюра из старинной книги, песня... И мельничные крылья кромсают облака... Что бы это ни было, оно входит в атмосферу, идет на бреющем над землей, и на земле...»

Что-то твердое толкнуло его повыше локтя — это принц протягивал полный стакан. Сварог одним духом хватил половину, а больше не стал, прокашлялся от ожога в горле, помотал головой, распорядился:

— Элкон, попробуйте увеличить эту... эту штуку до предела. Все сделайте, чтобы мы могли ее рассмотреть...

Махнув свободной рукой, он осушил стакан до донышка и вернул его принцу. Как это иногда случается, крепчайшее пойло ничуточки не подействовало, голова оставалась ясной. Вот, значит, как оно выглядело пять тысяч лет назад... И как это будет выглядеть уже через считанные недели, если не удастся ничего узнать, ничего придумать...

— Все, — сказал Элкон. — Больше ничего нельзя сделать, предел разрешения. С этим старинным форматом более точной реконструкции не получится... Будь это современная запись, еще имело бы смысл попытаться, а так...

Сварог посмотрел на экран. Багровый предмет теперь занимал его целиком, но особой ясности это не принесло. Удается рассмотреть лишь, что загадочные черные вкрапления, похожие друг на друга, будто горошины из одного стручка, словно бы протянулись правильными рядами, похожие то ли на растопыривших лапы паучков, то ли на некие шестеренки. Почти посередине — единственное пятно иных очертаний, гораздо больше. И все они не занимают равномерно багровое пространство, а лепятся к основанию. Словно продолговатое блюдо с сидящими на нем паучками накрыли стеклянным колпаком, а потом заполнили все пространство багровым дымом. Впрочем, само «блюдо» тоже выглядит прозрачным...

— Вот же поган! — с чувством произнес принц, наполняя стакан.

— Ничуть не похоже на природный объект, — медленно, ни к кому не обращаясь протянул Элкон. — Скорее уж что-то искусственное...

— Говорят же — Чертова Мельница... — откликнулся принц. — А мельница руками сделана...

Они еще долго сидели и молчали, глядя на огромное багряное пятно, как околодованные. Принц даже не притрагивался к баклаге. Сварог чувствовал себя прескверно: ни мыслей толковых в голове, ни догадок, одна тупая, то-скликая безнадежность.

— Ваше высочество, — сказал он, чтобы только не молчать. — Вы уверены, что это — в с е?

— Уверен, — угрюмо отозвался принц. — Говорю я, я их всех поставил на ноги, мы там перевернули все сверху донизу, вдоль и поперек... Ничего больше нет про эту погань.

— Пилот, конечно, уцелел, — сказал Элкон, тоже, очевидно, не в силах молчать. — Иначе запись сюда не попала бы.

— Да, конечно, — равнодушно сказал Сварог.

Покосился на свой стол — и понял, что зеленая лампочка мигает уже давно, только раньше было не до нее.

— Прошу прощения, господа, — сказал он, вставая. — Я сейчас вернусь. Да, вот что... Ваше высочество, наверное, следует показать запись Гаудину? Ему по должности положено знать такие вещи...

— В задницу его к лешему вместе с его департаментом! — угрюмо и сварливо отрезал его высочество. — Императорский архив — собственность фамилии, кому хочу, тому показываю. Все равно Гаудин со своим хваленым департаментом ничегошеньки не способен сделать, согласны? Столько лет занимался черт-те чем вместо настоящего дела... И наплевать ему, что будет там, на земле, а вот нам с вами как раз не наплавать...

Пожав плечами, Сварог вышел в прихожую. На двери, как он и распорядился, пылала алая надпись, гласившая, что внутри происходит важное совещание с участием членов фамилии, так что доступ не разрешен никому. В уголке навытяжку помещался комендант — а на небольшом бежевом диванчике сидел Канцлер собственной персоной. Явившийся без всякого предупреждения, что было в его стиле: в отличие от других сановников Империи Канцлер излишним чванством не страдал, при необходи-

мости сплошь и рядом мог нагрянуть лично. Стряслось что-нибудь? Гаудин пожаловался? На него это не похоже, но в последнее время столь многое изменилось...

— Вот кстати, — непринужденно сказал Канцлер, вставая с таким видом, словно они разошлись пять минут назад. — Мне как раз нужно срочно с вами побеседовать, милорд Сварог. Или вы все еще заняты?

— Нет, мы закончили, — сказал Сварог. — Там сейчас принц Элвар...

— А! — с большим пониманием воскликнул Канцлер. — В таком случае, пройдемте в ваш кабинет? Вы наверняка успели устроить тут кабинет.

— Да, конечно, — сказал Сварог. — Пойдемте, герцог.

Они стали подниматься на третий этаж. По дороге неожиданно попалась Томи, в синем с серебряным шитьем мундире, с черно-золотой повязкой дежурного. Мундир смотрелся безукоризненно, а начищенные до немыслимого блеска сапоги отражали окружающее не хуже зеркала. На поясе красовалась причудливой формы коричневая кобура с одной из разновидностей здешних бластеров — оружие там лежало самое настоящее, заряженное должным образом. Сварогом это было придумано исключительно оттого, что оружие дисциплинирует и внушает нешуточное чувство ответственности — как и дежурства, пусть никому совершенно не нужные.

Вытянувшись в струнку не хуже, чем давеча комендант, Томи звонко отрапортовала:

— Дежурная по манору капрал Ролатон! Господин директор, за время моего дежурства никаких происшествий не случилось! Учреждение работает в обычном режиме!

— Вольно, — распорядился Сварог.

Ни муштре, ни шагистике он своих рябят не учил — правда, ходили слухи, что они, относясь к своей новехонькой форме со всей серьезностью, давно припрягли к этому делу коменданта — ну, а старому служаке такая просьба была только в радость. Вот только кое-какие манипуляции со своим мундирем Томи уже определенно проделала по собственной инициативе: он был обужен насколько возможно, так что фигурку обтягивал, будто кожура сосиску. Тут уж было собственное Сварогово упущение: разраба-

тывая устав, он как-то даже и не подумал о таких вещах, а юные проказницы не преминули воспользоваться...

— Как вам это удалось? — спросил Канцлер с некоторым удивлением, когда Томи осталась позади и слышать не могла. — Несколько месяцев назад это были обычные светские шалопаи и ветреницы, а теперь, мне докладывают, они работают, и работают всерьез...

— Им понравилось, — сказал Сварог. — Двоих, конечно, пришлось отсечь, но остальные девять работают на совесть. — Родители в восторге — из тех, что не цепляются за всевозможные замшелые традиции.

Канцлер продолжил задумчиво:

— Может быть, не помешает пересмотреть старую систему и уже сейчас понемногу пристраивать молодежь к делу... Сюда?

— Да, прошу вас.

Пройдя мимо вытянувшегося секретаря (как и все здесь, уже щеголявшего в мундире с нашивками штык-юнкера), они вошли в кабинет Сварога, не особенно и большой и уж никак не блиставший дурным великолепием — Сварог сам его обдумывал и обустраивал. Несколько книжных шкафов, стойка с оружием, портрет Яны, кое-какая необходимая аппаратура.

Канцлер уселся. Лицо у него было усталое, серое, не высавшееся.

— Давайте без дежурных преамбул, — сказал он глухо. — Вот, извольте полюбоваться.

Он извлек из кармана золотистую палочку персонального компьютера, уставился на нее насуплено и хмуро, что-то пробормотал. Справа от стола возникло четкое изображение — словно бы внутренность роскошной убранный комнаты, но явно изуродованной каким-то внутренним катаклизмом: спинка высокого кресла косо срезана и ее часть испарилась в небытие, на стене, посередине высоченного, во всю стену гобелена на батальную тему зияет прожженная дыра, в которой виднеется синее небо с ключком белоснежного облака. Стол с золочеными углами косо стоит на полу, лишившись двух ножек и части столешницы. На взрыв это никакие походило — скорее уж по комнате

метнулась волна мощной, все сжигающей энергии, и все, что оказалось на ее пути, бесследно исчезло, а все, что находилось в стороне, нисколечко не пострадало.

— Что это? — непонимающе спросил Сварог.

Канцлер отвел глаза:

— Это гостиная в маноре милорда Гаудина. Именно так она сейчас и выглядит. Дворецкий поднял тревогу, прибыли специалисты... Реконструировать события было нетрудно. Милорд Гаудин допустил ошибку, непростительную для человека его профессии и опыта: он просто-напросто нажал спуск югортана, отчего-то держа его дулом к себе. Уцелеть в такой ситуации невозможно. Это... было мгновенно. Видите, во что превратилась комната там, где прошел луч? Вон там, на столике, нашли конверт с завещанием и прочие бумаги, какие составляет человек, знающий, что его жизнь... вскоре оборвется.

— Вы хотите сказать... — едва выговорил Сварог, не в силах отыскать у себя какие-то мысли и чувства.

Канцлер холодно произнес:

— Я хочу сказать, что официальное сообщение будет гласить: милорд Гаудин трагически погиб при испытаниях нового образца оружия. Настоятельно прошу и вас не показывать, что знаете более остальных. Кто бы что ни думал — а пересуды пойдут скоро — официальное сообщение именно таким и останется. Вам понятно?

— Разумеется, — сказал Сварог.

— Вы в последнее время не замечали за ним ничего такого, что могло бы прояснить...

— Нет, — сказал Сварог, чувствуя себя крайне неуютно под испытующим взглядом Канцлера.

— И никто не замечал, я в том числе... Печальная, трагическая случайность... Но человеческая душа — потемки... Похороны будут, разумеется, проведены со всей торжественностью, учитывая занимаемый покойным пост и его заслуги перед империей... Расследование завершено, все, как на ладони. Внезапная депрессия, любовная неудача... да какой теперь смысл докапываться до причин? Что произошло, то и произошло. Ну, а поскольку ситуация, сами знаете, очень и очень непростая, оставим дежурное

сочувствие и перейдем к делам практическим, Вам предстоит принять восьмой департамент... — он поднял ладонь, увидев движение Сварога. — Это не повод для дискуссий. Императрица только что подписала указ, глава Канцелярии земных дел наложил согласительную резолюцию. Так что вам следует в кратчайшие сроки принять департамент. Не оставляя руководства девятым столом.

— Но у меня множество дел...

— Никто от вас не требует их бросать, — отрезал Канцлер. — Занимайтесь ими и дальше, только установите по-быстрее контроль над департаментом.

— Операция «Журавлинный клин»...

— Вот она вас волновать не должна, — сказал Канцлер. — Ею все равно занимается Императорский кабинет, участие восьмого департамента было едва ли не символическим, так что поручим заниматься этим тому, кто сейчас и занимается. Вы что-то хотите спросить?

— Вы против моего назначения?

— Никоим образом, — сказал Канцлер. — Еще год назад был бы против.

— Значит, вы теперь не подозреваете меня в попытках угнездиться на здешнем престоле?

— Вы никогда не сделаете ничего во вред Яне, — сказал Канцлер. — И этого мне достаточно, — он небрежно усмехнулся: — Ну, а рассуждая со свойственным государственным деятелям здоровым цинизмом, у вас все равно ничего не получилось бы. Две спецслужбы в одних руках — в общем, ничего страшного, особенно если учесть, как слаб и плохо стоит на ногах девятый стол. И если учесть, что существует еще статс-секретариат Императорского кабинета и еще паратройка крайне серьезных контор, способных неплохо себя показать в системе сдержек и противовесов... — он улыбнулся почти весело. — Знаете, я тоже живой человек и верю в чудеса. И иногда меня подзуживает мысль... собственно, это не мысль подзуживает, а оба их высочества... а что, если у вас получится? Вам уже удавались иные рискованнейшие и вроде бы безнадежные предприятия. Вдруг да и на сей раз случится чудо? Вдруг вы да отыщете что-то, что упустил Гаудин? — он поморщился. — Возможно, вам трудно поверить,

но я не столь уж законченный бюрократ. Мне бы тоже не хотелось, чтобы планета пережила очередную Вьюгу, Шторм... — его глаза похолодели. — И все-таки в первую очередь я — сановник Империи, ее Канцлер. Поэтому... Можете вы дать мне слово: если все же ничего не удастся сделать, и дела пойдут плохо, вы не натворите никаких... глупостей?

— Мое слово, — сказал Сварог. — Любые глупости здесь бесполезны. Именно потому, что они — глупости...

— Ох, как мне хотелось бы никогда в вас не разочароваться, — холодно усмехнулся Канцлер. — У вас будут еще вопросы?

— И не один, — сказал Сварог. — Вот только они не имеют никакого отношения к тому, что сейчас происходит. Быть может, я их задам в другой раз... У меня будет такая возможность?

— Отчего же нет? Но сейчас давайте лучше обсудим кое-какие организационные вопросы. Это тоже нужно сделать, не откладывая.

— Да, конечно, — кивнул Сварог. — В первую очередь...

...Я его убил, подумал он, когда за Канцлером затворилась дверь. Можно сказать и так. Я ему высказал ту правду о нем, которую он боялся знать, но наверняка держал где-то далеко в уголке сознания. А правда заключалась в том, что он проиграл. Сейчас он оказался бесполезен, беспомощен, даже никчемен. Конечно, не во мне одном дело, не надо себя виноватить сверх меры. Ручаться можно, он еще и маялся потаенно тем, что ничего не в состоянии поделать с Багряной Звездой. И это все, вместе взятое... По крайней мере, мужской поступок, ага...

Он открыл шкафчик, налил себе до краев келимаса из лучшей бутылки — пузатой, черной, с узенькой ало-голубой этикеткой. Поднял к губам стакан великолепного марранского стекла с радужными цветными прожилками, сплетавшимися в изумительно красивую сеть. Медленно выпил, как лекарство, долго сидел, чувствуя, как живой огонь разбегается по всем жилочкам — а голова, вот тоска, остается ясной. Повторил процедуру — и вот теперь его досада, его чуточку выбило в измененное сознание, и наконец-то пришла настоящая тоска.

Он печалился о том Гаудине, которого узнал сначала, в первые здешние месяцы — загадочный, ироничный, державший, казалось, в карманах все тайны мира. Ничуть не похожий на того, недавнего, которому пришлось бросить в лицо горькие истины.

Он печалился о своей юности. Только сейчас ему пришло в голову, что все случившееся с ним *по на ч а л у*, было, если подумать, его юностью — лихой, отчаянной, мушкетерской, с обретением новых друзей, опасными странствиями, головокружительными приключениями и совершеннейшей неизвестностью впереди. Вот только юности свойственно проходить. И, надевши на голову первую свою корону из нынешнего множества, Сварог — далеко не сразу это сообразив — с юностью расстался на всегда. Началось *д р у г о е* — важное, полезное, чертовски нужное, напрочь взрослое, но уже ничего общего не имевшее с грохотом копыт по пыльной дороге, с грубоатыми прибаутками друзей... С лихой юностью.

Он не знал, долго ли так сидел, тоскуя о том, что никогда уже не вернется. В конце концов открыл ящичек стола, достал склянку с освежительным зельем — и через две секунды был трезвеонек. И по коридорам шагал уже взрослый человек, обладатель превеликого множества титулов и званий, холодный и собранный. Только взрослым людям достаются игры, где ставкой — вся планета...

Они там так и сидели — Элкон с превеликим терпением пытался посредством своих компьютеров выжать еще хоть что-то из образа Багряной Звезды — а Элвар тихонечко пристроился в уголке и прихлебывал свое зелье.

— Ничего нового, командир, — уныло доложил Элкон. — Беда с этим старинным форматом...

— И хватит, — сказал Сварог. — Неожиданно обнаружились более срочные дела. Ага, даже так. Мне нужно лететь в восьмой департамент, принимать начальство над этой почтенной конторой.

— Здорово! — ухнуул Элвар. — Давно пора. — Гаудина что, сняли?

— Он погиб, — сухо сказал Сварог. — Несчастный случай. Так вот, Элкон вы полетите со мной. Единственное,

что меня по-настоящему интересует в этом опереточном заведении — их наблюдательная сеть. Вот вы ее и возглavitе. Пять минут назад вам присвоен чин лейтенанта Яшмовых Мушкетеров — не вздумайте задирать нос, исключительно для поднятия авторитета у тамошней публики. Главное для нас — немедленно взять под контроль их наблюдательную сеть и сделать так, чтобы она работала исключительно на наши нужды. Справитесь?

— Буду стараться, — ответил Элкон тихо и серьезно. — А можно будет взять туда парочку наших ребят?

— Решайте сами, — сказал Сварог. — Я только что подписал распоряжение, теперь вы — начальник их управления «Филин». Можете принимать любые решения. Есть у меня одна идея, ее нужно в скором времени пустить в ход... — он усмехнулся: — Ну как, господин лейтенант, голова не кружится?

— Немножко, — серьезно сказал Элкон.

— Главное — не заноситесь, — сказал Сварог. — Вряд ли там к нам относятся откровенно враждебно, но уж настороженности безусловно не оберешься. Они слишком долго варились в собственном соку, они, как это водится, исполнены профессиональной гордыни... Одним словом, будете дипломатом.

— Может, и мне туда с вами? — спросил задумчиво принц Элвар. — Сейчас глотну отрезвительного, выберу мундир попышнее — и помогу там парнишке на первых порах. Дадите и мне какую-нибудь должностишку?

«А ведь это неплохая идея, — подумал Сварог. — Присутствие принца императорской фамилии многих усмирит и покажет, что власть переменилась кардинально и бесповоротно...»

— *Должностишку я вам дать не могу, ваше высочество,* — сказал он с ухмылкой. — Для человека вашего положения мелкую должностишку занимать негоже, а *серьезны* заняты все до одной. А вот статус неофициального куратора от Императорского кабинета — совсем другое дело... Вполне по-бюрократически, в рамках традиций. Пойдемте, господа? У меня сегодня столько дел...

Глава XI

ОТ КАРЬЕРИСТОВ ТОЖЕ БЫВАЕТ ПОЛЬЗА

— Не знаю, ваше величество, может, ничего полезного тут и нет, — сказал Интагар крайне нейтральным тоном. — Но я обязан был вас вызвать. Пришел человек, затрезвонил в Колокол Правды...

— Это еще что такое? — с искренним недоумением спросил Сварог. — Что-то я такого не помню...

— Вы в свое время довольно бегло знакомились с королевским дворцом, сами приказали не обременять вас разными третьестепенными мелочами...

— Было дело, — сказал Сварог. — Что за Колокол?

— Он к тому времени как раз и был полузыбкой мелочью, сохранявшейся традиции ради и согласно бюрократическим правилам... Видите ли, ваше величество, дедушка короля Конгера, пребывая однажды в особо милостивом расположении духа, как раз и распорядился этот колокол устроить. Там, снаружи, у полуденной стены дворца, есть башенка. Всякий подданный, какого бы сословия он ни был, имеет право зайти туда и позвонить в Колокол Правды. Означает это, что он просит аудиенции у короля. Король, согласно заведенному обычаю, аудиенцию обязан дать. Уже в старые времена было осо-

бо оговорено: пришедший имеет право звонить в колокол в одном-единственном случае — если ему стало известно, что от короля скрывают что-то очень важное.

— Могу представить, что там творилось в первые месяцы... — усмехнулся Сварог. — По головам лезли?

— Совершенно верно, ваше величество, — без улыбки кивнул Интагар. — Королю не было ни покоя, ни отдыха, и ничего тут не поделать — королевское слово... Пару раз действительно рассказывали крайне интересные вещи, а однажды оборотистый лакей сообщил о заговоре, который тогдашняя тайная полиция ухитрилась проглядеть. Но в массе своей народишко лез с мелочами, которые по ничтожеству своему считал важными и значительными: главный землемер провинции берет взятки, некий пьяный приказчик запустил в королевский портрет пивной кружкой, деньги на постройку моста разворовали, мост так и не построивши... В общем, пустяки, недостойные королевского внимания. Процедуру решили упорядочить, ввести наказания для тех, кто отрывал его величество от дел пустяками, которые с точки зрения монарха либо яйца выеденного не стоят, либо должны решаться на уровне мелких чиновников. О, ни плахи, ни даже тюрьмы, но и церемоний особых не разводили: ссылка для дворян, разжалование для военных, большие штрафы для сословий, порка для всех прочих... Вскоре, как легко догадаться, число желающих позвонить в колокол изрядно поубавилось. А уж тем более когда Конгер добавил еще и конфискацию движимого либо недвижимого, либо всего сразу... За время его царствования «звонарей» набиралось менее пары дюжин в год. Главным образом приезжие из провинций. За время своей службы я помню только два случая, когда речь шла о серьезных вещах: один опять-таки сообщил о заговоре, второй указал на известного купца как на крупного горротского шпиона, и это подтвердилось. Остальные несколько десятков подверглись тому или иному наказанию из существующего списка. Ну, а за время вашего пребывания на троне это первый случай.

— Как еще только колокол сохранился в действующем виде...

— О, с этим обстоит наилучшим образом, — крайне серьезно сказал Интагар. — Тогда же, при дедушке Конгера, решено было создать Департамент Колокола — с немалым числом чиновников, регистрационными книгами, обширными бюрократическими регламентами. Есть особые служители, которые следят за исправностью колокола, есть дежурные чиновники с четким распределением обязанностей... — он скрупульно улыбнулся. — В общем, за десятки лет «звонарей» становилось все меньше, а вот Департамент Колокола потихоньку разрастался, там сейчас раза в три больше народа, чем в момент учреждения.

— Ну да, как обычно... — поморщился Сварог. — Ничего с ними не поделаешь, плодиться будут, как мыши, если не прихлопнуть саму катору — но они и тогда разбегутся по таким же теплым mestечкам... Что за звонарь? Вы его уже допрашивали?

— Не имею права, ваше величество, — сказал Интагар серьезно. — И никто не имеет — так уж заповедано его величеством Кергиусом Третьим... Он будет говорить только с вами.

— Но вы хоть выяснили, надеюсь, кто такой?

— Обижаете, ваше величество... — усмехнулся Интагар, заглянув в лежащий перед ним лист бумаги. — Конечно же, в сжатые сроки... Петар Курлич, двадцати трех лет, женат, есть дочь, по классному чину — писец.

«То есть мелюзга нижайшего, шестнадцатого класса, приравненная к армейским рядовым», — отметил Сварог, уже понаторевший в бюрократических тонкостях.

Интагар бесстрастно продолжал:

— Служит в квартальном полицейском участке, в столове убийств. Вот уже пять лет. Служебным взысканиям не подвергался, но, по нашим сведениям, карьерных перспектив не имеет. Если нет связей или выгодного родства, из низших полицейских чиновников почти невозможно подняться выше, чем на пару классов — и то аккурат к пенсии. Ну, конечно, можно раскрыть какое-нибудь громкое преступление — но у полицейских бумажных крыс такой возможности практически не бывает, они же не сыщики, шуршат бумагами в канцелярии да проводят первичный

осмотр места преступления... Что еще? Выпивает умеренно, в выходные дни и праздники, семейная жизнь протекает ровно и спокойно, без скандалов... правда, вот уже год в глубокой тайне поддерживает известные отношения со служанкой из кабачка «Золотая шишкa». Жена не знает. Взятки берет в меру, ровно столько, сколько ему положено по чину и должности, не зарываясь. По моим наблюдениям, впечатления сумасшедшего не производит — разве что невероятно взъярен, но тут-то как раз ничего удивительного...

— Одним словом, скучный, неинтересный серый мышонок из заурядного полицейского участка... — задумчиво протянул Сварог.

— Вот именно, ваше величество.

— Но отчего-то решился позвонить в колокол, полагая, что от меня скрывают нечто важное... Ну, пойдемте, посмотрим на вашего мышонка.

— Да, насчет...

— Меры предосторожности приняты соответствующие, — сказал Интагар. — Еще в старые времена под видом знатоков тайн пытались проникать покушавшиеся на монарха...

Молодой человек в черно-красной полицейской форме, едва Сварог вошел, вскочил с табурета и вытянулся прямо-таки в струнку. Реденькие ушишки, глуповатая физиономия, исполненная рвения и обожания... Действительно, колотит бедолагу от волнения, с порога видно...

— Ваше величество! — возопил молодой человек срывающимся фальцетом. — Петар Курлич, писец квартального...

— Я уже знаю, — мягко прервал Сварог. — Вот это — господин Интагар, начальник тайной полиции королевства. Не возражаете, если он будет присутствовать?

— Я... Как прикажете, государь...

— Отлично, — кивнул Сварог и уселся.

Еще пара минут понадобилась, чтобы уговорить господина Курлича все-таки сесть ради пущей непринужденности беседы. Пришлось даже прикрикнуть. В конце концов полицейский все же опустился на табурет — самым краешком седалища, так, словно готов был в любой миг взмыть по стойке «смирно».

Рядом с табуретом лежал мешок казенного вида — квадратный, парусиновый, со смазанным штампом полицейского участка и его номером. Горловина старателю замотана витым шнурком, скрепленным коричневой сургучной печатью размером с небольшую булочку. Сварог заметил, что Интагар глянул на этот мешок, сузив глаза, потом словно бы небрежно повел взглядом по комнате — определенно напоминая своим невидимым подчиненным о бдительности. Где они прятались, Сварог, разумеется, не мог определить — портьеры, огромные картины, лепные украшения, парочка высоких шкафов, одним словом, места хватит для дюжины стрелков. Которых Интагар, уж точно, расставил со всем тщанием.

— Ну что же, — сказал Сварог, как мог доброжелательно. — Рассказывайте, что у вас стряслось...

— У меня — ничего... Стряслось у господина Альдерона, это хозяин постоянного двора «Олень и арбалет»... Заведение средней руки, дворяне там обычно не останавливаются, но место, не в пример многим другим, приличное и нашему участку хлопот не доставляло.

Сварог усмехнулся:

— Надо полагать, господин Альдерон регулярно благодарили ваше начальство, как это обычно водится?

Писец мялся на краешке табурета. Сварог сказал небрежно:

— Вас, должно быть, не предупредили... Любезный господин Курлич, так уж случилось, что есть у меня способность моментально определять, правду мне говорят, или лгут. Вы уж это учитывайте в дальнейшем... Альдерон вам платил?

— Ну не нам, мелкой сошке, — сказал писец, таращась на Сварога с восторженным ужасом. — Господину начальнику участка. Вообще-то за ним не водилось грехов, которые следовало бы покрывать, просто традиция такая, не нами придумано, ваше величество...

— Не на вас и кончится, — с понятливым видом кивнул Сварог. — Ладно, будем считать, что дело это житейское. У нас в королевстве столько вековых традиций...

— У Альдерона и в самом деле приличное заведение, — приободрившись, продолжал писец. — Воришка или шулер туда ни за что не пролезет, а девок... а девок, прощите за такие подробности, ваше величество, подбирают таких, чтобы ни в жизнь пьяного клиента не обворовали. Спокойное заведение, нам с ним никаких хлопот... а вот если взять парочку гадюшников в нашем квартале, ту же «Яблоневую ветвь» или «Приют истомившегося»... Ох, прощите, я чего-то не туда повернулся... Короче говоря, позавчера ранним утром господин Альдерон к нам форменным образом примчался, запыхался весь, несся, видимо, сломя голову — при его-то обычной солидности... Он прошел к начальнику, а вскоре начальник вызвал меня и сказал, что в «Олене и арбалете» приключилось убийство. И посему мне поручается туда немедленно отправиться вместе с парой сыщиков — осмотреть там все, составить протокол, как полагается... а главное, провести дело без малейшего шума и держать язык за зубами, потому как заведение приличное и следует позаботиться о его репутации... Я переоделся в цивильное, у меня для таких случаев всегда висит в шкафу специальный наряд, в котором я выгляжу простым градским обывателем... ну, а сыщики и так никогда в мундирах не ходят... Пришли мы... А он там, на постели, уже совсем закоченел. Никец — ну, наш сынок — сразу определил, что убили его еще глубокой ночью, часов за пять до рассвета. Мастерски, говорит, убили — стилетом в сердце, одним ударом, стилет так в груди и торчал... А еще Никец моментально определил, что окно как было заперто изнутри, так и осталось, и Бранис с ним согласился. По ихнему выходило, что убийца отпер замок отмычкой, тихонько вошел, одним ударом прикончил спящего, а потом долго и старательно ворошил его вещички. И обе дорожных сумки, и поясной кошель были наизнанку вывернуты, все, что там было, валялось на полу, как попало. Господин Альдерон, когда услышал про убийцу, который прошел ночью по коридору с отмычкой, пришел в совершеннейшее расстройство — это же какой удар по репутации... Он нас умолял ни словечком никому не проговориться...

Сварог усмехнулся:

— Сколько он вам дал?

— По пять золотых, — с убитым видом признался писец. — И мне, и Никецу с Бранисом. Мы так подумали: это ж не преступление покрывать, просто не болтать языком, и все тут — что нам и так уставы предписывают... Убийство это нам очень быстро показалось ужасно странным...

— Почему?

— Э то т не взял денег, — выкатив от усердия глаза, сказал писец. — Вывернул кошелек на стол, видимо, что-то искал и в нем, но деньги так и остались лежать, серебряных ауреев там было, по описи, тридцать четыре, и двенадцать ауреев золотом, ну, и медяшки... Совершенно его деньги не интересовали, он за чем-то другим пришел. Только за чем, никто теперь не скажет, никто ж не знает, что у покойника при себе было раньше, когда он был жив, и, соответственно, не определить, что пропало...

Сварог слушал его с возрастающим интересом: писец звезд с неба безусловно не хватал, но свое полицейское ремесло знал неплохо. В том, что он говорил, был резон.

— Я составил протокол, а потом мы, как положено, все сложили назад. Носильные вещи и тому подобное упаковали в те же сумки, а деньги, и все документы, что нашлись при покойном, сложили в наш мешок, — он показал на означенный. — По документам это выходил Юльвар Пешер, член Золотой гильдии, приказчик торгового дома «Братья Бургато» из Ронеро... только потом оказалось, когда мы проверяли, что документы насквозь липовые: и Пешер такой не числится в гильдейских списках, и по проставленному адресу живут совсем другие люди, и нет в Ронеро никакого такого торгового дома, никто и не слыхивал про братьев Бургато... Но это уже потом было, а тогда я... — он передернул плечами, шумно почесал в затылке, заерзал. — Не то чтобы я такой сообразительный, просто есть старая инструкция: в с т р а н и х случаях, не откладывая, проверить, не зашито ли что в одежде. Мы втроем сошлись, что случай самый что ни на есть странный: сколько раз бывали на жмурах... прошу прощения,

на убийствах, но ни разу не видели, чтобы убийца оставлял деньги на столе, как мусор... Никец с Бранисом взялись перетряхивать вещички из сумок, а я взял с вешалки его хомерик. И только это я его вывернул подкладкой вверх, вижу: в двух местах швы неправильные какие-то, грубые, ни один хороший портной такого подмастерьям не спустит. А хомерик был и в самом деле дорогой, приличный, в самый раз для Золотой гильдии. Грубыми такими стежками зашито, я б, наверно, и сам так коряво зашивал, доведись нужда... Взял я ножичек, подпорол аккуратно там, где что-то твердое прощупывалось — и нате вам! Защита там натуральнейшая бляха тайной полиции протектора, то есть покойного барона Гинкара, и уж она-то не поддельная, а самая доподлинная — есть в этих бляхах такие хитрушки, которые только полицейские знают. А в другой поле защита шифрованная грамотка — буквы все до одной знакомые, но сложены в сущую бессмыслицу. Уж если бляха — то это, к гадалке не ходи, шифрованное донесение... Упаковал я все это отдельно и прямиком двинул к господину начальнику... — он понурился, умолк.

«Ага, — подумал Сварог. — Тут-то ты, сокол ясный, и усмотрел отличимый случай выдвинуться — потому что второго такого еще сто лет может не представиться...»

— Господин начальник сначала очень воодушевился, даже медаль мне обещал... а через день вызвал и ушат ледяной воды вылил — ну форменным образом... Я, говорит, Курлич, буду с тобой говорить как серьезный человек с серьезным человеком. Номер бляхи, говорит, мы быстренько проверили — и числится он среди тех номеров, что выданы были в свое время *личным* агентам покойного господина протектора. Такие вот личные агенты — особая статья. Выполняют они исключительно личные поручения протектора, в официальных бумагах все, что они добудут, никоим образом не отражается, а оседает у самого протектора — сплошь и рядом не на бумаге, а в голове. Ну, а поскольку господин барон уже полтора года как преставился, то донесение это для нас полностью бесполезно: ни одна живая душа, кроме двух покойников, барона и приказчика этого мнимого, понятия не имеет, о

чем там речь. Даже если и удастся расшифровать, никто не поймет. Да и личных агентов протектора ищи-свищи. Они ведь, узнавши о смерти барона, моментально изничтожили бляхи, сожгли документы, если были, и притворились, будто они испокон веков мирные градские обыватели. Такой у них устав, которого никто в глаза не видел, но малость наслышаны... А посему, Курлич, говорит господин начальник, приказываю тебе и о бляхе, и о шифрованной бумаге позабыть начисто. Я, говорит, посоветовался там — и на потолок показывает — и получил оттуда высокое мнение: опечатать все, сдать в архив и забыть на веки вечные. Убийцу *приказчик* *Пешера*, сам собой, искать будут со всем усердием — но про бляху и документ забыть. И если ты, Курлич, говорит господин начальник, будешь умным малым, каким я тебя прежде считал, и языком молоть не станешь, я тебе быстренько выхлопочу нашивки письмоводителя, до которых тебе, если по уставу, еще пять лет выслуши... А будешь дураком и не поймешь текущего момента — выгоню на улицу в патрульную полицию, уже без чина, и будешь ты до седых волос сапогами мостовую draить, даже до десятника не поднявшись... Что тут делать? Пришлось заверить, что я не дурак и текущий момент понимаю...

Сварог подумал, что квартальный начальник и те вышестоящие, с кем он советовался, пожалуй что, вовсе не дураки и не лентяи. Рассуждали они вполне резонно: в се, что знал Гинкер, все, чем он занимался посредством личных агентов, умерло вместе с ним, помянутые агенты навсегда легли на дно, кому и зачем в этих условиях крохотный, жалкий обрывочек тайн покойного протектора? Что же, еще один хорошо законспирированный агент, сидевший где-то в глухи до самых последних дней и потому понятия не имевший о безвременной кончине барона? Да, очень похоже...

— Только сел я потом у себя и задумался, — продолжал писец. — А вдруг эта бумага, ваше величество, все же *ценна*? Похороним ее в архиве, через пять лет, по регламенту, спишут и сожгут — а там все же что-то полезное для короны? Есть у меня друг, пожалуй что, поумнее

меня, а главное, с ним-то можно говорить откровенно, не выдаст. Посидели мы, прикончили бутылочку, и он мне посоветовал все же идти звонить в Колокол. Думал я, думал, взвешивал так и этак, а потом все же пошел... Так что теперь я всецело на милости вашего величества, как решите, так и будет...

— Бумага там? — спросил Сварог, кивком указав на опечатанный мешок.

— Там все бумаги, какие только при покойном были. Я так подумал — если уж нести, так все до одной. Мало ли что из них можно знающим людям видеть... Как вам будет благоугодно решить, ваше величество. Мне терять уж нечего. Только за то, что я этот, он покосился на мешок со странной смесью любопытства и ненависти — унес из участка, не то что без мундира на улицу выкинут, а, пожалуй, за решетку закатают...

Сварог поднялся и тут же взметнулся с табурета писец, встал навытяжку. Мешок оказался совсем не тяжелым. Покачивая им, Сварог сказал веско:

— Любезный господин Курлич, можете не беспокоиться. Вы действительно оказали большую услугу короне. Мое благоволение. Не будем спешить, я еще подумаю, какую награду вам назначить, но даю королевское слово: без достойной награды вы не останетесь.

Писец побледнел еще больше, закатил глаза, явно проявляя пополнования шлепнуться в обморок. Сварог покосился на Интагара. Тот сделал скромной жест. Из-за ближайшей портьеры, на ходу запихивая за пояс пистолеты, выскочили двое молодчиков, проворно подхватили ошалевшего от радости писца за локотки и удержали на ногах.

— Подышите господину Курличу уютную комнатку, где он мог бы отдохнуть от всех треволнений, подкрепиться, выпить вина... — распорядился Сварог. — Пойдемте, Интагар.

В любом случае писец заслуживал награды — как никак обнаружилась еще одна шифровка людей Гинкера. Быть может, совершеннейшая пустышка, но как знать...

Когда они вернулись в малый кабинет, Сварог плюхнул мешок на стол, достал кинжал и прицелился было разре-

зать шнурок. Интагар весьма непочтительно перехватил его руку:

— Ваше величество, подождите! Я сейчас позову людей, пусть они вскроют...

— Все, что этот парень рассказал — чистейшая правда, — сказал Сварог нетерпеливо.

— Не смею сомневаться, ваше величество. Но всякое бывает...

— Глупости. Мешок слишком легкий для бомбы.

— Всякое бывает, — повторил Интагар решительно. — Это тот парень говорит чистую правду... а вот кто-нибудь другой мог туда запихнуть какую-нибудь отраву. Сколько раз людей использовали втемную, совершенно без их ведома...

В подобных случаях его было не переспорить. Сварог и не пытался. Он с четверть часа торчал в коридоре под дверью собственного кабинета, прямо-таки маясь от любопытства. Наконец дверь открылась, вышли два пожилых, одетых в темное господина, ничуть не похожих на агентов тайной полиции. Один, с благородной проседью, в золотых очках, поклонился:

— Все в порядке, ваше величество. Ничего опасного.

Сварог нетерпеливо вошел в кабинет. Интагар сидел за столом, он уже успел сложить бумаги в небольшую стопу, прикрыв ее бляхой. Вот бляха как раз сейчас интересовала Сварога меньше всего. Плюхнувшись в кресло, он кратко распорядился:

— Шифрованное письмо.

Интагар вытянул один из листов — не бумажный, а из тонкого полотна, покрытый аккуратными черными строчками, не разделенными на фразы и абзацы. Да, в точности такая, как прежние — хаотический набор, бессмысленные сочетания букв...

Сварог не стал начинать с шифровки — спешить было совершенно незачем. Взялся за остальные бумаги.

Гильдейское свидетельство на имя Юлавра Пешера, старшего приказчика торгового дома «Братья Бургато». Доверительное письмо на имя того же Пешера, разрешающее ему заключать любые сделки от лица и по поруче-

нию описанного торгового дома. «Депозитная грамота», выданная Пешеру в столице банком «Барралонг» и открывающая неограниченный кредит в любом отделении данного банка.

Сварог молча показал документ Интагару.

— Вот это уже настоящий банк, — сказал тот. — Солидный. Серьезный. Отделения в каждой провинции, и за границей имеются. Вряд ли это подделка. Тут возникают два интересных обстоятельства. Неограниченный кредит... Значит, Гинкер проводил какую-то операцию, очень возможно, требовавшую немалых расходов. И еще, он должен был всецело доверять этому Пешеру или как его там по-настоящему. Иной, получив такой документ, снял бы сумму побольше, да и пустился в бега.

— Логично... — проворчал Сварог. — Ну, что там у нас дальше...

Подорожная на имя Пешера, выписанная до столицы в некоем городе Гаури провинции Кореслей. Оставшиеся три документа — практически однотипные: купчие на стандартных гербовых бланках. Согласно одной из них, Пешер приобрел в том самом городе Гаури «Дом на улице Вишневой, семнадцать, с прилегающим садом и надворными постройками». По второй, — опять-таки в Гаури он купил земельный участок площадью в два югара, «примыкающий к официально утвержденной городской черте и ограниченный согласно прилагаемой кадастровой выписке». Третья заключена на таверну «Жареная камбала» «вкупе со всем подворьем». Владельцем во всех трех случаях становился не Пешер, а торговый дом «Братья Бургато».

Встречтив вопросительный взгляд Сварога, Интагар пожал плечами:

— Все купчие, мне думается, подлинные, составлены и заверены по всем правилам. Цены невысокие, примерно такими и должны быть цены на недвижимость в этой глупши. Кореслей — жуткое захолустье неподалеку от гланской границы.

— Случайно, не поблизости от Гартвойна?

— Ну да, провинция как раз с Гартвойном и граничит.

«И снова Полуденное Ронеро, отроги Каталауна, — подумал Сварог. — Вроде бы ничем не примечательные места, но, как выясняется, полные всевозможных странностей...»

— Одного я не понимаю, — сказал Интагар. — Зачем Гинкеру понадобилось покупать в глухи домишкы, таверны и землю? Пешер наверняка не по собственной инициативе действовал, инструкции выполнял...

— Ну что же, — проворчал Сварог. — Остается прочитать донесение...

Он коснулся золотых накладок на правом углу стола. Повернул в определенном порядке. Они только со стороны казались намертво прикрепленными, а на самом деле прекрасно вертелись в разные стороны, нужно было только нажать предварительно одну из многочисленных бронзовых ракушек на торце стола.

Часть столешницы перед ним отъехала влево, отрывая клавиатуру компьютера. Одно нажатие — и в воздухе над столом возникла рамка экрана, большой прямоугольник, образованный бледно-золотистой полосой света.

Физиономия Интагара, как всегда в этом случае, приспособлилась печальной зависти. Он быстро разобрался в свое время, что такое компьютер, и давно уже мечтал его заполучить для служебных нужд. Сварог подумал, что т е п е р ь это вполне можно устроить — когда восьмым департаментом заведует он сам и некому больше за ним шпионить (изучая на скорую руку доставшееся ему хозяйство, он без особого удивления обнаружил целый отдел, занятый исключительно наблюдением за его скромной персоной, и дело там было поставлено на широкую ногу). Обижаться на покойного Гаудина не следовало — служба такая, дело житейское. По крайней мере, теперь Сварог знал поименно всех до единого царедворцев из своих земных королевств, стучавших на него в восьмой департамент. Слава богу, там не оказалось ни одного из тех, к кому он относился с особым доверием и симпатией).

В общем, т е п е р ь вполне можно снабдить Интагара компьютером. Интагар с компьютером — это, судари мои, великолепнейшее сочетание...

Сварог тщательно расправил шифровку, положил на нее крохотное черно-ребристое полушиарие сканера, кивнул Интагару:

— Подсаживайтесь, какие уж тут от вас секреты...

Интагар с превеликой живостью подхватил свое кресло и устроился рядом — правда, из почтительности отодвинувшись на пол-уарда. Действительно, не было никакого смысла скрывать от Бульдога что-то, касавшееся личной агентуры барона Гинкера — Интагар о ней узнал задолго до Сварога...

Сканер членоком принял сновать по строчкам, вправо-влево, вправо-влево... Строчки в быстром темпе появлялись на экране. Когда все послание было туда перенесено, Сварог включил программу Элкона, с помощью которой щелкал и прежде гинкеровские шифровки.

На экране замерцали буквы, меняясь с такой скоростью, что человеческий глаз просто не в состоянии был это заметить, так что текст выглядел черным с белыми прожилками мигающим квадратом. Впервые столкнувшись с этой процедурой Интагар взирал на Сварога тревожно и растерянно. Сварог показал ему жестом, что беспокоиться не о чем, все идет так, как и должно идти.

Ага! Мерцание приугасло, квадрат вновь распался на аккуратные строчки, буквы все еще сменяли друг друга, но уже гораздо медленнее, удалось даже прочитать отдельные, вполне осмысленные слова: «зеркало», «дом», «заклинание»...

Все. В правом верхнем углу вспыхнули большие синие буквы «Расшифровка закончена». Сварог склонился к экрану.

— Вот оно как... — выдохнул он вскоре.

«Господин барон, все полностью подтвердились. В доме на Вишневой семнадцать и в самом деле висит зеркало, в котором можно с помощью соответствующего заклинания увидеть Багряную Звезду вблизи. Я наблюдал. Зрелище непонятное и странное, поэтому остерегусь делать выводы и строить предположения, пусть этим занимаются, кому надлежит. Дом мною куплен законным образом — после смерти последнего владельца он пол-

тора года числился выморочным городским имуществом. Согласно инструкциям расследования касательно личности владельца не производил, чтобы не тратить времени. После завершения всех сделок направлюсь в Равену. Немаловажное уточнение: наблюдатель должен находиться перед зеркалом в одиночестве, иначе ничего не получится. Семнадцатый».

И ниже — еще две строчки, но уже не бессмысленный набор букв, о который язык и глаза своротишь, а словно бы старательно записанная длинная фраза на незнакомом языке (заклинания частенько именно так и выглядят).

— Так вот оно что... — сказал Сварог. — Вот что они там искали, вооружившись неограниченным кредитом... Интереснейшие вещи можно отыскать в нашем пограничном захолустье, не правда ли, Интагар?

— Да уж, ваше величество... — сдавленным голосом поддакнул министр тайной полиции.

— Одного я не пойму: какого черта ему понадобилось покупать еще землю и таверну?

— Ну, если прикинуть... — раздумчиво протянул Интагар. — Может, он просто не хотел привлекать внимания. Приказчик солидного столичного торгового дома едет в жуткую глушь, чтобы приобрести там один-единственный домишко — судя по цене, это именно что небольшой домишко. Такие вещи всегда выглядят странно, о них начинают болтать, особенно в захолустье, где новостей мало... А вот если прикупить еще таверну и приличный кусок земли, распространить слух, что столичные купцы собираются тут завести какое-то предприятие... Так оно гораздо правдоподобнее выглядит. Я бы на месте этого семнадцатого так и поступил.

— Посмотрим справочник... — сказал Сварог, нажимая клавиши. — Гаури... Коронный город на самой границе с провинцией Гартвейн... Ага... Коронный город — это хорошо, там нет заносчивых магistratov, с которыми иногда бывают хлопоты, есть только назначенный бургомистр... Что там... Три тысячи сто сорок два жителя, драгунский полк на постое, основные занятия — садоводство и огородничество. На широкую ногу поставлено произ-

водство варенья, пастилы и прочих сладостей... Скорее уж деревня, за неизвестные заслуги возведенная в статус города, как это было с Кортенсом... И конечно же, Интагар, там отродясь не водилось ваших людей?

— Увы... — виновато ссгутился Интагар. — К чему? Там и обычной-то полиции наверняка нет, одна городская стража. Эти захолустные уголки никогда не представляли интереса...

— Ага, — с печальным сарказмом сказал Сварог. — Вот так мы все и думали. А в захолустных уголках, оказывается, интереснейшие вещи можно найти...

— Какие будут приказания? — спросил Интагар.

— Этим домом на Вишневой я займусь сам, — сказал Сварог. — Не ерзайте, без вашего участия не обойдется... Вы пока что срочно заберите дело об убийстве у полиции и пустите на него ваших молодцов. Землю ройте, как вы это умеете. Убийство это престраннейшее, что сообразит даже сопливый полицейский писец. Кто-то еще в игре, точно, хотя я и не понимаю, в чем тут дело...

...Нынешняя встреча с мэтром Тагароном состоялась уже не в сыром подвале, а в одной из комнат того самого дома. Да и выглядел беглый механикус чуточку респектабельнее: его во исполнение Свароговых инструкций хорошенъко ополоснули из ведра, дали новую одежду — поноженный, но добротный наряд горожанина средней руки и даже выдали на минутку расческу.

— Давайте сразу внесем ясность, — холодно сказал Сварог. — Отношение к вам ничуть не изменилось. Мне просто не хотелось спускаться еще раз в... вашу прежнюю квартиру. Да и вымыли-приодели вас исключительно затем, чтобы не воняли. А то в прошлый раз меня блевать тянуло, а ведь я не из неженок...

Тагарон смотрел исподлобья, с бессильной злостью: мученик науки в когтях злобной инквизиции, ага...

— Ну, не будем терять времени? — сказал Сварог. — Коли уж вы, как мне доложили, готовы к разговору... И начнем мы с вашей подводной лодки, точнее, с ее движителя. Скрывать не стану: все, кто его изучал, и не толь-

ко на земле, в полнейшей растерянности. Никто просто-напросто не понимает, как эта штука работает и на каких принципах создана. Быть может, вы внесете ясность? Можете с заковыристой научной терминологией, я добросовестно попытаюсь понять, а чего не пойму, потом попытаются понять те, кто будет читать бумаги... — он покосился в сторону, где за маленьким столиком сидел, сосредоточенно прицелясь карандашом в лист бумаги, мастер скорописи. — Итак?

Тагарон откровенно мялся. Потом сказал:

— Это связано с земным тяготением, с магнетизмом...

И надолго замолчал.

— И это все, что вы можете сказать? — вкрадчиво поинтересовался Сварог.

Тагарон, набычясь, кивнул.

— А ведь вы, что интересно, ни капельки не врете, — сказал Сварог. — Что блестяще подтверждает кое-какие мои предположения... Я о вас знаю достаточно. Вы, собственно говоря, не ученый, не т е о р е т и к. Вы просто-напросто механик-практик, пусть и весьма искусный. Вы никогда ничего не изобрели сами, всегда пользовались чужими идеями, правда, сплошь и рядом творчески их развивая и усовершенствуя... Верно?

— Вы совершенно правы, ваше величество, — ответил Тагарон с легкими потугами на сарказм. — Должен заметить, что я никогда и не провозглашал себя ученым или изобретателем... Не соизволите ли поведать, кто вам рассказал о моей скромной персоне? Уж не Анрах ли?

— Ну да, в том числе и Анрах, — спокойно кивнул Сварог. — Что это вы так кривитесь, любезный мой? Анрах — очень ответственный человек, бывший гвардейский офицер, сейчас служит научным консультантом в крайне серьезном учреждении. Он никогда не был вам очень уж задушевным другом и никогда не давал вам обещаний хранить что-то в тайне... Поэтому не будем отвлекаться. Расклад прост. Коли уж вы и с а м и ничего не понимаете в движителе, вы его не изобретали. Вы его где-то раздобыли готовым. Где? Я уверен, вы его у кого-то попросту купили. Тайная полиция раскопала, что примерно за полтора года до бегства из

Ронеро вы вдруг начали в лихорадочном темпе распродавать имущество. Продали загородное имение, дом в Равене — после чего стали жить в съемном. Продали драгоценности покойной супруги, серебряную посуду, даже часть библиотеки. Мотивы... собственно, мотивов не усматривалось вовсе. К азартным играм вы никогда не питали склонности, так что и речь не идет о каких-то карточных долгах, на женщин тоже не тратились, служанками обходились — дешево и удобно... После этого вы не делали никаких крупных покупок, и ни в одном банке вырученная вами немаленькая сумма не засветилась. Она словно провалилась под землю... или, как теперь ясно, в чей-то карман. Да?

— Тагарон мрачно кивнул,

— Излагайте, — сказал Сварог. — К вам кто-то пришел с товаром, или обстояло иначе?

— Иначе, — сумрачно сказал Тагарон. — Не знаю, известно ли вам, или нет... В Равене есть на учный черный рынок наподобие тех, где торгуют ворованным, курительной дурью или контрабандой. Только на этом...

— Я знаю, — кивнул Сварог.

Такой рынок и в самом деле существовал — и даже для хватких работничков Интагара во многом, в отличие от всех остальных, оставался загадкой, не профильтрованной еще должным образом агентами тайной полиции. Причины просты. За ворованным всегда тянется след. Курительная дурь и контрабанда сплошь и рядом движутся хорошо известными маршрутами. Да и контингент в этом ремесле занят специфический. Совсем иначе обстоит с черным рынком, где торгуют состоящими под запретом научными книгами и механизмами и разными прелюбопытными диковинками, то из случайно вырытого клада, то раздобытыми где-нибудь в Иллюзоре (а то и до недавних пор — в Хельстаде). И покупатели, и продавцы, и посредники никак не принадлежат к числу обычной полицейской клиентуры. К тому же огромную роль тут играет случай. Интагар как-то горячился: ну невозможно же предсказать и просчитать заранее абсолютно неизвестного прежде персонажа, внезапно вынырнувшего на свет божий с чем-то запретным, выкопанным неведомо где!

— Ко мне пришел человек... Посредник...
— Личность этого посредника меня пока не интересует, — сказал Сварог. — Главное, вы не врете. Продолжайте в том же духе.

— К нему пришел некто, желавший продать чертежи и модель некоего механизма. Пришел по хорошей рекомендации от заслуживающего доверия человека, не первый год причастного к... нашему делу. Меня это заинтересовало, и я с ним встретился. Посмотрел модель в действии. Показал знающим людям имевшиеся при ней расчеты — ну, могло же оказаться так, что этот движитель прекрасно работает в виде крохотной модельки, а вот будучи выполнен в большем масштабе, окажется бесполезным, даже детскую коляску не сумеет сдвинуть с места... На сей раз обстояло иначе. Математики, двое неплохих, меня заверили, что вещичка перспективнейшая. И я решился. Т а к о г о мне в руки еще не попадало. Он хотел много, очень много, но прав был, стервец — вещь того стоила. Вот я и продал все, что мог, кое в чем изрядно продешевил, но время поджимало — он торопился и торопил меня.

— Что за человек?

— Да кто же его знает... — сказал Тагарон. — Средних лет, одет небогатым купцом, но, по моим наблюдениям, вполне мог принадлежать к Сословию Совы — чувствовался книжник... Имя он наверняка назвал вымышленное. Он проговорился мимоходом, что приехал из Градиса, но это опять-таки могло оказаться выдумкой...

Сварог насторожился. Градис был главным городом провинции Гартвейн — откуда странности в последнее время потоком хлынули...

— Я, знаете ли, не оторванный от мира книжный червь, — продолжал Тагарон. — Кое-какой житейской сметкой и практичностью, надо думать, обладаю... У меня создалось впечатление, что товар свой он... ну, если не украл, то все равно что-то нечисто было с этим товаром. Казалось, он пустился в бега, и теперь, получив изрядную сумму, намерен податься на другой конец земли. Как бы там ни было, он откровенно опасался слежки, уж об этом-

то можно говорить с уверенностью... Словом, сделка состоялась. И я никогда его больше не видел.

— Вы снова ни капельки не соврали... — задумчиво сказал Сварог. — Значит, все так и было... Одного я в толк не возьму: как вы намеревались этот движитель использовать? Я видел у Анраха модель вашей подводной лодки, довольно давно... Но вы же прекрасно должны были знать, что винт запрещен...

— Подводная лодка — это побочный эксперимент, — сказал Тагарон словно бы даже с едва уловимой ноткой пре-восходства. — Я тогда просто забавлялся с новой игрушкой, прилаживал ее так и сяк, и к тому, и к другому... Анрах получил в подарок безделушку, модель лодки без внутренностей, я ему ничего о движителе не говорил. Как использовать? Вы совершенно точно подметили, ваше величество — я практик. И увидел прекрасный случай разбогатеть. Ну да, винт запрещен, я прекрасно знаю... но ведь можно приспособить движитель к разрешенным гребным колесам судна, к токарному станку, к водяному насосу, да мало ли... Что касается самогодвижителя, он не числится в реестрах запретных механизмов. Или я ошибаюсь?

— Да нет... — сказал Сварог. — Нельзя запретить то, о чем прежде и не слыхивали...

— Вот видите. Соответственно, и принцип действия не числится в запрещенных. Я мог бы взять патент, присовокупив к чертежам достаточно убедительную порцию наукообразной чуши. Заинтересовать купцов или банкиров и производить двигатели быть может, даже не сотнями — тысячами. Это же золотое дно...

— Возможно, — сказал Сварог. — Очень может быть. Но вам не приходило в голову, что соответствующие инстанции, ознакомившись с вашим патентом, могли его и запретить?

— Могли. А могли и разрешить. В этом случае выгода стократ окупила бы все расходы.

— Тоже верно... И что было потом?

— Потом появились они... Еще до того, как я успел подать бумаги на патент.

— Кто?

— Не знаю, — сказал Тагарон. — Представления не имею. Как ни ломал голову с тех пор, не догадался. Обычные, ничем не примечательные люди, не похожие на бандитов, я бы даже сказал, скорее, принадлежащие к ученому сословию: порой в разговоре проскальзывали словечки и обороты, именно этому сословию свойственные, — он зябко передернулся. — Но это в то же время были с т р а ш н ы е люди. Как-то это у них сочеталось. Убили бы и не поморшились. Мэтра Кердина... того посредника... определенно убили именно они, да еще пытали предварительно — иначе как бы им удалось до меня добраться? Тайну знали трое: я, продавец и Кердин... но из разговора с н и м и я вынес убеждение, что сведения они получили именно от Кердина...

— И что они хотели?

— Получить назад то, что, как они заявили, было у них украдено. Хотели, чтобы я вернул все: чертежи, модель... И забыл обо всем. Без гроша компенсации. Едва я заикнулся о деньгах, их главный сказал, что сохранение мне жизни будет лучшей компенсацией. Видели бы вы его и слышали... Он не ругался, не повышал голоса, изъяснялся тихо, вежливо, можно сказать, культурно... Это-то больше всего и пугало. Я знаю жизнь, до седых волос дожил. Такие, если обещают, непременно прирежут...

— Интересно... — произнес Сварог. — Вы по-прежнему говорите чистейшую правду... Как по-вашему, это были людьи?

— А кто же еще? — фыркнул Тагарон.

— Самые разные создания могут замаскироваться под человека...

— Простите, не учен опознавать таких с о з д а н и й. Магией не владею нисколечко. Они выглядели в точности как люди, они держались и говорили, как доподлинные люди, у одного в ноздрях росли волосинки, у второго на ладони был старый шрам, от двух припахивало так, словно они пару недель не меняли белье и чулки. Натуральнейшие люди... скоты! — яростно фыркнул Тагарон. — Один приставил мне нож к горлу, а остальные обыскали дом. И ничего, конечно, не нашли. Я давно уже к тому

времени снял у одного разорившегося токаря его мастерскую, на другом конце города, там и держал все, там и работал. Они явно не успели еще ее проследить. И потому предъявили мне незатейливый ультиматум: двое суток на раздумье, а потом либо я добровольно отдаю им все, либо они «найдут возможность» узнать от меня, где все спрятано, только в этом случае мне уже не жить... — он вновь передернулся. — И они бы сумели, я назавтра решил потолковать с Кердином — и узнал, что его нашли... как и мы его нашли...

— И они, конечно же, предупредили, чтобы вы не вздумали соваться в полицию, иначе...

— Ну да, — сказал Тагарон. — Они и тут не шутили, я уверен. С того момента, как они ко мне заявились, слежка началась постоянная.

— Так... — сказал Сварог. — А потом они признались, что прибыли из Горрота? И предложили уже деньги, если вы с ними отправитесь? Или все было как-то иначе.

— Иначе. Где-то к полудню второго дня... Я бродил по городу, шел, куда глаза глядят, думал, как выкрутиться, но не мог ничего придумать... Была мысль сдаться тайной полиции, ничего другого просто в голову не приходило... Это было на окраине... Меня догнала карета, оттуда вдруг выскочили, закинули внутрь, карета помчалась... Те двое, что за мной таскались, были пешие, они тут же отстали... И вот этот, главный в карете, был уже горротец. Он сказал, что наслышан о моем аппарате. И о моих... осложнениях. Предложил убежище, работу под высоким покровительством, весьма приличное жалованье... Я, честно скажу, долго и не колебался. А что мне оставалось делать? — воскликнул он с вызовом. — Либо потерять все, либо лишиться жизни... Вот не будете ли так любезны сказать, ваше величество, как вы поступили бы на моем месте? Окажите такую честь...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Если откровенно — даже и не знаю. Вполне возможно, будь я вами, окажись на вашем месте, я бы тоже принял предложение...

— Тогда почему же вы смотрите на меня, как на червяка какого-то?

— Да бросьте, — сказал Сварог. — Я на вас смотрю, как на человека из вражеских рядов, а это нечто другое... Значит, вы приняли предложение...

— Принял. Конечно, и эти могли, заполучив аппарат, всадить мне нож под ребро и оставить валяться в той мастерской, но в такой оборот я особенно не верил. Этот человек, что говорил со мной... Очень умный и циничный человек, знаете ли. Он сказал честно: гораздо практичнее меня не убивать, а взять на службу. Я как-никак давно работал и с чертежами, и с движителем, дешевле обойдется платить мне деньги, пусть даже немаленькие, чем их людям начинать работу с нуля. К тому же я могу оказаться полезен им как механик. Вот такая логика звучала очень убедительно. Я назвал им место, мы поехали туда, и уже через полтора часа со всей поклажей сидели на горротском корабле. Документы для меня у них были отличные... Вот так я и попал в Горрот.

— Четыре года назад, насколько я знаю... — задумчиво подытожил Сварог. — Ну, рассказывайте, как вам там жилось...

Как выяснилось, и жилось в Горроте Тагарону сътно, но скучновато. Обещанное немаленькое жалованье ему платили исправно, но засадили практически под арест, увезли куда-то в глушь, в какое-то старинное запущенное поместье на берегу Итела. Там было обширное подземелье, а в подземелье — огромный бассейн, наполнявшийся водой из реки по подземному туннелю. Там Тагарон и работал над лодкой — со строжайшим запретом выходить из здания, даже на балконы или идущую вдоль первого этажа открытую галерею. (Ну да, все понятно, боялись, чтобы Тагарона там не засекли наблюдатели ларов). Кормили отлично, «служанок» привезли сразу двух, так что все бы неплохо, но — тюрьма тюрьмой...

Работа шла туго. Ну, не то чтобы туго, просто — страшно медленно. Тагарон обнаружил, что построить настоящую подводную лодку оказалось гораздо более трудным делом, нежели ему представлялось поначалу. У него были только движитель, модель и идея. На практике пришлось ломать голову над разнообразными деталями: герметич-

ность, приспособления для дыхания, надежная передача от движителя на винт, система правления... Почти всего этого раньше попросту не существовало, взять чертежи было негде — и Тагарону впервые в жизни пришлось по-настоящему и з о б р е т а ть. У него, в общем, получалось, но опять-таки страшно медленно. За эти два года в бассейне пошли на дно или разбились о стены восемь опытных экземпляров, да вдобавок погибла пара человек из obsługi. Некий полковник Фалькас (по мнению Тагарона, не из разведки, а военный моряк), самый главный там, в поместье, понемногу терял терпение, начинал уже ругать и покрикивать, грозился отобрать девок и урезать жалованье. Тагарон никак не мог ему втолковать, что работа, в общем, на верном пути, все обязательно получится, вот только экспериментов и опытных образцов потребуется еще немало.

Внезапно, около двух лет назад, все переменилось самым решительным образом. Тагарона вдруг перевезли в местечко не менее глухое, но не в пример более уютное: большое поместье гораздо более современной постройки на берегу обширного, окруженнего горами озера. Там все обстояло совершенно иначе: ему не только не запрещали отныне покидать здание, но даже разрешили гулять по окрестностям, сколько влезет, правда, в сопровождении охранника. Полковника Фалькаса он больше никогда не видел — з д е с ъ всем заправлял некий советник Ноттин из Сословия Совы, полная противоположность тупому солдатфону. Кормить стали еще лучше, а что до девок, то новые оказались еще краше. Но главная перемена заключалась в том, что лодки теперь стали испытывать, практически не таясь, под открытым небом, прямо на озере, на мелководье.

А вскоре появился граф — и стал наведываться часто. Амель, граф Брашеро. Он так никогда и не назвал своей должности, но, судя по тому, как все здесь, включая Ноттина, перед ним на цыпочках ходили, пост занимал немаленький. Ознакомился с трудами Тагарона (причем, по мнению мэтра, держался, как человек понимающий), за проволочки не ругал, говорил, что все понимает и даже подбросил парочку недурственных идей, ускоривших работу.

После первого же приезда графа закипела работа, уже не имевшая отношения к Тагарону. Прибывали целые караваны тяжело груженых повозок, приезжали новые люди, в многочисленных конюшнях, флигелях и прочих постройках поместья было устроено несколько мастерских и лабораторий. Чем занимались там, Тагарон представления не имел: советник Ноттин настрого запретил ему разговаривать с новоприбывшими об их работе (уточнив, что и они получили те же указания касаемо Тагарона). Собственно говоря, то, что это были мастерские и лаборатории, Тагарон в *ы ч и с л и л* самостоятельно: от одних зданий на всю округу иногда несло мерзкими химическими запахами и из труб валили разноцветные дымы, из других постоянно доносились какие-то механические шумы, а в одном из флигелей однажды случился взрыв с пожаром. Тагарон оказался единственным, чье творение пребывало, так сказать, на вольном воздухе — все остальные трудились за закрытыми дверями.

— Дальше... — протянул Тагарон. — Дальше, собственно, и не было ничего особо интересного. Лодка в конце концов *п о л у ч и л а с ь*, ее долго испытывали на озере, потом разобрали, перевезли на берег моря, в какой-то уединенный поселок, собирали тщательно, еще две недели испытывали в море, потом погрузили на «Радугу», и она отправилась к Хай Грону.

— Ну, а дальше... Вы все прекрасно знаете, — пожал плечами Тагарон.

Сварога чертовски заинтересовал этот граф, несомненно, руководивший в Горроте разработкой крайне интересных вещичек. Вряд ли в тех мастерских и лабораториях шла работа над чем-то *о б ы ч н ы м*, скорее уж тамошние мастера были под стать Тагарону.

Он постарался выжать из Тагарона все подробности, какие тот мог вспомнить. Человек лет сорока с небольшим, держится уверенно и властно, на высокочку или *м е л о ч ь* ничуть не похож, безукоризненно вежлив в обращении, но ощущается, что в любой миг, не моргнув глазом и не терзаясь угрызениями совести, может приказать повесить всех на воротах. Безусловно, образован и не

чужд наукам. Да уж, не мелкая рыбешка... Вот именно, подумал Сварог, около двух лет назад. Именно эта фраза в последнее время частенько звучит в сочетании со всевозможными загадочными событиями, так и не получившими пока объяснения. Около двух лет назад вдруг обнаружилось, что наблюдательная аппаратура бесполезна в Горроте, и никто до сих пор не прояснил, почему. Около двух лет назад со Стакором определенно произошли некие перемены, он разогнал практически всех, кто был к нему прежде близок и окружил себя новыми людьми. Около двух лет назад как начали пропадать бесследно направляемые в Горрот разведчики остальных держав, так и пропадают доныне (да вдобавок можно вспомнить историю с золотым человеком). Около двух лет назад подводную лодку Тагарона вытащили из подземелья и самым беззастенчивым образом принялись испытывать под открытым небом — так могли поступить лишь те, кто прекрасно знал, что наблюдений отныне можно не опасаться, как и агентов противника. Черт бы их всех побрал, что же там все-таки происходит?

— И это все, что вы можете рассказать о графе?

— Да.

Сварог нехорошо усмехнулся:

— А вот теперь вы, любезный мой, врете. И никакой ошибки быть не может, — Сварог подпustил металла в голос. — Ну?

— По-моему, он... лар.

— Почему вы так решили? — резко, не давая передышки спросил Сварог.

— Я однажды чисто случайно оказался свидетелем... Он меня не видел, я был в дверях... Граф стоял возле полки, и оттуда обрушилась стоявшая на самом краешке бронзовая ваза — кажется, он задел полку локтем, а она была шаткая... Я прекрасно видел: ваза летела ему точнехонько на макушку, обычному человеку она должна была проломить череп...

— Ну? И что?

— В самый последний миг она отлетела в сторону, словно отброшенная какой-то неведомой силой, — сказал Та-

гарон, понизив голос и вжав голову в плечи. — Отлетела, загрохотала по полу, граф, конечно, повернулся в ту сторону, а я побыстрее убрался, пока он меня не заметил... Насколько я знаю, именно так и обстоит с благородными ларами, которых не может поразить ни один летящий предмет, неважно, пущен ли он человеческой рукой, или это произошло от естественных причин...

— Правильно, — медленно произнес Сварог. — Именно так и обстоит...

— И тогда я окончательно перестал что-либо понимать! — визгливо, прямо-таки по-бабы воскликнул Тагарон. — Еще и лар вдобавок ко всему!... Я никогда не собирался впутываться во всякие интриги и тайны! Я просто хотел жить хорошо...

— Успокойтесь вы, — сказал Сварог, вставая. — Будете жить. Очень может быть, и с девками...

Потеряв пока что всякий интерес к своему пленнику, не оглядываясь на него и уж тем более не прощаясь, вышел за дверь. Сыскарь вопросительно придинулся.

— В тюрьму его, — сказал Сварог равнодушно. — Все равно, в какую, лишь бы сидел надежно, «секретным арестантом»...

Отвернулся и неторопливо направился к выходу. Ломать голову не следовало — версия имелась давным-давно. Он вспомнил Равену, дом с высоким крыльцом, погруженную во мрак комнату. Вспомнил человека, чья плоть и кровь медленно, но неотвратимо превращались в золото. Вновь услышал глухой, бесстрастный голос лорда Раутара:

— Когда доберетесь, передайте Гаудину, что у Стахора в Горроте — Ледяной Доктор. Запомнили? Ледяной Доктор...

Ледяной Доктор. Безсловный лар. Гениальный полубезумный экспериментатор, не обремененный в своих жутковатых научных забавах хотя бы каплей морали и этики. Гаудин уверял, что собственными глазами видел труп Доктора, убитого при погоне, которую самолично возглавлял. Но если вспомнить, что Гаудин не раз ошибался...

Мрачнее тучи, он сбежал по ступенькам, выхватил поводья у Баруты, взмыл в седло. Замурзанный сторож едва успел распахнуть створку ворот, Сварог помчался по улице галопом, слыша сзади стук копыт ратагайских коней. Прохожие привычно шарахались, подковы взметали грязь.

Ледяной Доктор — даже если это и он — мог подождать. Все на свете могло подождать. Самым важным сейчас было зеркало, висевшее в пустом домике — зеркало, в которое можно рассмотреть вблизи Багряную Звезду, Чертову Мельницу...

Глава XII

ТЯФ! ТЯФ! ТЯФ!

Из-за специфики городка и гостеприимство местное было специфическое: вместо вина бургомистр выставил на стол дюжины две графинов с наливками и настойками — на всевозможных ягодах и фруктах. И усиленно потчевал. Сварог не особенно и отказывался, отдавая должное всему подряд: все равно у него в кармане лежала склянка с отрезвляющим зельем.

Бургомистр был маленький, толстенький, с лицом, сразу выдававшим большое пристрастие к главной отрасли городского производства, — и человеком большого ума, а также хитрости никак не выглядел.

— Сказать по правде, почтенный Торма, я рад, что наконец-то нашелся хороший покупатель на все, что слишком долго не могло найти хозяина, — тараторил он, откупоривая новые бутыли. — Вы ведь, я так понимаю, намерены перебраться к нам на жительство?

— Вот именно, — сказал Сварог.

— Это хорошо, — кивнул бургомистр. — Новые владельцы недвижимости — это новые плательщики налогов, хе-хе. И потом, человек с капиталами будет весьма полезен. Вы уж простите, что я так меркантильно, да что поделаешь, должность такая...

— Ничего, — сказал Сварог. — Я сам человек меркантильный, как всякий купец.

— И не просто купец... О, вот и вы, наконец, Сувайн! А я уж начал гадать, куда вы запропастились... Знакомьтесь: почтенный Торма Трай, купец из Равены. А это господин Сувайн, наш управитель канцелярии. Наш, так сказать, первый министр, да простится мне за столь фривольное сравнение...

Сварог молча поклонился. Здешний первый министр, не церемонясь, подсел к столу. «Интересные дела», — подумал Сварог. Он вспомнил фразу из какого-то земного детектива: «Он мне показался чересчур сильной личностью, чтобы сидеть в крохотной таксомоторной фирме».

Действительно, этот самый Сувайн казался слишком сильной личностью для того, чтобы заправлять канцелярией захолустного городишко. Мужественное лицо с резкими чертами и сильным подбородком — ему бы больше подошел офицерский бадагар, а то и придворный мундир. Однако, судя по платью, самый обычный чиновник. Ну, мало ли по каким причинам умные и волевые люди застrevают в глухи — тут и отсутствие протекции, и какие-нибудь провинности, наконец, просто случая не подвернулось...

Судя по последней фразе бургомистра, прерванной приходом Сувайна, наступало время неизбежных вопросов. Сварог к ним приготовился заранее, потому что прекрасно понимал свое положение. Когда преуспевающий столичный негоциант скапает недвижимость в глухи, это само по себе вызовет вопросы. Но когда вдобавок негоциант этот с оравой приказчиков прилетает на самолете, который здесь видели впервые в жизни...

Но что поделать, не было у Сварога времени тащиться сухопутьем или плыть по Ителу...

— Похоже, что вы — купец не из мелких, почтенный Торма, — продолжал бургомистр прерванные речи. — Не абы как к нам заявились, а на самолете прилетели. В жизни бы не подумал, что однажды придется самолично лицезреть это чудо техники. Полгорода до сих пор торчит там, на пустыре, глазеет вовсю. Я-то слышал, самолеты предназначены только для военных целей...

— Так и было до последнего времени, — сказал Сварог без малейшей запинки. — Однако обстановка изме-

нилась, сами понимаете... И самым решительным образом.

Он покосился на свой собственный парадный портрет, висевший на почетном месте. Терпеть не мог эти портреты: короля полагалось изображать величественным, напыщенным, чванным, одетым в геральдическую мантию, усыпаным парой килограммов самоцветов, в короне, со скипетром... Разумеется, сейчас его не могла бы опознать ни одна живая душа: конечно же, заклинание, напрочь изменившее внешний облик...

— Войн теперь станет гораздо меньше, — продолжал Сварог уверенно. Не может же король допустить, чтобы воевали меж собой подвластные ему державы...

— Да уж конечно! — подхватил бургомистр. — Такие вещи мы понимаем и тут, в глухи. Это как если бы разные концы нашего городка вздумали вдруг воевать по всем правилам...

Сварог безмятежно продолжал:

— В окружении короля нашлись умные люди, посоветовавшие, чтобы самолеты не простоявали, найти им мирное применение. Скажем, перевозить особо скоропортящиеся товары, сдавать внаем тем, кто по своим надобностям хочет путешествовать особенно быстро...

— Дельная мысль, — закивал бургомистр. — Умнейшие, должно быть, люди... Вот взять иную ягоду: далеко ее не повезешь, быстро портится, а ведь где-нибудь подалее отсюда можно взять не в пример лучшую цену... Вы согласны, Сувайн?

— Безусловно, — веско промолвил управитель. — Лично я не отказался бы от десятка самолетов в личном владении. Для иных торговых операций — вещь незаменимая.

— Увы, до этого еще не дошло, хотя когда-нибудь непременно дойдет, пожалуй, — сказал Сварог. — Но уже сегодня можно нанять самолет для деловой поездки.

— Недешевое, должно быть, удовольствие... — протянул бургомистр с нешуточным уважением на лице.

— Не из дешевых, — согласился Сварог. — Но вы же деловые люди, господа, знаете, что бывают случаи, когда никаких расходов не жаль...

— Уж это точно, — закивал бургомистр. — Сэконоимишь грошик — потеряешь аурей... — он постарался придать своей простецкой физиономии выражение дипломатической хитрости, что вышло не особенно и удачно.

Сварог понял, каков будет следующий вопрос — ну, он и к нему был готов...

Бургомистр осторожно начал:

— Почтенный Торма, люди везде любопытны, а уж в нашей глупши, где приезд всякого свежего человека — целое событие... Если не секрет, что в наши края привело преуспевающего столичного купца? Да вдобавок не пожалевшего денег на наем самолета? Сплошь и рядом всевозможные банкроты, скорбно подсчитав остаток капиталов, перебираются в глухую провинцию, чтобы вести скромную жизнь... Но вы на банкрота ничуть не похожи. И на человека, попавшего в немилость — тоже...

— Ко-е-ка-и-е секреты тут есть, — усмехнулся Сварог. — Я их вам расскажу, если пообещаете хранить все в тайне до поры до времени. Тем более чем немаленькие выгоды ждут в сех...

Высшие сановники переглянулись.

— Клянусь чем угодно! — воскликнул бургомистр. — Клянусь Хорсом, здоровьем жены и деток, нынешним урожаем... Сувайн?

— Клянусь чем угодно, — кратко ответил управитель.

— Только помните, господа, — внушительно сказал Сварог. — Все, что я вам расскажу, пока еще кое в чем остается государственной тайной, и если станет известно, что я распустил язык, мне несдобровать... и не только мне...

— Это понятно, — кивнул Сувайн. — Будьте уверены, ни словечко из этой комнаты не просочится.

— Чтоб меня гром разразил на этом самом месте! — пылко воскликнул бургомистр. — Чтоб у меня зеленая плодожорка сады поела под самый корень...

— Ну так вот... — неспешно, внушительно начал Сварог. — Ни для кого не секрет, что дела у нас с Горротом плохи. Собственно говоря, они всегда были плохи, но теперь — особенно. Поэтому уже принято решение полностью закрыть большой тракт на Горрот. Отменить его,

если можно так выразиться. Новый тракт будет вести в Глан. Бряд ли стоит показывать маршрут подробно, скажу лишь главное: он пройдет всего в полулиге полуночнее вашего городка. Объяснения, надеюсь, не нужны?

Челюсть бургомистра форменным образом отвалилась. Выражение его простецкой физиономии было неподражаемым. Сувайн держался гораздо спокойнее, но и его никак нельзя было назвать невозмутимым.

— Пресвятые небеса! — возопил бургомистр, едва обретя способность говорить. — Да это же то, о чем мы всегда мечтали, начиная с дедов-прадедов — близости к Большому Тракту! Это же... Это же...

— Несравнимая с прежней выгода, — склонил голову Сувайн. — Вот оно в чем дело, почтенный Торма... Вы заранее узнали об этом решении и решили извлечь из этого некоторую прибыль?

— Да конечно же! — восхликал бургомистр. — Теперь понятен характер ваших покупок. Дом, где можно устроить контору, таверна — ну, само по себе понятно... немалый кусок земли, где нетрудно завести мастерские по переработке фруктов и ягоды — варить варенья и желе, готовить наливки... А покупатель — вот он! К нему не придется ехать за двадцать лиг на губернскую ярмарку, он сам будет валом валить в обе стороны всего-то в полулиге... — его лицо приняло по-настоящему хитрое выражение. — А ведь в городе еще немало земель и строений, ценных именно с этой точки зрения, так что оборотистому человеку... — он заговорил вкрадчиво. — Однако, почтенный Торма, жизнь в маленьких городках, так уж истари повелось, течет не только по законам, но и по обычаям, так уж от прадедов...

— Да, конечно, — кивнул Сварог.

— Если вы понимаете эти тонкости...

— Прекрасно понимаю, — сказал Сварог. — Не новичок в купеческом деле. И я, и мои компании заранее предвидели, что для пущего успеха дела следует создать здесь, на месте, новый торговый дом и принять в него пайщиками людей... превосходно знающих местные проблемы и оттого способных оказаться крайне полезными... Вы согласны с такой идеей?

— Ну конечно же! — вскричал бургомистр, не сделав паузы ни на миг. — Великолепная идея!

— Вот только, я думаю, не стоит умножать сверх необходимости число пайщиков, — сказал Сварог с тонкой улыбкой. — Не ограничиться ли нам здесь присутствующими? Или у вас будут возражения?

— Никоим образом, — сказал Сувайн. — Больше пайщиков — меньше доходов...

— Никоим образом! — ликующе подхватил бургомистр. — Уж не засесть ли нам прямо сейчас за составление планов, господа?

— Если не возражаете, я бы присоединился чуть погодя, — сказал Сварог. — Нужно же наконец взглянуть на все, что наш приказчик здесь купил... А вы пока что, господа, можете обдумать эту идею.

Как он и рассчитывал, оба не стали набиваться ему в провожатые — бургомистр, пылая жаждой наживы, потащил из стола чистые листы бумаги. Чтобы соблюсти видимость вежливости, он спросил:

— Я надеюсь, вам не нужен провожатый?

— К чему? — пожал плечами Сварог. — Со мной приехали двое приказчиков, они наверняка успели уже все осмотреть — шустрые парни. И уж, конечно, проводят...

На лестнице он хлебнул отрезвляющего зелья из склянки, посмотрел на часы. Светское общение с местными властями отняло едва ли не два часа, но по-иному, увы, здесь и не получилось бы. Это в крупном городе, привыкшем к превеликому множеству заезжих купцов (а то и к самолетам) престорожно можно, не привлекая ничьего внимания, сходу отправиться к нужному дому хоть целой дюжиной. Но здесь, где на каждого приезжего оборачивается вся улица... Да вдобавок прилетев на самолете...

Едва он сделал несколько шагов от крохотной ратуши, как из корчмы неподалеку моментально появились, направились к нему двое, в которых любой за версту признал бы приказчиков — понятия не имея, что угодил пальцем в небо...

— И что там? — спросил Сварог.

Оба двигались следом, почтительно приотстав на полшага, как и полагается сопровождающим патрона вымуштрованным приказчикам.

— Домишко простоял пустым полгода, ваша милость. Наследников не нашлось, он и перешел к городу как выморочное имущество.

— Владелец?

— Какой-то старый дворянин. Лет пять назад перебрался сюда из главного города провинции, когда совсем промотался и издержался. А здесь жизнь дешевая.

— Что о нем здесь говорят?

— Ничего интересного, ваша милость. Старикашка был чваный, ни с кем практически не общался — ну и ему, естественно, никто не навязывался. Даже в здешние питейные заведения заходить считал ниже своего достоинства. Вино и пиво заказывал домой. Слуг по причине бедности не держал — кухарка и та была приходящая. Сидел дома сиднем...

— Вообще-то этакое затворничество может иметь и другие причины, кроме чванства и бедности...

— Понимаю, ваша милость, — кивнул сыскарь. — Нет, ровным счетом ничего та к о г о . Уж если бы после его смерти в доме нашли хоть что-то н е о б ы ч н о е , обязательно рассказали бы — такое тут год обсуждали бы... Нет, ничего такого. Обычные убогие пожитки разорившегося дворянина, вынужденного прозябать в глупи. Там, конечно, может оказаться и тайник — кто бы здесь вздумал искать тайники, местным и в голову не придет...

— Пожалуй, — сказал Сварог. — А что стало с пожитками?

— Мебель всю оставили, как стояла. Одежонку в большом городе раздали бы нищим, а посуду и прочие мелочи отправили к старьевщику, но в этой дыре нет ни нищих, ни старьевщиков. Так что все попросту сложили в мешок, запечатали казенной печатью и упрятали в подвал ратуши — вдруг будущему покупателю что-то оттуда да понадобится.

Ничего необычного в доме, повторил про себя Сварог. Действительно кому (неважно, здесь или в столице)

покажется необычным самое обыкновенное зеркало на стене...

— Интересно, почему дом простоял непроданным целых полгода? — сказал он, размышляя вслух. — Не бояться какие деньги за него, судя по купчей, получили, но для здешней казны и это — прибыток..

— А я местным с дурацким видом задал этот вопрос, ваша милость, — усмехнулся сыскарь. — Растолковали подробно. Местная специфика, понимаете ли. Здешних в первую очередь интересует не дом, а сад и земля, пригодная под огороды. Вот с этим как раз обстояло не лучшим образом. Сад небольшой, да вдобавок хозяин его запустил совершенно: благородному дворянину, известно, в позор заниматься садоводством. У себя в поместье — другое дело, но домишко-то не попадает в категорию поместья или имения. А кусочек земли, что годится под огород, запрос бурьяном в человеческий рост. Изгорбатишься, пока приведешь его в божеский вид. Местные говорят, рано или поздно кто-нибудь обязательно приобрел бы, цена ведь небольшая — но только после уборки урожая или как там это у огородников называется — когда будут и время, и рабочие руки, чтобы расчистить все как следует...

Они неторопливо шагали по широкой пыльной улице. Более всего городишко походил на деревню: дома разбросаны далеко друг от друга, повсюду огромные сады и далеко протянувшиеся огороды. Уютное местечко, если подумать... вот только как здесь оказалось это зеркало? А впрочем, именно в таких местах возможны самые неожиданные находки; войны проходят стороной, мятежей лет сто не случалось, мало ли что могло сохраниться бог знает с каких времен...

— Пришли, ваша милость.

Ветхий покосившийся забор, накренившаяся калитка... Домик в два этажа стоял посреди сада, и в самом деле пребывавшего в жутком запустении: землю устилает толстый слой накопившейся за несколько лет жухлой листвы, сорняки произрастают буйным цветом, а справа, и действительно, тянутся заросли бурьяна высотой в человеческий рост.

Сварог присмотрелся к убогому балконишке, издали понятно, выглядевшему инородным телом: ну конечно, этот чваный старикашка не забыл осуществить дворянское право на балкон. Денег вот только не было, и балкон получился размером с трактирный столик...

Один из сыскарей распахнул перед Сварогом отчаянно заскрипевшую калитку, и они направились к дому по прямой заросшей тропинке. Окна такие пыльные, что и не рассмотреть внутренности дома. Деревянное крыльцо поскрипывало и даже пошатывалось.

— Отпирайте, — распорядился Сварог.

Сыскарь достал связку ключей, найденных среди других вещей покойного Пешера. Рассуждая логически, вместе с купчей Пешер обязательно прихватил бы и ключи от дома, так что который-нибудь должен и подойти...

Подошел третий.

— Ну, ребятки, смотрим в оба, — сказал Сварог. — Мало ли что...

Низкая дверь распахнулась с жутким скрипом, в нос моментально ударили запах пыли, старого хлама и запустения. Из-под их ног в дальний угол юркнула серая домашняя мышь, не особенно даже и торопясь — интересно, почему она не сбежала из дома, где вот уже с полгода не съешьши ни крошки съестного?

Ах, вот оно что... В комнате, где они вошли, в углу лежала аккуратно свернутая холстина, вовсе не выглядевшая пыльной. Рядом стояла парочка пустых бутылок, выглядевших так, словно их сюда принесли всего-то пару дней назад. Тут же валялся кулек с зиявшей в нем дырой, проделанной явно мышиными зубками. Ну да, конечно. Местная молодежь, надо полагать, очень быстро додумалась использовать пустующий дом для амурных дел: выпивка, закуска, холстинное ложе любви...

Интересно, как они сюда забираются? А что тут думать...

Сварог подошел к выходившему на задворки, в запущенный сад, окну, присмотрелся, потрогал створки. На подоконнике — ни следа пыли, створки не запреты на массивные кованые шпингалеты, а лишь притворены.

Распахнув их, Сварог высунулся в сад: ага, под окном даже для удобства чурбак положили.

Так и оставив окно распахнутым, обернулся.

На противоположной стене он увидел зеркало — овальной формы, высотой в половину человеческого роста, в массивной, с претензиями на вычурность, раме. Монументальное изделие, сразу видно, крайне почтенного возраста. Что же, вот оно? Или...

— Быстроенько обойдите весь дом, — приказал он. — И чердак тоже. Посмотрите, есть ли здесь еще зеркала, кроме вот этого...

Оба направились к выходу с ретивым равнодушием людей, привыкших получать самые неожиданные приказы и исполнять их без размышлений. Оставшись один, Сварог подошел к зеркалу вплотную.

Да, оно было старое, очень старое: по краям разрушилась амальгама, оставив причудливые разводы, деревянная рама источена шашелем. Как ни разглядывай, ничего необычного в нем не усмотришь. Оно исправно отражало комнату, а также Сварога — как это за зеркалам водится, в его истинном облике, а не «личине».

Он так и стоял, когда вернулись сыскари, и старший доложил:

— Нигде, ваша милость, ни одного зеркала, ни висячего, ни ручного. Мы уж и в сундуки заглянули...

— Ну что же... — сказал Сварог, охваченный нешуточным воодушевлением с тревогой вперемешку. — Идите и караульте в прихожей. Никого не пускать, без моего приказа сюда не входить.

Они вышли, опять-таки без малейшего удивления. Нетерпеливо придинувшись к зеркалу еще ближе, почки касаясь лбом прохладного стекла, он отметил, что зеркало вытерто начисто, ни единой пылинки: ну конечно, любая представительница женского пола, оказавшаяся здесь с кавалером не упустит случая, обнаружив зеркало, перед ним повернуться...

Медленно, раздельно, внятно он начал:

— Абаукирате кане ойтэ, абаукирате кане сабе...

Заклинание он выучил наизусть и говорил без малейшей запинки, не опасаясь ничего напутать.

— …киратумане сай!!!

Зеркало вдруг потемнело, как кусок угля, раздалось что-то вроде короткого зловещего хохота — и в лицо Сварогу ударил вихрь словно бы ледяного крошева, ослепил, отшвырнул назад, он растянулся на полу...

Что-то непонятное, странное, дикое с ним происходило.

Тело пронизали судороги, его тряслось, словно ухватился за провод под током, болезненные корчи как-то странно согнули, прекрасно сидевшая на нем, по меркне сшитая купеческая одежда вдруг словно бы стала огромным бесформенным мешком, спеленавшим, как младенца. Он бился и корчился, пытаясь выпутаться, решив, что теперь уже не до секретности — что-то явно пошло не так! — громко закричал, зовя сыскарей.

И вместо человеческого голоса в комнате раздался заливистый, жалобный собачий лай.

От неожиданности Сварог забился еще яростнее — и наконец освободился от спутывавшей его ткани. Вскочили...

Но тут же упал на четвереньки, на руки... нет, на покрытые темно-рыжей шерстью собачьи лапы. Хотел поднять руку — и поднялась собачья лапа, и пришлось тут же на нее опереться, чтобы не потерять равновесие.

Несколько мгновений он разглядывал себя — живот, ноги, лапы, оглянулся за спину — и увидел кудлатый темно-рыжий хвост. Закричал, то ли от удивления, то ли от страха — и вновь вместо человеческой речи прозвучал собачий визг.

Это он сам и был...

Он стал собакой. Самой натуральной. Темно-рыжий пес стоял над клочьями разодранной одежды, лапы подгибались и дрожали, откуда-то из глубин сознания наплывало самое настоящее безумие. Это была доподлинная реальность. Это именно с ним произошло наяву. Король Сварог Барг теперь был собакой.

Окружающий мир в чем-то резко изменился. Запахи, удесятеряясь в силе, хлынули в нос, теперь он точно знал, что в разорванном мышкой кульке было яблоко и печенье, что запах вина из пустых бутылок носит явственный

грушевый привкус. Запахи накатили волной, затопили, полмира теперь состояло из запахов

И слух стал гораздо... нельзя описать, слова не подворачиваются. Сильнее, мощнее... Одним словом, и слух, как возможность чуять запахи, удесятерился в силе. Он отчетливо слышал теперь отчаянную возню в прихожей, чей-то болезненный вскрик, падение тела, яростное пыхтение борющихся, отчаянную возню, протяжный не то стон, не то всхлип, чей-то повелительный голос:

— Кончайте его!

В следующий миг дверь распахнулась, и ворвался не кто иной, как управитель городской канцелярии, господин Сувайн, с пистолетом в одной руке и скрамасаксом* в другой. Сейчас его волевое, решительное лицо было лицом убийцы.

Он выпалил с порога. Сварог не успел шарахнуться в сторону, но и боли не почувствовал. На миг лицо Сувайна исказилось от удивления, но он тут же опомнился, оскалясь, ринулся вперед, умело и ловко занося скрамасакс для страшного удара, а следом за ним, толкаясь, застrevая в дверях, мешая друг другу, ломились какие-то молодчики, вооруженные до зубов...

Все происходящее Сварог видел теперь в совершенно другом ракурсе — с высоты пусть и крупного, но пса, то есть где-то на уровне человеческого пояса. Он ничего не понимал и не пытался понимать. Некогда было. Совершенно ясно, что его люди убиты, а сейчас примутся убивать и его самого, совершенно беззащитного перед дюжиной клинков...

Работало не сознание, а инстинкты. Быть может, даже не человеческие, а собачьи. Неумело развернувшись, скребнув когтями по трухлявым половицам (еще несколько выстрелов сзади!) он метнулся к окну, оттолкнулся задними лапами и выпрыгнул.

Форменным образом взывая от боли — он удалился передними лапами и мордой о тот самый чурбан под окном. Поднялся на ноги и, ведомый тем же инстинктом, припустил вглубь заброшенного сада.

* Скрамасакс — боевой нож с односторонней заточкой. — Прим. ред.

За спиной раздавались выстрелы и крики, потом выстрелы прекратились, раздался крик управлятеля:

— За ним! В погоню! Идиоты!

Нечеловеческий вопль — ага, похоже, кто-то повторил неудачу Сварога, приземлившись прямо на чурбан, но с гораздо более печальными результатами: если и не сломал ногу, то вывихнул точно. Он так и орал, не переставая.

Сварог бежал — и как-то так это у него ловко выходило, как у настоящей собаки, словно давненько умел бегать на лапах. Ветки кустарника выдирали клочья шерсти, высокая жесткая трава хлестала по морде.

Он понемногу замедлил бег, а там и вовсе остановился. Вновь заработали инстинкты — правда, при определенном участии человеческого ума...

То, что с ним произошло, было жутким, непонятным и страшным, но с е й ч а с не время пытаться хоть что-то осмыслить. Сейчас следовало решить одну-единственную насущнейшую задачу: оторваться от погони. Найти укрытие, безопасное место, где можно будет относительно — относительно, конечно! — спокойно все обдумать. Если поддастся панике и в самом деле превратиться в перепуганную насмерть загнанную собаку — конец. Уж коли человеческое сознание никуда не делось, осталось при нем, следует этим бесценным инструментом воспользоваться...

Судя по звукам, его преследователи неслись по пятам так же остервенело, бездумно, напролом, охваченные известным азартом погони. Медленно-медленно ступая, прямо-таки скользя меж кустов, он отошел на десяток уардов вправо, а потом, сделав над собой определенное усилие, двинулся навстречу погоне — но, разумеется, на приличном от нее расстоянии. В горячке погони они не станут оглядываться по сторонам, да и кустарник высок...

И очень быстро настал момент, когда с погоней он разминулся — они, топча и хрустя ветками, пронеслись дальше, а Сварог тихонечко двинулся в противоположном направлении — к дому. Вот именно, к дому. Там его будут искать в последнюю очередь, как-то так исстари подразумевается, что человек — тыфу, уже не человек! — в его положении постарается оказаться как можно даль-

ше от места нападения. Ну, а мы поступим совершенно наоборот...

Оказавшись совсем близко от дома, он старательно принюхался, но не учуял ничего живого. Зато сильно пахло кровью и с в е ж е й смертью. Бедняги, толковые были ребята... Но кто же мог предвидеть...

Сквозь пролом в боковой стенке крылечка он осторожно протиснулся внутрь, забился в самый темный угол. Вообще-то рискованно, получается, что сам загоняешь себя в ловушку — но придется рискнуть. Все его преследователи — самые обычные люди, и не более того. Окажись среди них хоть один н е о б ы ч н ы й, погоня не пронеслась бы мимо, очертя голову, не разминулась бы...

Он лежал в темноте, вывалив язык, тяжело дыша. Теперь, когда пришло спокойствие, он в полной мере осознал, что с ним произошло — и провалился в такой ужас и отчаяние, что едва не взвыл на весь сад. Это было дико, невообразимо, неправильно. Этого не должно быть. И тем не менее...

Сварог подозревал, что довольно долго провалялся в этом оцепенелом отчаянии, тоскливом ужасе, прежде чем стала возвращаться некоторая ясность мыслей. Черт его знает, как оно там обстоит, никогда не интересовался специально, но, не исключено, став собакой, получил и некую толику звериных инстинктов вдобавок к человеческому сознанию. Быть может, они и помогли опомниться быстрее, не валяться, как падаль, содрогаясь в дикой тоске.

Рассуждать нужно быстро, лихорадочно быстро. В нынешнем своем положении выиграть можно, только опережая противника м ы с л ь ю. Потому что другого оружия попросту нет.

Это заговор, конечно. Натуральнейший. Можно, конечно, предположить, что с заклинанием, с самим зеркалом произошла какая-то накладка, и зеркало, вместо того чтобы показать Багряную Звезду, превратило его в собаку... но чтобы именно сейчас, именно в тот же миг ворвался человек, которому по должности надлежит быть мелким, городским чиновником, во главе дюжины вооруженных головорезов, всерьез собрался убить? Т а к и х совпаде-

ний не бывает. Значит, все взаимосвязано. Сувайн знал заранее, что Сварог пойдет в домик с зеркалом, а отсюда проистекает...

Отсюда проистекает, что заговор серьезный, крупный и, не побоимся этого слова, изящный. Коли уж Сварога превратило в собаку то самое заклинание, что было прочитано в донесении покойного Пешера...

Л-ловко, мать вашу за ногу! До чего же ловко! Недюжинного ума человек все придумал, рассчитал и устроил. Труп Пешера со всеми его пожитками — сплошная инсценировка. Ловушка. И донесение, конечно же, фальшивое. Немало людей на земле знало, что королю Сварогу попали в руки несколько донесений агентов покойного Гинкера, и король нашел способ их расшифровать. Кто-то оказался предателем. А кто-то знал, как именно агенты Гинкера шифруют свои донесения. Вот и состряпали поддельное, использовав в качестве наживки главную заботу Сварога — Багряную Звезду.

Тот полицейский сопляк говорил чистейшую правду... Так что это, конечно, не он. Он видел тело, он нашел бляху и донесение — и кто-то умный и хитрый, которому сопляк доверял, подтолкнул его идти к королю, должно быть, выдумав убедительную причину для того, чтобы самому остаться за сценой. Довольно незатейливо, но чертовски эффективно.

Это, конечно, какая-то организация. Ни за что не может один человек, будь он хоть семи пядей во лбу, и убить Пешера, и подготовить реквизит, и устроить так, чтобы убийство произошло как раз в дежурство полицейского сопляка, и мягонько подтолкнуть сопляка, и обеспечить Сварогу здесь самый теплый прием. Какая-то серьезная компания подобралась...

Он насторожил уши: к крыльцу приближались двое, не спеша, спокойными шагами — теперь, в своем новом положении, он легко определял такие детали.

— Выстрелы могут встревожить окрестных жителей... — послышался незнакомый голос.

Ответил Сувайн, с едва уловимой ноткой превосходства:

— Сразу видно, что вы житель больших городов, любезный Одо... Вот-вот вишня начнет окончательно созревать, как всегда, налетят стаи дроздов. Старая садоводческая магия не всегда помогает, да и не каждый ею владеет, так что отпугивать будут выстрелами. Со дня на день в городке начнется жуткая канонада. Если кто-то нас слышал, обязательно решил, что кто-то уже начал...

— Ну, хоть с этим все в порядке, — фыркнул незнакомый Одо. — А вот с главным... Простите великодушно, Сувайн, но винить тут некого, кроме вас.

— Я стрелял в него в упор, уардов с двух, в голову. Я не плохой охотник, знаете ли. И люди у меня стреляют не плохо. Но пули рикошетили каким-то чудом...

— Никакого чуда, — скучным голосом ответил Одо. — Это всего-навсего означает, что лар, даже обращенный в собаку, сохранил свои качества. Ладно. В этом вы не виноваты. И никто не виноват. Я впервые в жизни сталкиваюсь с тем, что в собаку обращают лара. До сих пор речь шла исключительно об обычных людях. Кто же мог предвидеть... Но, в конце концов, это не главное. В основном вы все же оказались не на высоте. Почему окно было открытым?

— Дом пустой, за ним никто не присматривает... — отозвался Сувайн сокрушенно. — Сюда повадились лазить молодые парочки, явно они и оставили...

— Ну вот видите, — сказал Одо с той нехорошей вкрадчивостью, от какой виновного бросает в холодный пот. — Вы об этом прекрасно знали. И не поставили человека под окном. Следовало бы вообще расставить половину людей вокруг дома. Вы, простите, поступили в традициях вульгарной деревенской драки — ворвались всей гурьбой, и он смог уйти...

— Мне раньше не приходилось...

— Следовало попросить совета, — сказал Одо. — Изложить свой план заранее. Но вы были самоуверенны и напористы, твердили, что все подготовлено идеально... — он непрятворно вдохнул. — И я имел глупость вам поверить. Решил, что на вас всецело можно положиться. А вы... Отличаться-то вам хотелось, но вот соображения не хватило...

Сувайн, к некоторому удивлению Сварога, промолчал — должно быть, субординация, объединявшая этих двоих была такова, что Сувайну следовало засунуть оскорбленную гордость подальше...

— Ну ладно, — сказал Одо. — Не будем мелочно препираться. Не до того. Нужно побыстрее обмозговать, что делать дальше. Он сбежал. Это скверно. Но не смертельно. Он — один-одинешенек, к тому же в собачьем облике. Весь окружающий мир видит в нем не более чем собаку. Воду он еще найдет, а вот с едой будет гораздо труднее... Связаться со своими людьми у него нет ни малейшей возможности. Самолет... Крепко сомневаюсь, что собачьи лапы способны управлять самолетом — да и не проберется он туда... Говорить он не может... — Одо неприятно хохотнул. — А если бы и мог, что-то мне не верится, чтобы здешние люди поверили бы псу, утверждающему, что он не кто иной, как король Сварог...

— Собака может писать, — мрачно сказал Сувайн. — Когтем по земле.

— Черт, верно... Ну и что? Представляю себе бесхитростного местного жителя, когда самая обыкновенная собака начнет писать ему на земле, что она, собака эта — король Сварог... К тому же у вас маловато грамотных, я так полагаю?

— Хорошо, если один из пяти-шести.

— Отлично... Вообще, как, по вашему мнению, будут реагировать местные, если пес начнет выцарапывать в пыли послание?

Сувайн немного подумал, потом сказал:

— Подавляющее большинство, я так полагаю, без затей двинет этакому псу по башке поленом или приколет вилами. Народец у нас простой, примитивный, во многих отношениях — типичная деревенщина. Таких вещей принято опасаться — нечисти, чертовщины.

— А меньшинство? — вкрадчиво спросил Одо.

— Меньшинство... Да пожалуй, посадит этакое чудо на цепь покрепче и потащит продемонстрировать эту диковину... — он нехорошо, зло рассмеялся. — Городским властям.

— Так... И с этой стороны обстоит вроде бы неплохо... Ну что же, Сувайн, давайте подумаем... Оттуда, с неба, наблюдения точно не велось — иначе над нами уже висели бы боевые машины высокородных небесных господ...

Сварог мысленно выругал себя на все корки — да, это единственная промашка, которую он допустил. Элкон предлагал повесить постоянное наблюдение, но Сварог, особенно и не раздумывая, самонадеянно решил, что в этом нет нужды...

— Своим ближайшим соратникам он, конечно же, все рассказал, — продолжал Одо. — А соратнички эти, знаете ли — тот еще народ. Вы в жизни не слышали про господина по имени Интагар или рыжую девку с королевским титулом, но поверьте мне на слово: люди опаснейшие. Есть там еще одна милая старушка по имени Грельфи, которую я, будь моя воля, живьем бы изжарил... — его голос дрожал от лютой злобы. — Вот с ней мне приходилось сталкиваться лицом к лицу... Так вот, пройдет какое-то время — и они встревожатся, не получая известий от короля. И вот тогда... Нетрудно поставить себя на их место. Сыскарей сюда нагрянет больше, чем жителей в вашем городишке, и они начнут перетряхивать тут все вверх дном. Да вот, кстати, на их месте я бы еще непременно поднял по тревоге драгунский полк и велел оцепить город так, чтобы мышь не выскользнула. Вполне вероятно, они и это сделают. А уж если с ними сюда припрется Грельфи, чертова бабка быстренько восстановит всю картину прошедшего...

Сувайн сказал неуверенно:

— Зеркало можно уничтожить... Там, в глубине сада, есть заброшенный колодец, довольно глубокий, я как раз собирался сбросить туда трупы... Можно и зеркало заодно. Или разбить, разбросать осколки, раму сжечь... Можно, наконец, сжечь и дом...

Одо сказал, не скрывая издевки:

— Сувайн, уж простите, но в этих вещах вы не разбираетесь абсолютно. Не поможет, могу вас заверить. Она все равно прочтет, что было и как. Сильна, стерва... К чему я клоню? К очень простой истине: они, конечно, встрево-

жатся, но не сразу. Чутье, опыт и знания мне подсказывают, что два-три дня у нас в запасе есть. Быть может, скорее два, чем три — будем пессимистами, это нас подстерегнет... А дальше они всей оравой сядут на самолеты, нагрянут сюда... и, честно признаюсь, я-то смогу ускользнуть, с большой долей вероятности, а вот вам останется только застрелиться. Или зарезаться, повеситься, утопиться — как вам более по вкусу. С собой я вас не возьму — зачем вы нам, проваливший дело? Уж простите за подобную откровенность, но мы с вами играем в крайне серьезные игры. Да, вот именно. Вам останется зарезаться. Потому что король Сварог, возвращенный в прежнее состояние — а это, между прочим, не так уж и трудно совершить людям знающим — чует мое сердце, очень на вас рассердился. Я бы на его месте ух как рассердился. К тому же он и так нрава тяжелого...

— Вы хотели говорить о деле, — бесстрастно сказал Сувайн, с великим трудом, должно быть, переносивший насмешки.

— Ну, извините, отвлекся. Итак... Мне думается, я довольно точно предсказал будущие действия королевских сподвижников. Это не особо и сложно. И, подозреваю, сам Сварог, если только уже способен здраво рассуждать, думает примерно так же. Собственно, его задача — отсидеться эту пару-тройку дней где-нибудь в укромном мечте. А наша задача, соответственно, найти его раньше. У вас есть соображения?

Крайне неуверенным тоном Сувайн протянул:

— Что-то такое в голове крутится... Не могу еще точно сформулировать...

— А вы побыстрее, — с ласковой угрозой посоветовал Одо.

— А что, если так... Все знают, что я заядлый охотник и держу неплохую псарню. Предположим, я за большие деньги выписал из Снольдера гончака редкой породы... но по оплошности перевозчиков он сбежал. Любому, кто поймает его и доставит ко мне, я заплачу десять ауреев золотом... Для наших мест это очень приличные деньги, любезный Одо. Все без исключения городские маль-

чишки будут рыскать по садам и задворкам, да и немало взрослого народа победнее. Нужно только побыстрее распространить это известие по корчмам, среди записных разносчиков сплетен и главных городских болтунов...

— Ну что же... — задумчиво сказал Одо. — В принципе, неплохо... В принципе... Но хотелось бы чего-то более... эффективного...

— Значит, мне начинать...

— Нет, погодите пока, — решительно сказал Одо. — Не будем хвататься за первую же подвернувшуюся идею. Пойдемте к вам, посидим, выпьем чуточку винца, не увлекаясь, и уж там порассуждаем, как следует. У меня тоже уже есть кое-какие идеи, я знаю, кого вызвать на подмогу, правда, это требует какого-то времени... Зато надежнейше... Зовите ваших головорезов, они совершенно зря прочесывают сад. Наш беглец наверняка забился в укромное местечко далеко отсюда. Он слишком ошеломлен, как любой на его месте, но вскорости, Сувайн, он малость опомнится и начнет думать. А мозги у него неплохие.

— Чихал я на его мозги, — мрачно сказал Сувайн.

— А вот это вы зря...

— Ладно, вам виднее, Одо. И все равно, сейчас это не более чем собака. Абсолютно не знающая города, голодная. Трудновато ему будет отыскать укромное местечко, где можно отсидеться пару дней... Прикончу тварь...

— Я на вас полагаюсь, Сувайн, — сказал Одо с едва заметной иронией. — Пока что полагаюсь. Зовите ваших обломов, пусть живенько спустят трупы в этот ваш колодец, и отправимся обсуждать дела, а то вечернеет уже...

Послышался заливистый свист — должно быть, Сувайн. И точно, вскоре затопали дюжины две ног. Судя по звукам, из дома выволокли трупы. Еще через какое-то время настала совершеннейшая тишина, но Сварог все равно еще очень долго лежал, боясь пошевелиться, ожидая какого-нибудь подвоха, хотя и понимал, что это глупо — знай они, что он тут, в двух шагах, забился под крыльцо, без всякого изощренного коварства разломали бы его к чертовой матери, и ему пришел бы конец, потому что пес, даже крупный, просто-напросто не в состоя-

Настроение у него чуточку поднялось — с той самой минуты, как Одо сказал, что вернуть Сварога в прежнее состояние людям знающим не так уж и трудно. Но, в общем и целом, чувствовал он себя премерзко — как любой на его месте. Еще и оттого, что все сильнее хотелось пить, и с темнотой, как ни крути, придется вылезти в поисках какого-нибудь ручейка. О еде пока что стараемся не думать. Подумаем о насущных проблемах бытия...

Кем бы ни был этот загадочный Одо, в каком бы тайном обществе ни состоял (какой-нибудь уцелевший куклос? «Черная благодать»?), он, несомненно, столичная штучка. Речь у него совершенно не похожа на говор Полуденного Ронера — а вот на говор коренного обитателя Равены похожа весьма. Сварог прожил на земле достаточно долго, чтобы разбираться уже в этих вещах.

Он знает Мару, знает Интагара — а со старухой Грельфи даже, тут и сомнений быть не может, вступал в какую-то стычку. Учитывая, что на земле она обосновалась вслед за Сварогом около двух лет назад, и занималась тем, что гоняла главным образом ч е р н ы х — можно сделать кое-какие предварительные выводы, черновые наброски. Очень похоже, это именно ч е р н ы е...

Действительно, все будет выглядеть примерно так, как излагал сообщнику Одо. Улетая сюда, Сварог не оставил никаких четких инструкций и не назначал срока, после которого следует объявлять тревогу — но все примерно так и будет выглядеть. Через день-два — увы, не раньше — его верные сподвижники начнут беспокоиться. Мара, Элкон и Интагар соберутся на совет. Вполне возможно, к тому времени успеет вернуться и Грельфи — она-то как раз не в курсе, но ее непременно позовут как большого специалиста в некоторых делах. Пройдет еще какое-то время — а там они обязательно догадаются: что-то пошло наперекосяк. И в воздух взмоют бомбардировщики, битком набитые специалистами нужного профиля. Вся наблюдательная сеть будет пущена в ход — хотя от н е е - т о мало надежды. Даже если Элкон увидит, как по главной ули-

це городишки толпа головорезов, сжимая кольцо, гонит темно-рыжего пса — откуда он будет знать, что это Сварога убивают?

Игра проста: нужно отсидеться. Вот только где? Здесь оставаться не следует — вдруг Одо (большой мастер ставить себя на место противника, это уже ясно) решит нагрянуть?

Стоп, стоп! Превратившись в собаку, Сварог тем не менее сохранил свойства лара. Пули его по-прежнему не брали... а как обстоит с заклинаниями? Если и они при Свароге остались, проблему питья и еды можно снять моментально.

Он попробовал. Ничего не получилось. Кажется, ясно, почему. Ему давным-давно объяснили: даже когда человек произносит заклинание мысленно, это всегда сопровождается движениями гортани, соответствующими произношению тех или иных слов. Человеческая гортани. Собачья же совершенно не приспособлена для членораздельной речи. Так что — отпадает. Остается только известной степени неуязвимость — но не от вил в бок, не от топора по башке, не от клинка в горло... А пищу и воду придется как-то раздобывать самому, причем с водой, конечно же, гораздо проще...

Только теперь у него появилось время разобраться с правой передней лапой — с самого начала там что-то мешало, вроде бы какой-то посторонний предмет. В стутившейся уже темноте он пустил в ход все доступные в его положении методы исследования: потыкал носом, языком, зубами...

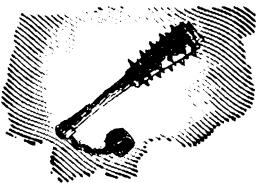
Ага, вот оно что! На среднем пальце так и осталось массивное золотое кольцо, приличествующее солидному купцу — хотя, конечно, без самоцвета, положенного лишь дворянам. Крепко сидело. Нужно постараться и обязательно стянуть его зубами, чтобы не мешало бегать...

Нет! Пришедшая в голову идея была насквозь авантюрной, а то и откровенно рискованной, но попробовать безусловно стоило. О чем-то похожем он с полгода назад читал: делать было нечего, а под руку попался сборник здешних старинных сказок наподобие «Тысячи и одной ночи». Так вот, там в ы г о р е л о...

Вскоре у него появилась еще одна потребность, вовсе уж неотложная — и он, сторожко прислушиваясь, выбрался из-под крыльца. На небе было уже полно звезд, стояла тишина, бурьян покачивался под легоньким ветерком. Матерясь про себя, Сварог задрал лапу на угол крыльца — ну, что поделать, теперь придется только так...

Ну что, пойти поискать воду?

Глава XIII

БЛАГОНАДЕЖНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ И ЧЕСТНЫЙ ПРОДАВЕЦ, ДОВОЛЬНЫЕ ДРУГ ДРУГОМ

Как ни крути, в происходящем имелась толика пусть печального, но юмора.

Хорошенькой получилась прогулка короля королей, владетеля большей части Харума, камергера Небесной Империи и прочая, и прочая — по немощеным пыльным улочкам захолустного городишко, гораздо ближе по многим параметрам стоявшего к деревне. Со смеуху лопнуть можно — не будь все так грустно...

Признаться, Сварог долго набирался смелости, прежде чем утренним временем выйти в город. Ночью было гораздо проще: нашел ручеек неподалеку от дома, напился от пузя и вернулся назад, никем не замеченный. Ночной жизни тут не существовало, разве что несколько раз попадались влюбленные парочки, которых трусящая вдоль заборов и изгородей собака не интересовала вовсе. Одна из парочек очень уж уверенно, очевидно, не в первый раз направилась на зады чертова домика — и Сварог выждал, пока они заберутся внутрь через то самое окно, прежде чем тихонечко забиться под крыльцо.

Однако прошло какое-то время, и он успокоился. Горожане к нему относились, как к пустому месту — да впрочем, сам он именно так и отнесся бы к неспешно бредущему темно-рыжему псу. Находились, правда, любопытные, таращившиеся на него долго: ну да, в этой дыре горожане наверняка знают наперечет не только друг друга, но и собак с кошками, да и прочую живность. С полу взгляда определят *н е з д е ш н е г о*. Впрочем, и любопытные в конце концов уходили по своим делам.

Сварог быстро усвоил: главное — держаться в сторонке, у самых заборов, не лезть под ноги, чтобы не получить мимоходом пинка — не злобного, а так, ленивого. Ни на кого, боже упаси, не скалиться, вообще демонстративно изображать, что приблудная псина целеустремленно тащится куда-то по своим делам.

Один раз только вынырнувший из переулка босой мальчуган, не раздумывая, такое впечатление, чисто машинально запустил в Сварога комом земли. Разумеется, ком отлетел в сторону. Сорванец так и выпутил глаза — а Сварог побыстрее прошмыгнул мимо. Вполне возможно, паршивец и расскажет дружкам-приятелям о странной собаке, от которой отлетают, словно неведомой силой отброшенные, комья земли, так метко пущенные в бок. Но произойдет это наверняка не скоро, и до взрослых болтовня мальчишек вряд ли дойдет.

Никто пока что не проявлял поползновений изловить гончака редкой породы, за которого господин управитель обещал кучу деньжищ, никто не тыкал пальцем, не орал: «Лопни мои глаза, да это ж та самая псина, за которую награда обещана!» То ли Сувайн и Одо отказались по размышлении от этой идеи, то ли известие о сбежавшем гончаке еще не успело широко распространиться...

Поразмыслив, он понял, почему ему здесь так спокойно.

В этом городишке-деревне не было *праздн*ых. В пыли у ворот и заборов играли, возились вовсе уж маленькие дети, лет до шести — а те, кто постарше, Сварог уже насмотрелся, работали в садах и на огородах наравне со взрослыми. Судя по всему, здесь наступила страда: на огородах дергали морковь, лук и репу, копали картошку, в садах собира-

ли ягоды — а там, где росли вишневые деревья, бдительно расхаживали аборигены обоего пола и всех возрастов, поглядывая в небо, держа наготове трещотки, а то и ружья. Неподалеку бабахнула пара выстрелов — причем окружающие и ухом не повели. Ага, картина Васнецова «Дрозды прилетели»... Да и тот сорванец, Сварог вспомнил, тащил какой-то сверток, видимо, был послан по делу, отчего одним-единственным земляным комом и ограничился.

В большом городе пришлось бы гораздо хуже: в центр вообще соваться бы не стоило, поскольку там вовсю орудуют собачники, а на окраинах хватает других опасностей: ватаги уличных мальчишек, пьянчуги у кабаков, гужевавшиеся там уже с рассветом, да просто мелкая шпана, которой ничего не стоит за неимением другого развлечения пришибить собаку кирпичом. И, наконец, аптекарские подмастерья, рыщущие в поисках собачьего жира.

Черт побери, каким необычным предстает мир с точки зрения собаки — то есть обращенного в собаку человека, в отличие от собаки способного размышлять и анализировать...

Жажды он не испытывал, ручейков здесь хватало (судя по всему, за ними здесь тщательно следили, создав подобие оросительной системы, крайне необходимой садоводам и огородникам — иные были обложены камнем и прямизной напоминали скорее искусственные каналы).

Гораздо хуже обстояло с урчащим от голода брюхом. Вот уж поистине кишка за кишку заходит... И, что самое унылое, отовсюду плывут с кухонь аппетитнейшие запахи, главным образом самых незатейливых кушаний, но и они голодному представляются яствами с королевского стола... А вот это низкое длинное зданьице без окон — несомненная коптильня, оттуда идут вовсе уж упоительные ароматы... Сварог побыстрее пробежал мимо, захлебываясь слюной и старательно ее глотая: нельзя распускать слюни, а то примут, чего доброго, за бешеного и всерьез возьмутся истреблять, не подозревая, что играют на руку Сувайну с компанией...

Вскоре ему неожиданно повезло. Он оказался возле дымившего трубой домика, который, судя по запахам, был пекарней — волшебные благоухания свежего хлеба...

— Эй ты! Фью-фью!

Сварог повернулся в ту сторону, из осторожности не приближаясь. На крыльце появился здоровяк в белой блузке до колен и белых полотняных портках, усыпанный мукой так, что гадать о его профессии не приходилось. Он снова почмокал Сварогу, посвистел. Сварог помахал хвостом — что у него получилось как-то само собой, словно всю жизнь тем и занимался.

— Жрать будешь? Все равно выкидывать...

Пекарь продемонстрировал ему ковригу хлеба изрядных размеров, крепко, местами до черноты подгоревшую с одного бока. Словно боясь, что именно его заподозрят в подобном промахе, пробурчал:

— Подмастерье косорукий, остолоп... Будешь?

Ожесточенно виляя хвостом, Сварог изобразил самый живой интерес. Пекарь бросил ему ковригу, зевнул и направился в дом, проворчав напоследок:

— Хур Симаргл...

Цепко ухватив нежданный подарок судьбы, Сварог припустил прочь, найдя укромный уголок за колодцем, улегся там, зажал ковригу передними лапами и смолотил в два счета не брезгуя подгоревшими корками. На душе моментально стало веселее, а в животе больше не урчало.

А вот это обязательно надо учесть, подумал он. «Хур Симаргл». Для приверженцев Крылатого Пса благое дело — накормить бесприютную собаку. Пекарь, правда, сработал по принципу «На тебе, боже, что самим негоже», но это уже другой вопрос... Вряд ли он единственный здесь приверженец Симаргла, должны быть и другие, вот их-то и следует держаться, эти ни за что не обидят, а уж кусок обязательно подкинут. Только как же их вычислить? Далеко не каждый украшает входную дверь изображением Крылатого Пса — у пекаря ничего подобного не было...

— А это повод для стихов! — раздался рядом хмельной голос. — Счастливей пес, жующий подгорелую ковригу... Чем кто-то там... Ну, это потом придумается... Насколько же счастливей псины, тварь, жуя ковригу... Ну так как-то...

Сварог вышел из-за колодца и настороженно уставился на индивидуума, явно настроенного с ним общаться.

Предельно странный был индивидуум. Во-первых, первый праздношатающийся, которого Сварог тут увидел за все утро, да вдобавок изрядно пьяный. Во-вторых, одет он был не как градский обыватель, как член Сословия Совы, объединяющего ученых, книжников, книготорговцев и учителей: классический плащ особого фасона с пелериной, круглый берет с серебряным изображением совы. Вот только плащ жутко замызган — удачнее слова и не подберешь — а из двух серебряных блях на воротнике с изображением книги и пера осталась только одна (цепочка, коей положено бляхи соединять, вовсе куда-то испарилась). Берет тоже выглядит так, словно им не далее как полчаса назад старательно чистили сапоги, потемневшая, сто лет не начищавшаяся серебряная сова красуется на нем не прямо, а завалившись чуть ли не на девяносто градусов. Лет сорока, пропитая небритая физиономия с реденькими ушишками, подбородок в свежих ссадинах — ага, приложился где-то...

«Круто», — подумал Сварог не без веселости. Конечно, и члены иного Высокого Сословия порой оказываются на самом дне жизни, что Сварог во времена своих прошлых странствий наблюдал неоднократно — но и в этом случае они, как правило, до последнего пытаются держать некоторый фасон, задирая нос перед «простонародьем». Н а с т о л ь к о опустившегося представителя Сословия Совы Сварог узрел впервые в жизни...

— Я вижу, ты счастлив, четвероногий! — патетически воскликнул пьяный. — И я счастлив! Я обязательно напишу стихи, где поставлю наше счастье выше дурацкого счастья набитых золотом и живущих *п р а в и л ь н о* (он покривился в брезгливой усмешке) скучнейших двуногих... Жвачные! — возопил он с внезапной яростью. — Животные! Лишь ты да я по-настоящему свободны... вот только, тварь кудлатая, ты не сможешь оценить ни степень своей свободы, ни гениальность моего стиха, который я после встречи с тобой обязательно напишу... Неразумная ты тварь...

Не стоило с ним оставаться далее — пьяные, как известно, подвержены резкой смене настроения. Сейчас благодушен, а через минуту, чего доброго, начнет с до-

ской гоняться — вон там как раз валяется короткая, обломанная доска. Поэтому Сварог, помахивая хвостом, бочком-бочком отодвинулся, а оказавшись достаточно далеко, припустил прочь по улице, не бегом, но рысью... За спиной еще долго раздавалось занудное, патетическое бормотанье — очевидно, поэтическая декламация. Интересно, чем такой субъект может заработать здесь себе на жизнь? Вероятнее всего, как и в городах — сочиняя разные петиции и ходатайства неграмотному народу...

Сварог пошел медленнее, по-прежнему игнорируемый окружающими — но это и хорошо, это просто великолепно.... Стоп!

Он шарахнулся за угол, укрывшись за очередным колодцем — солидным, каменным, с жестянной крашеной крышей — осторожненько выглянул.

Да, подозрительно... По улице проехал верховой — очень медленно, практически шагом, хотя конь под ним был великолепный и мог показать неплохой аллюр. Самый обычный человек средних лет, с усами на военный манер, вот только одет не по-обычному: зеленый кафтан со шнурковкой на груди вместо пуговиц, кожаная каталана, по тулье повязанная шнурком с нанизанными на него неизвестно чьими клыками. На боку — скрамасакс с черной рукоятью, за пояс заткнут пистолет. Встречные с ним раскланиваются — без лишней почтительности, как с ровней, он кивает в ответ всякий раз. И все бы ничего, но глаза у него так и бегают в обе стороны, и тут уж никакой ошибки быть не может: в ы с м о т р е н ь... Примерно такого облика молодчики и ворвались вчера в дом...

Логично. Если Сувайн наряду с исполнением своих служебных обязанностей занимается и темными делишками — а так оно и есть, несомненно — ему просто необходима личная бандочка. Каковая вчера себя и проявила во всей красе. Судя по тому, что прохожие его прекрасно знают, а он ведет себя абсолютно непринужденно, банда прекрасно легализована. Городская страж? Нет, те городские стражники, что встречали вчера самолет, были одеты совершенно иначе, из оружия носили лишь дубинки в локоть длиной, да и лошаденки у них гораздо хуже этого

каурого красавца... Ага. Сувайн говорил вчера, что он заядлый охотник, из дальнейших его слов можно сделать вывод, что держит свору собак... вполне возможно, под видом егерей при нем эти головорезы и состоят. Управитель городской канцелярии, несомненно, принадлежит к числу местных олигархов, может себе позволить держать псарей с егерями, никто и не удивится...

Дождавшись, когда всадник удалится, Сварог пошел дальше. Он словно бы оказался в новом мире — в мире неимоверно сильных запахов. Абсолютно все окружающее пахло так резко, как ни один человек никогда не унюхает. Нагревшееся на солнце дерево, лошадиный навоз, волна аромата мясного супа от ближайшего дома, ношеная одежда, глина, лужища лошадиной мочи... Даже изгороди, кусты в садах, крашеные ворота имели, оказывается, свой далеко распространявшийся запах. С непривычки такое обилие запахов и их крепость здорово раздражали.

И все же именно благодаря собачьему чутью он обнаружил то, что искал — унюхал гораздо раньше, чем рассмотрел вывеску над входом в небольшую лавочонку, разумеется, не писаную, а оформленную со старинной незатейливостью: вырезанный из дерева окорок с изрядно облупившейся краской, висевший на вбитом в стену горизонтальном штыре. В городах подобных наглядных пособий давно уже не встретишь...

Остановившись на противоположной стороне улицы, глотая слюнки — ах, какие запахи колбас и копченостей плыли изнутри! — он какое-то время присматривался. Распахнутая настежь дверь патриархально приперта булыжником, отсюда видно, что покупателей нет, а справа, на грубошерстной стуле восседает субъект, который может оказаться только владельцем, и никем иным...

Ну что ж, рискнем... Пересекши улицу, Сварог преспокойно вошел в лавку, уселся посередине и уставился на хозяина, в виде приветствия махнув пару раз хвостом.

Лавочник так и выплыл на него с несказанным удивлением. Пожилой мужик, краснолицый, седоватый, с роскошными бакенбардами (фирменный шик мясников), не сказать, чтобы злобного вида. Рядом с ним, прислоненная

к стене, стояла толстая сучковатая палка, способная сойти и за незатейливую трость, и за дубинку — учтем...

Какое-то время стояло молчание. Ах, какое великолепие висело над прилавком и лежало на нем: колбасы разных цветов и толщины, гирлянды сосисок, окорока, куски и полосы копченого мяса... Нос у Сварога буквально задыхался.

— Чтоб мне сдохнуть! — воскликнул наконец хозяин. — Всякого навидался, а вот такой наглости что-то не помню. Чтобы приблудная псина в лавку входила с таким видом, словно она что-то купить пришла и настоящими деньгами рассчитаться... — и он хохотнул, качая головой.

Действительно, не походит на злобного мизантропа... может, повезло наткнуться на еще одного приверженца Симаргла?

— А знаешь что? — сказал хозяин довольно добродушно. — Мне этакая наглость нравится. Ничего похожего на трусливую шавку, которая, хвост поджавши, норовит хапнуть кусок и удрать... Ишь ты, расселся, как благородный на баронской свадьбе... Фу-ты, ну-ты... Ладно, уговорил. Трусливой побирушке я бы сходу врезал по хребту, — он покосился на палку, — а тебе, пожалуй что, дам цельное кольцо колбасы. Я не из симаргловцев, просто колбаса стала припахивать, и покупателям ее предлагать неловко — должна быть у заведения своя честь. Ничего, не гнилая, просто припахивать начала, ты не человек, ты сожрешь за милую душу, вот только спасибо не скажешь по неразумию...

Только теперь Сварог почувствовал, что сквозь могучий гром симфонического оркестра (то бишь лавину вкуснейших мясных запахов) одинокой тихонькой скрипичкой пробивается другой аромат, для него сейчас совершенно неактуальный: спиртное, изготовленное несомненно с применением вишни. Стало ясно, что природная незлобивость хозяина еще и усугублена. Сварог присмотрелся. Сучковатая палка стояла о правую руку от хозяина, а по левую, вверх дном — светло-желтая плетеная корзина, которой тут вроде бы совершенно нечего делать. Еще скрываясь когда-то на Бараглайском холме, он наблюдал эту

хитрушку лавочников и приказчиков. Хозяин, конечно, не пьян, но весь день будет пригуливать по стопочке.

— Ну, что смотришь, — спросил хозяин благодушно. — Залежавшуюся колбасу не жрешь, благородная морда?

Сварог старательно закивал — медленно, размашисто, стараясь, чтобы это как можно более походило на человеческий жест.

Лавочник как-то моментально о *с у н у л с я* лицом. Он не испугался и не удивился — просто ощутил, что реальность вокруг него вдруг перешла в какое-то другое состояние...

— Ты это... чего? — спросил он тихо. — Ты ж как будто по-человечески киваешь...

Сварог еще несколько раз старательно кивнул, отчаянно пытаясь придумать какой-нибудь жест, смотревшийся бы исключительно по-человечески. Так и не придумал: собаке это трудновато... Помотал головой, на сей раз изображая отрицание...

Окраина городишки, где располагалась лавка, была песчаной — и, несмотря на раннее время, песку на половицах было изрядно, что вполне годилось...

Повернувшись спиной к хозяину (чтобы тот не ломал глаза, читая в зеркальном отражении), он вмиг нацарапал когтем по песку: «Ага». Алфавитом Ринт, самым незатейливым — труднее и дольше было бы, напиши он затейливым Аугелом или Батаром.

Обернулся. Лавочник таращился на него вовсе уж совершенно очумело.

— Буквицы... — жалобно протянул он. (Сварог энергично закивал). — Я только имя свое подписывать умею, да пару вывесок прочту... то есть одну от другой отличу... но это ж точно буквицы...

Его рука инстинктивно дернулась к дубинке. Сварог коротко, предостерегающе рыкнул, почувствовав себя хозяином положения. И точно, лавочник моментально отдернул руку, сказал осторожно:

— Прошу прощеньца, я ничего такого не хотел, рука дернулась, чтоб мне с этого места не сойти... — он понизил голос почти до шепота. — Ой, сдается мне, что ты... что вы... что никакая вы не собака... Да?

Сварог закивал. Только бы черт не занес в лавку покупателя или кого-нибудь из домочадцев, если таковые имеются! Некое подобие контакта стало налаживаться...

Лавочник малость побледнел. Протянул левую руку, не глядя, привычно поднял за донышко корзину. Сварог угадал правильно: там стояла пузатая темная бутылка без этикетки и глиняная, покрытая синей поливой стопка.

— Ничего, если я... — пропыхтел лавочник.

Сварог закивал. Хозяин вмиг наполнил стопку до краев, пролив даже немного на пыльный пол (точно, вишневка), не глядя, не отрывая глаз от Сварога, на ощупь поднял ее ко рту и вмиг опорожнил. Сразу видно было, что это придало ему чуточку бодрости.

— Вот оно, значит, что... — произнес он настороженно. — Вот оно, значит, как... Сам я такого не видел, только от людей слышал, ну так ведь в Каталауне, считай, обитаем, а в а ш и х там по лесам, что грЯ... много, ага... Надо ж, никогда к нам не забре... не заходили, я хотел сказать... Господин оборотень! — воззвал прямо-таки молящим голосом. — Я в ваши дела никогда не лез, слова плохого о вас не сказал... Вздумалось вам поразвлечься — дело житейское, мы понимаем... Только к чему вам глумиться над убогим колбасником? Сами посмотрите: лавчонка крохотная, прибыль мизерная, старуха пилит, дочка до утра шляется, да огрызается еще, если вздумаешь нотацию высказать... Мелкий я, скучный, совсем даже неинтересный... Ну какое из меня развлечение? Слезки одни... Берите, что хотите... — он широким жестом обвел лавку. — Только, душевно вас умоляю, идите куда-нибудь еще... Поразвлечься можно над старым Фиштой: в детишек камнями пуляет, втихомолку деньги дает под залад... Или взять...

Сварог подошел совсем близко (лавочник прижался спиной к стене), поднял правую лапу и как следует помячил ею перед глазами мясника. Тот присмотрелся, подергал себя за правую бакенбарду:

— Чтоб мне лопнуть, да у вас там золото! Натуральное! Что мы, золота не видывали? Экая здоровая перстенюга... Столичному купцу впору... Это как это? Оборотень при

кольце? Сроду про такое не слышал... — у него в глазах зажглась надежда. — Может, вы и не оборотень вовсе? Как бы это так спросить, чтобы сразу было ясно... По-людски вы не говорите, вижу... Изволите быть оборотнем?

Сварог замотал головой.

— Честное благородное, вы не оборотень?

Сварог замотал головой.

— Но вы ж, конечно, и не собака? Кивните, будьте так добры, если вы не оборотень...

Сварог добросовестно кивнул.

— И если вы не собака...

Сварог кивнул.

— Неужто человек будете?

Сварог закивал. На лице лавочника выразительнейшим образом отразилось невероятное напряжение мыслей. Вся сообразительность, видно, была призвана, чтобы разгадать загадку...

— А вот мы рассудим и прикинем... — бормотал лавочник, как-то между делом опрокинув еще стопку. — Ежели вы человек в виде собаки, но не оборотень... Это кто ж вы тогда есть... — он буквально просиял. — А чего тут соображать? Если вспомнить, чему старики учили, да что люди говорят, только одно и остается... О б р а щ е н н ы й, а?

Сварог, чуть подумав, кивнул. Определение, в общем, вполне подходило.

— Это другое дело. Это бывает, — лавочник выглядел так, словно тяжкий груз с плеч сбросил. — Это получается, вас кто-то... это самое... в собаку?

Сварог кивнул.

— Это бывает, — с облегченным вздохом повторил лавочник. — Вон в соседней провинции лет сорок назад мачеха, чтобы все наследство себе захапать, пасынка оборотила волком. Года полтора он где-то мыкался, а потом попал, видать, на того, кто мог его п е р е к и н у т ь назад... Вернулся, а эта стерва уже вовсю хозяйствует... Рассказал все, ну, деревенские ее и утопили в пруду... Ох ты ж! Выходит, подгадил вам кто?

Сварог кивнул. Пасть непроизвольно дернулась, вырвалось рычание.

— Наш будете, городской? (Сварог замотал головой). Ага, пришли откуда-то... Знающего человека ищете, чтобы, значит, в прежний вид? (Сварог кивнул). Вот уж у нас в городе, должен вас огорчить, точно не найдете, отроду не слышал, чтобы кто умел... Вот в Гартвейне, говорят, таких много... А у нас — нет, не бывало отроду. Есть один, дождь вызвать может, ну, еще дроздов кое-кто умеет словом отгонять... ага, еще старый Берик может кошек взглядом с забора сбрасывать, мы сколько раз видели... Но вот таких, какой вам нужен, не водится. Надо вам в Гартвейн подаваться, глядишь, там и найдете.

Сварог ему охотно верил: как показывают последние события, в Гартвейне может обнаружиться что угодно, самое удивительное...

— Эх, вот с кем вам потолковать... — заговорил лавочник уже совершенно спокойно, надо полагать, примирившийся с существованием Сварога и больше его не боящийся. — Есть у нас тут человек, зовется мэтр Гизон, очень даже непростой человек для нашей глупши. Здешний, а как же, тут и родился, мы с его отцом приятели. Большого ума был уже с детства, сам читать научился по старой книжке, потом тогдашний бургомистр, приметя в нем немалые способности, отправил учиться в провинциарий*, а оттуда, уж не знаю толком как, попал аж в Равену, в какой-то тамошний старинный и ученейший университет. Вышел в Сословие Совы, представляете? Единственный из нашего городишко, кто вышел в Сословие. И служил в столице на какой-то хорошей должности при королевском архиве. Родители малость нос задрали, и было от чего, я б тоже задрал, выди мой сорванец в Сословие... — он тяжко вздохнул, потеребил обе бакенбарды. — Вот только через лет несколько... Вернулся он к нам. Говорил сначала, будто службу потерял из-за интриг и завистников, ну да мы быстро разобрались, что к чему... В местечке вроде нашего такое не скроешь... Винище злодейское, каковое есть яд... — он задумчиво налил себе стопку помянутого яда и меланхолически вы-

* Провинциарий — главный город провинции. Прим. авт.

кушал. — Служил сначала в управе, потом раз сорвался, два сорвался, бургомистр его и выставил, уже нынешний. Ну да понятно, на службе не приветствуется... Вот и живет, бедолага, главным образом тем, что пишет разные казенные бумаги, если у кого надобность возникнет, объясняет и растолковывает иные бумаги, что из провинции приходят — иной раз такое пришлют, что без сугубого знатока не разберешься... Даже бургомистр с господином Сувайном его порой тихонечко, с заднего крыльца приглашают, чтобы помог разобраться в очередной казенной головоломке... Одним словом, мыкается, смотреть жалко, а ведь всего-то тридцать лет парню. Ему бы жену дельную, чтобы в руки взяла, но кто ж за него теперь дочку отдаст, вдосып на него наглядевшихся...

Никаких сомнений, он говорил о том самом опустившемся пропойце, с которым Сварог уже свел ненароком знакомство. Т р и д ц а т ь лет?! Выглядел на все полсотни...

— Так вот к чему я говорю, — продолжал лавочник. — Мозги-то он пропил основательно, но все же далеко не до конца — до сих пор и бумаги пишет толково, и эту... юридическую юстицию разъясняет. Может, он и знает, как вам помочь? Вы с ним быстро договоритесь — будете писать, а он вмиг прочитает... — он отвернулся, прислушался, вскочил с неожиданным проворством и распахнул боковую дверь. — Скройтесь пока, покупатель идет!

Сварог проворно нырнул в дверь и оказался на обширном дворе: два солидных амбара, конюшня, моментально опознанная по запаху навоза, вход в погреб... В одном конце двора стояла неказистая, но прочная повозка, в другом — большая собачья будка — надо полагать, бесхозная, будь во дворе собака, давно бы выскочила, учゅяв непрошеного собрата.

Дверь мясник прикрыл неплотно, и Сварог прекрасно слышал, как хозяин беседует с женщиной, судя по голосу — не первой молодости, а судя по некоторым обмолвкам — не хозяйкой дома, а кухаркой какого-то зажиточного жителя. Все закончилось быстро: мясник по извечной привычке торгового человека пытался всучить ей то и это, но она твердо стояла на своем: господа послали купить

постной ветчины и кольцо печеночной колбасы, той, что без перца, и денег дали соответственно, в обрез.

Вскоре лавочник — коего, как выяснилось из подслушанного разговора, звали Оллан — открыл дверь, поманил Сварога. Заняв прежнее место, продолжал:

— Вот к чему я и веду: может, мэтр Гизон что знает? Вам бы к нему... Растолковать дорогу?

Сварог замотал головой.

— Ну, а чего ж вы от меня-то, господин обращенный, в конце концов, хотите? — в некоторой растерянности вопросил Оллан.

Сидя во дворе, Сварог уже продумал кое-что. Он положил на колено лавочнику лапу с кольцом, несколько раз ткнул в кольцо носом, потом встал, отошел к прилавку и уставился на колбасы с окороками, поглядывая то на них, то на хозяина, помахивая хвостом. Вернулся к лавочнику, сел, вновь поднял лапу с кольцом.

Оллан долго таращился на него, пытаясь понять смысл этой пантомимы. Потом, словно настигнутый неким озарением, налил себе стопку и осушил. Что характерно, это моментально повысило его интеллект.

— Ах, вот оно что! — восхликал Оллан, ухмыляясь. — Вы, стало быть, на это колечко у меня купить хотите разного всякого? (Сварог торопливо закивал). Вот это совсем понятно, дело торговое, житейское, любого покупателя надо уlestить, если у него есть чем рассчитаться... — он нахмурился, почесал в затылке. — Только я ж не ювелир, совершенно не возьму в толк, как нам ваше колечко оценить, чтобы никому не в обиду... Ага! Придется старого Фишту кликнуть. Он, конечно, прохвост и мерзавец, с удовольствием бы поглядел, когда его подворье гореть станет, но другого знающего человека у нас просто нету. Ближайший настоящий ювелирных дел мастер со своей лавкой — в Котуле, за двадцать лиг от нас... Крути не крути, хошь не хошь, а придется Фишту кликать... Согласны? Я живенько сорванца пошлю.

Сварог кивнул. Заклинания он творить не мог, но все его способности остались при нем — и он знал, что Оллан не соврал ему ни разу. Так что придется доверять и далее...

Кольцо Оллан не без труда стянул, притащив из задней комнаты мокрый кусок мыла и изрядно намылил Сварогу лапу. Мальчишка обернулся быстро, Фишта, видимо, жил недалеко — и Сварог, вновь укрывшись на дворе, слушал, как происходит торг. Увы, неравноправный: Фишта, старичок с противным голосом, откровенно крутил, вилял и пудрил мозги, а Оллан, конечно же, не обладал достаточными познаниями в ювелирном деле, чтобы достойно дискутировать.

Наконец лавочник открыл дверь и поманил Сварога.

— Вот, извольте, — сказал он, показывая на ладони три золотых монеты (между прочим, уже новехоньких, со Свароговым профилем). — Три аурея дал, жила этакая. Нутром чую, что колечко ваше стоит побольше, я только по весу прикидываю, что золота на него пошло столько, сколько весят ауреев шесть, ну да что же тут поделать? И не разбираюсь я, и идти больше не к кому... Как вам, ничего? (Сварог кивнул). Ну и прекрасненько. Вот только... — Оллан подергал бакенбарды в нешуточной задумчивости. — Цена у меня, конечно, одна, что для людей, что для таких... как ваша милость, иначе выйдет несправедливо. Вот только как же вы унесете то? На три золотых с меня полагается вот такой мешок всякого товара, — он изобразил руками размеры мешка. — Вам же его волоком тащить придется, а если люди увидят, что собака — уж простите — мешок тащит, то непременно шуганут и отберут все... Как же нам быть — то с вами, чтобы все вышло по-честному?

Подумав, Сварог поднял лапу и проделал такие манипуляции.

Он словно отмечал высоту стоявших на полу нескольких невысоких предметов. Оллан наблюдал за ним, озабоченно теребя бакенбарды.

— Чтоб это значило... — бормотал он. — Как бы несколько раз... Ага! Вы, стало быть, у меня столоваться хотите, чтоб как бы завтрак, обед и ужин? (Сварог закивал). Тоже выход. Приходите три раза в день, я так приблизительно прикидываю, недели на две денег хватит... Договорились? (Сварог замотал головой). А вот теперь уж я ничего не понимаю...

Оглянувшись на него, Сварог выскочил в приоткрытую дверь, быстренько добежал до конуры, уселся с ней рядом и выразительно замотал головой в ее сторону.

— А, вон оно чего... — кивнул вышедший за ним следом Оллан. — Вы, как бы это сказать, и жилье у меня снять хотите?

Сварог закивал. Оллан посмотрел на него — и вдруг расплылся в улыбке.

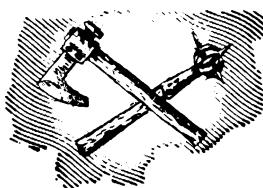
— А знаете что? — воскликнул он весело. — А почему б и нет? Денег за постой с вас брать как-то даже и совестно, я ж не хозяин постоянного двора, а это конура, не комната... Тут такое дело... Живите сколько хотите... то есть, я так прикидываю, недели две, пока вам есть чем за провизию платить, — предусмотрительно добавил он. — Только такое дело... Вас не затруднит, как бы в виде уплаты, время от времени по двору ходить и погавкивать, как обычной собаке и полагается? Тут штука в чем... С сегодняшней ночи начинается Марутино Трехдневие... не слышали? Ну да, вы ж явно издалека... Три ночи народ будет веселиться вовсю, и молодежь в том числе. От неето, от молодежи, и все беды. Ладно, когда они за городом на пустоши будут через костер прыгать, я и сам когда-то со старухой... Но они ведь три ночи напролет еще и безобразить будут, не так чтобы опасно, но шкодливо. Полагается так испокон веку. Марута, если вы не знаете, была фея ужасно озорная, вот и полагается... — он хмыкнул, смущенно потупился. — Помню, лет тридцать назад мы и сами... Положено ж... В общем, могут и повозку со двора укатить леший знает куда, и колбасы из ледника потаскать, и мало ли что... Мы, помню, один раз у старого Патура — он тогда живой был — корову тихонечко свели со двора, сажей размалевали и ухитрились по ступенькам завести на галерею, что вокруг хлебного амбара Монгара ведет, на изрядную верхотуру. Ну, глаза ей тряпкой завязали, травой манили, в зад пихали, темно было... — он, мечтательно заведя глаза к нему, захихикал. — А утром, когда рассвело, она сойти боится, стоит там, на верхотуре, орет благим матом на весь город... Патур бегает, Монгар ругается, а мы в толпе стоим смирнехонько, как будто и

ни при чем... Только когда потемнело вечером, ее кое-как вниз свели... Понимаете теперь? (Сварог кивнул). Ну вот... Туда, где злая собака, никто не полезет, кому охота заполучить драные штаны и покусанную задницу? А у меня Беляк от старости неделю как помер, все знают, что я нынче без собаки... Сговорился с Илахом взять щенка, у него хорошие, да ему ж еще неделю мамку сосать... А ежели вы будете время от времени погавкивать да порыкивать, никто и не сунется. Я скажу, будто купил по слухам злющего пса... Что вы опять головой виртуозите? Ах, нет? Не хотите, чтоб про вас знали? Ну, понятно... Тогда уж предупреждать я никого не буду, а вы все равно погавкивайте, ладно? Голосище у вас... внушительный. Мало ли откуда собака во дворе взялась, главное, имеется и гавкает... Ну так как, возьметесь?

Сварог закивал. Не столь уж обременительный труд взамен великолепного укрытия. Плохо только, что после первой же ночи пойдут разговоры: «А у Оллана собака во дворе завелась». В такой глупши и это — интересная новость. Рано или поздно разговоры эти непременно дойдут... Ну что ж, придется рискнуть... очень уж ему повезло с этим добродушным толстяком...

Кивнув в последний раз, Сварог протянул хозяину лапу, которую тот машинально пожал, словно протянутую руку.

Глава XIV

В УЧЕНОМ ОБЩЕСТВЕ

Жизнь определено приобрела некое благолепие: все относительно чего-нибудь да относительно...

Король королей Сварог Барг безмятежно распростерся возле своей нынешней резиденции — старой, но добротной конуры из потемневших досок, крытой ржавой жестью. Утреннее солнышко еще не припекало, но уже приятно грело, завтрак из первосортных колбас и ветчины оказался таким, что есть нисколечко не хотелось. Ночное дежурство выдалось не столь уж и обременительным: несколько раз и впрямь, заслышив шепотки-смешки и осторожные шаги по ту сторону забора и у ворот, приходилось, подойдя вплотную, рычать и лаять на совесть, но ближе к утру все угомонилось, должно быть, прошел слушок, что собака у Оллана вдруг да и завелась...

Прижился, можно сказать. Неизвестно, какую басню преподнес домочадцам Оллан, но приняли ее без особого удивления — а собственно, чему тут удивляться? Ну, купил по случаю батя собаку, дело нужное... Ранним утром вышла посмотреть на Сварога «старуха» — собственно, не такая уж и старуха, ровесница Оллана, лет пятидесяти. Вид у нее, правда, был настоящей мегеры — чертовски неприятная баба. Постояла, поджав губы, глядя на Сварога так, словно собиралась потребовать подорожную и про-

чие удостоверяющие личность документы — но, конечно, ничего такого делать не стала, постояла-похмурилась да и ушла. Сварог слышал, как она в лавке сварливо заявила:

— Уж за два сестерция мог бы подыскать и получше... Вечно тебя, дурня, облапошат...

— Так ведь медные сестерции, не серебряные, мать, — с кротостью, должно быть, выработанной долгими годами, отозвался Оллан. — Хороший пес, верно тебе говорю. Всю ночь прогавкал. Сама видела — урона ни на грош, «мартутники» как пришли, так и ушли... Что, не так?

— Ну, так... Смотри, чтобы малого не куснул...

— Да он не кусливый. Соображает, где хозяева, а где кто.

— Ладно, ладно... Положи уж чего пожрать...

Вскоре во дворе появился Оллан с большущей миской какой-то бурды, даже издали неаппетитной на вид — все кухонные остатки налицо. Подмигнув Сварогу, хозяин унес миску в свинарник, принес пустой, поставил рядом с конурой, проговорил тихо:

— Ну, я пошел лавку отпирать, а вы уж тут...

Потом выглянула прехорошенькая дочка — уму непостижимо, как у этакой метеры... Во двор выходить не стала, с любопытством поглязела на Сварога и исчезла.

За ней появился «малой» — вихрастый и конопатый босоногий мальчишка лет двенадцати. Этот оказался посмелее сестры — подошел к конуре так, что от Сварога его отделяла лишь пара шагов. И долго разглядывал с этаким деловитым лукавством — явно замышлял, стервец, какую-нибудь проказу вроде привязанной к хвосту консервной банки. По хитрой рожице видно — вскоре что-нибудь такое да отчебучит, паршивец, нужно быть настороже...

Хорошо еще, что сорванец был уже в том возрасте, когда простой народ праздности у детей не допускает. Вскоре мальчишка появился уже в башмаках, открыл конюшню, вывел пузатую лошадку мышастой масти, умело ее запряг, распахнул ворота и поехал куда-то со двора.

— Эй, а ворота? — крикнула девушка, появляясь в двери.

Не оборачиваясь, мальчишка важно бросил:

— Сама закроешь. Не мужское это дело — ворота запирать...

И подстегнул лошаденку, пустившуюся рысцой.

— Чтоб тебя! — беззлобно воскликнула девушка. —

Мужик нашелся... — покосилась на Сварога. — Эй, рыжий, ты не кусаешься?

Сварог, не двигаясь, старательно замолотил хвостом по земле. Она решилась, пробежала мимо, закрыла ворота и накинула перекладину. Возвращаясь, остановилась довольно близко, хотя вплотную подойти и не решилась. Улыбнулась во всем юном очаровании:

— Эй, рыжий, ты не кусаешься? А то мне по двору сносить, дел поутру куча...

«Куснул бы я тебя, конопушечка, будучи в другом обличье...» — философски подумал Сварог и вновь замолотил хвостом. Впрочем, судя по пятну у нее на шее, эта светлая мысль не ему первому пришла в голову не далее как прошедшей ночью...

Успокоившись, она принялась хлопотать: протащила тяжеленную бадейку с пойлом для свиней, насыпала зерна квохчущим курам, подоила корову, убрала какой-то мусор в углу двора. Девчонка, сразу видно, домовитая и хозяйственная. Сварог от нечего делать наблюдал за ней неотрывно.

Покончив со всем этим, подошла к конуре, присела на корточки и озабоченно уставилась на Сварога:

— Ах ты, рыжий... Мне ж еще теперь и за тобой убирать... Вот как бы тебя научить срать в одном месте?

Сварог замолотил хвостом, обуреваемый отнюдь не собачьими мыслями: ну конечно же, собачий нос великолепно ощущал запах юного здорового тела. Юбчинка подоткнута выше колен, корсаж не зашнурован, рубаха распахнута... Он как-то так невольно облизнулся.

Девушка чуть порозовела:

— Ну тебя! Как-то так уставился... — и машинально защипнула рубаху — а ведь почуяла некие флюиды, егоза...

— Илга! — громко позвал Оллан, появившийся в дверях.

— Пап? — отозвалась она, не вставая с корточек.

— Что расселась? Иди быстренько помоги матери колбасы развешивать!

Голос его звучал как-то незнакомо — резкий, неприязненный даже... Едва слышно девушка пробормотала себе под нос:

— Ага, до первой стопочки мы зверем рычим... — и уже громко откликнулась: — Иду, пап!

Вскочила и убежала в дом. Тщательно — что-то очень уж тщательно — прикрыв дверь, Оллан быстрыми шагами направился к Сварогу, покряхтывая, опустился на корточки. Лицо у него было хмурое, озабоченное.

— Такое дело, господин обращенный... — сказал он тихо, очень серьезно. — Уходить вам надо, вот что... Вы уж так не смотрите, а послушайте... Вот буквально пару квадрансов назад, не успел я ставни открыть, заявился господин Гауртон, главный егерь господина Сувайна, и с ним еще двое, незнакомые, но тоже одеты, как егеря, со скрамасаксами и пистолями. Рожи у них весьма даже неприятные... И начали меня выспрашивать, не видел ли я тут собаку... по описанию в точности, как вы. И все бы еще ничего... — лавочник понизил голос до шепота, в глазах у него был натуральный страх. — Но у одного из тех, незнакомых, шнуровка на кафтане распущена, и этак вот за пазухой, — он показал на себе, — сидит какая-то крыса... ну, наподобие здоровенной крысы, только уши совершенно не крысиные, острые, и морда гораздо покороче крысиной будет... Лапами передними в кафтан вцепилась, удобно так сидит, усами пошевеливает, сама бурая, а глазки красные, и так она ими на тебя плятится, будто вот-вот заговорит... — его явственно передернуло. — Мерзость такая, сбросил бы на пол, да кочергой на смерть и пришиб... Инюхает, ниюхает, носом водит, как гончак на следу... И отчего-то мне стало совершенно ясно, что с в с е м врать нельзя... Вот ясно стало, и все тут... Я и говорю: точно, мол, вчера под вечер, когда я уж запирать собирался, пролезла именно такая собака, как вы описываете, попыталась с прилавка круг колбасы сдернуть... Я, мол, хвать палку и на нее, а она, наглая рожа, вместо того, чтобы бегом бечь, еще на меня стоит и скалится, и взгляд у нее какой-то странный... Принялся я ее гонять по всей лавке, палкой махая, еле выгнал... Вот так, гово-

рю, и было... А этот хренов крыс так на меня таращится... как будто вот сию минуту лапу вытянет и завизжит: «Брешешь!» Не знаю почему, но мурашки по спине... Но ничего, обошлось... Хоть и смотрели угрюмо... И говорят...

Вслед за тем Сварог выслушал пространное изложение версии со сбежавшим ненароком дорогущим гончаком, новым приобретением господина Сувайна, каковое при обнаружении следует вернуть владельцу за солидное вознаграждение. Значит, запустили все-таки в народ именно эту версию...

— И ведь не сразу ушли... — шептал Оллан, поеживаясь. — Я ж видел — у ворот болтались, у забора крыс этот все принюхивался... Потом ушли. Ох, не нравится это мне... Будь они одни, я бы, может, не беспокоился бы особо и не говорил вам идти со двора, но крыс этот непонятный... В жизни таких не видел и не слышал даже... Вот и думаю теперь: а вдруг они вернутся, чего д р у г о е приволокут? Еще посильнее нюхливое...

Он не врал. Ни капельки. И в том, что он говорил, был нешуточный резон: Сварог давно уже уверился, что Одо — персонаж весьма н е п р о с т о й. Действительно, может найтись к т о-н и б у д ь более изощренный в следопытском искусстве, чем этот непонятный «крыс»...

Лавочник вытер рукавом обильный пот со лба. Продолжал прямо-таки с мольбой:

— Вы уж не посетуйте, ваша милость, но думаю я в первую очередь о себе. Вы б на моем месте тоже так думали. У меня ж дети... Да и вам, в случае чего, несдобровать... Сказочку эту про сбежавшего гончака пусть в своей башке рассказывают... — он оглянулся по сторонам. — Выходит, господин Сувайн... к вашим невзгодам имеет некоторое касательство? (Сварог кивнул). Вот даже как... Уж про это я не думал. Слухи ходили, но так себе, пустяковые, да и шептались людишки несерьезные... А вот про другое... Если вы не знаете, то городом, да и всей читой* правит вовсе даже не бургомистр, а именно

* Чита — низшая административно-территориальная единица, на подобие уезда. — Прим. автора.

что господин Сувайн. Бургомистр — так себе, тряпка... И люди с е р ь е з н ы е среди своих про господина Сувайна давно уже говорили всякое... Тут и контрабанда, и шалости на Большом Тракте, и много чего еще... Егеря эти его — они, болтают, не только егеря... А теперь еще и вон что оказалось... По правде сказать, шепчутся давно и много — и только... Потому что, рассуждая на практический крестьянский манер, нам, горожанам, ни от господина Сувайна, ни от его егерей никогда не было ни малейшего вреда. Так что... Коли уж нас никто не трогает... Остается болтать втихомолочку. Правда — вещь, конечно, хорошая, святая, можно сказать, вещь. Только кто ж тут будет искать правду ради правды, когда — хозяйство и дети? Это в столицах всякие тайные полиции и Звездные Палаты, а в нашей глупши до простого коронного полицейского неделю на повозке трястись... Тем более что никому никакого вреда... Может, в ваших местах и рассуждают по-иному, да там наверняка жизнь другая. Ну, а мы — уж такие, какие мы есть... Выше головы не прыгнешь, плетью обуха не перешебишь, пожар из стопочки не зальешь... Верите вы или нет, но я, правда, не только за себя боюсь. Вы со мной были по-честному, и я к вам по-честному... А ну как они, если уж занимаются э т а к и м, пустят по следу кого посильнее? Мало ли на этом свете всякой нечисти?

Сварог молчал, уставясь в землю. На душе стало невыносимо мерзко: только-только показалось, что обрел надежное укрытие...

— Я, конечно, понимаю, что нехорошо этак вот со двора вышибать... — сказал Оллан. — И думаю, вам ведь ясно, в первую очередь не о собственной шкуре даже, а о детях... Презираете?

Сварог отрицательно замотал головой. Не было у него сейчас права презирать. Такова уж здешняя селяви. В конце концов, не выдал, хотя мог сдать в два счета...

— Нужно вам к мэтру Гизону, вот что, — уверенно произнес Оллан. — Ученый человек, и далеко не весь ум пропил. Если и не поможет, то, может, знает что... Я вам подробно объясню, где у него домишко, ага?

Сварог кивнул. Оллан тем временем вытянул из кармана нечто наподобие платка, свернутого длинным тонким жгутом.

— Давайте я вам на шею повяжу, ваша милость, — сказал он деловито. — Тут, стало быть, все остальные ваши денежки, на которые вы еще наестся не успели. Два аурея, двадцать один серебряный сестерций, две ливры, семицентовик. Все в точности, как надлежит. Мало ли при каком случае вам деньги пригодятся, а мне чужого не надо, я на заработанное жить привык...

Сварог позволил обвязать себе шею платком: черт его знает, вдруг и пригодится...

— Я бы вам еще и колбасы на дорогу дал, — сказал Оллан, тщательно проверив узел. — Но ведь увидят собаку с колбасой в пасти, камнями пулять начнут, подумают, сперла... Вот так, теперь не сорвется и не размотается... Пойдемте, я вас задней калиткой выведу...

«Хороший ты все-таки мужик, — подумал Сварог, вставая. — Удастся выкрутится из этой напасти — подъеду к лавке во всем надлежащем королевском величии, золота насыплю... А конопушке надену на шею что-нибудь такое, что все подруги от зависти дружно скончаются...»

Вслед за Олланом он прошел меж конюшней и коровником, свернул за конюшню. Там в высоком заборе обнаружилась приземистая калиточка — человеку пролезть, в три погибели согнувшись, ну, а собаке — запросто.

— Еще отец в молодости устроил, — сказал Оллан. — Тогда войны и до нас докатывались, мало ли что... Значит, вот так — через сад, потом налево, у первого колодца с деревянной крышей — он там один такой — сворачиваете в переулок, где слева солидная усадьба с зелеными воротами...

...Очень быстро Сварог обнаружил, что отношение к немуaborигенов изменилось разительно. Вчера он был для всех пустым местом, ну, а нынче — совсем наоборот...

Толстая тетка, тащившая из огорода ворох огромной моркови, завидев Сварога сквозь невысокий заборчик, более всего похожий на земной штакетник, так и застыла, разжала руки, морковь посыпалась наземь, а тетка, не об-

ращая на это внимания, развернулась и, переваливаясь, затрусила в огород, вопя:

— Дампи! Дампи! Иди сюда скорей!

Сварог прибавил ходу. Из огородов, со дворов — повсюду, едва заметив его, реагировали примерно так, как та тетка: кто впадал в ступор, кто начинал звать домочадцев. Несомненно, весь город уже знал, что к чему...

Оставалось совсем немного до цели, когда с повозки, медленно ехавшей по узкой уличке, соскочили трое местных и, растянувшись цепочкой, перегородили дорогу, таращась на него радостно-удивленно.

— Ну точно, кум, — пропыхтел один. — Как две капли... Эй, фью! Фью! Хорошая собачка! Иди сюда, колбаски дам...

Остальные молча надвигались, изображая умильные улыбки и делая подзывающие жесты. Чуть сбавив скорость, Сварог направился прямо к ним с самым доброжелательным видом, улыбаясь по-собачьи и махая хвостом — а в последний момент, оказавшись рядом, рывком проскочил меж двумя разомлевшими от нечаянной удачи аборигенами и припустил наутек. За ним кинулись, но куда уж трем брюханам солидных лет догнать собаку...

Обошлось. Так, кривая уличка, состоящая из одних заборов, круглый каменный колодец, заброшенная рощица из вязов, канава...

Похоже, он вышел в нужное место. Со всех сторон — высокие глухие заборы (как он уже знал,ственные огороды, где выращивают самую дорогую ягоду наподобие клубники и еще какой-то чисто местной, синей, во рту тающей), пригородный лесок... Вот и покосившийся штакетник (будем уж называть его так, как привычнее), окружающий небольшой домик: одноэтажный, каменный, с заметно покосившейся крышей. Ни единого прохожего или повозки — глухая окраина...

Присмотревшись к калитке, он решительно толкнул ее носом и вошел. Остановился, втянул ноздрями воздух — и обходя дом, пошел на запах немытого тела, заношенной одежды и застарелого перегара.

Там, на задворках, как и следовало ожидать, обнаружился источник запахов, сиречь мэтр Гизон. Бывший почтенный книжник, а ныне пролетарий умственного труда сидел на дряхлой лавочке и задумчиво взирал на ветхий штакетник, за которым тянулся заросший бурьяном пустырь, а за пустырем — чахлая рощица. К превеликой радости Сварога, земля здесь была песчаная, рыхлая, идеально подходившая для его целей.

Он подошел, толкнул Гизона в бок носом. Тот медленно повернулся, глядя с таким видом, словно ничуть не удивился нежданному гостю, пусть и четвероногому. Сварог принюхался. Положительно, пахло только вчерающим, к опохмелке маэстро пера еще не приступал, возможно, и денег нет, и из дома вынести на продажу уже нечего.

Решивши брать быка за рога, Сварог повернулся и в два счета нацарапал на песке рядом с разношенным башмаком хозяина: Я — ЧЕЛОВЕК. Тем же алфавитом, что и прежде. Буквы получились кривые и корявые, но уж член Сословия Совы мог прочесть без труда.

Гизон и прочел. После чего, глядя на Сварога ну совереннейшее спокойно, сказал устало и деловито:

— Ну, здравствуй в который раз, подружка-белоснежка... Лихорадочка моя белоснежная, горячечка... Что-то новенькое на сей раз... Участые крыланчики не раз летали, мохнатые прыгунчики частенько скакали, и мыши со скрипичками навещали, и золотые тараканы, и зайцы с полицейскими бляхами... А теперь вот собачка, которая пишет, что она человек... Скверно. Не в облике дело, приходили гости и омерзительнее, просто я тебя, хвостатый гость, вижу впервые и оттого не знаю, как классифицировать. Давно известно: когда приходят крыланчики или мышки-скрипачки, лучше толком опохмелиться и заспать, прыгунчиков и тараканов нужно перетерпеть на трезвую голову, а от прочих заварить отвар из сухой соняшницы... А вот это как избыть, подсказал бы кто? Или ты тоже говорящее, как зайцы?

Вот такого оборота дела Сварог никак не ожидал. Ждать можно было какого угодно приема, но быть при-

нятым за очередную алкогольную галлюцинацию... Он сердито похлопал лапой по надписи.

— Ну я же говорю — прочитал, — с тем же унылым спокойствием сообщил мэтр Гизон. — Человек ты, что тут непонятного... Зайцы — те так прямо и говорили, что они из тайной полиции, а крыланчики хором пели баллады и непристойные вирилэ... Располагайся уж, я понимаю, ты надолго, вы все надолго заявляетесь, ни одна сволочь на пару минут не заглянула, все норовите поселиться... Ты пиши еще что-нибудь, если охота, а я пока подумаю, похмеляться или соняшничу заваривать... Чутье должно подсказать... Интуиция, знаешь ли...

Всеръез рассердившись, Сварог вскочил и сильным толчком сбросил пьянчугу со скамейки. Рыкнув, примирялся и, насколько уж удалось, отвесил передними лапами подобие оплеух.

Гизон лежал, не шевелясь, но челюсть у него отвисла, а лицо перекосилось в несказанном удивлении.

— Так же не полагается, — едва выговорил он. — Ты себя так никогда не вела, Белоснежка... Всегда вы были бестелесные, неощущимые, словесно порой доставали так, что и сказать невозможно, но бить никогда не били... Ты как настоящий...

Сварог стер лапой написанное, размашисто начертал: Я НАСТОЯЩИЙ, ИДИОТ! И для пущего подтверждения встал Гизону на грудь передними лапами, потоптался на нем, как следует.

— Клянусь локонами Бригиты... — прошептал Гизон. — Ты ведь натурально т в е р д ы й... Да слезь ты с меня, не топчись! Больно же! Я и так не знаю, на каком я свете... Хватит когтями драт!

Ткнув напоследок носом в небритую физиономию, Сварог отступил на шаг и написал: СЯДЬ, ПОГОВОРИМ.

Охая, кряхтя, потирая разные части тела, Гизон кое-как уселся, крутя головой, постанывая. Сварог написал: ПОВЕРИЛ, ПЬЯНЬ?

— Ну ты не очень-то! — огрызнулся Гизон. — Не с деревенщиной разговариваешь! Несмотря на мои прискорбные жизненные обстоятельства, из Сословия меня не вы-

ключили, так что изволь... Ну верю, верю... Если я тебя потрогаю, не цапнешь? Нет? Теплый, вполне плотский, шерсть натуральная...

РЕМИДЕНУМ? — написал Сварог.

— Вот именно! — приосанившись даже, ответил Гизон. — Если ты знаешь, что это такое, должен понимать...

БЕЙ ПОЖАРНЫХ! — написал Сварог. — ТИМОРУС ПРЕЗРЕНЕН, КЛЯНУСЬ ТРЕМЯ СОВАМИ!

— Бригита милостивая! — выдохнул Гизон. — Ты... вы... неужели коллега, хоть и в столь неприглядном облике? На каком факультете учились?

Сварог превозмог соблазн выдать себя за студента Ремиденума — тамошнюю жизнь он знал поверхностно и очень быстро прокололся бы на куче мелочей. Поэтому написал: БЫВАЛ ТАМ. ДРУЗЬЯ.

— В друзья у нас принимают с большим разбором... — сказал Гизон. — Это рекомендация, да... А вот забавно: я вас, сударь, нисколечко не боюсь. Потому что человек в облике животного может оказаться либо оборотнем, либо обращенным, и никем третьим... Оборотень — дело опасное, кто знает, что ему взбредет на ум и как он вздумает развлекаться, но вы, похоже, знаете реалии Ремиденума, а значит, обращенный... Ага, киваете... Пожалуй, я все же подлечусь...

Он с неожиданным проворством вскочил и рысцой направился за дом. Сварог терпеливо ждал. Вскоре появился, неся оплетенную бутыль немалых размеров и глиняную кружку. Поставив все это на лавочку, он хлопнул себя по лбу:

— Про вас-то я, сударь, и не подумал... Вам миску? Так будет сподручнее...

Сварог замотал головой. Признаться, выпить хотелось ужасно, но он представления не имел, как действует на собаку даже небольшая доза алкоголя, так что лучше не экспериментировать...

— Ну, как хотите, — пожал плечами Гизон. — Честью было предложено...

Он налил себе полную кружку, обеими руками поднес ко рту, морщась, изрядно отхлебнул. Его, бедолагу, так и перекосило.

Прикинув, куда мэтр блеванет, если случится, Сварог отодвинулся в сторонку.

Обошлось. С содержимым кружки — судя по запаху, вино — мэтр управился мастерски. Посидел, закрыв глаза. К нему, сразу видно, возвращалось хорошее настроение. Даже щеки порозовели: ну да, умелая опохмелка делает чудеса...

Сварог позволил ему допить и вторую кружку, после чего решительно положил лапу на горлышко бутыли и оскалился.

— Я понял... — сказал Гизон. — Ладно, ладно, дайте я только пробкой заткну, чтобы не выдыхалось... Ну да, обращенный... Оборотень ни за что не попал бы в Ремиденум... — и уставился с хитрецой. — А не подскажете ли, сколько окон в корчме «Астролябия и свиток»?

— Гав! Гав! Гав! Гав! — сказал Сварог.

— Верно... — протянул Гизон. — Четыре... Пятое фальшивое, и знать это может только тот, кто бывал внутри... А где там стойка, слева или справа? Вы напишите... Верно, слева... Бывали. Не врете, — промолвил он с пьяноватым умилением. — Равена... Прекрасный город... Что это вы пишете? Есть шанс вернуться? Ну, знаете, чтобы такое обещать человеку вроде меня, волею обстоятельств низвергнутому в эту дыру, надо обладать немаленьkim влиянием... Обладаете? Да вы вообще кто? Что-о? — он посерезнел. — Барон? Звездная Палата? Так-так-так-так-так... Ежели взять да поверить, то без труда возникают версии касательно того, как вас обернуло... Выслеживали кого-то надлежащего и не рассчитали силенок? В ловушку угодили? Да? Ну, сударь мой, в здешних местах надо быть осторожнее, это вам не столица... Мне, хвала Бригите, с э т и м и сталкиваться не приходилось, но я же здесь родился и вырос, знаю, сколько здесь по углам тихонечко посиживает в с я к о г о... В два счета оборотят, а то и похуже, вам еще повезло... Что же вы от меня-то хотите, ничтожного ныне?

Начался серьезный разговор — Сварог то писал, то кивал или отрицательно мотал головой в ответ на вопросы Гизона. Надо сказать, опустившийся мэтр, распохмелившись, соображал толково... Сварог стойко придержи-

вался «легенды», которую ему неожиданно подсунул сам мэтр — получалось весьма даже правдоподобно: барон, не последний по рангу сыщик Звездной Палаты, выслеживал тут очередную нечисть и ненароком угодил в ловушку. Вот правда Гизон мог и не поверить...

— Значит, говорите, Сувайн... — задумчиво произнес Гизон. — Знаете ли, я нисколечко не удивлен: были у меня кое-какие наблюдения и подозрения... Вот так оборот... Не скажу, чтобы мне от этого стало веселее жить... Значит, все, что вам нужно — это укрыться на пару дней, а там непременно прилетят самолеты с вашими друзьями... Уверены? Ну, будем считать, что вам виднее... Что? Да нет, не стану я выдавать вас Сувайну. Во-первых, если вам поверить, возникает фантастический шанс вернуться в Равену, а это перевешивает все возможные выгоды... Сколько там за вас даст Сувайн, не особенно и много... Во-вторых, ничего он наверняка не даст, а прикажет тихонько прикончить. Умнейший человек, чем бы он там потаенно ни занимался. Какой-нибудь деревенщинае он честно отсыпал бы золота, а вот насчет меня у него моментально возникнут подозрения: уж не узнал ли я от вас что-нибудь, чего знать не полагается... Так что не волнуйтесь, не собираюсь я вас выдавать, себе дороже встанет...

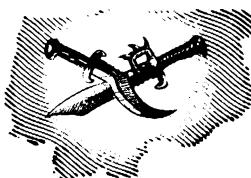
«Он не врал», — определил Сварог. И немного успокоился.

— То-то со вчерашнего вечера прошел слух про сбежавшего дорогоого гончака... — продолжал Гизон. — Неглупо придумано, уже через пару часов народец окончательно бросит свои обычные занятия и примется рыскать по улицам: десять золотых для нашей глухомани деньги завлекательнейшие... Вот только лично для меня гораздо привлекательнее то, что вы обещаете... Я не игрок по складу характера, но рискнуть стоит, вдруг все так и выйдет, как вы излагаете... — он мечтательно прищурился. — Равена... Как мне ее не хватает... И как мне хочется всему этому верить всецело... Вы точно уверены, что самолеты прилетят? Ну, будем считать, что вам виднее... Что? Ваши следы? А вот тут я никакого беспокойства не вижу. По нашей улочке — если только она заслуживает

воткнулся в землю. Справа и слева уже бежали к ним те же темные фигуры с занесенными тесаками — и Сварог, выпустив орущего, метнулся к штакетнику по давно продуманному пути. Перепрыгнул его с разлета. Сзади грохнула пара пистолетных выстрелов, он и ухом не повел — сгоряча это они, должно ж уже знать, идиоты... Пронесся по пустырю, с налету раздвигая густой бурьян, кинулся к рощице.

Во рту стоял омерзительный вкус крови и неизвестно чьей шерсти, но некогда было на это отвлечаться, и отплевываться некогда. Взрыв землю задними лапами, он с маxу остановился под крайними деревьями, оглянулся. Слишком темно, чтобы разглядеть, что делают люди возле дома, одно ясно: погони нет. И из рощицы никто на встречу не кинулся. Принюхиваясь и прислушиваясь, он уже неспешно, бесшумно заскользил меж деревьями.

 Глава XV

СТРАННИКИ

Рассвет он встретил в отнюдь не комфортабельных условиях. По сравнению с сегодняшним утром раем была не только конура Оллана, но и пропахшая черт-те чем хибара мэтра Гизона...

Пройдя рощицу, он увидел далеко впереди огни домов — там, оказывается, тянулась немаленькая улица. Свернул вправо, угодил в сады, один раз на него выскочила маленькая лохматая собачонка и с расстояния уардов в пять долго поливала истерическим лаем: он, конечно, был побольше и пострашнее, но моська чувствовала себя дома. Пришлось сделать крюк и далеко обойти.

Потом на пути попался широкий спокойный ручей, по виду больше похожий на искусственный канал. Вспомнив старый, но действенный прием, Сварог вошел в воду (оказалось кое-где по грудь) и проплыл так уардов сотню. Даже если у погони нет ничего наподобие з а п а с н о г о крыса, они могут пустить по следу самых обычных собак, у Сувайна ведь приличная свора (хорошо еще, что пока не додумались, всецело полагаясь, должно быть, на придуменную Сварогом тварюшку)...

Выйдя из воды, он оказался на широкой улице, где огни в домах горели редко-редко. Прошел ее, свернул... и понял, что начинает блуждать. Абсолютно не представляя,

где очутился, ясно только, что все же не в центре городка, а ближе к окраинам. Ничего хорошего от этих бессмысленных блужданий получиться не могло — опасности пока нет, но пользы никакой. Поэтому, забредя в достаточно глухое mestечко, на зады каких-то длинных низких амбаров и обнаружив там лежащую на земле горизонтально пустую бочку, он решил не болтаться больше по незнакомым улицам, словно неприкаянная душа, а воспользоваться этим, пусть и ненадежным укрытием. В бочке, хорошо еще, пахло не какой-нибудь дрянью, а зерном...

Спал он, конечно, вполглаза, да, собственно, почти и не спал — то и дело, очнувшись от беспокойной дремы, порой наполненной кошмарами, высовывал из бочки голову, прислушивался и принюхивался. Так что к рассвету чувствовал себя разбитым. Да и в животе урчало не на шутку — мэтр Гизон не особенно и утруждал себя заботой о пропитании, так что Сварогу досталась лишь изрядно зачерствевшая краюха хлеба и полкруга скверной дешевой колбасы, начавшей уже попахивать.

А главное, т е п е р ь он совершенно не представлял, что делать и куда направиться. Если откровенно, ему до сих пор попросту везло: повезло наткнуться на Оллан, а через мясника оказаться у Гизона. Как ни парадоксально это звучит, но ему повезло и в том, что он сейчас — собака. Человек на его месте, есть сильные подозрения, если и не попался бы в лапы погони, то ему пришлось бы гораздо труднее. Человеку гораздо легче поймать человека, чем собаку. Собака и бегает побыстрее, и нюх ей помогает издали учゅять погоню... Надо добавить: повезло еще и в том, что Одо с Сувайном, какими бы ни были хитрыми и коварными, вряд ли когда-нибудь устраивали охоту на собаку, да еще в городке...

Снова идти к Оллану безусловно не стоит: жаль представлять хорошего мужика, мало ли что. Действительно, двое детей... Гизона наверняка уволокли куда-нибудь в подвал для обстоятельного допроса. Если не сокрушаться о горькой судьбинушке мэтра, а со здоровым цинизмом подумать о собственной выгоде — пленение Гизона ничем Сварогу не грозит. Гизон, конечно, может после соответ-

ствующей обработки рассказать, что его постоялец ждал подмогу и выручку на самолетах — но Одо и сам догадался о таком повороте событий — говорил же тогда Сувайну...

Но самолетов пока что нет, и неизвестно, когда будут. Можно, увы, признать, что Одо с Сувайном на д в а хода впереди. Во-первых, у Сварога нет надежного укрытия и неизвестно, где его найти, во-вторых, их придумка о сбесившем гончаке уже распространилась по всему городу, и все его население будет ловить Сварога с превеликим рвением, прельщенное известием о десяти золотых кругляшках... с его собственным профилем, мать твою! Второй Оллан, будем реалистами, вряд ли попадется на пути...

Он решительно не знал, что теперь делать. Рассвело, поблизости уже пару раз проехали повозки, горожане проснулись ни свет, ни заря и принялись за работу, словно усердные муравьи... а еще они будут одним глазком то и дело зыркать по сторонам, чтобы не упустить счастливый случай...

В конце концов кое-какое подобие плана все же родилось. Если оставаться в городе слишком опасно, следует обосноваться за городом. Где-нибудь в лесочке или рощице, каких здесь много, примыкающих к городку. Лучше всего поблизости от пустыря, где остался его самолет — если прилетят, будут приземляться именно там... С трех сторон пустыря, он помнил, как раз и простиралось редколесье. Конечно, нужно учитывать, что там может оказаться засада. Да вдобавок придется обходиться без еды, которую негде раздобыть. Но тут уж ничего не поделешь. Другого плана и быть не может. Не сидеть же тут в бочке пародией на Диогена... Быстро заметят.

Приняв решение, он не медлил: выбрался из бочки и, прикинув, в какой стороне располагается ближайшая окраина, направился в ту сторону.

И через пару минут наткнулся на аборигена, с деловитым видом ворошившего вилами какой-то хлам на задворках амбаров. Они, можно сказать, столкнулись нос к носу, Сварог выскочил из-за угла и моментально попался трудяге на глаза. Тот форменным образом оцепенел, уставившись на Сварога вытаращенными глазами. «Ну вот, —

подумал Сварог, прикидывая, куда юркнуть, — сейчас определенно ловить примется, сволочь златолюбивая...»

Однако обернулось совершенно иначе. Местный выронил вилы (чудом не угодившие ему зубьями по ноге), кинулся к ближайшей сосне (их тут немало росло)... Сварог и глазом моргнуть не успел, как абориген взлетел к самой кроне, на высоту уардов шести, причем, по голому стволу — ну, чисто кот по телеграфному столбу... А ведь в годах уже, с брюшком... Что на него нашло?

И тут же абориген со своей верхотуры завопил, будто его резали — безостановочно, оглушительно, жалобно, на одной ноте, словно пароходный гудок. У Сварога в ушах заломило. Подумав, что этак сюда весь город сбежится, он шарахнулся, и, засыпав, что с обеих сторон и в самом деле бегут люди, проворно втиснулся в узкий промежуток меж двумя амбарами, отступил задом вглубь — теперь его не видел ни оравший на сосне, ни бегущие по улице.

Он и сам не знал, почему так поступил, вместо того, чтобы опрометью кинуться прочь. Какое-то предчувствие, что ли. Местный вел себя насквозь н е п р а в и л ь н о, и это было странно: ему бы полагалось, засыпав пленительный звон золота, подманивать или ловить Сварога — а он повел себя так, словно не собаку узрел перед собой, а голодного и разъяненного каталаунского тигра (вообще-то это никакой не тигр, а очень крупная рысь, но все равно, зверь опасный). Может, удастся подслушать разговор, из которого что-то станет ясно? Будет же он объяснять бегущим, отчего вдруг взялся выкидывать цирковые номера...

— Чтоб мне провалиться! — послышалось совсем рядом. — Жамый Пиритуш, чего это вы на сосне-то?

— Он прямо на меня выскоцил! — громко, с истерическими нотками отозвался сверху Пиритуш. — Тот самый пес, бешеный! Как я успел, как я сюда залез — сам в толк не возьму... А он как чесанет по улице, во-он туда...

— Та-ак... — тихо и недобро произнес другой голос. — Значит, поблизости где-то, тварь...

— Да нет же, Пиритуш говорит, по улице чесанул...

— Все равно, где-то в околице... У кого что?

— У меня грабли... Толку-то...

— У меня нож...
— Ну, это чуть получше... Ага! Вон вилы валяются! С вилами уже сподручнее...
— Я сбегаю к бургомистру?

— Давай, со всех ног. Куда он, Пиритуш говорит, побежал? Туда? Значит, давай в противоположную, а то попадешься ему ненароком, вмиг глотку перехватит...

Затопотали удалявшиеся шаги. Оставшиеся переговаривались:

— Вот он где, зараза, оказался... Ну да, тут воды нету, а бешеная собака воды завсегда боится...

— Жамый Фили, вы вилы-то наготове держите, вдруг высочит...

— Да держу... В колокол надо бы ударить...

— Да и так весь город на ногах. Я сам не видел, а вот Чибер видел, как эта тварь все семейство Баругана разделала. Чибер говорит: я хоть и мясник, а когда *я ю д е й* в таком виде узрел, меня тут же, на крыльце, наизнанку вывернуло. Живого места не было, кровища везде, Чибер сказал...

— А с чего это он сбесился?

— А кто его знает? Легче нам будет, если узнаем, отчего? От чего собака бесится? Бесится, и все...

— К драгунам бы послать. Так и так, помогите, что вы, не люди, что ли? Их там целый полк, а народ хваткий и вооруженный до зубов...

— Я так полагаю, бургомистр или господин Сувайн уже додумались. Если у командира совесть есть, не откажет... А то от нашей стражи толку мало...

— Еще егеря господина Сувайна есть.

— Сколько их? Дюжина... Тут бы и в самом деле драгун, чтобы прочесали весь город, как граблями. Враз прикончат.

— Вы как хотите, а я домой. Вдруг этот бешеный вломится? Вломился же он к Баругану...

— Точно, пошли.

— Эй, а как же я? Я что-то сам вниз и не могу даже...

— Вы уж, Жамый Пиритуш, посидите пока. Ветка, я гляжу, у вас удобная, не свалитесь. Потом придумаем, как вас снять, а сейчас некогда... Пошли!

Судя по звукам шагов, все торопливо удалялись. Пири-туш пытался их звать, вернуть, но, видя, что бесполезно, разразился бессильными ругательствами.

Сварог почувствовал, как его прошибла холодная дрожь. Так ого оборота он никак не ожидал. Значит, вот так... На смену сказочке о сбежавшем гончаке запустили жуткий рассказ о бешеном псе — том самом гончаке, конечно. Вполне возможно, что этот их Чибер не работает на Сувайна, а в самом деле видел зверски убитое семейство некоего Баругана — этим подонкам ничего не стоит для правдоподобия и в самом деле кого-то прикончить, так даже надежнее... Они спешат, нервничают, вот и придумали...

Теперь ситуация для Сварога осложнилась несказанно. Нужно признать, эти мерзавцы придумали эффективнейший ход: бешеную собаку моментально кинутся истреблять, что в городе, что в деревне, все, у кого найдется крупинка смелости, похватают вилы с топорами и бросятся обшаривать городок, защищая жен с малыми детскими, да и себя самих...

Пустая улица, не особенно и застроенная. Песок летит из-под лап... Конский топот справа!

Из переулка выскочил городской стражник с пикой наперевес, зачем-то нацепивший в дополнение к уставному серому камзолу старый, нечищенный, тронутый ржавчиной рокантон. Форменным образом вызверившись, с испуганно-злой физиономией, он направил коня на отпрыгнувшего к забору Сварога, попытался достать пикой, зажав ее в кулаке острием вниз. Получалось у него скверно — вряд ли когда-то приходилось пускать свой дрын в ход, да и лошадка, как ни дергал поводья всадник, не смогла прижать Сварога к забору — наверняка всю жизнь трюхала по улицам, большей частью шагом, и никаких курбетов, на которые горазд хороший строевой конь, выделять попросту не умела. Без особого труда увернувшись от заржавленного острия, Сварог подпрыгнул, рявкнул, щелкнул зубами у самой лошадиной морды. Лошадка шарахнулась с истошным жалобным ржаньем, взмыла на дыбы, и всадник полетел в дорожную пыль, причем острие пики уперлось в землю и древко переломилось с хрустом.

Стражник заорал, закрываясь руками. Перепрыгнув через него, Сварог огляделся. Топот, вопли! С двух сторон по переулкам набежали немаленькие кучки горожан, с вилами, топорами, цепами, а кое-кто попросту с длинными жердями — оставаясь в руках владельцев, даже жерди были для Сварога так же смертельны, как для обычного человека... или собаки.

Он метнулся туда, где облавы пока что не было. Слыша за спиной топот и яростные крики, перепрыгнул низкий заборчик и понесся садами. С воплем шарахнулась женщина, рассыпав вишни из ведра — он пронесся мимо, и внимания не обратив. Появившийся меж деревьями экземпляр в соломенной шляпе метко запустил в него вилами — с ожидаемыми последствиями, вилы улетели куда-то, не коснувшись собачьего бока.

Сварог наддал, несясь тем путем, которым сюда пришел на рассвете, мимо высоких заборов, чахлых рощиц, обширных огородов. Пару раз то справа, то слева раздавались крики. Сварог несся. Одним прыжком перемахнул давешний ручей.

Взлетел вверх по пологому песчаному откосу, остановился в сосновом лесочке, перевел дух.

Справа послышалось далекое пение трубы. Горнист уверенно выводил сигнал, прекрасно Сварогу знакомый: «Колонна, короткий галоп!»

Сквернее некуда. Итак, командир полка снизошел к беде горожан и поднял в седла, надо полагать, весь полк. Вскоре городок буквально заставил драгуны. Две тысячи всадников, превосходно обученных в том числе действовать с седла пикой и мечом против пешего противника. А вооруженные чем попало горожане, без сомнения, сейчас обшаривают все укромные закоулки в городке, которые они, в отличие от Сварога, прекрасно знают с детства, и наперечет...

Он побежал, взяв чуть левее, уже видя, что сумел выбраться из города. Места потянулись насквозь необитаемые, лес густел, ни единой тропинки не видно. Сварог взбирался все выше и выше по склону невысокой горушки, заросшей сосновым.

Остановился на вершине, найдя удобное местечко меж двумя деревьями, с которого открывался вид далеко вперед. Что происходило в оставшемся за спиной городке, видеть он не мог, зато прекрасно рассмотрел противоположный склон, лесистый, спускавшийся к равнине, где на горизонте виднелась зубчатая синяя полосочка — отроги Катауунского хребта. Неподалеку от них как раз и должен пролегать Большой Тракт. Карту Сварог прекрасно помнил: примерно в полусотне лиг к полночному закату Тракт раздваивается, правая дорога уходит к Ителу, за которым, совсем недалеко от реки, начинаются горротские владения, левая сухопутьем тянется к гланской границе.

Нисколечко уже не колеблясь, Сварог рысцой стал спускаться с горы, направляясь в сторону Тракта, до которого было лиг двадцать. Решение пришло неожиданно, но он практически и не раздумывал...

Даже если самолеты вот сейчас, сию минуту приземлятся на пустыре, пробраться к ним будет невозможно, непременно ухайдакают по дороге. Горожане, чуть ли не поголовно высыпавшие на улицы, да вдобавок драгунский полк... Нереально. Укрыться в окрестностях городка, выжидая удобного момента — опять-таки слишком опасно. Поймут ли прилетевшие, услышав о всеобщей охоте на бешеную собаку, что речь идет о Сварге. А если нет? Понадобится вовсе уж фантастическое стечние счастливых обстоятельств, чтобы добраться до них невредимым...

А потому он выбрал д р у г о й путь — он, конечно, отнимет больше времени, но станет гораздо безопаснее. Не мудрствуя и не рискуя, Большим Трактом уходить в Глан. До гланской границы — менее сотни лиг. Еще немного — и он окажется за пределами читы. А у гланских пограничников давным-давно есть интересная статья устава...

Грамотностью большинство стражей Родины похвастать не может. Да и агенты, отправляемые в сопредельные страны (точнее, отправлявшиеся до недавних пор) частенько неграмотны. Поэтому Баглю, одиннадцать лет назад занявши свой нынешний пост (и оказавшись еще и начальником над пограничной стражей) нашел великолепный выход. Любому новобранцу в первый же день службы: если

вышедший к пограничникам человек с другой стороны начертит — хоть прутиком на земле — три руны, Фиарр, Тер и Брадос, человека такого следует немедленно доставить к начальству, при необходимости накормив-напоив и удовлетворив иные нужды, какие у него могут возникнуть. Раз начертил именно эти руны, в таком сочетании — доверенный человек глэрда Баглю. Сочетание рун — целых три — исключает случайное совпадение.

Голову можно прозакладывать, что, когда те же самые руны начертит с о б а к а, ее не прогонят к чертовой матери, а постараются точно так же доставить к Баглю. Подобного прежде не случалось, — но сочетание рун говорит само за себя. Ручаться можно, что именно так и будет. В любом случае, узрев этакое чудо, собаку, знающую пароль для секретных агентов, стражники непременно позовут начальника заставы — а уж начальники-то поголовно грамотны и без труда смогут прочитать все, что Сварог накорябает лапой по земле.

Около ста лиг... Даже учитывая, что он голоден, устал и не привычен к долгим марш-броскам на четырех лапах, можно добраться самое большее дня за два. Надежда всегда придает сил, а тут не просто надежда, нечто большее. Хорошо бы, конечно, прииться кому-нибудь из путешествующих по тракту, чтобы проделать весь путь или часть его на повозке, но это чересчур уж фантастично. На камнях Тракта ничего не напишешь, да и не будет никто обращать внимания на собаку, пусть даже и располагающую некоторой суммой денег, достаточной, чтобы нанять не повозку, а целый обоз. Шуганут без разговоров — и вся недолга. Придется на своих двоих... тыфу ты, на своих четырех...

Часа через два, изрядно уже уморившись, он вышел к Большому Тракту — добротно вымощенной камнем дороге шириной уардов в двадцать, выстроенной некогда на века и строгими приказами всех без исключения королей содержащейся в порядке трудами губернаторов провинций. Постоял, переводя дух, шумно дыша, вывалив язык, с которого прямо-таки ручьем текло.

Нельзя сказать, что перед ним был поток проезжающих — но движение оживленное, пустым Большой Тракт

остается на считанные минуты. Купеческие обозы, порой из нескольких десятков старательно зашпиленных повозок, всадники благородного облика, всадники, одетые попроще, немногочисленные пешие, кареты, казенные обозы из фур установленного образца, порой сопровождаемые военным конвоем... Вот уж где нет риска столкнуться с обитателями покинутого им городка: исстари установлено, что населению примыкающих к Тракту провинций пользоваться им для своих поездок запрещено, Трактом имеют право передвигаться лишь те, кто путешествует на дальние расстояния, через территории трех и более провинций...

Отдышавшись и переведя дух, Сварог рысцой двинулся по обочине вдоль Тракта, держась уардах в десяти от него. Как и следовало ожидать, никто из путешественников — в том числе и те, кто останавливался дать пердышку коням или перекусить, не обращали внимания на такую пустяковину, как озабоченно трусящая куда-то собака. Один раз даже кинули кусок хлеба — несколько молодых весельчаков с пароконной повозкой, расположившиеся не просто перекусить, а и чуточку выпить, судя по одежде — приказчики небогатого купца. Быть может, приверженцы Симаргла. Сварог остановился, благодарно помахал хвостом, сжевал хлеб и, напившись из ручейка, затрусил дальше.

...Еще через пару часов, утомленный не на шутку, он увидел справа, в ложбинке, уардах в пятидесяти от Тракта, расположившуюся на привале компанию. Похоже, они обустраивались не на квадранс — лошади из обоих коробчатых фургонов выпряжены и пасутся тут же, дымит кosterок, над которым на тагане висит закопченный котел...

Сварог присмотрелся. Насколько можно разглядеть, там четверо — двое мужчин и две женщины (ну, может, кто-то еще остался в фургонах). Что интересно, оба фургона пестрейшим и ярчайшим образом размалеваны разноцветными красками, изрядно уже полинявшими под непогодой: полосы, круги, треугольники, просто кляксы, сочетание цветов порой режет глаз — но заметно издали...

Он знал такие фургоны. Бродячие циркачи, странствующие фигляры, тут и сомнений быть не может. Конечно, народ среди них попадается всякий — порой под фигляров маскируется бродячая разбойничья шайка, а иногда, под этаким вот прикрытием на сопредельную сторону проскальзывают шпионы. Однако в массе своей настоящие фигляры — народ бедный, неопасный и видывавший виды. К полиции они особенной любви не питают (да и для полиции нет особого смысла держать среди них агентуру, разве что для каких-то конкретных акций, наподобие той, о которой рассказывал Гаржак), законы по причине своей легкоуязвимости стараются не нарушать, привыкли ко всему на свете. В свою очередь, и полиция к ним без особенной нужды не цепляется, не имея конкретных поводов.

А если попробовать? Среди фигляров как раз немало грамотных, побольше даже, чем среди более высокопоставленных гильдий — и, как уже говорилось, народ терпкий, развитой, порою исколесивший весь Харум вдоль и поперек. То, от чего иной провинциал, неважно, горожанин или крестьянин, шарахнется в испуге, фигляры примут не в пример более спокойно...

В конце концов, не убьют же? Самое большее, запустят горящей головней или камнем, что для него и вовсе безопасно....

Приняв решение, Сварог стал шагом спускаться в ложбинку, разглядывая сидевших вокруг костра. Их было четверо. Крепкий мужчина лет сорока, светловолосый, с аккуратно подстриженной бородкой. Второй гораздо старше, лет шестидесяти, невысокий, лысый, с морщинистым подвижным лицом старого клоуна или мима. Красивая женщина несколькими годами младше бородатого. Совсем юная девушка, настолько похожая на женщину, что никаких сомнений — дочь. Обе темноволосые, синеглазые. Вот уж на кого эта компания похожа меньше всего, так это на разбойничью шайку, притворившуюся фиглярами. Хотя, скажем, контрабандистами они вполне могут оказаться...

Видя, что на него никто не обращает внимания, он остановился уардх в пяти от костерка — из котла приятно пахло мясной похлебкой — и громко гавкнул.

Вот теперь на него уставились все четверо — без страха, но и без особого любопытства. Лошади, фыркнув, подняли головы и тут же отвернулись, продолжая спокойно пастись.

— Не похож на бешеного, — сказал пожилой. — Ни капельки. А для бродячего не особенно и худой... Тебе чего?

— Ага, сейчас! — насмешливо подхватила девушка. — Сейчас он тебе и ответит человеческим голосом: здравствуй, дядюшка Патек, не угостишь ли похлебкой?

— У него слюнки текут, — сказала женщина. — Этак весь на слону изойдет. Голодный.

Бородатый веско, с видом предводителя и самого главного тут обронил:

— Кости все равно останутся. Если умный — будет сидеть и дожидаться. А будет наглеть — отхватит палкой. Ага, лег смиренехонько... Умный.

Ну что же, по крайней мере, его не гнали и даже готовы были расщедриться на оставшиеся от ужина кости... Сварог лежал, разглядывая странников, переставших обращать на него внимание — только девушка временами с любопытством бросала быстрые взгляды. На шее у нее Сварог заметил серебряное ожерелье, потемневшее, искусной работы. Интересно. Фигляры принадлежат к самой низшей, Железной гильдии, ей, как и Медной, ношение не то что золотых, но даже и серебряных украшений категорически запрещено стародавними писанными правилами. А впрочем, это еще ни о чем не говорит. Женщины есть женщины. В большом городе к девчонке моментально прицепилась бы полиция и влепила нешуточный штраф, а вот в провинции на такие вещи обычно смотрят сквозь пальцы — за исключением провинциариев.

На поясе у бородатого висит внушительный нож с ручкой из оленевого рога — ну, на сей раз ничего противозаконного, в путешествии такое право имеет любой, и члены низших гильдий, и крестьяне. На груди у него, как и положено, гильдейская бляха: королевская корона, эмблема гильдии, два перекрещенных дорожных посоха, свидетельствующие, что обладатель бляхи не «приписан» к определенному го-

роду или провинции — ничего странного, фиглярам так и полагается... У пожилого такая же бляха... и у девчонки тоже, значит, она числится полноправным подмастерьем... ага, и у женщины бляха на груди, а не ее уменьшенное подобие на цепочке на шее. В общем, все при деле.

Ну что, рискнем?

С того времени, когда Сварог увидел лежащий рядом с бородатым виолон, он уже не ломал голову, каким образом себя предъявить. Встал, подошел к виолону, приметился и царапнул струны когтями, а когда они издали немелодичный звон, поднял голову и взвыл. Еще раз дернулся, взвыл...

Вот теперь на него уставились все четверо.

— Лопни мои глаза! — воскликнул пожилой дядюшка Патек. — Да он вроде бы как играет и поет!

Глядя на него, Сварог неторопливо кивнул пару раз.

— Ортог, ты видел? — охнул пожилой. — Киваёт, будто говорит: ну да, так и есть... Эй... Ты собака?

Сварог, неотрывно уставясь на него, так же неторопливо замотал головой. И тут же отпрыгнул подальше — бородатый Ортог с неожиданным проворством выхватил нож, вскочил, пригнулся, целясь в Сварога хорошо заточенным клинком, не сводя с него глаз, распорядился:

— Патек, беги за топором! Маритана, Кайя, быстренько мне за спину!

Пожилой не так уж и быстро направился к фургону, поминутно оглядываясь. Девушка юркнула бородатому за спину, а вот женщина осталась стоять, пытливо разглядывая Сварога. Сказала раздумчиво:

— Отец, что ты раскипятился? Что уж так сразу?

— За спину мне! — сквозь зубы приказал Ортог. — Мало слышала про здешних оборотней? Кайя, кому говорю!

Женщина, не двигаясь с места, разглядывала Сварога с нешуточным любопытством.

— Отец, вечно ты торопишься... — сказала она спокойно. — Трудно, что ли, проверить?

Она достала из кошеля на поясе серебряную монету и бросила в Сварога — по-женски отведя назад всю руку.

Промахнулась. Монета упала в паре шагов перед Сварогом. Мигом сообразив, что к чему, он подошел, спокойно наступил на нее, потом опустил голову и после нескольких безуспешных попыток все-таки ухватил зубами. Сел, держа монету в зубах, виляя хвостом.

— Ой, пап! — взвизгнула девушка. — Не действует!

— Ну, — поддержал Патек, успевший-таки вернуться с топором, но державший его в опущенной руке. — Нисколечко не действует. Ортог, отроду не бывало таких оборотней, чтобы на них серебро не действовало. Оборотня бжгло, как угольями...

— Может, монета фальшивая, — настороженно бросил Ортог, не отводя глаз от Сварога.

— Натуральное серебро, — спокойно сказала Кайя.

— Это точно, — подтвердил Патек. — Чтобы я да фальшивой монеты не распознал? Шалишь... Ортог, это, точно, не оборотень.

— Хрен редьки не слаше, — бросил Ортог. — Не оборотень, так обращенный, тут уж только одно из двух...

— Так ведь совсем другое дело...

— Не скажи, — упрямо возразил Ортог. — Мало ли за что его могли... Помнишь, в Ратардине рассказывали про того мерзавца? Который настолько достал деревню, что мужики собрали денег на знающего человека, а когда тот его оборотил волком, в лес погнали? Так что кто его знает, этого красавца...

— А вот мы сейчас и посмотрим, — спокойно сказала Кайя и направилась к Сварогу.

— Кайя! — прямо-таки взревел Ортог.

— Не шуми, отец, — сказала она, не оборачиваясь. — Подумаешь, чудище болотное... Это ж сейчас просто собака...

Ортог остался стоять, крутя головой, скрипя зубами, не выпуская ножа: ну, кажется, ясно, кто тут глава семьи... Подойдя вплотную, Кайя без всякого страха положила Сварогу ладонь на голову. Сварог не шевелился. Так-так-так... Никакая не колдунья, не ведьма, магией не владеет — просто-напросто кое-какое слабое умение тепло и тепло. Так иногда случается с людьми, у кого в

роду были сильные з на ю щ и е: умения не унаследованы, но о г о н е ч е к остался...

— Вот что я тебе скажу, отец, — обернулась она. — Нет в нем ни зла, ничего бы то ни было ч е р н о г о. Зато несправедливостью так и шибает. Несправедливо с ним поступили, вот что я тебе скажу. Уж такие-то вещи...

Вот чертовка, не без восхищения подумал Сварог. Я же должен быть в о о б щ е закрыт от подобного, ничего она не должна почувствовать, ни зла, ни добра, ни случившейся несправедливости.

Видимо, обращение в собаку как-то повлияло на обычную защиту...

К некоторому его удивлению. Ортог, хотя и выглядел нешуточным упрямцем, в дискуссию вступать не стал. Сунул нож обратно в ножны и независимым тоном procedил:

— Тебе, мать виднее... Патек, да что ты стоишь с топором, как дурак? Дрова рубить собрался?

— Ой... — в совершеннейшем восхищении протянула девушка, выходя из-за спины отца. — Обращенный, мам? И несправедливо? Как в романе...

— Во-во... — пробурчал Ортог. — Интересно, что ему от нас надо? — он не смотрел на Сварога. — Только пожрать?

Сварог помотал головой, подошел к ближайшему фургону, положил лапу на опущенную в задке лесенку.

— Лопни мои глаза! — охнул Патек. — Да он, кажись, в попутчики просится!

Сварог закивал.

— Тоже, нашелся попутчик... — пробурчал Ортог. — Самим жрать нечего...

— Отец... — решительным тоном сказала Кайя.

— Ну? Пятнадцать лет как отец...

— Тебе в жизни бывало скверно?

— А то не знаешь...

— Тебе люди помогали? Просто так, по доброте?

— Ну, случалось...

— И сколько раз случалось... — кивнула она. — А мы что, не люди? Человека в животное перекинули, совер-

шенно несправедливо... Это малость похуже, чем все, что с нами случалось...

— Оно так, Ортог... — нейтральным тоном поддержал Патек.

— Ой, пап... — девушка смотрела на Сварога во все глаза. — Ну раз так, то нельзя же... Вон, у него лапы сбиты чуть не в кровь...

Ему бы и в самом деле в фургоне проехать...

— Жалостливые все... — бурчал Ортог, но уже без злобы. — Несправедливо обращенный, как в романе... И вообще, Маритана, это заколдованный принц... или там герцог. Ты его сейчас поцелуешь, он обратно обернется славным витязем, писанным красавцем, да тут же на тебе и женится... И будешь жить-поживать в замке, есть — пить на золоте... Иди, поцелуй, авось...

— Пап, ну что ты зверя из себя строишь...

— Да мне-то... Леший с ним, — сказал Ортог. — Пусть едет, раз уж такое... Только куда этому молодчику надо, хотел бы я знать? — Он уставился на Сварога. — Куда? В Горрот? Нет? В Глан? Ну, мы и сами в Глан... Только имей в виду, сударь милостивый: вот эта похлебка, что сейчас доспеет — последняя. И монета у Кайи тоже последняя. Так что, если завтра нигде не заработкаем, жить придется с пустым брюхом, всем, и тебе тоже. Что это ты?

Подойдя к Кайе, Сварог наклонил голову и принялся старательно тереться шеей о ее колено.

— Что такое... — недоумевающе протянула она. — Тряпица... Или платок... Хочешь, чтобы я развязала, да? Отец! Ты посмотри, сколько у него тут денег.

— Угу... — проворчал подошедший Ортог. — Хоть он и жертва несправедливости, как ты, мать, заверяешь, а денежками не обижен...

— Ну что ты носом тычешься? — с материнской интонацией спросила Кайя. — Хочешь, чтобы я взяла? Точно? Ну, вот видишь, отец, человек деньги предлагает... Знаешь, как решим? — сказала она хозяйственно. — Если завтра не удастся ничего заработать, обязательно возьму пару сестерциев, без всякой ложной гордости — денег-то и впрямь нет... А пока носи, — она ловко завязала платок

вокруг шеи Сварога. — Мало ли где тебе еще пригодится... Зачем тебе, кстати, в Глан? Там что, могут помочь? Понятно... Ну, давайте ужинать, готово ведь...

...Сварог, привыкший к самым невероятным поворотам судьбы, лежал у давно прогоревшего костерка — с приятным ощущением сытости в брюхе и полным спокойствием на душе. Вечерело, но с Тракта по-прежнему доносился неумолчный шум — стук колес, стук копыт. Погони до сих пор никакой не объявилось — но провести ночь, конечно же, следует не в фургоне, а на вольном воздухе, на всякий случай...

Ортог и Кайя о чем-то тихо переговаривались, сидя возле фургона и разглядывая карту. Патек, ко всему прошедшему относившийся с философским спокойствием, лежал неподалеку на расстеленной холстине, покуривал трубочку и смотрел в небо. Сварог ему мучительно завидовал: курить все дни хотелось адски, но тут уж ничего не поделаешь...

Подошла Маритана, присела на корточки, глядя на него с прежним жадным любопытством.

— Жутко мне интересно, за что тебя... так, — сообщила она тихонько. — А вдруг и правда какая-нибудь любовная история?

Сварог замотал головой.

— Нет? — сказала она с великим сожалением. — А за что ж тогда? Хотя, подожди, надо ж сначала догадаться, кто ты такой? Местный? Нет? Издалека? Ага... Ты крестьянин? Нет... Гильдейский? Тоже нет... Из Сословия? Военный? Моряк? Неужели лар? Ух ты! — восхищенно выдохнула она. — Правда? Может, у тебя и титул есть? Ух ты! Маркиз? Виконт? Барон? Граф! Честно, не врешь... не врете? Ну, надо же... И за что же с вами так, какие-нибудь дворцовые интриги?

Сварог кивнул. Собственно говоря, он нисколечко не врал — среди его титулов имелся и графский, а произошедшее с ним, пожалуй, можно назвать и дворцовыми интригами: безусловно, у Одо имелись сообщники, входящие в один из его дворцов, иначе откуда он знал столько? Вполне возможно, что и сам Одо — мелкий исполнитель,

а г л а в н ы й, сволочь такая, занимает немаленький пост, носит придворный чин, и Сварог, вполне может оказаться, давно с ним знаком. Невозможно же регулярно устраивать проверку на лояльность скопищу придворных, военных и прочих чинов, выстраивать их в длиннейшую шеренгу и, обходя ее, расспрашивать каждого: «А не злоумышляете ли вы против меня?» «А не состоите ли в «Черной благодати»?». Нереально. При близком, непосредственном общении с человеком такое почувствуешь сразу — но мало ли в его королевствах высокопоставленных особ, с которыми он ни разу не беседовал накоротке? Вот и замешалась среди них какая-то сволочь...

Маритана на миг потупилась:

— А вы, должно быть, молодой и красивый? Нет? Но не старик же? — воскликнула она, чуть разочарованная, но явно жаждавшая, чтобы хоть что-то напоминало сцены из дамских романов. — Не старик... Средних лет, да? А в Глане вам, значит, вернут прежний облик... Вы потом соизволите ко мне прийти? Ужасно хочется посмотреть, какой вы на самом деле. Правда? Обещаете? Мы в Глане будем долго. Там, знаете ли, народ поприятнее, — она опустила глаза. — А то натерпелась я тут, от провинциальных дворянчиков и просто всяких... с толстыми кошельками. Думают, если девушка из Железной гильдии, да еще фиглярка, достаточно монетами позвенеть и поманить пальцем... И к маме приставали... А в Глане люди проще и доброжелательней, папка там бывал, он знает... Киваете? Бывали там? А как вы думаете, удастся там надолго поселиться? А то и вообще перейти в тамошнее подданство? Кивает... не плохо было бы... — она оглянулась на родителей и заговорила совсем тихо. — А то папку, скажу вам по секрету, выслали из Равены и запретили нам еще целую кучу губерний, получается, полстраны. Сказали, вернемся — посадят... Вы не подумайте дурного, просто папка у нас бесшабашный... Сочинил однажды песенку про короля Сварога, начал распевать по окраинам... И ничего там такого не было особенного... — она склонилась к уху Сварога и шепотом пропела:

У фигляра мало шмоток,
у монарха вся страна.
У Сварога сто красоток,
у меня одна жена.
Мне случалось пробавляться
только миской щей пустых,
а Сварог рубает яства
на подносах золотых.
Эвон как он размахнулся,
весь Харум, считай, при нем.
Только я б не поменялся
с нашим светлым королем...

Вот... А дальше поется, что сам папка во дворце, на троне очень быстро умер бы со скуки, и ему гораздо приятнее раскатывать по всему свету вольной пташкой. Корявенькие вирши, конечно, поэт из папки никудышный... но вот подумайте сами, разве тут есть что-то оскорбительное для королевской чести? Одно озорство, и все. А папку неделю продержали, потом всех выслали... Ему написали «непочтение без злоумышления», сказали, что еще легко отделался... Что при Конгере было бы гораздо хуже, а Сварог милостив... Неужели он и такими пустяками занимается? Ну, зачем ему? Он такой... великий. И боится каких-то глупых песенок...

Сварог ощущил жгучий стыд. Об этой истории он в жизни не слыхивал — она относилась к тем мелочам, о которых Интагар никогда не докладывает, а сам Сварог не интересуется. Выражаясь в просторечии — бытовуха, пустяки. Кто ж знал, что эти пустяки бывают воплощены в живом облике такой вот четверки... Ну да, некоторые послабления последовали с его восшествием на престол... но масса законов, чуточку смягченных, не отменена, и механизм работает по-прежнему... И ведь нельзя иначе, Конгер был прав, поводья нужно ослаблять медленно, ужасно медленно, народ наш, увы, сплошь и рядом любые послабления принимает за слабость власти и наглеет, распускается... Король просто обязан проявлять порой твердость... но как быть, если сухие строчки протоколов вдруг обираются такой вот девчонкой с доверчивыми глазами?

— А вы видели короля Сварога? Бывали во дворце? Ух ты... Он сердитый? Нет? А вот в народе втихомолку говорят, что сердитый. Гонят людей в Три Королевства, даже если кто-то не хочет, два новых налога ввели... — она вздохнула. — Я бы вас про многое порасспрашивала, только не получится вот так — кивками и метаньями головы... Вы потом со мной встретитесь? Расскажете про дворец и короля? А то одни говорят, что Сварог, хоть и герой, но злющий, другие твердят, что просто должность у него такая — тираном быть... Я сама даже и не знаю, что я видела...

На счастье Сварога, к ним подошел Ортог. Беззлобно хмыкнул:

— Шушукаетесь? Ну, и что интересного тебе наш новый попутчик порассказал?

— Пап, а он, оказывается, граф. И во дворце бывал...

Ортог фыркнул:

— Я ж тебе говорю: целуй его быстрее, не упускай, дуреха, своего счастья. Авось обернется графом...

— Пап, да ну тебя...

— О тебе же забочусь, глупая... — он отвесил Сварогу церемонный поклон. — Вдруг да вы холостой, ваше сиятельство? И, как в ее любимых романах, только и мечтаете, чтобы жениться на своей спасительнице? — он изменил тон. — А если серьезно, Маритана, завтра нам может и повезти. В десяти лигах от тракта есть фригольдерское село. Не знаю, чем они там живут, но если у них не страда, можем немного подзаработать. Всем придется потрудиться как следует... кроме нашего попутчика, понятно. Его, к превеликому сожалению, к делу не приспособишь никак.

Сварог смотрел через его плечо. Небо потемнело, но звезды еще не показались — только там, где обычно, колючим огоньком горела Багряная Звезда. Он вновь ощутил досадное бессилие — Чертова Мельница приближалась, а Сварог до сих пор не знал, что с ней можно сделать, и можно ли вообще... Считанные недели остались...

К ним подбежал Патек, на ходу пряча в карман трубку. Сказал радостно:

— Господа мои, есть еще мозги в этой старой лысой башке! Я такое придумал...

— Ну? — кратко спросил Ортог.

— Конечно, если наш попутчик согласится... Но, в конце концов, тут нет ничего для него унизительного... даже если вы, сударь, и в самом деле из благородных. Всего-навсего немного помочь бедным фиглярам...

— Ну, давай говори дело, — сумрачно поторопил Ортаг.

Патек обвел всех ликующим взглядом:

— Судари мои и сударыня! Мне вот пришло в голову, что наш попутчик и в нынешнем своем качестве способен принести немалую пользу для фиглярского дела...

— Дело давай.

— А вы еще не догадались? — воскликнул Патек. — Лопни мои глаза, ведь получится классическая Ученая Собака!

Глава XVI

ТИХАЯ УЮТНАЯ ДЕРЕВНЯ

— Повезло нам, — тихонько сказала Маритана. — Нет у них страды, почитай, вся деревня собралась...

Она сидела рядом со Сварогом и тоже наблюдала за происходящим через щелочку в занавеске, прикрывавшей распахнутую дверь в задке фургона. Сварог подумал: знай он заранее и сохрани он членораздельную речь, мог бы их предупредить, что, действительно, никакой страды нет. Главные занятия здесь по скучности земель — овцеводство, рыбная ловля и охота. Есть еще не особенно обширные посевы ячменя (почти весь урожай сбывается на пивоварни в близлежащем городке), но его еще рано убирать...

— Почтенные! — неожиданно зычным, хорошо поставленным голосом возгласил дядюшка Патек, встав перед собравшимися. — Мы не самые лучшие на этом свете, но и не самые худшие...

К некоторому удивлению Сварога, ожидавшего шуток и кривляний на манер балаганного зазывалы, Патек держался осанисто, говорил серьезно, словно читал вслух очередную официальную бумагу из провинциария. Сварог недоуменно покосился вправо — там висел на гвоздике классический шутовской наряд: полосатое желто-сине-красное трико с пришитыми повсюду разноцветными помпонами.

Маритана перехватила его взгляд и, видимо, поняла:

— А он тут так и провисит, господин граф... Это в больших городах простонародье обожает, когда ломаются шуты, а крестьяне совсем другие, они кривляний не любят, и клоуны у них не в чести. С ними надо серьезно, обстоятельно...

Закончив свою недолгую речь, Патек отступил. Вперед вышли принаряженные Ортаг с женой. Зазвучали аккорды виолона, они запели на два голоса.

*В старь, во время оно,
в сказочном kraю
Пробирался конный
степью по репью.
Он спешил на сечу,
а в степной пыли
темный лес навстречу
вырастал вдали.
Ныло ретивое,
на сердце скребло:
Бойся водопоя,
подтяни седло...
Не послушал конный
и во весь опор
запетел с разгону
на лесной бугор...*

Маритана шепнула: — Обожают крестьяне балладу о рыцаре, деве и драконе...

Действительно, стояла совершеннейшая тишина. Поэтому Ортаг наверняка был никудышным, но пел красиво, басом. Они с Кайей мастерски тянули в два голоса: временами, когда начинался очередной куплет, Ортаг понижал голос, так, что его едва было слышно, и над обширной деревенской площадью взлетал чистый, звонкий, совсем молодой голос Кайи:

*И забрел в ложбину,
и лесной тропой
вышел на звериный
след и водопой.*

*У ручья пещера,
пред пещерой — брод.
Как бы пламя серы
озаряло вход.*

...И правда, похоже, собралась вся деревня, за исключением самых дряхлых и самых маленьких. Люди стояли почти замкнутым кругом, в центре на единственном табурете расположился староста — пожилой, с проседью, с лицом умным и хитроватым.

*И в дыму багровом,
застылашем взор,
отдаленным зовом
огласился бор.
И тогда оврагом,
вздрогнув, напрямик
tronул конный шагом
на призывный крик.
И увидел конный,
и проник к копью,
голову дракона,
хвост и чешую.
Пламенем из зева
рассевал он свет,
в три кольца вокруг девы
обмотав хребет.
Посмотрел с мольбою
всадник в высъ небес
и копье для боя
взял наперевес.
Сомкнутые веки.
Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века...*

Слушали с величайшим вниманием, даже детишки больше не шумели и не возились. Звонкий голос Кайи был исполнен трагического надрыва.

*Конный в шлеме сбитом,
сшибленный в бою,
верный конь, копытом*

*топчущий змею...
Конь и труп дракона
рядом на песке.
В обмороке конный,
дева в столбняке.
...То в избытке счастья
слезы в три ручья,
то душа во власти
сна и забытья.
...Но сердца их бьются,
то она, то он
силятся очнуться
и впадают в сон.
Сомкнутые веки...
Выси... Облака...
Воды... Броды... Реки...
Годы и века...*

И все закончилось длинным, затухающим аккордом. Люди, чуть присев, вразнобой, ожесточенно принялись хлопать себя ладонями над коленками — именно так у крестьян испокон веков и принято аплодировать, в отличие от города, где все же хлопают в ладоши. Староста, конечно, остался неподвижен — ему, надо полагать, неуместно... А человек за его правым плечом...

Самые обыкновенные жители провинциальной глупши: землепашцы с клочками соломы в волосах, рыбаки в высоких кожаных сапогах, чабаны в войлочных плащах, охотники. Все здесь самое обычное, заурядное даже...

Кроме названия. Деревня именовалась Туарсон...

Ортаг и Кайя затянули новую, уже знакомую Сварогу, в отличие от первой, балладу — о неудачливом мельнике. Баллада была веселая, и зрители в нужных местах хохотали от души.

Сварог обводил взглядом толпу. За все время пребывания в деревне он не почувствовал магии, ни капельки: впрочем, и раньше было ясно — здесь что-то другое... Еще в первые минуты, вот ведь что, у него слово бы споткнулся взгляд — когда он увидел того самого, за правым плечом старости. Никогда прежде со Сварогом не случалось — но взгляд как-то так споткнулся...

Самый обычный человек: лет сорока, в костюме охотника, черноволосый, усатый, ничего в нем нет неприятного. К сожалению, стоит слишком далеко, чтобы Сварог мог его прощупать. Вот только о нем как-то странно запнулся взгляд — а еще, когда крестьяне взялись хлопать на свой манер, в первый миг руки черноволосого машинально дернулись так, словно он привык аплодировать исключительно по-городскому. Потом опомнился, как все, присел и принялся хлопать себя над коленками, но этот миг бы л...

Потом Маритана жонглировала булавами, шарами, зажженными факелами — и получалось это у нее достаточно ловко. Потом дядюшка Патек в мертвой тишине медленно глотал меч — натурально, без всякого обмана, предварительно показав ближайшим и попросив удостоверить, что здесь нет никакого мошенничества. Сварог такое видел впервые в жизни, даже на него произвело впечатление, что уж говорить о крестьянах.

И наконец Патек провозгласил:

— А теперь, почтенные — Ученая Собака! Особыми талантами она не блещет, писать и читать, к примеру, не умеет вовсе — зато считает не хуже губернского счетовода. Чтобы вы убедились в отсутствии всякого жульничества, наших вещичек мы собаке предъявлять не будем. Соблаговолите, кто желает, выложить что-нибудь свое — и собака его вмиг сочтет.

Сварог, вымахнув из фургона, подбежал к Патеку и уселся рядом. Пауза тянулась недолго — рослый парень с живым, лукавым лицом первого затейника, хохоча, вмиг сорвал шапки с нескольких приятелей, подошел к Сварогу, положил перед ним две и спросил весело:

- Ну-ка, сколько я кладу?
- Гав! Гав! — ответил Сварог.
- Ух ты! А теперь?
- Гав! Гав! Гав! Гав!

Выступать в роли ученой собаки оказалось скучнейшим делом: парень то убирал шапки, то добавлял, то присоединял к ним всякую мелочь из карманов — трубку, кисет, складной нож, моток бечевки. Оставалось лишь прогавкать соответствующее количество раз.

Правда, параллельно, оказавшись наконец рядом, Сварог старательно изучал Черноволосого. Результат оказался загадочным: ни капли магии, ничего подобного, но явственно ощущается исходящая от человека некая не понятность. Так совсем недавно было со старухой Грельфи: она упорно чувствовала некую непонятность, но не могла объяснить, в чем та заключается. Теперь, когда и с ним такое случилось впервые в жизни, Сварог ее отлично понимал...

Наконец, когда прискучило, парень вернулся в толпу и стал раздавать шапки приятелям. Вперед вышел охотник с широким добродушным лицом записного балагура и громко возвестил:

— Вот нутром чую, что тут плутовство, а доказать не могу!

Патек моментально откликнулся:

— А вы сами проверьте. Мы, все четверо, чтобы было уж совершенно по-честному, вообще с глаз долой уйдем...

— А давайте! — азартно воскликнул охотник. — Чтоб по-честному!

Вся четверка скрылась в фургоне. Охотник подошел к Сварогу, громко приговаривая:

— А чтоб совсем по-честному, мы вот так сделаем...

Со сноровкой привыкшего обращаться с собаками человека он взял Сварога за обвязанный вокруг шеи платок и развернул мордой к толпе, спиной к фургону, а для пущей надежности еще и встал так, чтобы полностью заслонить спиной фургон от Сварога. Пошарив по карманам, извлек горстку монет, парочку свинцовых пуль, круглую коробочку из рога, судя по запаху, табакерку. Приговаривая: — Вот теперь мы тебя и испытаем, господин счетовод... Ну-ка, сколько у меня на ладони всего?

Он убавлял, прибавлял — а Сварог старательно лаял. Лицо охотника становилось все более удивленным, и вскоре он, распихав все обратно по карманам, сдвинув каталану на нос, ожесточенно чеша в затылке, возгласил:

— Народ, а ведь все без обмана! Сам считает! А магии тут ни на кончик ногтя. Сами знаете, что мне от бабки досталось — ничего такого не знаю и не умею, просто-

напросто магию чую моментально, будто какой сильный запах... Ни капли! По-честному! Умеет псина считать...

Сварогу зааплодировали — нужно признать, гораздо жиже, нежели остальным фиглярам. Вообще, сильнее всех хлопали при исполнении баллад, особенно про рыцаря, деву и дракона. Сварог хотел было раскланяться, но вовремя спохватился: не стоило показывать себя с л и ш к о м умной собакой...

Он поймал на себе внимательный взгляд Черноволосого — нет, ни какого бы то ни было воздействия с его стороны, ни попытки магически прощупать. Просто слишком уж внимательный, слишком уж цепкий взгляд. Интересный человек, нужно его хорошоенько запомнить, при случае, в более удобных обстоятельствах, быть может, и следует пообщаться...

Черноволосый не отводил взгляда — и Сварог, отвернувшись от него, принял демонстративно чесать лапой за ухом, изображая натуральнейшую собаку.

...По деревне он бродил невозбранно, никто на него не кричал и не гнал — поглядывали, с ухмылочкой крутили головами, и только. Сидевшая у колодца кучка охотников — среди них был и тот, балагур — приветствовала его веселыми возгласами. Один как раз рассказывал, что считающая собака — это, в принципе, не так уж и удивительно, вот сам он видел одного гончака, так тот был даже почище, читать умел... ну, не так чтобы книги, но вот вывески читал, сразу определял, где корчма, где управа, где гербовые доски королевских лесничих с запрещающими охоту надписями. Судя по реакции слушателей, оратор давно числился среди записных вралей...

Сосчитав по просьбе охотников очередную порцию монет и пуль, получив за это кусок пирога с зайчатиной, Сварог сковал вознаграждение, помахал хвостом и направился дальше. Он и сам не знал, зачем слоняется по улицам, не рассчитывал обнаружить ничего с т р а н о г о — просто тянуло, коли уж выпал случай, осмотреться как следует.

Ну, и толку? Повсюду — самые обычные люди, поглощенные самыми обычными занятиями, нигде не то чтобы следа магии, но и той загадочной непонятности, что исходила от...

— Бетта, ну хватит, что ты!

Сварог резко остановился, повернул голову. Бетта?!

На лавочке у ворот ревела девчонка лет шести, светленькая, в синем платьице и красном корсажике. Зажав лицо ладошками, рыдала самозабвенно, взахлеб, как умеют только в детстве. Другая девчонка, гораздо старше, лет четырнадцати, сидела перед ней на kortochkax и пыталась успокоить:

— Бетта, да хватит уже! Ну что такого случилось?

— Они уходят... Очень-очень далеко... — всхлипывала Бетта.

— Да кто?

— Друзья... Подружки...

— Ох, ну ты опять выдумывать начинаешь... — повзрослуому серьезно вздохнула вторая, очень похоже, старшая сестра. — Сколько можно, Бетта? Никто никуда не ушел, все друзья и подружки в деревне, только Ксанти уехал с отцом в город, но он же непременно вернется деньков через пару...

— Ты не понимаешь... Это не те... Это те, которые там... — Бетта подняла к небу заплаканное лицико. — Они уже уходят, и неизвестно, когда вернутся...

— Ой, да не выдумывай! Ну какие у тебя там могут быть друзья? Там — Высокие Господа Небес... Горе ты мое, ты ж уже большая, должна понимать и не завираться совсем уж... О! Смотри, кто пришел! Ученая собака, которая считать умеет. Хочешь, она тебе посчитает? Ты ей что-нибудь покажешь, а она посчитает, сколько у тебя чего... Песик! Песик!

— Не надо мне никакого песика... — рыдала Бетта. — Ничего не хочу считать. Они уходят, сами сказали...

Сварог смотрел на нее во все глаза: ну, здравствуй, милая... Нужно запомнить дом, ворота, непременно встретимся в другое время, нужно же узнать, как тебе такое удастся... Не телепатка же ты, ничего такого не ощущается. Обязаны быть какие-то приспособления, непременно...

Он побрел дальше. Собственно, и не было смысла шляться дальше по Туарсону — хватало и того, что

Но ничего ему больше не открылось — кроме развеселой компании парней и девушек, сидевшей на аккуратно сложенных у забора бревнах — неошкуренных, сухих, сразу видно, явно предназначенных на дрова. Он не свернул бы в тот переулок, прошел бы мимо. Но замер, как вкопанный, услышав вслед за аккордами виолона знакомый баритон:

*Любовь, как роза красная,
цветет в моем саду.
Любовь моя — как песенка,
с которой в путь иду.
Сильнее красоты твоей —
моя любовь одна,
она со мной, пока моря
не высохнут до дна...*

Среди прочих на бревне непринужденно разместился граф Гаржак, одетый соответственно принятой на себя «легенде». Самую чуточку ломаясь, со всеми повадками городского ухаря невысокого полета, томно ухмыляясь, он наигрывал и пел с преувеличенной театральностью:

*Не высохнут моря, мой друг,
не рушится гранит,
не остановишь водопад,
а он, как жизнь, бежит...*

Судя по лицам остальных, граф давно был принят в компанию. Интересно, наткнулся он уже на Бетту, живущую в паре минут ходьбы отсюда, или продолжает искусственные подходы...

Господи, Гаржак... Из того мира, куда неизвестно когда удастся вернуться... Сварог стоял, тоскливо уставясь на меломанствующего графа: вот уж кто великолепно умеет читать по-писанному... но не при остальных же писать... знать бы, где он остановился... но завтра с рассветом филяры собирались тронуться в путь... Остаться здесь? Най-

ти Гаржака? Но даже если Сварог его отыщет и объяснится, графу придется добираться до Гаури даже дольше, чем Сварогу до гланской границы. Так что бессмысленно...

— О! Собака! Та самая, ученая!

— Тю-тю-тю! Иди сюда!

— Иди, посчитаешь что-нибудь! Колбасы дадим!

— Это еще что! — засмеялся Гаржак. — Видел я одного пуделя, так тот умел натуральнейшим образом выговаривать «вино». Больше, правда, ничего не умел...

— А что... У Бонета пес выговаривал «мама», я своими ушами слышал, когда пес еще был живой...

— Иди сюда, счетовод!

Совершенно не тянуло их развлекать, муторно стало на душе невероятно — и Сварог, бросив на Гаржака последний тосклиwyй взгляд, затрусили прочь.

...Староста степенно вошел под навес возле постоянного двора, где обедали все четверо — а рядом примостился Сварог со своей миской, в охотку наворачивая вареную требуху с каешей. Лицо у старосты было непроницаемое, замкнутое, его сопровождал рослый малый в одежде охотника, с ножом на поясе.

Ортаг отложил ложку, привстал:

— Наше почтение, жамый...

— Наше почтение, — без выражения сказал староста. — Вы доедайте, не вставайте, чего уж... Я не губернатор какой... Хорошо вас тут кормят?

— Неплохо.

— Ну вот и ладненько... — вздохнул староста. Положил на стол из некрашеных досок небольшой звякнувший мешочек. — Тут вот еще немножко, к тому, что вы собрали... От управы, стало быть... В дороге пригодится...

— Благодарствуйте... — сказал Ортаг чуть настороженно.

Сварог его понимал. Был в этом внезапном визите оттенок некоей странности — с чего бы высокой по здешним мерам персоне, старосте процветающей фригольдерской деревни, лично снисходить до бродячих фигляров, чтобы подбросить им еще малую толику денежек. Послал бы

писца или этого вот молодчика, уставившегося очень уж неприязненно...

— Да что там... — отмахнулся староста. — Так, пустячок... Только вот что, жамый Ортаг... Вы уж, когда доедите, будьте так любезны прямо-таки незамедлительно ехать прочь из деревни, своей дорогой, куда вы там собирались... Незамедлительно, вот именно...

— Что случилось, господин староста? — тихо спросил Ортаг, помрачнев на глазах.

— Да ничего не случилось. И не хочу я, чтобы что-нибудь случилось... — староста, преувеличенно прикрахтывая по-стариковски, опустился на лавку напротив Ортага. — Мы тут люди, знаете ли, простые, и жизнь у нас простая, незатейливая. Может, кому не понравится, но уж какая есть... Привыкли жить по-своему, уж не посуетьтесь... Или вы против?

— Да как же мне быть против? — сказал Ортаг, натянуто улыбаясь. — Тут все ваше, а значит, и порядки свои...

— Вот как вы все распрекрасно понимаете, жамый, — кивнул староста одобрительно. — А значит, соображаете, что ни к чему вам лишние хлопоты, да еще в чужом kraю, где прав у вас, откровенно говоря — фига да маленько...

— Что случилось, господин староста? — повторил Ортаг.

— Ничего, говорю же, не случилось. Просто так обернулось, что вы тут совершенно не ко двору. Ничего не скажешь, поете вы с женушкой красиво, душевно поете, век бы слушал. И доченька ваша, хоть и молоденькая совсем, ремесло знает. И дядюшка ваш железо глотает самым натуральным образом, залюбуешься... Вот только э т а к о е мошенство нам тут совершенно ни к чему, — он откровенно уставился на Сварога. — Не надо было нам этакое подсовывать под видом обыкновенной ученой собаки... И не взметывайтесь с лавки с оскорблением видом, жамый, я вас душевно умоляю. Вы ж прекрасно соображаете, что к чему, а? Соображаете...

Стояла напряженная тишина. Ортаг молчал, понурясь.

— Ну вот совершенно ни к чему нам тут э т а к о е... — тем же вялым, лишенным эмоций голосом продолжал

староста. — А потому будьте любезны, как доедите, садиться на облучки и уезжать подобру-поздорову. Вот именно, подобру-поздорову. Пока честью просят. Кто-нибудь другой на моем месте поступил бы и покруче, ну да я человек, право слово, совершенно не злобный. Езжайте уж добром, куда вам там... Так оно для всех лучше будет и спокойнее. Ведь правда?

— Как прикажете, — сказал Ортаг, не поднимая глаз.

— Да разве ж я могу вам приказывать? Вы человек сторонний, к деревне не приписаны. Я вам советую, по-отечески прямо, и не более того... — его голос набрал жесткость. — Я там распорядился, на конюшне, ваших лошадок запрягли уже, овсесца подбросили напоследок... Уезжайте уж по-хорошему...

— Сейчас же уедем, — сумрачно сказал Ортаг.

— Да зачем же сейчас? Я ж говорю — дообедаете спокойно... а там уж извольте сразу в путь. Удачной вам дороги и всех благ.

Он, покряхтывая, встал, едва заметно поклонился и степенно направился прочь. Охотник, задержавшись на миг, выразительно поиграл густыми бровями, ухмыляясь, многозначительно похлопал по рукояти ножа и заспешил вслед за принципалом.

Шумно отодвинув миску, в которой тяжело плескалась густая похлебка, Ортаг распорядился:

— Пошли. Не помрем и без жаркого, деньги есть... — он взял со стола мешочек, подкинул на ладони и опустил в карман. — Расщедрился напоследок... Вообще-то он прав, другой бы на его месте...

Никто не произнес ни слова — остальные молча, с серьезными лицами вставали из-за стола. Сварог виновато отвернулся.

— Да вам-то уж чего кукситься... — хмыкнул, глянув на него, Ортаг. — Вы тут ни при чем. Не вы ж все затеяли, придумал Патек, а я, дурак, согласился...

— Кто ж знал, что они просекут... — пожал плечами Патек.

— Да я и тебя не виновачу, — буркнул Ортаг. — Пакостное занятие — виноватых искать, когда в этом нет ни-

какого смысла. Оба хороши. Решили, проскочит, а оно не проскочило. Кто-то у них тут есть знающий, и гадать нечего. Крепенько ж они иные вещи недолюбливают, если вызверились даже не наоборотня, а на простого обращенного... Ну, чисто монахи, туда их... Ну, что молчишь? — повернулся он к Кайе. — Скажи опять, что я дурень набитый!

— Да зачем же, отец? — ответила она спокойно, с привычным, надо полагать, терпением. — И вовсе ты не дурень. Думали, проскочит, а оно не проскочило, бывает... — она нахмурилась. — Только вот что интересно: я за все время ни разу вблизи от нас знающего не чувствовала...

Я, что характерно, тоже, мысленно добавил Сварог. Значит, у них отыскалось что-то д р у г о е, на то это и Туарсон, от которого, как показывает опыт, можно ожидать любого сюрприза...

— Ну, пойдемте, — нетерпеливо поторопил Ортаг. — Пока они тут добренъкие...

— Ух ты! — вскрикнула Маритана, задрав голову вверх. — Папка, посмотри! В жизни такого не видела!

Все уставились в небо, в том числе и Сварог. Действительно, зрелище небывалое...

С полудня приближались летающие замки, плывущие в небесах безукоризненно точным строем, их было не менее трех десятков, и двигались они гораздо быстрее обычного, не беспечно плавали, как обычно, а спешили куда-то целеустремленно. Землю размеренно накрывали огромные пятна густой тени, когда очередной замок заслонял солнце.

Скрылись с глаз они очень быстро.

— И точно, ни разу не видел, чтобы они этак вот, большой стаей, да быстро... — протянул Патек.

— Нам-то какое дело? — сердито сказал Ортаг. — Мало ли что взбредет в голову Высоким Господам... Пошли уж!

Замыкавший шествие Сварог подумал, что это больше всего похоже на объявленный вдруг «Журавлинный клин». Примерно так и должно выглядеть. «Они уходят...» — плакала Бетта. Кажется, они и впрямь уходят — недели на две раньше намеченного срока. Почему вдруг? Кан-

цлер известен тем, что скрупулезно соблюдает во всех делах им же намеченные сроки и требует того же от других. Или сей час у него не выдержали нервы, и он приказал начать и с ход раньше? Почему бы и нет...

— Как утки, которых вспугнул кто на болоте... — фыркнул Патек.

— Отец... — тихонько сказала Кайя. — А ведь давненько уж говорят, что к нам летит...

— Чертова Мельница? — фыркнул Ортаг. — Слушай больше эти сказочки. Нет никакой Мельницы.

— А помнишь, что говорил монах в Заруме?

Не останавливаясь, Ортаг фыркнул:

— Странствующие монахи, мать, они вроде нас — ради миски похлебки или пары монет любой фокус покажут, любую басню сплетут...

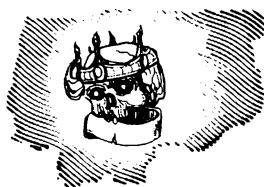
Публика известная. Она ответила задумчиво:

— А мне вот порой кажется, будто я ее вижу. Вон там...

Сварог вздрогнул: она показывала в точности туда, где сам он и днем прекрасно видел багровый огонек, разве что изрядно поубавивший яркости при солнечном свете...

Ортаг остановился, глянул на жену очень внимательно:

— К а ж е т с я? А не — точно? Ну, если кажется, то ерунда. Кажется, перекажется, перемелется... Вот если бы ты сказала, что т о ч н о, я бы, знаешь, поверил... А так... Ладно, пошли. Нужно убираться, а то еще передумают...

Глава XVII

ОДИН-ОДИНЕШЕНЕК

— Дядюшка Патек... — сказала Маритана, сидевшая на облучке рядом со шпагоглотателем. — А вот вы в Чертову Мельницу верите?

— Если честно, даже и не знаю. Как-то получается... Очень уж жутко: все сметет с лица земли, ни хижинки не останется... Жизнь меня научила: когда болтают о ч е р е с ч у р жутком, всегда получаются побасенки. Ты-то, конечно, не помнишь, откуда тебе помнить... Лет двадцать назад по полуночным губерниям шлялся один... пророк. Я его сам в Чибольде видел и слушал. Такой, знаешь, как порядочному пророку и положено: лохматый, грязный, в драной рогоже на голое тело, босиком... Так вот, вещал он перепуганному народу, что через два месяца из Итела полезут в превеликом множестве огненные ящеры, будут, мол, пыхать огнем во все стороны, куда ни попадя, и спасется только тот, кто догадается скрыться в горах, потому что ящеры эти гор почему-то боятся и туда не забредают. Такой, знаешь ли, был пророк... внушительный. Как выпрямится во весь рост, как руки начнет простираять, глазищами сверкает, басом гремит... Иных впечатляло, люди приходили в смятение и панику, некоторые даже, похвавав, что под руку попалось, направлялись к ближайшим горам...

Двадцать лет прошло, а не два месяца. Вылез хоть один огненный ящер? То-то...

Сварог, лежавший за занавеской, за их спинами, слушал болтовню вполуха — у него до сих пор на душе было тяжело после случайной встречи с Гаржаком.

— А что потом было с пророком?

— А ничего хорошего, — хихикнул Патек. — Иных, случалось, после таких вот несбывшихся ужасов народец и сам колошматил чувствительно... Но с этим было иначе. Земли были герцогские, а герцог — может, и живой до сих пор, совсем нестарый был тогда — оказался не только суровым, но и с юморком. Когда среди прочих с его земель побежали его собственные крепостные, он, понятно, осерчал. Велел схватить пророка и привести. И сказал ему так: ваше пророчество, погостите-ка оставшееся время у меня в замке, в уютной комнатке с запором снаружи. Если ящеры и в самом деле полезут, у меня будет время вознаградить вас по-королевски, чем хотите, золотом либо землями. Ну, а если не полезут, уж не посетуйте, велю запороть... Этакий, знаешь ли, был красавчик — брюнет, статный, взгляд хищный, улыбка наглая... Женщинам нравился... и любил воровать с большой дороги красоток попроще, за которых заступиться некому. Вот окажись мы там, тебя бы его ловчие точно украли...

— Да ну вас!

— А я серьезно. Потом уж старались его владения обходить-объезжать — а то налетят ловчие, сцепают с повозки дочку или даже жену, и никак ты их потом не выручишь, разве что королю в ноги броситься, да поди ты доберись до короля... Да и герцог у него был в большом фаворе...

— Вы про пророка, дядюшка Патек!

— А что пророк... Когда срок вышел, герцог, как он сам сказал, ради пущей беспристрастности, выждал лишнюю неделю. А когда и неделя минула — ну, запороли, как и было обещано. Мне его и не жалко нисколько: видела бы ты, какая паника поднялась... Хотя кто их поймет, пророков, кто ж заранее определит, который настоящий, а который врет... Что-то давненько я их не видел, перестали как-то шляться...

— Но мама же вроде видела...

— Вот то-то, что «вроде». Сама сказала: *ка ж е т с я*.

А маму твою я знаю сколько лет, это *ж я* их с твоим папкой познакомил, когда...

— Сто раз рассказывали.

— Ну болтун я, Тана, болтун... В общем, я, как и твой папка, давно понял: когда она говорит уверенно, все так и есть. А если кажется — то оно и есть мерещится...

— А монах? Я ведь тоже слышала...

— Ох-ох, монах... — тяжко вздохнул Патек. — Мы с твоим папкой, сама знаешь, насчет веры придерживаемся двух совершенно разных мнений, но что до бродячих монахов, тут я с ним согласен целиком и полностью: среди них и в самом деле попадаются фантазеры, балаболы, а то и, прости, Единый, сущие прохвосты. Один на моей памяти продавал в Покортуке камешки, якобы... ну, ты уже совсем большая, тебе можно... Камешки, якобы совершенно унимающие у женщины боль при родах. Успел их продать не одну пригоршню — и унес ноги раньше, чем обнаружилось, что никакой боли они не унимают, надо полагать, в придорожной канаве собраны... А ведь монах... А другой... Довелось мне однажды с ним три дня пить в Равене. Хорошо погуляли, душевно, и с винцом, и с... кхм... ну, короче, как следует. *Э т о т* ни у кого денег не выманивал и облапошивать людей не пытался. Вот только толковал мне три дня напролет, что знает, кто у нас Воплощение Воздуха, и где засел (*Сварог моментально навострил уши*). Ты ведь знаешь, что такое Воплощение Воздуха?

— Ага. Мама рассказывала. Четвертое, никому неизвестное.

— Хе-хе-хе... Никому, понимаешь ли, неизвестное, а вот ему, если верить, прекрасно известное. После второго кувшина принимался расписывать ужасы, даже на бумажке карту чертил, если попадалась бумажка. Самое интересное, что монах был не странствующий, а из местного монастыря, отец Юло, ага... Большой был краснобай. Только, я так понимаю, ему и в собственном монастыре не особенно верили — самый обычный монашек, ничем не

примечательный, грешил напропалую против некоторых заповедей... что ж, прикажете верить, будто такому будет божественное откровение наподобие того, как это случилось с Катбертом-Молотом? Ох, крепко сомневаюсь... А без божественного откровения, я так думаю, такие вещи и не узнать. Никто не знает, в том числе почившие во благодати святые, а этот пьянчуга и бабник, видите ли, сподобился... Не бывает так. Божественные откровения не монетки в день королевского тезоименитства, чтобы их разбрасывать кому попало. Уж коли ты не святой и даже отдаленно не приблизился...

— Дядя Патек! — вдруг вскрикнула Маритана с таким отчаянием и страхом, что Сварог вскочил.

И тут же полетел в задок фургона — Патек рывком натянул поводья так, что лошадь, похоже, аж на дыбы встала.

— Ты что, дуреха? Ничего такого вокруг...

— Да я не про вокруг... — убитым голосом произнесла Маритана. — Дядюшка Патек, ожерелье потерялось...

— Тыфу ты, я неизвестно что подумал... Погоди, его ж, и точно, у тебя на шее нет... Как же ты так, с шеи? Может, за вырез упало, ты пошарь...

— Да не с шеи... Там застежка сломалась, погнулась так, что кожу царапало. Ну, я и сняла — еще когда с Тракта съезжали, чтобы путь срезать. Положила рядом на облучок, вроде лежало надежно... Потом, видимо, упало, я с тобой болталась, не заметила, как свалилось...

Патек засвистел в два пальца — видимо, останавливая идущий впереди фургон.

— Ну что ж ты так... — протянул он укоризненно. — Сама знаешь, вещь памятная... Ну да, когда свернули с Тракта, первая лига была — сплошные ухабы, тряслось вовсю... Там оно, видимо, и...

— Что там у вас? — послышался голос Ортага.

Маритана принялась всхлипывать. Сварог слышал, как она повторила все отцу. Наружу он и носа не казал — чисто семейные дела, к чему тут лишние свидетели.

— Где у тебя мозги были... — с непримиримой злостью сказал Ортаг. — В фургон нужно было, в мешочек...

— Мамина память, — послышался грустный голос Кайи. — Единственное, что оставалось...

— Ну, Тана...

— Пап, я ж не нарочно...

— Еще б ты нарочно... Нет, хоть и выросла, а ремня все равно получишь на совесть. Иди-ка сюда...

— Погоди, Ортаг, — сказал Патек рассудительно. — Ремнем, конечно, недолго, а делать-то что?

— Назад погоню! — рявкнул Ортаг. — Пешедралом! Пусть идет по обочине и смотрит в оба!

— Остынь. Проехали мы лиг десять, а то и побольше. Часа два ей туда идти одной, столько же обратно... Это ведь явно где-то возле самого Тракта, на тех клятых ухабах...

— Ладно, ладно... Сейчас выпрягу Жука и сам поеду.

— Много ты с седла рассмотришь, ты ж малость подслеповатый.

— А что прикажешь делать? Кайя, молчишь? Молчишь... А сама чуть не плачешь... — Ортаг выругался, затейливо и с чувством. — Ну да, матушкина память, единственная... Что ж тут поделать, разворачиваем фургоны, едем все назад. Не оставлять же на дороге... Эх, судьбинашка... Туда десять, обратно десять... Лошади приморились. До деревни уже сегодня не доберемся, придется тут, в глухи, ночевать... Срезал дорогу, называется... Ладно, — решительно сказал он. — Поворачиваем.

И тут Сварогу пришла в голову великолепная идея. В конце концов, он сейчас был именно что собакой...

Не теряя времени, он высунулся за занавеску, протиснулся меж Патеком и плачущей Маританой, спрыгнул с облучка и запрыгал вокруг Ортага, гавкая, отбегая назад, возвращаясь.

— Без вас тут тошно, сударь обращенный... — проворчал Ортаг.

— Погоди-погоди... — протянул Патек в некоем озарении. — Лопни мои глаза! Никак в вы хотите сбежать? (Сварог закивал). А что? Очень даже неплохо придумано. Собака, даже трусцой, гораздо быстрее обернется, чем мы с фургонами. Сударь наш, простите за прямоту, ехал в фургоне, не устал ничуточки, сытый...

— И правда... — с надеждой в голосе сказала Кайя. — Так будет быстрее, коли уж вы, сударь, готовы помочь...

— И потом, у собаки чутье имеется, — сказал Патек. — Тана, слезь с облучка, подставь шею, пусть сударь как следует принюхается: вдруг в высокой траве, мало ли что... Живо!

Все еще всхлипывая, Маритана покорно спрыгнула с облучка, присела на корточки, подставила шею. Сварог старательно принюхался и как-то так не удержался, легонько лизнул в шею.

Маритана отстранилась, попыталась улыбнуться сквозь слезы:

— Вы уж, господин граф, язык не распускайте, хоть вы сейчас и собака...

— Да тебя б зубами цапнуть... — фыркнул Ортаг. Добавил деловито. — Ладно. Раз такое дело, останавливаемся на привал. Вон полянка подходящая. Будем ждать.

— Вы уж найдите, пожалуйста... — с тоской сказала Кайя.

Сварог кивнул, повернулся и затрусиł по обочине, склонив голову к земле.

...Большой Тракт уже виднелся впереди, не далее чем в полулиге, когда в неизменный за все время фон — земля, трава, хвоя, временами конский навоз — ворвалась новая нотка: знакомый запах молодой свежей кожи. Резко остановившись, Сварог принял раздвигать мордой высокую траву. И вскоре обнаружил ожерелье, потеря лежала себе преспокойно, сбившись в комочек. Осторожно забравши его в пасть вместе с оборванными травинками, радостный Сварог пустился в обратный путь.

Очень быстро сообразил, где он сможет пойти напрямик, чтобы срезать дорогу на парочку лиг. Он хорошо помнил, как они ехали и где, да вдобавок смотрел карту вместе с Ортагом: фургонам пришлось далеко обогнуть гряду невысоких лесистых холмов, потому что именно так изгибалась почти заброшенная проселочная дорога — да и не одолели бы кони эти склоны. Зато Сварог без труда мог двинуть напрямик — туда в гору, зато обратно под гору, точно, на пару лиг короче будет...

К холмам он и свернул. Заблудиться не боялся: не такие уж вокруг и лабиринты, а ориентироваться на местности он прекрасно научился еще в прошлой жизни. Понастоящему опасных зверей вроде каталаунских тигров или горных медведей в округе, говорили, не водится, вот лигах в тридцати к полуночи — да, появляются...

Он и не заблудился. Примерно там, где и рассчитывал, вновь вышел на полузаброшенную дорогу, где в траве четко виднелись свежие колеи от колес фургонов. Несспешной трусцой пустился в обратный путь — он не то чтобы вымотался, но немного приустал. Десять лиг туда, обратно на пару меньше, зато пришло в гору взбираться...

Еще издали ему в нос ударил тяжелый запах крови — и он, не рассуждая, понесся бегом. Поляна, фургоны...

Из пасти у него невольно вырвался горестный вой.

Кровью пахло вовсе уж тяжело, удушливо. Еще издали он увидел, что обе лошади лежат в оглоблях неподвижно, словно мертвые... да они и есть мертвые. Ортаг застыл навзничь, остановившимся взглядом наблюдая небо — лицо совершенно спокойное, видимо, все произошло неожиданно и моментально — ну да, напротив сердца торчит железное оперение короткого арбалетного болта... совсем рядом ничком лежит Патек, с таким же болтом в левой лопатке...

Сварог разжал пасть, и никому уже не нужное ожерелье упало в траву...

Совсем скверно на душе стало, когда он чуть подальше, уже в чащобе, обнаружил Кайю и Маритану. Вот их убили не сразу, далеко не сразу. Сварог, если прикинуть, отсутствовал часа два с половиной, а за это время...

Их, безусловно, расспрашивали, и сразу видно, как люди, не знавшие жалости и не стеснявшиеся в средствах. Потом изнасиловали, обеих...

Он ничего не мог с собой поделать — стоял, расставив передние ноги, подняв голову к небу и выл. Бессильная ненависть захлестывала так, что в глазах темнело. Если только ему удастся вернуться в человеческий облик, все тайные полиции королевства, сколько их ни есть, будут, оставив прежние дела, ловить Одо и Сувайна, а потом

Баглю позаботится, чтобы они подыхали очень медленно и очень невесело... Да, так и будет, но кого ты этим вернешь? Кого вообще вернула с того света самая изощренная месть, хотелось бы знать?

«Бог ты мой, и ведь это не в первый раз», — в тоскливом, горестном смятении подумал он. Случалось уже, что хорошие люди гибли, если подумать беспристрастно, исключительно из-за того, что он незваным и непрощенным вторгся в их жизнь... ну, правда, без злого умысла и не забавы ради — на пути к очередному, изволите ли знать, героическому свершению. И ведь сейчас даже эти не оправдаясь, он просто-напросто бежал, скрывался.

Усилием воли он заставил себя успокоиться, рассуждать холодно и трезво. И принялся бегать вокруг удушливо пахнущей кровью поляны.

Довольно быстро по следам и запахам удалось многое восстановить: несколько всадников подъехали чащобой довольно близко, оставили коней на одного из своих, подкрались к полянке, где никто такого визита не ждал — и началось... Это не простые разбойники, конечно — в фургонах никто даже и не пытался рыться, у мужчин не вывернуты карманы, не срезаны кошельки... Да и с какой стати обычным работникам убивать лошадей — они сами по себе неплохая добыча, коневодства в этих местах нет, лошадей завозят издалека, и они в цене... Погоня его все-таки достала — ну, предположим, не его самого...

Он вернулся к дороге. Всадники, судя по следам, галопом ускакали в ту сторону, куда он недавно уходил. Очень похоже, то ли Маритана, то ли Кайя не выдержали и рассказали все — и невозможно их за то винить... Наверняка так и было. Не вздумай он срезать дорогу — возможно, столкнулись бы нос к носу...

Доскакав до Тракта и не найдя его нигде, они, конечно, вернутся. Вряд ли это недотепы, наподобие горожан с вилами — явно кто-то гораздо более опасный, хорошо вооруженный, хваткий, умеющий ориентироваться в лесу. Не егеря ли Сувайна? Очень может быть...

Стоя на дороге, он прислушивался — нет, стука копыт пока не слышно, лесная тишина безмятежна. И все равно,

они обязательно вернутся. Собак с ними нет, ни единого собачьего следа... а впрочем, иногда охотники возят собак на седле, чтобы не вымотались прежде времени, даже специальные короба есть, к седлу притороченные... А если вдобавок с ними нечто вроде той «крысы»... Они постоянно опаздывают, не так уж и надежно то, чем они для поисков располагают, но все равно, медлить нельзя. Карту Ортага, весьма подробную, он запомнил хорошо. На полуночный закат, и лучше бездорожьем, чащобой, лиг через десять будет Большой Тракт, и не так уж далеко до гланской границы, а если еще в паре мест срезать путь...

Не в силах еще раз взглянуть на женщин, он опустил голову и двинулся чащобой, тихонечко подывая от беспильной ненависти и лютой тоски.

...Сварог вынырнул из тяжелого, неспокойного сна, ощущив натуральное удушье — шею словно петлей стиснуло, но это не человеческие руки и уж тем более не звериные лапы, никто на него не навалился, не держит...

Машинально, еще не открыв глаз, он поднял руки к горлу, что есть силы рванул душившее, лопнувшее с треском — ага, мелькнуло в сознании, платок с деньгами — отбросил, вздохнул жадно, полной грудью...

И теперь только сообразил, что проделал это человеческими руками — горло еще чувствовало упершиеся в кадык собственные пальцы! Рывком приподнялся, сел — на человеческую задницу! — заполошно, изумленно уставился на собственное тело...

Голое человеческое тело. Задницу чувствительно покалывала сухая хвоя, чего во сне не бывает. Чтобы убедиться окончательно, Сварог встал на ноги в темноте, а когда человеческие глаза к ней привыкли, положил обе руки на толстый ствол ближайшей сосны. Твердый, щершавый, реальный, ладони враз перепачкались в липкой смоле...

Выскочив на небольшую полянку, он пустился в дикий пляс, высоко вскидывая коленки, нелепо махая руками, подпрыгивая. Радость в сознании не умешалась. Справа зашумели кусты — это, судя по звукам, в панике улепетывала какая-то мелкая ночной животинка.

Широко раскинув руки, поворачиваясь вправо-влево, Сварог затянул во всю глотку:

— Кто он, в юном блеске,
в ореоле дерзком
Храбрецааааа?

Потом перед глазами у него встала поляна, и он замолк, опустил руки. Он и не пытался догадаться, почему все произошло именно так, само собой, среди ночи. Никогда не изучал магию, не то что всерьез, а даже и поверхностно, пользовался готовыми заклинаниями, подобно посетителю ресторана, понятия не имеющему, как приготовить бифштекс — время от времени болтал со знающими людьми. Кто-то говорил, то ли Грельфи, то ли Бони, что иные заклинания могут сами по себе ослабевать, спадать, как падает порвавшееся ожерелье... И черт с ней, с теорией. Заклятье само собой свалилось, и ладно... Времени терять не стоит. Тем более что ночная лесная прохлада стала пробирать не на шутку — густой собачьей шерсти больше не было.

Точнее, осталась, но уже не при нем — почувствовав босой ступней мягкое, он наклонился, поднял клок шерсти, ею все вокруг усыпано. Вот, значит, как это выглядит, шерсть осталась, но вся осыпалась... Где-то он и про такое слыхивал... да нет, читал в прошлой жизни...

Не теряя времени, сосредоточенно и методично Сварог занялся делом. Извлек из воздуха носки и подштанники, натянул, взялся за рубашку... Кто бы мог подумать, что столь диковинную радость, едва ли не оргазм, может вызвать простое надевание рубашки и натягивание сапог...

И пары минут не прошло, как он оказался одетым в дворянское платье, в бадагаре на голове, при мече и паре заткнутых за пояс пистолетов. Теперь хоть каталаунский тигр нагрянь...

Усевшись на поваленное дерево, он жадно выкурил две сигареты подряд, сгоряча выхватил из воздуха и третью, но это оказалось чересчур, и он затоптал сапогом едва загженную.

Посмотрев на звезды, встал и уверенно направился на восход. Планов менять не собирался: до гланской границы совсем близко, тем более что явиться туда предстоит в человеческом облике. Пограничники могут и не знать его в лицо, но все равно, будет гораздо легче... Лиг двадцать осталось, пустяк, а если еще и...

Вспомнив карту, он забрал чуточку левее и вскоре оказался на вершине гребня. Вниз спускался очень длинный и пологий откос, и далеко впереди, правее, на земле словно бы мерцала колышущаяся красноватая звездочка — костер, конечно. Вот она, деревня...

Сварог стал спускаться по склону, мурлыча под нос печальную балладу «Воспоминания монаха».

*Aх, как дни романтикой звенели
на мою беду...*

*Вы, красавица, любить умели —
два часа в году.*

Он ничего не мог с собой поделать, несмотря на недавние горестные события — откровенная радость от возвращения в человеческий облик оказалась слишком сильна.

*Что за глупость — странствия-изгнанья...
на ледышку пламя променяв,
я уже не оглянусь на ржанье
вашего высокого коня.*

*Кто там у вас нынче на примете?
С кем вы — без любви и теплоты?
Вы, наверно, лучшая на свете —
стерва из мечты...*

Еще издали, с превеликой радостью применив и ночное зрение, и «подзорную трубу», он рассмотрел лошадей на лугу — несколько лениво пощипывали траву, но большинство спали стоя. У костра трое мальчишек — чепуха...

Подойдя совсем близко, он высмотрел гнедого жеребца — как подсказывало фамильное чутье Гэйров-лошадников, ходившего не в упряжи, а под седлом. Должно быть, принадлежит какому-нибудь справному охотнику, их тут хватает...

Сварог направился прямо к облюбованному коню. От костра, еще издали захлебываясь лаем, примчались два здоровенных кудлатых пса, заметались перед ним, припадая на передние лапы, рыча. Вынув меч, Сварог небрежно отмахнулся клинком. Псы попались сообразительные и наброситься не пытались, хотя шуму производили немало.

От костра уже бежали, подняв рассыпающие снопы искр факелы. Сварог спокойно ждал. Наконец колышущийся свет факелов упал на него, осветив заодно и лица мальчишек — азартные, не особенно и испуганные. Один натянул рогатку, целясь в Сварога, похоже, серебряной монеткой.

— Уши надеру, отрок, — добродушно сказал Сварог. — Ну какой я оборотень? Будь я оборотень, ваши собачки давно бы убежали, поджав хвосты под задницу... Собак отзовите, сорванцы.

— Что вам нужно, лаур? — настороженно откликнулся один, видимо, вожак или заводила. — Пестрый, Беляк, назад! Если вам в деревню, нужно пойти во-он туда, увидите тропу — и уж по ней прямо до деревни, не заблудитесь...

— Да нет, — сказал Сварог. — Мне конь нужен. Вот этот. До зарезу нужен, так уж сложилось...

Он бросил меч в ножны, присел на корточки и принял привычно распутывать передние ноги гнедого. Тот стоял спокойно, усмиренный теми же приговорами Гэйров.

Мальчишки топтались на месте, растерянно переглядываясь — а что им еще оставалось?

— Благородный лаур... — растерянно протянул тот, заводила. — Вы уж будьте так любезны, не безобразьте...

— Это получается чистое конокрадство, а за такое и благородному по закону причитается...

— Законник... — проворчал Сварог, отбрасывая путы и выпрямляясь. — От горшка два вершка... — он подпустил в голос металла. — Слышали когда-нибудь такие слова — королевская служба? Именем короля!

— Так-то оно так... — пробурчал немного оторопевший заводила. — Но ежели вы, лаур, неправду говори-

— Вот это точно... — кивнул Сварог.

Он опустил руку в карман камзола, пробормотал должное заклинание, а когда ладонь наполнилась золотом, вынул руку и швырнул монеты под ноги подросткам:

— Я вам не конокрад, отроки. Коня я покупаю.

— Ух ты... — завороженно протянул кто-то, — Да тут на трех добрых коней хватит...

— А ты как думал? — откликнулся Сварог не без веселости. — Мы люди наглые, но честные. Один золотой оставьте себе на всех, а остальное — хозяину. Скажите, что я очень извинялся, но ничего не поделаешь, королевская служба...

К превеликому сожалению, он не умел создавать седел и прочей конской сбруи. Пароходы мог, а вот сбруя... Как-то даже и не предполагал никто, что ему это умение понадобится, обычно то ли подворачивался нужный конь, то ли оседланный...

Ничего, есть навык. Далеко до предков-Гэйров, но все же... И охлюпкой доедем. Он ухватил левой рукой жеребца за гриву, вскочил ему на спину.

— А зовут-то вас как, ваша милость? — спросил заводила, уже, сразу видно, смирившийся с происходящим. — Чтобы уж совсем по-честному?

— Запомнить — плевое дело, — отозвался с коня Сварог. — Король Сварог Барг. — Всего наилучшего, отроки!

Развернув жеребца на восток, он гикнул и наподдал каблуками по бокам. Жеребец пошел крупной рысью. Сделав крюк, чтобы объехать деревню, пустился прямиком на восход, к Большому Тракту — в прежнем своем виде не было нужды Тракта избегать.

Он не гнал коня — граница была совсем недалеко, да и скакать галопом без седла не особенно и удобно. Ехал перелесками, лугами, пустошами, темнота вокруг серела, светлела, на восходе появилась тоненькая, как ниточка, золотисто-алая полоса...

И едва она появилась, Сварога словно скрючило, согнуло, державшиеся за гриву руки сами собой разжались,

лапы бессильно скользнули по конской шее, неспособные ни за что ухватиться, бадагар слетел с головы, всего словно спеленоало — и он кубарем полетел с коня, забился на земле, еще не осознавая происходящего, спленатый одеждой, как младенец...

Жеребец унесся, испуганно хряпя. Сварог, уже понимая, что с ним произошло, долго бился и перекатывался по земле, понемногу высвобождая собачье тело из человеческой одежды. Когда это наконец удалось, он поднялся на все четыре лапы, яростно матерясь про себя, чувствуя прямо-таки детскую обиду на этакие сюрпризы. Отпустило, да не совсем. Человеческий облик вернулся только с темнотой, а с первыми солнечными лучами... Означает ли это, что наложенное на него заклятье слабеет? Не исключено. Ладно, к черту размышления и сожаления. Осталось совсем немного, не будем расхолаживаться и сбиваться с темпа...

Темно-рыжий пес направился навстречу восходу.

Глава XVIII

ЛЮДИ И ЗВЕРИ

Конный вылетел из тающего утреннего тумана, как призрак Дикого Ловчего — но громкий стук копыт свидетельствовал, что он вполне материален. Перевесился из седла, оскалясь, заносил плеть. Невольно взвизгнув, Сварог шарахнулся. Прямо перед мордой промелькнули конские копыта, совсем близко раздался тяжелый жужжащий свист рассекаемого воздуха.

Он припустил что есть мочи, забирая к лесу. В конец нагайки, конечно же, вплетена свинцовая мушкетная пуля, а то и картечь — такими плетками в Ратагайской Пуште раскраивают волку череп, с седла, на всем скаку... Смертельно...

Сзади грохотали копыта, всадники яростными криками понукали коней. Сварог наддал, сколько хватало прыти, оглянулся на бегу. Пятеро всадников неслись во весь опор, растянувшись вереницей — двое вырвались вперед, трое отставали на пару корпусов... Даже и гадать не надо, что это за люди...

Преследователи поняли его намерения в самый последний момент, и передний всадник заорал на коня вовсе уж дико, пытаясь отрезать Сварога от леса — но опоздал, сволочь, опоздал... ворвавшись в лес, Сварог принялся петлять меж стволами, выбирая места, где чащоба гуще, где

заросли кустарника. Немилосердно драл бока об упругие ветви — но конным приходилось хуже, они-то поубавили прыти еще больше: и петлять меж стволов лошади не так сподручно, как собаке, и смаху в густой кустарник она не вломится, не пойдет, и всаднику нужно смотреть в оба, чтобы не впечататься башкой в низкий сук...

Кое-что он выиграл, увеличив расстояние меж ним и погоней — но оторваться окончательно, уйти из виду никак не удавалось. Погоня наверняка не знала этого леса — но и он тоже, один раз, перепрыгнув поваленный ствол, едва не ухнул в обнаружившийся там земляной провал — где непременно поломал бы к черту лапы, а то и хребет, потом вдруг вылетел на кромку скалистого обрыва, едва успел притормозить и шарахнуться...

Сзади раздался истошный вопль, тут же оборвавшийся — ага, один угодил-таки в неприятности... Однако оставались четверо. Они, кстати, ни разу не выпалили, не пускали стрел — ну, конечно же, прекрасно знали, с кем имеют дело... Временами Сварог оглядывался на бегу, рискуя вмазаться в дерево — нет, не отстают, мерзавцы, никак не могут приблизиться, но и не отстают, отличные наездники, должно быть, и кони добрые, привычны к лесу...

Сколько это может продолжаться? Опасная игра...

Деревья чуть поредели — и всадники с торжествующими воплями сократили наполовину расстояние меж ними и беглецом... Ага, сволочи такие!

Сварог выбежал к голым скалам, серым, покрытым желтыми пятнами лишайника — и меж ними вверх уходила узкая, крутая расщелина, сплошь засыпанная мелкими камешками.

Сварог наддал, забирая все выше и выше. Там, за расщелиной, вполне мог оказаться обрыв, а то и тупик, где его возьмут тепленьким — но, с другой стороны, откос настолько крут, что собака по нему взберется с величайшим трудом, а вот лошади не взберутся вообще, так что стоит рискнуть. Есть шанс, увидев, что там, впереди, броситься назад, проскочить меж всадниками...

Отчаянно пытаясь сохранить равновесие, не кувыркнуться вниз, он карабкался по откосу, разметывая тучи

камешков, временами на пару шагов съезжая вниз, не было времени и возможности оглянуться, но он с радостью слышал перестук копыт далеко внизу, яростную ругань, тщетные понукания — они остались там, у подножия, как ты коня ни хлещи, как на него ни ори, он на такую кручу не полезет...

Оп-па! Судя по изрядному шуму, одному все же удалось заставить коня двинуться вверх — но конь тут же рухнул вместе с всадником, покатился вниз...

И тут внизу люди заорали так, что Сварог, инстинктивно ощущив некие серьезнейшие изменения в происходящем, остановился, кое-как удерживаясь на крутом склоне, повернул голову.

И обмер. Длинное темное тело, вытянувшееся в воздухе метнулось откуда-то справа — и опустилось прямехонько на бок силившейся встать лошади, оказавшись каталаунским тигром. Яростное шипение наподобие того, какое издает разъяренная кошка, только раз в десять помощнее, короткое рычание, истощно заржала лошадь, нечеловеческим криком захлебнулся всадник — и тут же умолк, тигр тряхнул его, как крысу, брызнула кровь...

Внизу бабахнул пистолетный выстрел — бесцельный, слышно прекрасно, как пуля ушла в кроны, сшибая хвою... Окружая сбившихся в кучку всадников, со всех сторон ринулись проворные, жуткие звери, такие же тигры, числом не менее десятка, бросились на спины лошадям, выбивая из седел всадников. Истошные, панические вопли, почти человеческие крики лошадей, рык, шипенье, кровь...

Сварог оцепенел. О повадках каталаунских тигров он немало наслышался от принца Эльвара — его высочество на них давно и азартно охотился, с полдюжины привез живыми для зверинца у себя в маноре...

Тигры н и к о г д а не ходят стаями. Каталаунский тигр — заядлый одиночка. У каждого из них свои владения с помеченными границами, и вторгшегося собрата ждет бой не на жизнь, а на смерть. Собравшись стаей в результате какой-то небывалой случайности, тигры тут же передерутся меж собой, не обращая внимания на все окружающее, так уж они устроены. Чтобы они, откинув

инстинкты, нападали стаей, словно волки... Не бывает. Следовательно...

Он так и не додумал — внизу мелькнули проворные звери, сбившись в стаю, бегом унеслись, пропали из виду. Разбегались в разные стороны ржавшие, исцарапанные когтями лошади, та, упавшая, тоже ухитрилась наконец вскочить и, роняя на землю крупные капли крови, припустила в чащу. Настала совершеннейшая тишина. Только удущливый запах крови, достигший Сварога — и пять неподвижных тел...

Кое-как взяв себя в руки, прислушиваясь к тишине, Сварог осторожно спустился с откоса, обгоняемый ручейками камней. Пренебрегая вязким запахом крови, обошел всех. Зрелице не для слабонервных, но лица целы. Среди мертвых не оказалось ни Одо, ни Сувайна — должно быть, возложили исполнение задания на шестерок. Вполне может оказаться, Одо и не умел ездить верхом...

Как бы там ни было, путь свободен. Сварог задрал голову, пытаясь сориентироваться по солнцу, в какую сторону ему идти: убегая, он петлял так, что потерял всякое представление о восьми сторонах света...

Сверху послышался короткий могучий рык. Сварог повернулся туда — и вновь застыл, как вкопанный. На вершине откоса, куда он только что так рвался, сидел каталаунский тигр — огромный, матерый, буро-серый — и смотрел на него желтыми глазищами с черными кошачьими зрачками. Больше он не рычал, не скалился — сидел и смотрел, пристально и неотрывно. Казался совершенно спокойным и уверенным в себе — ну еще бы...

Сварог не шелохнулся, испытывая нечто вроде тупой безнадежности. Это каталаунский тигр, и все тут. Даже знаменитые каталаунские кувары, огромные лохматые псы, способные шутя расправиться с волком, против тигра в одиночку не выстоят. Бывали случаи, когда им это удавалось все же, и пес, хоть изодранный, оставался в живых — но случаи эти по пальцам можно пересчитать, они известны наперечет, стали достоянием охотничьего фольклора и книг про охоту...

Оставалось, вспоминая только что промелькнувшее перед глазами небывалое зрелище, надеяться, что это не простой тигр...

Тигр поднялся на четыре лапы, встряхнулся, словно вылезши из воды, замотал усатой башкой, густая длинная шерсть встопорщилась, будто под сильным ветром... зверя словно закутало полупрозрачным туманом, повторявшим его очертания, колыхавшимся, как пламя на ветру, непонятным каким-то...

Потом туман рассеялся. Там, где только что был тигр, стоял на четвереньках человек. Он неторопливо поднялся на ноги, абсолютно голый, мускулистый, с лохматой шевелюрой и спутанной бородой, недобро зыркавший желтыми глазами из-под густых бровей, здоровенный, сразу видно, недобрый какой-то...

Не было ни облегчения, ни страха. Сварог молча ждал дальнейшего развития событий, потому что ничего другого не оставалось.

— Эй, ты! — прикрикнул оборотень. — Лезь сюда, быстро! Кому говорю! Карабкайся...

Голос вполне человеческий, разве что в нем присутствует некий непонятный оттенок, людским голосам определенно не свойственный — словно сквозь аккорды виолона чувствуется звучание какого-то иного, более грубого инструмента...

Сварог стоял в ошеломлении.

— Я кому сказал? — рявкнул голый здоровяк. — Или мне спуститься и тебя за шкирку на себе волочь? Влезешь, не сдохнешь...

Сзади, послышалось тихое ворчание. Там, отрезая дорогу в чащу, сидели еще три тигра. Крайний справа рыкнул на Сварога коротко и недвусмысленно.

Он стал карабкаться на откос. Из-под лап текли каменные ручейки, теперь, когда не было за спиной погони, подниматься оказалось гораздо труднее, чем в первый раз, он то и дело съезжал вниз — и всякий раз, поднимая голову, встретив презрительно-насмешливый взгляд оборотня, задыхался от злости и унижения, напрягал все силы, карабкался...

Когда осталось совсем немного, оборотень спустился на пару шагов, ухватил Сварога за шкирку и сильным рывком прямо-таки выкинул наверх, бормоча что-то насмешливое. Там, за откосом, не оказалось ни тупика, ни обрыва — такая же чащоба без тропинок и просветов.

Сварог стоял, не зная, что дальше делать. Лохматый, уперев руки в бока, разглядывал его с нескрываемым превосходством.

— Людишки... — буркнул он. — Шавка... Не обоссался еще со страху? Вот и дальше постараися не обделаться. Ничего страшного не будет. Пошли.

Он повернулся и неспешными размашистыми шагами направился в чащобу, ни разу не оглянувшись. Сварог поневоле поплелся следом. Стارаясь вернуть душевное равновесие, подумал: «Везет мне на разные встречи, какие твари только ни попадаются...» Он хотел, чтобы эти мысли звучали бесшабашно и весело, но получалось как-то уныло...

Они шли недолго. Вскоре открылась большая поляна с какими-то незнакомыми цветами, желтыми, росшимися гроздьями наподобие сирени. Остановившись, оборотень небрежно оглянулся через плечо:

— Ждем...

Смаху упал на четвереньки, встряхнулся... Все повторилось, разве что в обратной последовательности; полу-прозрачный туман, прступившая сквозь него колышущаяся буро-серая шерсть... Несколько секунд — и рядом со Сварогом стоял натуральный каталаунский тигр, источавший сильный звериный запах.

Желтые, приятно пахнущие цветы, росистая патина меж деревьев, изящно вырезанные листья папоротника, покойная тишина...

Тигр — даже стоя на всех четырех, он превосходилростом на пару локтей — рыкнув, толкнул Сварога плечом. Сварог вздрогнул, посмотрел в ту же сторону.

Девушка неторопливо и грациозно шла к ним через поляну — точеная фигурка, зеленое платье простого покроя из какой-то непонятной ткани, на плечи падают длинные волосы цвета то ли меда, то ли прозрачной, незагустевшей

сосновой смолы, перехваченные на лбу кожаным ремешком с большим ограненным кристаллом сочно-зеленого цвета... Она двигалась так, словно составляла одно целое с цветами и папоротником, с высокой травой, Сварог не смог бы описать словами свои впечатления, но это было настолько красиво и загадочно, что он засмотрелся, как завороженный.

Тигр сорвался с места и кинулся к ней. Пробежав половину разделявшего их расстояния, повалился на спину, заболтал лапами, словно расшалившийся котенок, катался, приминая густую траву. Вскочил, бросился к ней, за-прыгал вокруг, припадая на передние лапы, прямо-таки поскуливая, тычась башкой.

Девушка, не глядя, мимолетно погладила его по голове, оттолкнула ладонью, с той же нечеловеческой грацией двинулась к Сварогу. Остановившись в шаге от него, произнесла чуть насмешливо, мелодично:

— Хорошенький у тебя вид... Следовало бы быть поосторожнее...

Сварог в жизни ее не видел — но ему был памятен и этот чуть хрипловатый, насмешливый голос, и глаза — зеленые, цвета весенней яркой листвы... Лесная Дева, вот оно как... Испытав несказанное облегчение, он сел в траву, зажмурился на миг.

Хозяйка леса тоже опустилась в траву, села, опершись на руку, по-прежнему казавшаяся частью цветущей поляны. Небрежное движение узкой ладони — и тигр покорно затрусили в чащобу, пропал с глаз.

Лесная Дева смотрела на Сварога — чуть отрешенно, с непонятным выражением на прелестном лице. От нее пахло не человеком, а л е с о м — сосновой хвоей, цветами, травой, легкой сыростью бочагов. У Сварога затеплились нешуточные надежды.

— Ты в самом деле не мог быть поосторожнее? — сказала она укоризненно. — Что с тобой случилось? Я не могу в и д е т ь там, где нет леса... Ах да, ты же и ответить не можешь... Но ясно, что тебя кто-то п е р е х и т р и л, иначе ты не стал бы собакой...

Сварог виновато потупился. Потом уставился на нее — он крепко подозревал, что взгляд у него был умоляющий...

— Должна тебя огорчить, — сказала она тихо. — Вернуть тебе прежний облик я не могу. Не умею, — она перехватила устремленный в чащобу взгляд Сварога. — Нет. Он и — совсем другое, не я их такими сделала. А если ты слышал другое, это все глупые сказки — о том, как я будто бы превращала в зверей неосторожных и непочтительных, то ли отвергнувших мою любовь, то ли настойчиво искавших моей любви, то ли просто подвернувшихся под горячую руку... Сказки. Этого я не умею.

«Так зачем же ты велела меня притащить? — подумал он. — Потолковать о старых добрых временах? Из любопытства? Ладно, спасибо и на том, что твои милые кошечки разделялись с погоней...»

Она продолжала:

— И еще. Вопреки другим сказкам, я стараюсь не вмешиваться в человеческие дела без особой надобности. Ни с добром, ни со злом. Я не добрая и не злая — лес не бывает ни добрым, ни злым, только и всего... Я вам тогда предсказывала, вернее, пыталась объяснить, как вижу ваше будущее... Признаюсь, это было из чистого развлечения. Мне доступны очень многие из чувств, которые испытываете вы. Тогда мне стало скучно, а вы ехали чуточку странноватой компанией... — в ее глазах и впрямь светилось обычное человеческое любопытство. — Интересно, что-то уже сбылось? Сбылось... Все? Нет... Кое-что, надо полагать, да? Хорошее? И плохое? Ну, тут уж я совершен но не виновата, я вижу и не более того... Ты уставился злово... За те предсказания? Нет... Ну да, ты, видимо, надеялся, что я смогу вновь сделать тебя человеком? Вот оно что... Но я, и правда, не умею... Не нужно так смотреть...

Сварог виновато лизнул ей руку — других способов извинения в его положении не имелось. Теплая человеческая рука, если не знать, ни за что не догадаешься...

— Не переживай, — усмехнулась она. — Если я не умею тебе помочь, это еще не значит, что я не знаю, как это сделать. Так что не смотри на меня больше так, сиди и слушай, говорить ты все равно не можешь...

Сварог кивнул.

— Признаться по совести, я не знаю, как бы поступила, встретясь ты мне при д р у г и х обстоятельствах, — сказала Лесная Дева. — То ли помогла бы, то ли нет. Вполне возможно, все зависело бы от настроения. Лес, знаешь ли, переменчив... Но так уж сложилось, что ты мне нужен. Если совсем откровенно, ты мне необходим...

Она замолчала, задумчиво глядя куда-то поверх его головы. Ее глаза стали темнее, Сварогу это не показалось. Неподалеку над гроздью желтых цветов басовито жужжал шмель, в лесу безмятежно щебетали птицы.

Ее лицо стало отрешенным и грустным. Она заговорила, все так же не глядя на Сварога, словно и не к нему обращаясь, в мелодичном голосе послышалась печаль и даже страх:

— Я умею видеть не только будущее, но и возможное будущее. Ты знаешь, что к нам приближается Багряная Звезда? Знаешь... И тебе не нужно объяснять, что это такое? Очень хорошо... — она посмотрела в глаза Сварогу взглядом испуганной малолетней девочки, заблудившейся в лесу. — Когда я пробую видеть возможное, появляются страшные картины. Леса, если смотреть из облачной выси, похожи на скопище обгорелых спичек, их больше нет, да и сам Каталаунский хребет превращается в... нечто иное. Горы рушатся, превращаясь в необозримые каменные осыпи, реки испаряются, гибнет все живое... Если не будет леса, я тоже погибну. Меня еще не было, когда это уже случилось однажды, но жили мои... предшественники. И уцелели из них немногие. Я — смертное создание, король. Могу прожить еще очень, очень долго, даже пережить тебя, как ты переживешь обыкновенных людей... но если не станет леса, я погибну вместе с ним. И я сама не в состоянии ничему помешать. Я не могу видеть, что происходит там, где нет леса, но это не значит, что я не осведомлена о делах остального мира. Весьма даже осведомлена. В моих владениях немало городов... а значит, и библиотек. В лесу бывают самые разные люди. Наконец, у меня есть среди людей... ну, безусловно, не друзья, но собеседники. Так что знаю я о вас немало... Ты когда-нибудь слышал о пророчестве, согласно которому Безумного Мельника мо-

жет уничтожить только человек, родившийся под другими звездами? Прекрасно... А тебе не приходило в голову, что оно может относиться к тебе? Приходило? Ну да, ты весьма неглуп, король, да и возможности у тебя большие... Значит, все же наткнулся где-то? В каких-то старых книгах? Я так и думала... Так что я просто обязана тебе помочь. Не из доброты, а оттого, что от этого зависит и моя жизнь... Если тебе и вправду удастся... — в ее голосе звучала неприкрытая, жучая надежда. — Я не гордячка, лес лишен гордыни. Поэтому можно смело признаться: если тебе удастся, я буду у тебя в долгу на всю оставшуюся жизнь — твою, мою... Мне так же хочется жить, как и людям, я не бессмертная...

Впервые за все время своей собачьей одиссеи Сварог ощущал столь сильную злобу на собственное бессилие. На то, что он не может говорить. Он задал бы сейчас множество вопросов. И самый главный — как ему добраться до распроклятой Мельницы? Даже если пророчество говорит о нем, как до нее добраться? Что это за странные строчки — «...утверждают еще, кончину клятому Мельнику несет не благородный или неблагородный металл, ни камень, ни самоцвет, ни заклинания, ни ворожба, а исключительно дерево, растущее без Солнца и звезд, без дождей и вихрей...» Где может расти такое дерево?

Даже если она умеет читать, поблизости не видно подходящего кусочка земли, на котором можно было бы чертить буквы. Быть может, она сама догадается поискать такой?

Лесная Дева грациозно поднялась:

— Пойдем.

Сварог обрадованно вскочил и пошел следом. Увы, его ожидания не сбылись: пройдя пару сотен уардов, она остановилась перед возвышавшейся над деревьями серой скалой, чуточку напоминавшей обрубок колонны. Писать здесь было решительно не на чем...

Она показала на шершавый серый камень:

— Вот здесь — проход на Древние Дороги. Мне самой туда пути нет. Я не могу тебе объяснить... Так осты. Но я твердо знаю: то, что всем нам может помочь, как раз

и находится на Древних Дорогах. Я не знаю, кто это, или что это — но оно там. Пойдешь?

Сварог отчаянно закивал.

— Должна тебя сразу предупредить: я умею открывать путь туда, но представления не имею, можно ли будет пройти по нему обратно. Люди говорят разное, и неизвестно, кому верить. Так что риск для тебя нешуточный. Войти-то ты войдешь, а вот удастся ли выбраться назад... Но оно — там... Пойдешь?

Сварог кивал так, что шею заломило. Как частенько бывало прежде, на любой риск следовало наплевать — потому что других вариантов попросту не имелось...

— Мне видится какой-то дом, — сказала Лесная Дева. — Не так уж и далеко отсюда, каменный, в два этажа, с высокой узкой крышей. С ним, кажется, все и связано.

Она начертила указательным пальцем в воздухе какую-то сложную фигуру — и меж ними и скалой зажегся, повис в воздухе загадочный знак.

— Насколько я поняла, тебе нужно будет повернуть налево и идти, пока ты не увидишь этот знак. Где и на чем — представления не имею. Но именно там нужно сойти с дороги и осмотреться в окрестностях, дом где-то там, он связан с этим знаком... — она взглянула на Сварога с чисто женским лукавством. — Ну что ж, коли так все обернулось, самое для тебя приятное я приберегла напоследок. Именно там ты себе можешь вернуть прежний облик...

Глава XIX

ОБИТАТЕЛИ УКРОМНЫХ УГОЛКОВ

Когда на серой поверхности скалы появилась огромная круглая дыра, окаймленная мерцающей радугой, и по ту сторону Сварог увидел толстенные стволы деревьев, он метнулся вперед, не раздумывая. Перемахнул нижнюю кромку, открывшуюся над землей на высоте пары локтей, приземлился на той стороне — на хрустнувший под лапами толстый ковер слежавшихся сухих иголок странного блекло-серого цвета. Вокруг него уходили ввысь деревья в добрых три обхвата — морщинистая кора, похожая на сосновую, но светло-коричневого цвета, да и морщины похожи на затейливый узор. Оглянулся — уже никакой дыры, в обе стороны и вверх, насколько хватает взгляда, уходит серая стена, больше похожая на густой неподвижный туман, чем на нечто материальное. Сварог так и не решился попробовать ее на ощупь лапой — скорее всего, ничего не случится, да бог с ними, с пустыми экспериментами...

В здешнем лесу оказалось сумрачно — он задрал голову и убедился, что темно-сиреневые кроны полностью закрывают небо — или что тут имеется вместо неба. Побежал вперед в совершеннейшей тишине — и уже буквально через минуту замер, впечатленный открывшимся зрелищем.

Да, Древняя Дорога производила нешуточное впечатление и на видавшего виды... Ширина уардов в двадцать, вымощена уложенными «елочкой» серыми, по виду каменными блоками. По обе стороны — поднимавшиеся на ладонь, не выше, бордюры, закругленные сверху, из того же камня. По другую сторону (как, впрочем, и по эту) — широкое пустое пространство, заросшее невысокой светло-серой травой, а за ним — такая же стена высоченных деревьев. Вот теперь, отсюда, можно было отлично рассмотреть их кроны — наподобие еловых, только покрыты иголками сиреневого цвета..

Сварог прошел по траве — по ощущениям, самая обычная трава, разве что светло-серая. Правда, пахло здесь иначе. Он не смог бы объяснить, в чем отличие — просто иначе, и все тут. Посмотрев вверх — небо над головой сероватого цвета, словно затянуто облачной хмарью. Нигде не просвечивает солнечный диск, но вокруг довольно светло. Если вся растительность иного цвета, нигде не видно зелени, здесь, скорее всего, нет хлорофилла, все как-то иначе. Надо же, подумал он удивленно, какие высокоученные мысли в голову приходят... Читал что-то такое сто лет назад, вот и вспомнилось...

Оностоял так довольно долго — в совершеннейшей тишине. Ни дуновения, трава и кроны совершенно неподвижны, как на старой фотографии, что самую чуточку напрягает...

Древняя Дорога внушала серьезное уважение: все выглядит так, словно умелые мастеровые закончили ее только вчера, ни единой трещинки в камне, ни единой щербинки, а ведь она должна была существовать еще до Шторма, сколько тысячелетий вот так величественно простирается, неизвестно никому на свете. Одни ученые на основе неведомо каких знаний писали, что Дороги созданы еще изначальными, другие это опровергали, считая их гораздо более молодыми, делом рук далеких предков-людей — но никто ничего не знал точно, зато откровенных фантазий, сказок — хоть отбавляй....

«Решено, — подумал он. — Если только выберусь отсюда, если только все обойдется — вызову коня Горлорга

и покатаюсь по здешним местам. Года полтора лежит в дальнем ящике стола массивная треугольная железяка, напоминающая формой наконечник копья с выпуклыми гранями, все руки не доходят за обилием текущих пустяков и всякой текучки...»

Осторожно потрогал лапой бордюр — вроде бы натуральный камень, прохладный и твердый. Перемахнул на Дорогу и, как наставляла лесная фея, повернул налево, припустил размежеванной трусцой. Стук когтей по камню был единственным звуком, нарушающим здешнюю тишину. Окружающий ландшафт оставался неизменным — разве что в одном месте деревья подступали к Дороге ближе, в другом отодвигались дальше, кое-где обочины заросли не травой, а светло-серым кустарником с длинными листьями, порой над кронами виднеются верхушки округлых холмов желтоватого цвета.

Приостановился. По обе стороны дороги возвышались на высоту человеческого роста темные, почти черные каменные столбы, украшенные короткой строчкой загадочных иероглифов, идущих сверху вниз. Походило на верстовые столбы. Знаки на обоих столбах одинаковые — но среди них нет того, о котором предупреждала Лесная Дева: ну да, он должен быть один...

Сварог остановился, прислушался. Никаких сомнений — в здешней мертвой тишине далеко разносился приближающийся звук, похожий на ритмичный скрежет — не повозка, не конь, не пешеход... Доносился он с той стороны, куда Сварог направлялся. На всякий случай он сошел с Дороги, отошел на несколько уардов от бордюра — мало ли какие тут странники и порядки. Тем более что на Больших Трактах, не надеясь на законопослушание путников, порядок поддерживают конные разъезды, а здесь не видно никого, хотя бы отдаленно похожего на дорожную стражу. Черт, если что, возможности для бегства предельно ограничены: странный лес, в ширину простирающийся самое большое на лигу, а за ним — туманная стена, непреодолимая для невежд вроде него. Но, окажись, что тут странствует нечто опасное, лесная фея наверняка бы предупредила? Коли уж она знает о доме

и озере, расположенных не близко отсюда, в состоянии сюда заглядывать...

Вскоре показался источник непонятого звука: здоровенный, весь в бурой чешуе, ящер длиной уардов в пять, скорее уж огромная ящерица наподобие гланских горных, только те чуть не вполовину меньше и черно-серые...

Ящер целеустремленно продвигался по правой стороне Дороги — если прикинуть, его аллюр соответствовал крупной рыси коня. На спине у него высилось прикрепленное черной затейливой сбруей кресло, а в кресле неподвижно замерла фигура в черном плаще, с опущенным на лицо капюшоном. Трудно сказать, отчего, но у Сварога сложилось впечатление, что если капюшон будет откинут, обнаружится физиономия, ничуть не похожая на человеческую...

На Сварога ни верховое животное, ни всадник не обратили ни малейшего внимания, разве что ящер, пробегая мимо, на миг покосился желтым глазом с вертикальным зрачком — и, не меняя аллюра, пронесся мимо. Это его серповидные когти и производили тот звук. Когда ящер оказался напротив, Сварога прямо-таки обдало волной непонятно сущего, исходившей от путника. Неизвестно, кто он такое — но магии нет ни на грош...

Благополучно разминувшись с мирным, надо полагать, странником, Сварог вернулся на Дорогу и побежал дальше. Только теперь он обратил внимание, что не отбрасывает тени, словно стал привидением или упырем. Впрочем, и ящер с всадником тени не отбрасывали, и деревья, и кусты... Мир без теней. Без дуновения ветерка. Без солнца и, надо полагать, без звезд. Без всякой лесной живности. Не то чтобы неприятно, но как-то неуютно.

Еще два раза ему попадались «верстовые столбы», выглядевшие в точности, как и первые: невысокая колонна со скругленной верхушкой, загадочные письмена вертикальной строчкой... К надписям Сварог больше не приглядывался и не собирался выяснить, отличаются ли они на разных столбах — не в научной экспедиции...

И долго еще стук его когтей по камню оставался единственным звуком, нарушавшим здешнюю тишину. Един-

ственным встречным оказался всадник на ящере. В этом смысле никак не похоже на Большой Тракт — не скажешь, что движение оживленное. Ну, и к лучшему, наверное...

Ага! Он остановился. Справа вместо привычных уже верстовых столбов стояла каменная плита высотой в полу人居евеский рост и толщиной в ладонь. На ней красовался тот самый знак, что начертала Лесная Дева — примерно такой же величины. Пониже — вертикальная строчка из семи иероглифов. А сразу за плитой — разрыв в бордюре, три совсем невысоких каменных ступеньки — такое впечатление, чисто символическая лестница. Более всего походило на дорожный указатель — у плиты не было пары на противоположной стороне дороги, она красовалась в гордом одиночестве, да и лестницу зачем-то соорудили... То самое место.

Возликовав, Сварог даже не спустился по символическим ступенькам — перепрыгнул их, очутился на траве. И сразу обнаружил утоптанную неширокую тропу, уходящую в лес. Неизвестно, кто тут шастал, но делали это достаточно часто и долго, на совесть утоптано... Вот, наконец, и след обитателя... Сам Сварог, пожалуй, ни за что не согласился бы тут обитать — впечатляющая дорога, удобная, но уныние наводит...

Так-так-так... Он остановился и долго рассматривал явный признак разумной деятельности. Одно из деревьев рядом с тропинкой, было, несомненно, спилено кем-то, кто обладал пилой и подходящими для нее конечностями: аккуратный пень высотой в пару ладоней, верхняя часть ствола с нетронутой кроной лежит верхушкой к Дороге. Древесина на спиле — и на торце ствола — приятного густо-медового цвета, прозаические годовые кольца четко просматриваются...

Он не был знатоком лесорубного дела, не припомнить даже, когда в последний раз приходилось пилить и колоть дрова или наблюдать лесорубов за работой. Но все равно, сразу видно, что спилили дерево не сегодня и не вчера: слежавшиеся кучки опилок, вороха коры, хвоя из свелосиреневой стала темной. Если прикинуть, неведомые лесорубы, уронив дерево, взяли примерно треть ствола,

распилив его на аккуратные кругляки толщиной с ладонь (что легко установить, глядя на аккуратные кучки опилок), кругляки ошкурили и забрали с собой, а все остальное оставили. На серьезные лесозаготовки это никак неподхоже — просто-напросто кому-то понадобилось некоторое количество древесины, именно что с треть ствола... Зачем — и гадать бесполезно, все равно не догадаешься.

Он пошел по тропинке, нигде больше не узрев порубок, ни свежих, ни старых. Меж деревьями показались желтоватые холмы...

И Сварог вышел на обширную поляну. Холмы — на сей раз кое-где поросшие светло-серым «остролистом» — стояли кучкой, и в просвете меж двумя ближайшими виднелось...

Он побежал. Оказался на берегу небольшого, почти круглого озерца с темной спокойной водой, неподвижной, как поверхность зеркала — и, не раздумывая, охваченный яростной надеждой, метнулся вперед, прыгнул, обрушился в воду с шумным всплеском, вздымая брызги, нырнул, погрузился с головой. Самая обычная вода, не пахнущая тиной или болотом, ничем не пахнущая, темная, прохладная...

Замолотил лапами — и очень быстро все изменилось, теперь воду загребали растопыренные человеческие пальцы, человеческие ладони, человеческие руки и ноги!!! Сварог выплыл на поверхность, утвердился ногами на твердом, без ила и камушков дне, стоя в воде по пояс — человек...

Вокруг на взбаламученной воде тяжело колыхались намокшие клочья темно-рыжей шерсти. Он знал, что на сей раз обратное превращение — окончательное и бесповоротное, но, как ни странно, не испытывал той жгучей радости, что в прошлый раз. Просто некогда было. Он точно знал, что ему предстоит делать — незамедлительно, не откладывая, не тратя время на дикарские пляски...

Вылез из воды, попытался было по сложившейся уже привычке отряхнуться по-собачьи, смущенно фыркнул и достал из воздуха огромное полотенце. Деловито и быстро занялся экипировкой, одеваясь словно по сигналу

боевой тревоги. Через минуту уже стоял на берегу в облике дворянина, с мечом и пистолетами за поясом, жадно затягивался сигаретой.

Швырнул окурок в успокоившуюся воду, чисто машинально, спохватившись, торопливо присел на корочки и выловил его горстью, пока не успел размокнуть — колдовское озеро, да еще такое полезное, следовало уважать...

Огляделся пытливо. Похоже, утруждать себя долгими поисками не придется — тропа, по которой он сюда пришел, проходила совсем рядом с озером, сворачивала влево, за холм. Туда Сварог и двинулся незамедлительно.

Дом он увидел очень быстро: аккуратный, в два этажа, каменный, с высокой узкой крышей, покрытой коричневой черепицей. Крыльцо с перилами... и по обе стороны от него большие клумбы, на которых растут совершенно земные цветы: георгины, настурции, таларская синяя краставка, розовый выонок обвивает воткнутые в землю палки, алеют гроздья душистого багрянца... Клумбы выглядят ухоженными, ничуть не заброшенными. Интересно... Что, тут есть женщина? Ни один мужчина, (разве что член гильдии садовников и огородников) не станет так возиться с цветочками... Ну... Со скуки? Дом тоже не выглядит заброшенным, есть в его облике нечто неуловимо свидетельствующее: здесь ж и в ут...

Сварог осторожно, прислушиваясь к тишине, направился прямо к крыльцу. Дом казался перенесенным сюда прямехонько из какого-нибудь богатого квартала большого города. Неужели здесь имеются каменотесы и строители, кровельщики и черепица? Что любопытно, ни следа дымовой трубы — как же они с готовкой в таком случае устроились?

Входная дверь чуть приоткрыта — этак гостеприимно, словно лихих людей здесь не опасаются вовсе... а в самом деле, откуда им тут взяться?

Сварог, как ни приглядывался, не обнаружил дверного молотка, а ведь он имеется в самых бедных домишках, таковы уж таларские обычай: в городах пришедшие с добром гости непременно стучат молотками, в деревнях есть особый протяжный возглас, которым из-

вещают о себе... а кулаком в дверь барабанит, пренебрегая молотком, исключительно полиция. Так что начнешь тарабанить в дверь кулаком — здешние обитатели, если только они дома, черт знает что подумают...

А потому он решительно потянул на себя бесшумно распахнувшуюся дверь и без церемоний вошел в небольшую прихожую, до потолка отделанную резными панелями из темного дерева — ничего похожего на медового цвета древесину здешних сосен. Справа самая обычная вешалка, рядок медных крючков на темной доске — на одном висит бадагар с белым пером — похоже, здесь обитают люди благородного происхождения... Тишина.

Сварог прислушался. Слева явственно плескалась вода, и человечески голос неразборчиво мурлыкал какую-то песенку. Туда Сварог и двинулся, держа руку поблизости от рукояти пистолета — тесновато все же, чтобы как следует размахнуться мечом...

Дверь приоткрыта. Ага, кухня. Посередине длинный стол с дюжиной жестких, но красиво выглядевших кресел, все они, кроме двух задвинуты под стол, вплотную спинками к столешнице. Печь — что-то в ней странноватое, но приглядываться некогда. Раковина с двумя кранами, сияющими начищенной медью — совсем интересно. Вроде бы ничего удивительного — зажиточные люди без труда смогут воспользоваться водопроводом... но откуда здесь водопроводы?

Вошел в кухню, остановился в дверях. Слева еще одна дверь, приоткрытая, из-за нее-то и доносится плеск воды, мурлыкающий незнакомую песенку голос. Мужской голос, что облегчает задачу — любая женщина встретила бы незваного гостя истошным визгом, не сразу удалось бы с ней договориться...

Он громко кашлянул, позвал:

— Хозяин! К вам гости!

Песня моментально оборвалась, что-то стукнуло, что-то упало и звонко покатилось — и буквально через пару секунд из ванной вылетел абсолютно голый мужик с мокрыми, прилипшими ко лбу темными волосами, мокрой короткой бородкой. С мечом в руке. Держа его умело,

закрываясь от возможного удара классическим «перекосом», он уставился на Сварога весьма недружелюбно, да что там — яростно. Такой негостеприимный, или гостей тут не бывает вообще, и любого незваного именно так и полагается встречать?

— Ну зачем же вы так, — примирительно заговорил Сварог, отступая в прихожую, примериваясь, как выхватить меч и защищаться в случае атаки. — Я человек мирный, и у меня к вам дело...

Стукнула входная дверь, появилась молодая женщина в мужском наряде каталаунского охотника — красивая, темноглазая, волосы свернуты в узел на затылке, только на лоб выбилась из-под кожаной каталаны русая прядь, а на поясе...

Словно бы ничуть не удивившись и не растерявшись ни на миг, она выхватила из ножен скрамасакс и приняла боевую стойку. Походило на то, что обращаться с этим ножичком она неплохо обучена.

И тут Сварог ее узнал. Столько раз разглядывал на экране ее снимки, тщетно пытаясь высмотреть... да он и сам не знал, что надеялся углядеть. Невероятно, дико, невозможno — но сердитая красотка со скрамасаксом в руке как две капли воды походила на горротскую королеву Эгле. Амазонка, чтоб ее... Дочки владетелей Вольных Маноров сплошь и рядом растут не кисейными барышнями, а уж эта, из горного княжества Скатерон...

Покосился на голого, стоявшего в дверях с мечом на готове и пепелившего Сварога столь же ненавидящим взглядом, что и красавица у входа. Если представить его с сухими, аккуратно причесанными волосами... Что за черт? Получится вылитый Стахор Четвертый, король Горрота, давний, непримиримый и во многом загадочный враг. Когда двое так похожи на Стахора и Эгле — это уже не случайное совпадение... Так что же, эти, по мнению Лесной Девы, должны ему помочь? Вот уж от кого помочь последует в самую распоследнюю очередь...

Затягивать не стоило. Отступив к стене, он вынул пистолет, звонко взвел курок и взял на прицел женщину. Не вполне рыцарское поведение в стычке, но они здесь зна-

ют все ходы-выходы, углы-закоулки, а Сварог понятия не имеет, чего еще ожидать... Черт, но это же вправду Стахор и Эгле!

— Бросьте железку, моя венценосная сестра, — сказал он неласково. — Стрелять буду, не колеблясь, настроение у меня давно дурное... И вы, мой венценосный брат, забросьте-ка меч за спину, в кухню. Вы же не хотите, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое?

Прямо-таки зашипев сквозь зубы в бессильной ярости, женщина отбросила скрамасакс на середину прихожей. Не отводя дула, держа в поле зрения главным образом двойника Стахора, Сварог усмехнулся:

— Я не шучу, брат мой венценосный... Живенько!

— Какой еще брат? — зло спросил мужчина, не глядя, отшвырнул за спину меч.

— Обычное обращение между нами, королями, — сказал Сварог. — Вот ваша дама, полное впечатление, ничуть не удивлена...

— Ты его не узнал? — отчаянно вскрикнула женщина. — Это же Сварог Барг!

— Он самый, — сказал Сварог, чуть поклонившись ради такого случая. — А вы ведь королева Эгле? Верно? В таком случае сей не обремененный одеждой господин, конечно же, король Стахор? Я и теперь угадал? Надо же, какая встреча... Должен заметить, мужской наряд вам крайне к лицу, моя венценосная сестра. Не могу отвесить такой же комплимент его величеству за отсутствием на нем одежды...

Эгле стояла, вытянувшись в струнку — в лице ни кроинки, карие глаза пылают бессильно и яростно.

— Можете вы обойтись без э т о г о? — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал гордо и презрительно. — Пришли хватать — хватайте. Но извольте не унижать и не издеваться, вы все же король, и мы не холопы...

На лице у нее было такое отчаяние, что Сварогу стало чуточку неловко.

— Здесь какое-то недоразумение, моя королева, — сказал он примирительно, не опуская, впрочем, пистолета и зорко наблюдая за парочкой. — Я вовсе не собирался

vas «хватать», в противном случае здесь было бы не протолкнуться от моих людей, в таких делах я не разыгрываю романтика-одиночку, подхожу серьезно. Я вообще не предполагал встретить тут именно вас. Честное слово, клянусь чем угодно, — он хмыкнул: — Уж поверьте, я не намерен унижаться до ложных клятв, чего-чего, а этого за мной никогда не водилось...

Нельзя сказать, что она успокоилась — но в карих глазах появилась надежда. Она выглянула в приотворенную дверь, сказала, на каталаунский манер напевно растягивая гласные:

— В самом деле, никого...

— А здесь? — быстро спросил Сварог. — В доме есть еще кто-то, кроме вас

— Никого, — машинально ответила она.

Она не лгала — а ведь умение Сварога моментально отличать правду от лжи не могло подвести *здесь* — коли уж все остальное исправно служит...

Однако пистолет он не убрал, разве что немного опустил ствол — как-никак это была *г о р р о т с к а я королевская чета...*

— Значит, вы действительно Стахор и Эгле... — протянул он. — Любопытно... Я понятия не имел, кого здесь встречу...

— Тогда зачем вы пришли? — настороженно спросила она.

— Долго рассказывать... — ответил Сварог.

— Можете вы не целиться в женщину? — неприязненно сказал Стахор. — Будьте мужчиной...

— Как вам угодно, мой венценосный брат, — сказал Сварог, направив пистолет в его сторону. — Простите уж, но у меня есть дурная привычка целиться и в женщин, когда они хватаются за мужское оружие. Тут уж рыцарство как-то и не уместно, согласитесь... Меня ничуть не прельщает возможность получить клинок в бок, даже от столь очаровательной женщины... У вас в ванной есть еще оружие?

— Нет, — сумрачно сказал Стахор, не соврав.

— Ну да, будь там что-то еще, вы бы и его прихватили... — сказал Сварог. — Быть может, вы пойдете и оде-

нетесь? А то вид у вас сейчас совершенно не приличествующий королю... (Стахор покосился на супругу). Не волнуйтесь, я не причиню никакого вреда очаровательной королеве... пока она не кидается на меня с оружием...

Оглядываясь на него недоверчиво и враждебно, Стахор все же побрел в ванную.

— Признаться, вы меня удивили, моя королева, — сказал Сварог, чтобы не торчать в ожидании возвращения врага немым истуканом. — То, что вы, оказывается, знаете путь на Древние Дороги, само по себе способно удивить. Как и то, что вы здесь только вдвоем. Ни единого человека свиты, что весьма странно для мужчины, росшего наследным принцем королевства, и женщины, росшей княжной... Неужели среди ваших приближенных не нашлось ни единого человека, которому можно довериться? И вы отправляетесь сюда отдохнуть и развлечься только вдвоем? — он искренне недоумевал. — Кто-то же должен готовить и убирать, ухаживать за цветами... Неужели вы сама всем этим занимаетесь? Я знаю, наследницы Вольных Маноров порой не белоручки, но все равно, странно как-то...

— Мы здесь не развлекаемся, — сказала Эгле не самым дружелюбным тоном. — Мы здесь скрываемся.

— Эгле! — недовольно сказал появившийся в дверях Стахор, уже полностью одетый.

— А какой смысл молчать? — пожала она плечами. — От него не отвяжешься. Наслышиана, как и ты, какой он упрямый в достижении целей. И наверняка считает нас врагами... и его можно понять. Так что лучше сразу внести ясность. Мы здесь с к р ы в а е м с я, мой венценосный брат...

— И давно? — спросил Сварог, подозревая, что вид у него сейчас донельзя глупый.

— Почти два года.

Она не врала.

Сварог ошеломленно уставился на ее:

— А кто же тогда на горротском троне?

— Нам это хотелось бы знать в сто раз сильнее, чем вам, — с неприкрытым сарказмом ответила Эгле. — Но пока что так и не удалось выяснить...

«Вот это так сюрприз, — подумал Сварог, все еще не в силах оправиться от изумления. — С кем же я тогда давненько воюю? Уж никак не с этими двумя. Что ж, это кое-что объясняет, не столь уж и многое, но кое-что...»

— Не пройти ли нам в кухню? — спросил он. — Там у вас, я вижу, можно уютно посидеть... Давайте поступим подобно героям старинных романов-«странствий»: путники рассказывают друг другу свои истории... Вы расскажете, что с вами случилось, а я расскажу, что произошло со мной, — он наконец заткнул пистолет за пояс. — Но предупреждаю честно: хоть и вижу, что вы не врете, п о л н о г о доверия к вам нет, а дружескому расположению просто неоткуда взяться...

— Вот совпадение... — ответила Эгле не без дерзости. — То же самое я смело могу сказать о вас...

Сварог вошел в кухню вслед за Стахором, держась от него поодаль — лишняя предосторожность не помешает. Эгле вошла следом. Как-то так получилось, что горротская королевская чета и Сварог разместились по разные стороны стола, словно дипломаты на переговорах. Некоторое напряжение чувствовалось до сих пор.

— Может, он сначала расскажет первым? — предложил Стахор.

— Какая разница, кто начнет? — пожала плечами Эгле. — Он же обещал, что расскажет. Все, что мы о нем слышали, свидетельствует, что слово он держит...

— Есть у меня такая привычка, — кивнул Сварог.

— Ну, хорошо, — сказал Стахор, сразу видно, тщательнейшим образом подбиравший слова. — Не знаю, что из всего этого выйдет, но действительно, непохоже что-то, чтобы вы нагрянули сюда по нашу душу... Произошло то же самое, что когда-то случилось с Делией Ронерской — уж эту историю вы прекрасно знаете. Не совсем то же самое, но весьма напоминающее... Мы были в Вендисе... это один из королевских замков лигах в ста от Акобара, все трое, мы и сын. На рассвете поднялся переполох — какие-то странные создания смяли охрану и ворвались в замок. Приворные, верткие твари, этакая помесь человека с гигантским котом... Люди против них выстоять не могли,

мои мушкетеры и охрана оказались буквально вырезаны. Пришлось бежать сюда. Точнее, через здешние места в другие... но в конце концов мы обосновались здесь. С нами были еще два мушкетера и лакей. Какое-то время они ходили в Горрот, первые месяцы, пока не пропали, один за другим. Но узнат там успели достаточно, — он невольно скжал кулаки. — Оказалось, что мы с Эгле как ни в чем не бывало восседаем на троне, и сын при нас. И я, изволите ли видеть, решительно переменил многое — отправляю в изгнание прежних друзей, смещаю министров и назначаю новых, большей частью никому не известных прежде, незаметных персон... Ну, остальное вы должны знать и сами, у вас сильная разведка, и не только на земле...

— Я с вами буду откровенным, — сказал Сварог. — Никому так и не удалось установить толком, что, собственно, происходит в Горроте. Ни земным разведкам, ни... другим. Кто все это затеял, я и представления не имею. Одно могу сказать точно: те, кто сидит на вашем месте, в вашем облике — не какие-то там магические мороки, как в случае с Делией, а люди из плоти и крови, не имеющие ни малейшего отношения к магии и не владеющие таковой. Я с ними немного общался там... — он показал большим пальцем на потолок. — Они похожи на вас, как две капли воды, и это самые обыкновенные люди...

— Ничего не понимаю, — сказал Стахор угрюмо. — Точных сведений получить не удается, а гадать мы устали давно...

— Вот кстати, если это не такой уж страшный секрет... — сказал Сварог. — Из того, что вы сказали, недвусмысленно вытекает: вы умеете проникать на Древние Дороги... И даже в какие-то д р у г и е места... Куда?

Они переглянулись.

— Скажи ему, — кивнула Эгле. — В конце концов, нам это ничем не навредит, а он никак использовать не сможет....

— Вы правильно догадались, — сказал Стахор. — Впрочем, это было нетрудно... Умею. Умела и мать. Я и родился-то в одной из Заводей... — он помедлил. — Имен-но такое наставление матушке дала одна колдунья — что

рожать она должна непременно в той Заводи, и нигде иначе. Мать ее послушалась — сильная была старуха, я ее еще застал подростком...

— П оч е м у? — спросил Сварог.

Стахор с невозмутимым видом пожал плечами:

— Кто их знает, колдуний... Если они не хотят объяснять сразу, от них никогда ничего не добьешься...

«А вот теперь вы, гражданин, совравши... — подумал Сварог. — Ну, я на его месте тоже не стремился бы к полной откровенности, что-то важное обязательно попридержал бы, как козырную розу в рукаве...»

— Именно в той Заводи мы попытались сначала обосноваться, — продолжал Стахор, все так же тщательно подбирая слова. — Не сложилось, увы. Не то чтобы к нам там были враждебны, просто... не сложилось. Прижились здесь. Не самое уютное место, но выбора нет. Приходится...

— А вы-то как здесь оказались в полном одиночестве? — спросила Эгле. — Я что-то не слышала, король королей, чтобы вы умели проникать на Древние Дороги...

— Со мной случилась небольшая неприятность, — сказал Сварог спокойно. — Нашлись недоброжелатели, которые устроили так, что я превратился в собаку. Была масса приключений, веселых и печальных, но в конце концов одна старая знакомая посоветовала окунуться в ваше озеро, заверяя, что оно и с ц е л и т.

— Да, это очень и н т е р е с н о е озеро... — ничуть не удивившись, кивнула Эгле. — У вас, значит, все же появились знакомые, знающие путь на Древние Дороги?

Сварог кивнул:

— Я, правда, не знал раньше, что она умеет... Как-то не выпадало случая об этом поговорить.

— А кто она, секрет?

— Ничуть, — сказал Сварог. — Лесная Дева. Вам не доводилось с ней встречаться?

— Слышали много, а встречаться не доводилось... И ваша шерсть, конечно, до сих пор плавает в озере?

— Ну да, — сказал Сварог. — Хотите взглянуть своими глазами?

- Я бы хотела...
- Давайте пойдем и посмотрим, — сказал Сварог, вставая. — Коли уж не доверяете до конца...
- Эгле прищурилась:
- А вы нам до конца доверяете?
- Нет, — признался Сварог. — Слишком неожиданная и поразительная встреча...
- Вот видите...
- Да я все прекрасно понимаю, — сказал Сварог. — Вы не доверяете мне, я не доверяю вам... Дело житейское. А потому вы, полагаю, не обидитесь и не рассердитесь, если я вас попрошу идти впереди?
- Ничуть, — улыбнулась Эгле уже почти спокойно.
- Дело даже не в том, что Стахор разок соврал, думал Сварог, шагая следом за ними по утоптанной тропинке. Он о многом умалчивает. Сам проговорился — очевидно, не придав этому значения — что бежавшие вместе с ним сюда люди выходили в Горрот *п е р в ы е* месяцы, а потом пропали, не вернулись. И тем не менее, как явствует из некоторых обмолвок, Стахор с Эгле по-прежнему получают самые свежие известия о том, что происходит в мире. Выбираются сами куда-то, или у них есть некие *д р у з ь я* в большом мире? Куда, например, делся сын? Неужели погиб? Или живет где-то в другом месте под опекой надежных людей, так что за него можно не беспокоиться? Говорит главным образом Эгле, Стахор предпочитает отмалчиваться — а ведь он нисколько не похож на подкаблучника, предоставляющего инициативу женушке, судя по тому, что о нем известно, никогда не был подкаблучником. Значит, настороже, предпочтывает помалкивать...
- Вот, извольте, — сказал Сварог, показывая на озеро. — До сих пор плавает...
- Вставши на колени у самой воды, Эгле коснулась обеими ладонями неподвижной глади, опустила голову. Ровным счетом ничего не произошло — но она оставалась в неудобной позе довольно долго, значит, что-то все же происходило, только Сварог не мог это видеть и чувствовать. Одно ясно: никакой магии, здесь что-то другое. Нигде на Древней Дороге он не ощущал присутствия магии...

— Вы не соврали, — сказала Эгле, грациозно поднимаясь на ноги, отряхивая с ладоней капельки воды. — Все так и было.

— И как вы это узнали?

— Я уже говорила: это очень интересное озеро... — уклончиво улыбнулась Эгле. — В этих местах многому можно научиться...

— Ну, хорошо, — сказал Стакор, кажется, с легким нетерпением. — Я начинаю верить, что вы не питаете против нас никаких... замыслов. — Но что вы намерены делать дальше?

— Вот здесь-то, сдается мне, и начинается интрига... — сказал Сварог с ухмылочкой. — У меня создалось впечатление, что вы, сидя тут затворниками, тем не менее регулярно получаете сведения о том, что происходит в мире...

— Предположим, — спокойно произнес Стакор. — И что же?

— В таком случае вы должны знать, что Багряная Звезда приближается. И наверняка представляете, что за этим последует. Здесь, конечно, вам ничего не угрожает, я так полагаю — Древние Дороги, как я сам убедился, пережили и Шторм, и Вьюгу, и, должно быть, немало других напастей... Но вряд ли вам безразлична судьба вашего королевства...

— Разумеется, не безразлична.

— Вот, понимаете ли... — сказал Сварог. — В одной из старых книг я недавно наткнулся на интереснейшую вещь... Там утверждается, что уничтожить Клятого Мельника, то бишь, надо полагать, хозяина Багряной, может только человек, родившийся под д р у г и м и звездами. Вы, вероятно, не знаете, но я как раз родился не з д е с ь, в другом мире, а следовательно, и под другими звездами... Почему бы не предположить, что эти строчки относятся ко мне?

Стакор и красавица-королева переглянулись.

— Почему бы и нет? — невозмутимо кивнул Стакор.

— Есть серьезнейшая загвоздка... — сказал Сварог. — Даже если это обо мне, я представления не имею, как мне

до Багряной Звезды добраться. Не вижу такой возможности.

Эгле прищурилась:

— А как же все ваши совершенные и могучие летательные аппараты? За облаками их несметное количество, разнообразных...

— Они не в состоянии приблизиться, — честно признался Сварог. — Ни один, отправленный к Багряной Звезде, не вернулся. Все оружие, которое только пускалось в ход, оказалось бессильным... впрочем, именно так обстояло и во времена ее первого появления, при Шторме — тогдашнее оружие тоже против нее не действовало, я видел своими глазами...

— Это не первое ее появление, — тихо сказала Эгле.

— Да какая сейчас разница, — махнул рукой Сварог. — Главное, у меня нет возможности до нее добраться...

— И вы полагаете, что у нас такая возможность есть? — подняла брови Эгле.

— Откуда я знаю? — сказал Сварог. — Но Лесная Дева говорила, что здесь стоит дом... и очень точно описала ваш. Она сказала еще, что в доме есть кто-то... или что-то, что мне поможет до этой пакости добраться. Она, такое впечатление, не может, не способна в точности разглядеть, что здесь происходит — но все, о чем она говорила, сбывалось...

— И вы готовы рискнуть? — без выражения спросил Стахор. — Учтите, в старых книгах и пророчествах нигде не уточняется, что Багряную Звезду удастся одолеть, что победитель непременно вернется целым и невредимым. Повсюду говорится «может». А это еще не означает «сделает» или «вернется живым»...

— Ну, а что прикажете делать? — пожал плечами Сварог. — У вас — одно-единственное королевство. У меня, как вы наверняка знаете — гораздо больше... Придется рискнуть... Что вы молчите?

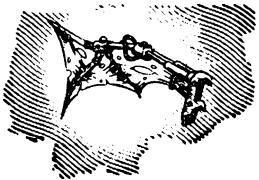
Эгле произнесла с легкой иронией:

— У вас, положительно, есть одно интересное качество, мой венценосный брат, привычка, а может, дар — оказываться в нужном месте в нужное время...

Она смотрела через плечо Сварога. Сварог резко обернулся. Невольно положил руку на рукоять пистолета.

По тропинке прямо к ним шагали люди — растянувшись цепочкой, неторопливо, целеустремленно, спокойно.

Глава XX

И УВИДЕЛ КОННЫЙ, И ПРИНИК К КОПЬЮ...

Они приближались — люди средних лет, ни одного юнца, одетые, как каталаунские жители, оружия не видно, кроме ножей у пояса, какие здесь носят все мужчины, начиная лет с десяти, а порой и женщины, в самых неспокойных районах.

И впереди шагал тот чернобородый, что наблюдал тогда представление и Сварога в роли ученой собаки. Как и в тот раз, от него веяло не понятостью — как, впрочем, от всех.

После недолгого раздумья Сварог разжал пальцы, выпустил рифленую, изящно выгнутую рукоять. У него не было ни единого шанса. Даже если бы каким-то чудом удалось победить всех, неизвестно, как отсюда выбраться в большой мир. Не пытать же королевскую чету, если они откажутся объяснить? К тому же, вполне может оказаться, что проникать сюда способен только сам Стахор, и никто другой этими знаниями воспользоваться не сможет... Со всевозможными тайными знаниями и необычными умениями так порой и обстоит.

Он стоял и ждал. Ничего другого не оставалось. Увидев его, чернобородый нисколечко не изменился в лице, не замедлил шага. Подойдя вплотную, он церемонно рас-

кланялся перед Эгле (похоже, как человек, знающий светское обхождение), поздоровался за руку со Стахром, как со старым знакомым, глянул на Сварога:

— Ваше величество? Я вижу, у вас все кончилось хорошо? — он мельком глянул на клочья намокшей шерсти. — Простите уж, в Туарсоне я вас не узнал, я не маг... Мои поздравления.

— Благодарю, — сказал Сварог. — С кем имею честь?

— Меня зовут Вингельт, — без заминки ответил чернобородый.

Остальные, полукругом стоявшие за его спиной, смотрели на Сварога довольно равнодушно, без злости, но и без малейшего расположения. Никто из них представляться не стал.

— В р е м я? — спросил Стахор спокойно.

— Время, — кивнул Вингельт. — Она совсем близко, — он обернулся. — Олат, посмотри...

Сварог видел, как Эгле во мгновение ока помрачнела, на ее лице была тревога и тоска. Помянутый Олат, пройдя мимо Сварога, как мимо пустого места, опустился на колени над водой, протянул руку, коснулся неподвижной глади каким-то странным медальоном на цепочке, погрузил его весь, очень быстро вынул...

На поверхности воды появилось вовсе уж темное, черное пятно круглой формы, размером с тележное колесо, сплошь усыпанное холодными огоньками. На фоне созвездий — Сварог узнал некоторые — двигалась ослепительно сиявшая багряная точка. Очень интересные у них тут озера...

Олат смотрел на это зрелище недолго. Выпрямился — черное пятно тут же превратилось в обычную поверхность воды — кивнул:

— Торопиться не надо, но поспешать следует...

Эгле бросилась к Стахору, уткнулась лицом в его плечо. Король погладил ее по плечу, решительно отстранил:

— Ну, что поделать, время...

Она послушно отступила на шаг, в глазах стояли слезы, но Эгле, сразу видно, умела держать себя в руках.

— Багряная Звезда? — спросил Сварог, кивнув в сторону озера.

- Она самая, — спокойно отозвался Вингельт.
- Я правильно угадал? Вы собираетесь...
- Собираемся ее уничтожить... то есть попытаемся. Я правильно угадал? — он мастерски повторил интонацию Сварога. — Хотите поучаствовать?
- Если вы не против.
- Ну отчего же мне быть против? Лишний меч никогда не помешает, в особенности, когда речь идет о вас... Пойдемте?

Все происходило просто, буднично, без лишних слов и суеты, как оно сплошь и рядом бывает с серьезными делами. Вингельт, все такой же безучастный и непроницаемый, направился по тропинке в ту сторону, откуда пришел, за последним из его людей двинулся Стакор, а уж за ним пошел Сварог, успев услышать короткий всхлип Эгле. Не было ни эмоций, ни чувств. Это происходило, и все тут.

Возле срубленного дерева его осенило, он приостановился, произнес вслух, не удержавшись:

— Дерево, растущее без Солнца и звезд, без дождей и вихрей...

Остальные молча удалялись, даже ухом не поведя.

— Оно самое, — повернув голову, ответил на ходу Вингельт. — Не отставайте, ваше величество...

Сварог заторопился вслед. Люди вышли к Древней Дороге, пересекли ее, прошли лесом. Вингельт на ходу манипулировал руками перед грудью, но что он там делает, Сварог со своего места в цепочке рассмотреть не мог. Серая туманная стена. Высокий прямоугольный проем, окаймленный знакомым радужным мерцанием, за ним виднеются обмычные сосны. Следом за другими Сварог переступил на ту сторону, оглянулся — ни прохода, ни Дороги, обычная чащоба, и ничего больше...

Люди шли по лесу — без всяких тропинок, не петляя, разве что все больше и больше забирая влево. Что это были за места, Сварог, естественно, не мог угадать. Типично каталаунский пейзаж, и все тут...

Вскоре обнаружилась большая поляна, и на ней стояла длинная постройка — дощатая, без окон, с низкой двухскатной крышей, покрытой сосновыми ветвями. Такие

временные пристанища обычно строят на сезон углежоги, смолокуры и лесорубы — вот только размером они гораздо меньше, и окошки прорезаны...

Один за другим люди ныряли в низкую скрипучую дверь. Войдя последним, Сварог был ошаращен не на шутку.

Внутри, занимая чуть ли не все свободное пространство, громоздился аппарат, похожий на дирижабль или подводную лодку — разве что без внешних двигателей и винтов. Но сзади виднелись штуки, как две капли воды похожие на рули глубины и высоты. Заостренная с двух сторон сигара светло-коричневого цвета, впереди — прозрачный конусообразный колпак, вдоль борта тянется ряд круглых иллюминаторов, распахнута выгнутая дверь, и пришедшие один за другим поднимаются туда по самой что ни на есть прозаической приставленной лесенке, склоненной надежно, но грубо из тонких сосновых стволов.

Сварог поднялся последним. Стоявший у проема Вингельт захлопнул дверь, задвинул массивный засов. Все происходило молча, несуетливо, буднично: люди рассаживались на тянувшихся вдоль бортов скамьях, где уже сидели человек десять, точно так же одетые. Пришедшим передавали по рукам мечи и топоры на длинных топорищах, выглядевшие как-то странно. Дошла очередь и до Сварога, сидевший рядом равнодушно сунул ему меч. Вместо ножен — овальное железное кольцо на веревочной перевязи.

Меч оказался не легче железного — но это, несомненно, дерево из тех лесов: густо-медовый цвет, красивые прожилки... Выточен тщательно, хорошо отшлифован, прямо-таки отполирован, в точности повторяет форму обычного меча, лезвие доведено до нешуточной остроты, а вот рукоять почти не обработана, благодаря чему не скользит в руке, очень удобная. И топоры, отсюда видно, тоже деревянные...

Впереди, у прозрачного колпака — нечто наподобие пульта управления — длинный ящик с горящими на крышке разноцветными огоньками, кругами, в которых мельтешат разноцветные полосы, вертикальными проре-

зями (по ним вверх-вниз то ползают, то прыгают цветные шарики). Два кресла — опять-таки деревянные, без затей. Перед левым еще — несколько высоких рычагов со странными рукоятями.

За рычагами уже был незнакомец, а в правое кресло торопливо уселся Олат, оба принялись манипулировать рычагами и причиндалами. Ничего, напоминавшего бы звук работающих двигателей.

Сварог вертел головой вправо-влево, в чем ему никто не препятствовал, все сидели сосредоточенные, серьезные, поставив меж колен топоры и мечи. Внутри аппарат предстает словно бы сколоченным из недлинных, хорошо остроганных и соединенных без малейшего зазора досок, в торцах украшенных кругляшками цвета меди, более всего напоминающих шляпки гвоздей. Хвостовая часть занята громадным устройством, с первого взгляда похожим на дело рук допившегося до белой горячки механика — причудливо соединенные металлические и деревянные колеса, валы, кривошипы, огромные шестерни, усаженные кругами из разноцветных то ли стекляшек, то ли самоцветов, отшлифованных в форме пирамидок, полушиарий, призм и кубиков. Иные кольца и шестерни начинали вертеться — все быстрее и быстрее. Несколько уже превратились в туманные круги, стекляшки на шестернях сияли разноцветными яркими концентрическими окружностями, казавшимися неподвижными...

Чем-то эта загадочная машинерия напоминала движитель подводной лодки Тагарона, принцип работы коего так и оставался пока загадкой. Есть нечто общее, определенно. Вот у кого Тагарон раздобыл секрет... Что же, эта штука способна подняться на орбиту и выйти в космос? Но ведь подводная лодка Тагарона исправно плавала на глубине... Вот только кислородных баллонов, как на лодке, здесь что-то не видать, однако воздух свежий, ничуть не спертый, им легко дышится... Ну, мало ли что... Зачем-то да тянутся вдоль бортов похожие на половинки труб ящики с россыпью отверстий. Не задавать же с глупой рожей наивные вопросы, словно впервые в жизни увидевшая паровоз деревенщина...

Вингельт подошел, остановился над ним, сказал не-громко:

— Наставления очень просты, ваше величество: будем рубить все, что увидим...

— Вы хотите подняться... туда? — Сварог ткнул пальцем в потолок.

— Конечно, — сказал Вингельт. — Нельзя ей позволять входить в атмосферу, нужно перехватить раньше.

— Нас же сбьют... — сказал Сварог. — По достижении определенной высоты...

Вингельт покривил губы в подобии усмешки:

— Посмотрим. Вдруг да и обойдется...

И отошел к креслам. Постоял, заглядывая через плечо пилотов, обернулся, громко произнес:

— Поднимаемся!

Сварог приник к иллюминатору — единственный, кто так поступил, остальные сидели, глядя перед собой спокойно и отрешенно. Замелькали доски, на несколько мгновений вокруг взлетели разлапистые сосновые ветки — странный корабль, пробив хлипкую крышу, вертикально уходил ввысь. Чащоба словно провалилась вниз, будто упущенное в колодец ведро, почти моментально превратилась в неровную зеленую поверхность, а там и в сплошное зеленое пятно с неразличимыми деталями. Если верить глазам, корабль шел в небо на приличной скорости, не уступая, пожалуй, драккару — а если верить ощущениям, преспокойно стоял на земле: ни малейшего ощущения подъема, дощатый пол не уходит из-под ног, ни на миг не возникает легкой невесомости, сердце не замирает, не подступает к горлу, никакого колыхания, болтанки... В точности как на любом летательном аппарате ларов — но это какая-то другая техника, ни в чем не уступающая, слышно только тихое монотонное жужжанье вертящихся колес и шестерен...

Лазурь за окном потемнела, стала густо-синей, фиолетовой, черной... Какая скорость! Ее не ощущается, Вингельт преспокойно стоит, опервшись ладонью на спинку кресла Олата... Вокруг в черноте засияла россыпь звезд, пожалуй что, они уже не на орбите, поднялись гораздо

выше, вышли из поля тяготения планеты... Как им все это удалось, где они все это прячут, где прячутся сами и кто они такие, прах их побери? «Мало я знаю о своих владениях и подданных, ох, мало...» — с горькой ironией подумал Сварог. Эта штука, есть подозрения, и до соседних планет доберется при необходимости... и где же боевые орбиталы ларов, автоматически сбивающие любой объект, поднявшийся выше запретной черты? То ли бездействуют, то ли отчего-то не в и д я т...

— Вот она! — почти крикнул Олат. — Правильно вышли, прямо по курсу!

Не такой уж он невозмутимый, каким пытается казаться... Да и все остальные повернули головы, привстали, глядя вперед...

Там, впереди, светилось багряное сияние, быстро приближавшееся, растущее, заслонявшее все больше звезд...

— Олат, сможешь ее остановить? — быстро спросил Вингельт, тоже, судя по голосу, подрастерявший прежнюю невозмутимость.

— Попытаемся, — звенящим голосом откликнулся Олат. — Старались же...

Он яростно манипулировал торчавшими из ящика металлическими рукоятями, дергал рычажки, вертел колесики... Посыпался высокий чистый звук, словно лопнула струна, перед носом корабля, затмив багровое сияние, вспыхнула стена золотистого свечения, пронизанного словно бы тоненькими, ветвистыми, алыми разрядами молний, рванулась вперед, растаяла, осталось только багряное сияние, заполнившее все доступное взгляду пространство...

— Остановили!!!

— Пробивай колпак!

Корабль ощутимо тряхнуло, вскочивший на ноги Сварог разглядел, как откуда-то из-под прозрачного носа рванулся темный клубок, моментально распавшийся на рой бешено вертящихся дисков, и они умчались вперед, рассыпаясь, словно хорошо обученные егеря, уменьшаясь на глазах...

— Есть дыра! Есть!

— Вперед!

Несколько мгновений — и тускловатое багряное сияние охватило со всех сторон, обволокло корабль целиком, словно проглотило... За иллюминатором, внизу, показались медленно вертящиеся предметы правильных очертаний и разнообразных форм, корабль опускался ниже, ниже... Легонький толчок... В два прыжка оказавшись возле двери, Вингельт отодвинул засов, распахнул дверь, крикнул:

— Пошли!

Люди с той скамьи, где сидел Сварог, один за другим кидались в дверной проем — и он, когда подошла его очередь, подбежав к двери, спрыгнул с высоты локтей двух, почувствовал под ногами твердую поверхность — и отскочил, чтобы не мешать следующим.

Огляделся, выхватив деревянный меч — когда увидел, что то же сделали уже выпрыгнувшие.

Он стоял на твердой, ровной, гладкой поверхности цвета раскаленной печной конфорки — но ни малейшего жара под ногами не ощущалось. Багряное сияние продолговатым колпаком накрывало ее — и сзади зияла огромная, неправильной формы дыра, за которой чернел космос и холодно сияли звезды. Похоже, края дыры медленно, неуклонно ширились, словно помаленьку оплавлялись, сгорали, словно сияние таяло....

Перед ними простиралась равнина, покрытая стоявшими не так уж густо, в беспорядке угольно-черными сооружениями. Горизонтальные колеса с широкими ободьями и спицами, крылья наподобие мельничных — странной формы, по пять, семь, даже девять, на оси, огромные сдвоенные коромысла, чуть растянутые в ширину круги, наподобие антенн радаров, нечто наподобие растопыренных гигантских веников... да столько там было причудливых штук... И все это вращалось на подставках в виде колонн, постаментов, полушиарий — словно бы лениво, неспешно, беспрестанно, и здесь, вот удивительно, можно было дышать свободно, и отовсюду доносился размеренный механический стрекот, словно бы стук исполинской швейной машинки, шелест вертолетного винта, шум мельничных крыльев, смешанный с чем-то вроде тягучего, скрипучего, злорадного механического хохота...

— Руби! Время!

Стоявший рядом со Сварогом кинулся к медленно вретвевшемуся черному горизонтальному колесу, занеся меч обеими руками, ударили. Сварог затаил дыхание.

Взлетел спонник неярких голубоватых искр, послышалось жалобное звяканье. Меч взлетел еще раз, опустился... В ободе колеса появился проем, отрубленный кусок отлетел в сторону и упал далеко не сразу, так, словно был сделан из чего-то крайне легкого, почти невесомого. Человек в нешуточном остервенении набросился на вретвившееся колесо, нанося могучие удары, резко выдыхая, словно дрова рубил. Плавно, лениво как-то, почти невесомо разлетались куски обода, вот уже и обода не осталось, одни обрубки разной длины торчат, вращаясь... вот и ось перерубил, над постаментом торчит нелепый огрызок...

Это словно послужило сигналом — люди рассыпались, взлетали мечи и топоры, сыпались споны неярких, не обжигающих искр, повсюду разлетались черные куски самых причудливых очертаний, все так же плавно, будто подхваченные ветром клочья соломы. Выйдя из оцепенения, Сварог подскочил к черному разлапистому «венику» чуть-чуть повыше его ростом и, не размениваясь на шинковку, рубанул по оси. «Веник» моментально завалился, задев-таки Сварога по плечу — но он и в самом деле оказался чертовски легким, никакого вреда не причинил, рухнул рядом. Ноздри защекотал слабый неприятный запах чего-то горелого.

В азарте он перебросил меч в левую руку, выхватил свой — и от души рубанул обеими по крыльям «мельницы». Деревянный отсек кусок — а стальной, встретив препятствие, со звоном разлетелся, так что в руке остался только эфес с косым обломком... Смущенно выругавшись, Сварог отшвырнул эфес и врубился в мельничные крылья так, что клочки полетели. Потом догадался упростить работу, подставить меч возле самой оси — и крылья, наталкиваясь на него, отлетали одно за другим.

Время, казалось, остановилось. Люди, растянувшись неровной цепочкой, в г р ы з а л и с ь в скопище черных вертячек, оставляя за собой усыпанное обломками про-

странство. Пару раз Сварог машинально оглядывался — корабль с распахнутой дверцей, залитый внутри светом, отдался, отдался...

— Вот он! — завопил кто-то. — Идет!

Среди размеренно вертевшихся штуковин показалось нечто неподвижное — прямоугольное, с закругленными углами и крышей в виде чуть сплюснутого полушария строеньице. Там распахнулась широкая, закругленная сверху дверь — изнутри вырвался алый свет — и из нее показалась высокая темная фигура. Ростом раза в полтора выше человека, но очертания и пропорции мало похожи на человеческие. Этакая чуть срезанная снизу, повернутая вниз черенком груша, державшаяся на коротких кривых ногах. Длинные, чуть ли не до земли, руки, кажется, с двумя суставами, утопленная в плечи голова — словно половина дыни с тремя горевшими алым фасеточными глазами и решетчатым полушарием на месте рта...

Фигура двинулась к людям, издавая отчетливо слышимое поскрипыванье, «рот» замерцал алым, раздалась громкая, шипящая, абсолютно непонятная, но безусловно членораздельная тирада, поток замысловатых слов с преобладанием согласных, звучавших жалобно, сердито, угрожающе...

— Назад! — истошно завопил неведомо откуда вынырнувший Вингельт. — Кому говорю, назад!

Человек с топором то ли не слышал его, то ли в азарте не собирался подчиняться. Он ринулся к чудищу («Если это не Клятый Мельник, то я не я», — пронеслось в голове у Сварога), замахнулся топором...

Кто-то громко, непроизвольно выкрикнул:

— Ай...

Здесь было довольно светло, и Сварог видел все, как на ладони. Руки Мельника протянулись в сторону нападавшего, веером растопырились ладони с полудюжиной длинных, многосуставчатых пальцев... Человека с топором они не коснулись — но там, где он только что стоял, взметнулось багровое облачко, взлетевшее выше головы Мельника и невероятно быстро рассеявшееся. Остался замерший в нелепой позе скелет, сжимавший занесенный

топор — а через пару мгновений он обрушился, превратившись в кучку костей, на которые плюхнулся топор...

Поскрипывая, жалобно квохтая, угрожающе шипя, Мельник, все так же вытянув руки, развернулся в сторону ближайшего к нему человека, и все повторилось: взлетевшее и мгновенно растворившее багровое облачко, застывший на миг скелет, тут же рассыпавшийся, и еще одно облачко, и еще...

— Ваше величество, — раздался отчаянный крик Вингельта.

Сварог рванулся вперед, ни чувствуя ничего, кроме ненависти и холодного, рассудочного боевого азарта. Черные веера ладоней тут же развернулись в его сторону, он ощутил нечто вроде порыва теплого ветерка, зажмурился на миг — но, сообразив, что цел и невредим, не замедлил бега, взмахнул мечом.

Отсеченная кисть руки упала ему под ноги — тяжело, со стуком, прямо-таки с грохотом, словно весила нешуточно много. Из обрубка вырвался пучок длинных, державшихся, похожих на червей багровых искр. «Сволочь, — подумал Сварог, — ты ж не живой...» И ударил еще раз.

Справа от него мелькнул клинок — и правая рука Мельника, отсеченная по самое плечо, тяжело грянулась оземь. Резко повернувшись, Сварог увидел Стахора — горротский король-изгнаник, растрепанный, оскаленный, вновь размахнулся, и в боку жалобно завывшего создания появилась глубокая щель, откуда ударила пучок длинных извивавшихся искр.

Вдвоем они крушили, кромсали, молотили.

— Ноги!!! — крикнул Стахор, на себя не похожий в алом мерцании непрерывно взметавшихся искр.

Сварог понял. Отработанным еще в былы времена пируэтом он ушел с дороги чудища, оказался у него за спиной, примерясь, рубанул. Отsek правую ногу у самого туловища, отпрыгнул поскорее — Мельник завалился вправо, рухнул со страшным грохотом. Меч Стахора обрушился ему на голову, отрубив чуть пониже «рта» — и она отвалилась, светя изнутри алыми и оранжевыми вспышками, брызгая искрами, напоследок бормотнув что-то не-

разборчивое, жалобное, з а т у х а ю щ е е. Робот, конечно же, робот...

Держа меч наготове, Сварог бросился к домику, заглянул внутрь. Никого.

Противоположная стена на две трети покрыта выступающими из нее косыми коробками — целое море разноцветных огоньков, дикая пляска света, противное дрезжанье звонков, длинный тосклиwyй вой — видимо, аппаратура получившего нешуточные повреждения аппарата на все лады подавала сигналы тревоги, уже никого не способные обесокоить... Вот, значит, как... Вот, значит, что...

Он выскочил и присоединился к остальным, ожесточенно рубившим под повелительные крики Вингельта, призывающего спешить, спешить, спешить... Летели черные причудливые обломки, там и сям рассыпались искры, механический стрекот и подобие злорадного смеха становились все тише, тише...

А там настала совереннейшая тишина. Сварог остановился. Перед ним стояла стена багряного сияния. А позади — овальная равнина, покрытая грудами причудливых обломков. И никакого больше движения, только кучи угольно-черного хлама. Пробитая кораблем дыра рассыпалась, увеличившись в несколько раз, полностью открыв созвездие Меченосца и широкую полосу Млечного Пути.

— Все назад!

Сварог побежал за остальными. Слышал, как за распахнутой дверью заливаются звонки и сирены тревоги. Четвертованный и обезглавленный Клятый Мельник еще испускал пучки тускнеющих искр. До чего легко, оказывается... если только знать, к а к...

Люди вереницей прыгали в распахнутую дверь, плюхались на деревянные лавки. Сварог прыгнул на свое место, тяжело отдуваясь. Звонко задвинувший засов Вингельт схватил за плечо пилота, что-то закричал ему в ухо. Тот кивнул, взялся за рычаги. Сварог ожидал, что корабль взлетит и уйдет в дыру — но время шло, а в иллюминаторах так и стояло багровое сияние, причем Вингельт вовсе не выглядел встревоженным, он больше не командовал, стоял с ви-

дом невероятно уставшего человека, сложив руки на груди, опустив голову. Похоже, все шло по задуманному... что?

Повернув голову, Сварог не увидел ни одного лица, на котором сияла бы радость триумфатора. Все сидели, ссутулившись, понурив головы, равнодушные, отрешенные, безмерно уставшие. Ничего удивительного, в прошлой жизни, когда возвращались, у всех, и у него самого, были точно такие же лица...

Он встал. Чуть пошатываясь, добрался до противоположной стены и через плечо сидящего, даже не поднявшего на него глаз, выглянул в иллюминатор. Виднелся краешек дыры — и там уже не было ни звезд, ни космической черноты, темно-фиолетовое небо светело, светело, светело... становилось густо-синим, светело... Вот оно что, корабль в олоке остатки на землю...

Сварог вернулся на свое место. Он и не заметил, когда меж пальцами появилась зажженная сигарета. Жадно затянулся. Человек напротив, рассеянно, отрешенно шаря по карманам, вытянул кисет и трубку — и справа тоже поднялся табачный дымок. Нашел взглядом Стакора: король привалился затылком к стене, прикрыв глаза, взлохмаченный, лицо, как и у остальных, покрыто словно бы мазками сажи. Сам Сварог наверняка сейчас выглядел не лучше.

Его толкнули локтем в бок — сосед слева протягивал пузатую флягу с выдернутой пробкой. Кивнув в знак благодарности, Сварог поднес горлышко к губам, крепко подозревая, что там не вода — ...и убедившись по запаху, что угадал правильно. Проглотил изрядную долю неплохого келимаса, словно воду хлебал. Вернув флягу, закинул голову, прижался затылком к твердым доскам. Кажется, медленно отпускало. Как иногда случается, ему и не верилось, что пришел полный, окончательный успех — в сознание пока что не вмещалось.

Не выдержав в конце концов, он встал, подошел к Вингельту и спросил, кивнув в сторону прозрачного носового колпака.:

— Это Изначальные?

За стеклом багровела овальная равнина, покрытая кучами обломков. И тишина.

Вингельт чуть приподнял голову, так, словно ему было тяжело сделать это нехитрое движение. Ответил негромко, устало, без выражения:

— Это седая древность... Невообразимо старая штука-вина... Так-то вот...

Он словно отталкивал взглядом, никак не расположенный был к разговору. Сварог оставался рядом, хотя и поругивал малость себя за бесцеремонность.

— Вот так просто... — вырвалось у него.

— Ну да, — тем же тусклым голосом ответил предводитель непонятных людей. — В особенности, если готовить это долгие годы...

Он глянул вовсе уж неприязненно, ему больше всего хотелось остаться наедине с собой — и Сварог чуть ли не виновато отошел, уселся на свое место, прижался затылком к стене, закрыл глаза.

Ну что же, с жуткими загадками так иногда и случается — взять хотя бы Хелльстад... Столько несчастий и катаклизмов, столько страшных сказок и печальных баллад, столько книжников ломали головы и в тщетных поисках истины противоречили друг другу... Все оказалось, если рассудить, где-то даже банальным — ни злокозненной магии, ни происков темных сил, ни человеконенавистнических замыслов — всего-навсего боевая летучая машина давным-давно стинувшей расы из невообразимо далекого прошлого, заблудившееся в тысячелетиях и космических просторах древнее недоразумение, успевшее причинить столько бед и несчастий...

За иллюминатором показалась безмятежная синева.

Глава XXI

...И ОХОТНИК ВЕРНУЛСЯ С ХОЛМОВ

Когда Вингельт распахнул дверь, Сварог вышел третьим. Огляделся. Корабль стоял на опушке пустого леса — по всем приметам, каталаунского — а уардах в ста, на равнине, лежало то, что осталось от Багряной Звезды — огромная овальная платформа толщиной в пару уардов, покрытая грудами черных обломков, над которыми возвышался домик, оставшийся нетронутым. Колпак из багряного сияния уже почти совсем растаял, от него поднимались ввысь струйки бледно-розового дыма и тут же таяли, кое-где обломки чадили.

Все были чумазые, растрепанные, расхристанные, перепачканные черной сажей — как и Сварог наверняка.

— Это не опасно? — спросил он, кивая на бренные останки летучего ужаса.

— И з д о х ш а я — ничуть, — спокойно ответил Вингельт. — Иначе я бы не стал... — он оглянулся на своих. — Ребята, поторопливайтесь! Зная упорство и любознательность его величества, сомнений быть не может: как только он доберется до места, откуда сможет отдавать приказы, по нашим следам бросятся все секретные службы, какие у короля найдутся. А их столько, что со счету собьешься...

Ну да, конечно, наступила обычная жизнь с ее сложными реалиями... Откровенно, ничуть не скрываясь, Сварог передвинулся так, чтобы за спиной у него никого не оказалось.

— Это вы зря, — сказал Вингельт. — Никто ничего не замышляет. У нас с вами есть общие цели — настолько, чтобы мы не питали к вам зла, но не настолько, чтобы с вами дружить. Я понимаю — такая уж у вас должность. Мы привыкли, которую тысячу лет ловят, и безуспешно. Так что рас прощаемся.

— Почему? — спросил Сварог.

Вингельт ответил, не промедлив:

— Потому что вы не просто земной король, а еще и Высокий Господин Небес. Вот с ними нам решительно не по пути, уж не посетуйте... — он смотрел строго и серьезно. — Ваше величество, можете вы снизойти к небольшой просьбе? Пожалуйста, не трогайте Туарсон. Даю вам честное слово, деревня ни при чем, никто там не знает, кто я такой. Они хорошие люди, бесхитростные...

«Удачное словцо подобрали, сударь, — подумал Сварог. Вот уж воистину бесхитростные. Особенно кроха по имени Бетта...»

— Спасибо, что вовремя сказали, — бросил он с неприкрытым сарказмом. — А то я уж было собирался выжечь деревню дотла по своему всегдашнему обыкновению... Не трону я ваш Туарсон, успокойтесь. Вряд ли вы там еще покажетесь. Но искать я вас буду, уж не посетуйте, должность такая, вы совершенно правы. Я верю, что вы не замышляете никаких заговоров, но не в том дело...

— Я понимаю, — сказал Вингельт. — Могу я дать вашему величеству добрый совет? Не тратьте понапрасну силы. Опыт у нас богатейший, так что ничего не получится...

— Вы полагаете? — прищурился Сварог. — А вот сдается мне, что и вы оставляете с л е д о ч к и... — он кивнул в сторону корабля. — После того, что я там увидел, никаких сомнений: тот человек, что продал Тагарону чертежи некоего движителя, был из в а ш и х. Вот только наплевал на некие идеалы и пленился прозаическим звоном золота...

— Бывает, — без раздражения кивнул Вингельт. — Разве я говорил, что мы совершенны? Однако могу вас заверить, меры давно приняты, и никакого следочка не осталось...

— Но мы могли бы...

Вингельт произнес мягко:

— Ваше величество, я отношусь к вам с уважением. И не только я. Здесь не тронный зал, и я не придворный, так что это не лесть. Вы сделали немало полезного, и наверняка еще сделаете. И тем не менее даже ради вас никто не будет нарушать тысячелетние установления. Несмотря на ту жажду познания, что вас обуревает...

— Кто вы такие, в конце концов? Керуани? Кто-то еще?

Вингельт молча смотрел на него, откровенно улыбаясь — и в этой улыбке угадывалось нечто покровительственное, словно взрослый наблюдал за ребенком. Сварога эта улыбка разозлила — и придала сообразительности.

— Ах, вот оно в чем дело... — сказал он, оглядываясь на останки Багряной Звезды. — Жажда познания, разумеется... Конечно, она обуревает не меня одного... У вас просто нет такого местечка, куда бы вы могли увильнуть это и вдумчиво исследовать... Видимо, именно так и обстоит... Вы хотите, чтобы ею занялись мои люди... а потом попытаетесь подобраться к этим знаниям? Для того и свели ее аккуратненько с орбиты... Приземили непронутой...

Он не сомневался, что именно так и будет обстоять. Уж если замурзанная деревенская кроха из захолустья смогла неведомо как войти в компьютерную сеть ларов, пусть не в середину, крепко защищенную, да вдобавок так, что всеми имеющимися в наличии техническими средствами ее не удавалось засечь... На что тогда способны врозь лягушки? Эти?

— Вы не тем сейчас заняты, ваше величество... Вам следовало бы побыстрее придумать какую-нибудь достаточно убедительную историю про то, как вы в одиночку одолели Багряную Звезду...

— Я?!

— А кто же еще? — усмехнулся Вигельт. — Вы же видите, мы нисколько не расположены в публичности и во все не стремимся выступать в роли увенчанных лаврами героев. Его величество Стакхор тоже в силу известных причин не стремится к почету и шумной огласке. Придется уж вам одному отдуваться, то бишь взвалить на себя всю славу. Вы совершили уже столько славных подвигов, что никто и не удивится очередному. Думаю, вы сумеете что-нибудь придумать. Это легко. Скажем, некий скромный провинциальный волшебник, опять-таки не жаждущий огласки, вручил вам летающий коврик, на котором вы и добрались до Мельницы... Что-нибудь в этом роде... Никто не будет искать несоответствия, зачем, когда вот оно, наглядное доказательство подвига — словно сраженный дракон из сказок и баллад...

Он бросил взгляд на небо, приложил к уху овальную костяную пластинку в золотой оправе, усыпанную многочисленными дырочками. Чуть зажмурившись, словно бы прислушивался. Убрав загадочную штуковину в карман, обернулся:

— Ребята, поспешаем! Скоро здесь будет людно... Прощайте, ваше величество...

— До с в и д а н и я, — упрямо сказал Сварог.

Вингельт хмыкнул, глядя на него дерзко и весело, поклонился и, отвернувшись, направился к кораблю. Что-то достал из кармана, что-то с этим предметом проделал, забросил его внутрь и захлопнул выгнутую дверцу. Не глядя более на Сварога, пошел к лесу. Его люди вереницей двинулись следом.

— Стакхор! — окликнул Сварог.

На с т о я щ и й горротский король нетерпеливо обернулся.

— Вам не кажется, что уж мы-то друг другу нужны? — спросил Сварог. — С тем, что вот уже два года творится в Горроте, я хочу разобраться не меньше вашего. А эти господа, — он кивнул в сторону уходящих, — сдаются мне, помочь не могут, иначе давно бы уже помогли, вы среди них давно свой, это видно... Нам бы следовало держаться друг друга...

— Возможно, я так и поступлю, как вы советуете, — невозмутимо ответил Стакор, поклонился и пошел вслед за остальными. Вскоре все они пропали с глаз, скрылись в чащобе, и Сварог остался совершенно один: далеко не впервые в жизни.

Оглянулся. Внутри корабля полыхнула беззвучная, рыже-золотистая вспышка, он наполнился внутри неярким свечением, оно вырвалось наружу, окутало, обволокло — а когда рассеялось, корабль выглядел совершенно иначе, став серо-черного цвета, как обгоревшая головешка, иллюминаторы и прозрачный носовой колпак потускнели. Легонький порыв прохладного ветерка — и корабль осыпался облаком невесомого пепла. Остался лишь овал выжженной травы, напоминающий след от большого костра.

Сварог стоял на опушке в совершеннейшей тишине. Только безмятежная, безоблачная синева небесного купола, легонький ветерок и отдаленный птичий щебет. Он обнаружил, что потерял где-то пистолеты, а с ними и пояс, все пуговицы с камзола, весь перепачкан сажей, победитель Багряной Звезды, изволите ли видеть, единственный победитель...

Он стоял, понурившись, и в ушах звучал высокий, чистый голос Кайи:

*Всадник в шлеме сбитом,
 сшибленный в бою,
 верный конь, копытом
 топчущий змею...
 Сомкнутые веки.
 Выси. Облака.
 Воды. Броды. Реки.
 Годы и века...*

Он не помнил, чтобы когда-нибудь испытывал такую тоску и горечь, переходившие в лютое отчаяние и отвращение к самому себе.

Всадник в шлеме сбитом, сшибленный в бою... Нет, ничего подобного. Ему случалось терпеть нешуточные поражения: и в Горроте, и под Батшевой, когда погибла

эскадра. Ну, что тут поделать, жизнь не может состоять из одних побед...

Здесь что-то совершенно другое. Верный конь, копытом топчущий змею... Ага, вот именно. Он выступил в роли второстепенного персонажа, рыцарского коня, успевшего малость потоптать змеюку — но победил ее все же рыцарь...

Прекрасно обошлись бы и без него. Перед глазами у него встал Стакор, ожесточенно рубивший робота. Без сомнения, звезды над той Заводью, где родился горротский король по совету колдуньи, именно что дружили. Вот только Сварог в приступе гордыни решил, что все древние пророчества касательно грядущих славных герояев должны непременно относиться к нему. А может, и не гордыня, попросту привык, так уж сложилось...

Дело тут вовсе не в ущемленном самолюбии. Он не хотел, не имел права выступать в роли единственного героя, победителя-одиночки — но на него взвалили этот груз, не спрашивая согласия. Это-то и было самым скверным...

Он поднял голову, заслышиав далекий еще, слабый, тихий, но чертовски знакомый гул.

Два бомбардировщика прямо-таки свалились из зенита, промчались над головой, развернулись... Вращались исправно винты, слышался шум моторов — вот только развернулись они под углом в девяносто градусов, левым крылом вперед — как может только вимана... На миг замерев в воздухе, оба отвесно опустились на равнину уардах в десяти от него. Винты из туманных кругов моментально превратились в неподвижные лопасти, шум моторов умолк, словно выключатель повернули, распахнулись дверцы, на траву опустились лесенки...

Сварог безучастно смотрел, кривясь от горечи. Первой с помощью двух дюжих молодцов на землю спустилась старуха Грельфи и проворно засеменила к Сварогу — любила она прикидываться дряхлой немощью, но, случись что, проворство выказывала нешуточное...

— Ну и дурень ты, светлый король, уж прости на худом слове, — с укоризной сказала она, порицающее качая го-

ловой. — Кто ж лезет к зеркалам с непроверенными, неизвестными заклятьями? Хорошо еще, что...

Упервшись в нее мрачным взглядом, Сварог произнес металлическим голосом:

— Отставить нравоучения...

Старуха, обладавшая изрядным умом и проницательностью, едва глянув на него, моментально умолкла. Пройдя мимо нее, Сварог повелительным жестом остановил ораву спешивших к нему людей, поманил Интагара. Он впервые видел своего верного бульдога поспешавшим трусцой. Брыластая грубая физиономия лучилась неподдельной радостью: ну конечно, дело тут не только в собачьей преданности, кто-кто, а уж Интагар, стрясись со Сварогом нечто непоправимое, терял все, в том числе и голову...

Душа просила действий. Душа, откровенно признаться, просила крови, конского топота, пожарищ... Схватив Интагара за рукав коричневого камзола, Сварог притянул его вплотную и спросил деловито:

— У вас есть связь с Гаури?

— Конечно...

— А ваши люди там есть?

— Конечно. Кого там только нет, все прилетели на шести самолетах...

— Отлично, — сказал Сварог, ослабясь. — Там, под городком, квартирует драгунский полк...

— Да, Девятый...

— К черту нумерацию... Немедленно свяжитесь с кем там вам удобнее. Девятому драгунскому — окружить городишко так, чтобы мышь не прошмыгнула. Правителя городской канцелярии Сувайна взять немедленно. Следом бургомистра, он тоже при делах. С ходу пусть начнут бить морды, уверять, что полиции все известно и требовать подробностей, ну, вы понимаете... Только брать живыми, непременно живыми... — он чувствовал, как лицо ему свела злая гримаса, но поделать ничего не мог. — Мое величество будет творить справедливость, у меня это прекрасно получается, особенно задним числом... Что вы стоите? Живо! Кому говорю?!

Глядя на него с почтительным страхом, Интагар отбежал на несколько шагов и стал рыться по карманам в поисках переговорного камешка-таша. Остальные прилетевшие, поколебавшись, двинулись к Сварогу, то и дело оглядываясь на останки Багряной Звезды, еще курившиеся розовыми и черными дымками. Кого тут только нету...

Мара бросилась ему на шею, прижалась, шепнула на ухо радостно-сварливым голосом:

— Сказочный герой, ну тебя к лешему... На минутку одного оставить нельзя, непременно в подвиги вляпашься...

Сварог мягко, но непреклонно отстранил ее, шагнул вперед, встал перед аккуратной — оказались строевые занятия — шеренгой своих юных сподвижников. Все они красовались в присвоенной девятому столу форме (за исключением Элкона, щеголявшего в форме лейтенанта Яшмовых Мушкетеров), чуть ли не по самые уши увешаны разнообразными кобурами, вид имеют самый бравый и решительный — стойкие оловянные солдатики, черт побери...

Он оглянулся. Прочие прилетевшие без команды держались на почтительном расстоянии, за исключением Мары, стоявшей совсем близко с видом гордым и независимым.

— Мы вас все это время искали, командир, — сказал Элкон, выступив на полшага вперед. — Только ничего не получалось, никак не могли засечь. Сегодня на рассвете обнаружили, но не успели долететь, вы вновь пропали, потом опять обнаружились и опять пропали, только теперь...

Сварог посмотрел на небо. Оно было пустым — а ведь следовало бы ожидать, что там станет мельтешить куча драккаров, брагантов и виман, как тогда, после гибели Кракена...

— Почему никого нет? — он дернул подбородком вверх, — Что, улетели до срока?

— Да, — сказал Элкон. — «Журавлинный клин» объявили раньше времени. Багряная Звезда попала в гравитационное поле Семела, получила неожиданное ускорение, рванулась, как камень из пращи... Все над Сильваной. Императрица приказала найти вас во что бы то ни стало,

кроме нас, работало два десятка поисковых команд, Канцлер всех отозвал в самый последний момент... Императрица вызвала остаться и лично руководить поисками... По некоторым данным, ее увезли силой...

— И правильно сделали... — пробурчал Сварог. Окинул всех нехорошим, тяжелым взглядом и спросил со вкрадчивой угрозой: — А как же в таком случае вышло, соколы мои и соколицы, что все улетели, а вы обнаружились здесь? Я сильно сомневаюсь, что Канцлер вам это позволил...

— Мы обязаны были вас найти, командир, — невозмутимо сказал Элкон. — Пока имеется хоть ничтожный шанс.

— Сопляки... — сказал он сквозь зубы. — Щенята самонадеянные... Да как вы...

Томи сделала шаг вперед. Ее очаровательное лицо выглядело невозмутимым, абсолютно нераскаянным, глаза сияли.

— Командир... — сказала она негромко. — Вы же сами нас учили, что мы — гвардия. Мундир, честь и долг... Не станете же вы уверять, будто все это была игра?

И уставилась испытующе, лукаво, чертовка... Сварог потерянно молчал. «Выучил на свою голову, — покаянно подумал он. — Мундир, долг и честь. Неизвестные здесь прежде песни, которых они от него наслушались. Помни, друг мой юный, позабыв про страх — о себе не думай, думай о друзьях...»

— Да вы хоть понимали, что может... — выговорил он, уже ничего не чувствуя, кроме тоскливого опустошения.

— Понимали. Но мы — гвардия, — отрезала Томи, стоя навытяжку.

Сварог смотрел на них с вялым изумлением. Элкон, Томи... маркиз Шамон, белобрысый увалень, светлая головушка... Канилла, графиня Детро — красотка растет, а также великолепный специалист по поисковым системам... Юнцы и девчонки, выросшие в роскоши, какую только способен обеспечить здешний мир... Да как же мне удалось за неполных полгода воспитать из них стойких оловянных солдатиков? Конечно, они по молодости

лет бесшабашно относятся к смерти, но достаточно взрослые, чтобы понимать, что такое опасность... И ведь все девять здесь, чертенята... Чудес не бывает. Значит, в них уже было заложено нечто, в столь жуткий момент сделавшее их гвардией. Умеет Яна подбирать друзей...

Элкон невозмутимо сказал:

— Вообще-то мы не нарушили ни устава, ни каких бы то ни было писаных законов. Операция «Журавлинный клин» проходила без всякого документального обеспечения, основываясь исключительно на устных распоряжениях Канцлера. Девятый стол не получал официального приказа о передислокации, как и Восьмой департамент. Точно так же я не получал приказа от командира Яшмовых Мушкетеров. Ни малейшего нарушения...

— Законники... — проворчал Сварог уже беззлобно. — Как вас только не хватились, обормотов?

Томи загадочно улыбнулась:

— А почему они должны были нас хватиться? Мы все в данный момент пребываем в здании девятого стола, как ни в чем не бывало, мы общаемся по видео с внешним миром, и ни у кого пока что не возникло и тени подозрения... Ну, по крайней мере до тех пор, пока кто-то наподобие Канцлера, которому ничем глаза не отведешь, не заявится лично... Но т е п е р ь это уже не имеет значения, верно?

— Лиса... — сказал Сварог. — «Стеклянная тень» или «синий морок»?

— «Тень», — сказала Томи. — Так надежнее. Ротгар у нас мастер «стеклянной тени»...

— Вольно, — так и не улыбнувшись, сказал Сварог.

Безукоризненный строй дрогнул, теперь они откровенно оглядывались на равнину с совершенно детским любопытством.

— Командир, а можно... — произнес Элкон уже совершенно другим голосом, ничуть не похожий сейчас на бравого гвардейца. Сгоравший от нешуточного любопытства мальчишка...

— Идите посмотрите, — кивнул Сварог. — Только ни к чему не прикасаться, ясно?

Они едва ли не бегом кинулись к Багряной Звезде, только Томи задержалась и, глядя на Сварога преданно, обещающе, завороженно, выпалила:

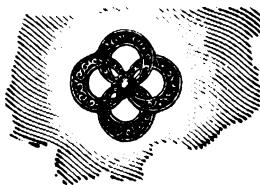
— Командир, вы герой. Проделать такое в одиночку... И заспешила следом за остальными.

— В точку, — сказала Мара без тени насмешки. — Такого я даже от тебя не ожидала, а уж я-то знаю, на что ты способен, насмотрелась... Ты человек скромный, но уж не обессудь, я тебе в Сегуре памятник поставлю. Серьезно.

— Не вздумай, — ответил он без улыбки. — Разнесу к чертовой матери, слово короля... Иди к ним, пусть кто-нибудь свяжется с Сильваной, нужно же сообщить, что все кончилось и бояться больше нечего. Марш!

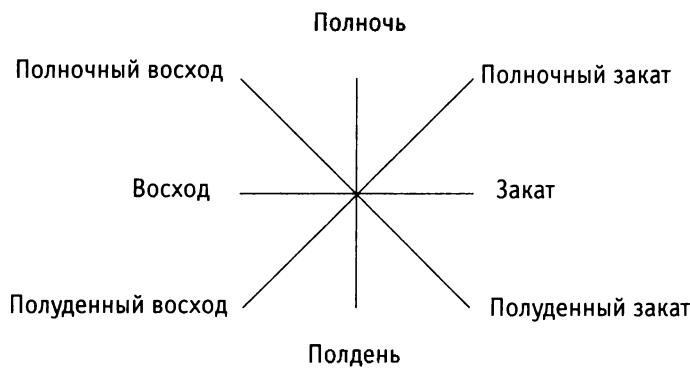
У него перехватило горло, и он, содрогаясь от переполнившей горечи и стыда, отвернулся, чтобы никто не видел его лица. Отнюдь не подобающего славному герою, даже чрезвычайно скромному.

Красноярск, август 2011

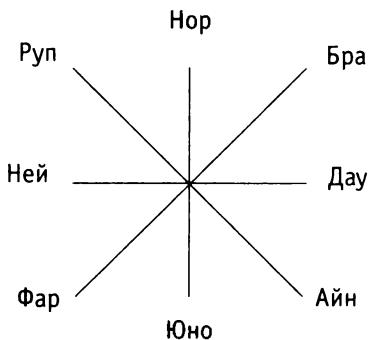

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

При изучении хронологии следует непременно иметь в виду, что не существует до сих пор какой-то единой точки отсчета. Даже летосчисление ларов, Небесные Годы, было введено лишь через некоторое количество лет после окончания Шторма и переселения ларов в небеса. И это количество до сих пор не определено точно, разные исследователи называют разные цифры (от 7 лет до 11). К тому же ни у ларов, ни у кого-либо другого нет точно фиксированной даты окончания Шторма — ибо какое-то время его затухающие волны все прокатывались по планете.

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистериум, 3466 г. Х. Э.). Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление — так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов — 5506 год Небесных Лет (в этой системе датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле — 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня — 5511 год СДГГ.

2. После отделения Гланы от Ронера первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане — 613 год Вольности.

КАЛЕНДАРЬ

Таларский год состоит из семи месяцев — Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц — из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавания, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса — канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии — свои праздники.

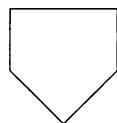
ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЩИТЫ

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов — для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

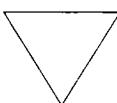
1. Дотир

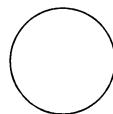
2. Джунарг

3. Даугар

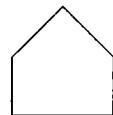
4. Дроглор

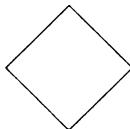
5. Домблон

6. Дегоар

7. Даарат

Как правило, дотир и даарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблона.

ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ

Флаги Виглафского Ковенанта*

Лоран — горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан — «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

* Ковенант — от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, — принятное в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

Снольдер — желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро — горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан — горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот — белое полотнище с черным солнцем.

Шаган — вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур — горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля — фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг — синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза — темно-синее полотнище с белым кругом. В круге — черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый — мудрость. Зеленый — надежду. Черный — упорство. Красный — отвагу, жизненную силу. Желтый — богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ

Виглафский Ковенант

Лоран — дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы.

На зеленой — три золотых кольца. На синих — по золотому якорю.

Харлан — дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах — по коричневому мечу острием вверх. В коричневых — по белому мечу острием вверх.

Снольдер — даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита — золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро — даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей — золотая лилия, на черной — Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан — дегоар. Щит — черный с золотой каймой. В центре — золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам — золотые цветы чертополоха.

Горрот — домблон. На белом фоне — черное весло, скрещенное с золотым скипетром.

Шаган — дроглор. На синем поле — золотой колокол. *Сегур* — дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя — золотой парус на зеленом поле, нижняя — пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых), и на их фоне — черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

ПРОЧИЕ ГЕРБЫ

Святая Земля — дуарат. На зеленом поле — золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг — джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями — золотые весы. Шит окаймлен золотыми пчелами.

Ганза — дроглор. На темно-синем фоне — красная ладонь.

КОРОНЫ ВИГЛАФСКОГО КОВЕНАНТА

Лоран — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма* с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого — рубин, ограненный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан — обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью ограненными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусфера.

Снольдер — корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках — по рубину, ограненному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками — по три бриллианта, ограненных «розой». Впереди, надо лбом, — золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неограненный, весом 480 квинутнов**). Зубцы отсутствуют.

* Джайм — мера длины, применяемая лишь в геральдике (около 3 см).

** Квинутн — мера веса в ювелирном деле (0,25 г).

Ронеро — корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных линий, и в центре каждого цветка — рубин, ограненный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан — корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 — в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца — рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, — желтый алмаз Индари (неогранный, вес 300 квинутнов).

Горрот — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояса, имеющих форму цепи с овальными звеньями. В центре каждого звена — рубин, ограненный в форме трехгранной пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукружиями-дугами, в точке пересечения которых — солнце, выточеннное из черного опала.

Шаган — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех — ограненные рубины, у основания четырех — ограненные изумруды.

Сегур — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев — ограненные сапфиры.

ПРОЧИЕ КОРОНЫ

Корона Великого Магистра Святой Земли — открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, надо лбом, — крылатый диск с неогранным рубином в центре, на противоположной стороне — крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра — она из железа.

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны — потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукружьями-дугами, в точке пересечения которых — миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови — потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона — обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона — обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза — обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого — прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, и украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владетелей Вольных Маноров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.

2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) — золотые шпоры и золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) — золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобиля и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобиля патриций — золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ

Реверен* Гонзак (3627 Х. Э. — ?) — скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астree (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х. Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Маноров, совершил три морских путешествия. Не-

* Реверен — «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников — скрибаносы. Соответствует таларскому «мэтр».

которые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы там ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х. Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских дела, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронера, малонаселенных и пользующихся дурной славой «диковых мест». Не исключено, что сильванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю не-плохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н. Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О ТИТУЛАХ, СОСЛОВИЯХ И МНОГОМ ДРУГОМ

Письмо третью, реверена Гонзака

Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские — воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что monarch пре-

бывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писанным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землею с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком оного служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле же поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошелем особого вида.

Сословие Циркуля — это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла

серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Соры — это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет оного наряда бывает разным. Живимы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на кой изящно выгравирована мифологическая птица Сирин, издавна почитаемая символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуются пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвишающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носятся сандбоя, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скучные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней — разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества — подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит — Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшательства.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целости самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Совы, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах — но опять-таки при строгом условии, что перевозит произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умымыми людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

1. Оружейники (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).
2. Мастера тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).
3. Похоронных дел мастера.
4. Приказчики торговые и банкирские.
5. Меховщики.
6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и подновителей мостов).
7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).
8. Водопроводных дел мастера.
9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).
10. Стеклодувы (цехи: Стеклодувов, Стеклянной посуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

СЕРЕБРЯНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Кораблестроители.
2. Моряки.
3. Речные матросы.
4. Мастера изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).
5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).
6. Содержатели псарен и псари.
7. Содержатели постоянных дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики — дворян и Сословий. А содержатели заведе-

ний рангом пониже включены в гильдию градских обывателей).

8. Гуртовщики.

9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).

10. Парикмахеры (опять-таки тех, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

БРОНЗОВЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Пожарные.

2. Кузнецы.

3. Ветеринары.

4. Почтари и телеграфисты.

5. Шляпники.

6. Садовники и огородники.

7. Горнорабочие.

8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеловы и пчеловоды.

9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).

10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопеков, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

МЕДНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Портные.

2. Сапожники и обувщики.

3. Печники.

4. Водолазы.

5. Извозный промысел.

6. Вольные слуги.

7. Повара.

8. Мостильщики улиц.

9. Кровельщики.

10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

1. Заводские мастеровые.
2. Мусорщики.
3. Мастера паровых машин.
4. Мастера воздушных шаров и планеров.
5. Маляры, фигляры, циркачи, газетиры.
6. Портовые рабочие.
7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.
8. Нищие и проститутки.
9. Цирюльники.
10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но единовременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям — со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изощренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власти предержащих — ибо

в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, — увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писаные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый), либо герб короля (если город коронный) а в нижней — эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повариха либо содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оное делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые — в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытать членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне

смирились с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров — гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершено шутки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл — человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель божий, взыскивающий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видеться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий некритически следует закостенелым традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин — люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашаются, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же — рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Несовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О КУПЕЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ИМЕНУЕМОМ ГАНЗА

Выдержки из шестого письма реверена Гонзака

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрестанных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств — процессом не в пример более долгим, путанным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, — не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявленная ими какой державе война способна державу сию не на шутку озабочить. А общего сговора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится — ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному согласию касаемо столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удается достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего — как это было с Сандоварским

Уложением*. Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включаю в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но таковое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Сословия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров — одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные — не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов** (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагает в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершenna.

Единого правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда — что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь

* Сандоварское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владыкам Вольных Маноров возводить людей в дворянство.

** Ронины — младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдая тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О ЗАГАДОЧНОЙ И ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ ИЛЛЮЗОР

Письмо седьмое реверена Гонзака

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаюсь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычae предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличенными, проистекающими из присущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, — мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой — к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжущей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, — тут и пешие, и конные, и

повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо — ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает все-охватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, — суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых — где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь — ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелице, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности — но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто — написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии предстающие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгинуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда — во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко — звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересиживая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищащие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владетели не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только от того не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало

любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычайному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не заботит — знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О КРАЕ, ИМЕНУЕМОМ СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ

Выдержки из восьмого письма реверена Гонзака

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но четыреста с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроенном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к коему примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой неправедности и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников — ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в

особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устраниением таковых жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не между Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедля приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось преизрядно).

Ныне Святая Земля управляет Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне — они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их сорганизована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пашут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как

и почитаемая преступлением роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле, в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака

Армии на Таларе не собираются от случая ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск — например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попадаются там и ронины. Полки эти именуются номерами и по роду войск — например, «пятый ки-

расирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, — а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллом. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуются также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» — древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако такие используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своеенравный, и не всякий офицер с ними уживается.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти — все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций — они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых,

ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таковых — всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оным при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), — одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший — ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще — полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», — там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника,

перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчего ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «калам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, — то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В помянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов — тисовые, для полковников — виноградные листья, а для генералов — дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое — дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа*.

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных плена летуна, будь он и дворянин, вешали

* С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созданная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, — ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами*. Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими — капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой — на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов — таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро — адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране — адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов — один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний — Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается

* Пулеметы в те времена на вооружении еще не появились.

никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнудциальному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве а у пиратов — и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в этаком чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься — я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено — лишь бы был крепок и неувечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, од-

нако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей — и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей — и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы — благо, в полном соответствии с таларской пословицей «У акиллы из-под крыла не выскошишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами, либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброва, обязанного в обмен на свободу прослужить ровным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик — лучше служить в морской пехоте, чем надрываться в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места — да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет — лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, съязмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под

знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные — рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О МОРСКИХ ОСТРОВАХ

Выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с коими я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова*. А пока что, друг мой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство — моря там, в отличие от наших, пресно-

* Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

водные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител — есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, — а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рука-ва. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает.)

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а про-чие семь — Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скудна для землепашства или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны ма-лым детям, каждый клочок земли для них — что любимая без-делушка, каковую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть об-ширные пастища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полночному закату от Катайр Крофина находится Ин-бер Колба. Островов в данном архипелаге около девятисот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров*, и рас-положены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет

* Югер — квадратная лига.

стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являются собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рисуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой — от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженная — оттого-то, по некоему молчаливому договору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плугом, а большая — рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скучен и каменист. Есть там при городке, также именуемом

Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда припливают корабли, перевозя убывающих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкупе с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходятся, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о поджидающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших стражей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотится и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплод-

ные скалы, если не считать узкой прибрежной полоски на закатной окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Грома стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копье Морских Королей, коим только и можно убить Великого Krakена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк, где можно было зарыть копье. Храм я посетил немедля, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копье это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случай таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копье существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копью Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Катайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу неких природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром — каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размеров в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур — последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур — землями, расположеннымными вокруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица былого королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур — права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великолдуния послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных

следов такой сделки нет, разве что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдевшей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны — или сам Руагату, кое-го суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презреными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скучна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что, по купеческой привычке, это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько — замаскированные мор-

ские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака — таинственная обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу — и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака. Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль*.

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных копях добывают красную яшму и полосатую**, а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», — фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов — из них болеевсегоизвестныенис***ибакан****. Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в говоре с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего — разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

* Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзак успел предпринять.

** За «полосатую яшму» малосведущий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

*** Речь идет о гранате-альмандине.

****Бакан — родонит, или орлец.

О ГОРОДАХ

Выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые — королю, а третьи — вольные, в ознаменование чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном — власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показались бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой — поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар — фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон — твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов

Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты — крученый шнурок.

Капарат — круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталана — фетровая или кожаная шляпа с высокой тулей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталаунского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах — излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила — матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» — твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами — форменный головной убор военных моряков.

Буниль — остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным затыльником. Будничный головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль — вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер — форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Крапон — твердая шляпа с тулей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка — остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Камзол — короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. *Кафтан* — более длинный, почти до колен. *Колет* — камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) — одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху донизу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы — как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ

Храмы ЕДИНОГО ТВОРЦА существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого — Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Рожа, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью — от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ — в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашореми осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашореми»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, — самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашореми. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел — те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слоев общества верят, что молитва Ашореми облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашореми в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной Звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охоты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашореми находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашореми отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной Звездой по всем четырем углам. Служителями Ашореми могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашореми — кошка.

БРИГИТА — богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Совы и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует — лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ — самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини — крестьяне обоего пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталан и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные рощи и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были местью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определят). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось вызнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Матерь олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался про-

никнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался — ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно*.

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС — бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса — исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ — бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и

* Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х. э.).

рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей — и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискует лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гравастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) — бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился — главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Катауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки — с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри — статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или даренным оружием (все древние храмы славятся прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капельку своей крови, уколов палец, но вот уже несколько столетий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность сильванским обычаям, служители Симаргла — исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно

увидеть собак — их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку — грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла — военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь — три в Снольдере, два в Конеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл — покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС — бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хорс). Служители бога — исключительно мужчины. Хорс покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени — взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» — лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр., и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х. Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог

Иномирья» — стариинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА — так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье — Сет-Змееног, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного богодохновленного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

РОСПИСЬ КЛАССНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ

1. Коронный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.

13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Маноров, Глана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя). 1—5 классы приравнены к генеральским чинам, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6—8 классы приравнены к полковникам, 9—10 — к капитанам, 11—12 — к лейтенантам, 13—14 — к сержантам.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Ронеро

Золотой ауреи = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» — 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты — круглые. Для Брян Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денарий), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медным гротирам.

Медный гротир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты — круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофинда чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряный ассам либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» — монета в 7 статеров.

Медный асс = 3 медным патарам. Есть монеты в поласса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебреникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» — монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шаган

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полуфартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав — круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последние времена это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным билонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты — круглые, балиган — семиугольный, пятерик и семерик — семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суврен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты — прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты — круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрастающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные — в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные — все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты — золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканит давно по причине тщательно скрываемой бедности оного государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы — серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта.

«Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрутся, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди, к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Глан

Ордена:

- Чертополоха.
- Пещерного Медведя.
- «Громовая гора».

Медали:

- «Серебряное кольцо».
- «Медное кольцо».
- «Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носятся на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

- «Круглая башня».
- «Ладья богатства».
- «Созвездие».

Медали:

- «Золотая пчела».
- «Серебряная пчела».
- «Медная пчела».
- «Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благососто-

яния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарами) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

- «Черное солнце», (награждаются и военные, и гражданские).
- «Рубиновый клинок» и Орден Симаргла (военный).
- Орден Семи Островов*.
- Орден Филина (гражданский).

Медали:

- «Клинок».
- «Орел» (военная).
- «Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

- «Трон великих герцогов» (двойного назначения).
- «Меч Славы» (военный).
- «Фолиант» (гражданский).

Медали:

- «Скрещенные топоры».
- «Слава и смелость» (военная).
- «Жемчужина мудрости».
- «Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

- «Алмазный венец».
- Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

- «Звезда отваги».
- «Золотая лилия».
- «Зеркало Аннура».

* В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

«Алое пламя».

«Скипетр морских королей» (военно-морской).

Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь»*.

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, проявленную при защите или взятии крепостей).

«Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».

«Корабль».

«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».

«Радуга и меч».

«Крылатый лев».

«Морской конь» (военно-морской).

Гражданские ордена:

Орден Короны.

Орден Вороны.

«Радуга и ларец».

«Великая Река».

Военные медали:

«Тисовая ветвь».

«Ярость и огонь».

«Дубовый лист».

* Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров Сословия Циркуля и высших полицейских чинов.

«Львиный коготь».

«Огненное копье».

«Абордажная сабля» (военно-морская).

Гражданские медали:

«Процветание» (купеческая).

«Око» (полицейская).

«Ларец».

«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:

«Три золотых кольца».

«Отличие Престола».

Военные ордена:

«Рыцарская лента».

Орден Заслуги.

«Меч и кольцо».

«Золотой якорь» (военно-морской).

Орден Тигра.

Гражданские ордена:

«Звезда учености».

Орден Верности.

Орден Черного Медведя.

Орден Золотого Журавля.

«Великий канал».

Военные медали:

«Штандарт».

«Серебряная секира».

«Серебряный самострел».

«Победитель пламени».

«Отвага ратного поля».

Гражданские медали:

«Золотой скипетр».

«Свиток».

«Золотой скипетр».

«Свиток».

«Серебряный циркуль».

«Бронзовый циркуль».
«Солнечный луч».
«Серебряный компас».

Шаган

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой колокол».

Орден святого Сколота.

Военные ордена:

«Меч грома».

«Золотой фрегат» (военно-морской).

«Изумрудный акилла».

Орден Синей Крепости.

«Стрела и скипетр».

Гражданские ордена:

Орден Красного Бобра.

Орден Кедра.

«Золотая кисть».

«Яшмовый кубок».

«Посох святого Роха».

Военные медали:

«Медвежья лапа»

«Алая молния».

«Штурвал и меч» (военно-морская).

«Бастион».

«Трилистник».

Гражданские медали:

«Хрустальный кубок».

«Штурвал и парус».

«Серебряная кисть».

«Жезл мудрости».

«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней — «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

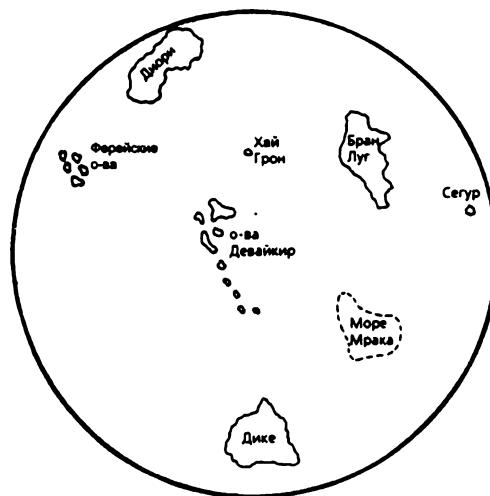
Ордена Вольных Маноров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за соответствующую сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добывшее не трудами и заслугами, а с помощью тугого кошелька или интриг.

Карты

Планета ТАЛАР

полушарие заката

полушарие восхода

ФИЗИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ

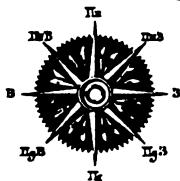

Условные обозначения

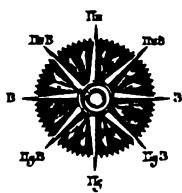
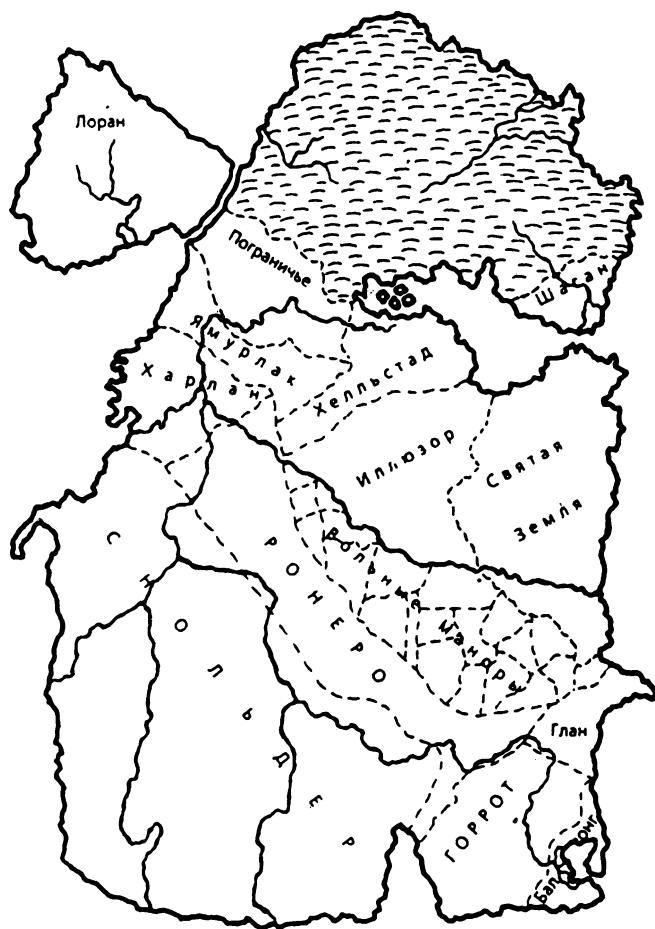
△ - города

— морские порты

знаком обозначен порт Джетарам

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Высокое искусство дипломатии.....	5
Глава II. Иные небеса	42
Глава III. Милые детские забавы	55
Глава IV. Печальная необходимость	76
Глава V. Чертова Мельница	91
Глава VI. Марчерет.....	103
Глава VII. Простая детская игра.....	141
Глава VIII. Король посреди будней.....	156
Глава IX. Беглец.....	171
Глава X. Прощание с юностью	193
Глава XI. От карьеристов тоже бывает польза.....	209
Глава XII. Тяф! Тяф! Тяф!	237
Глава XIII. Благонадежный покупатель и честный продавец, довольные друг другом	260
Глава XIV. В ученом обществе	277
Глава XV. Странники	293
Глава XVI. Тихая уютная деревня	314
Глава XVII. Один-одинешенек.....	328
Глава XVIII. Люди и звери	342
Глава XIX. Обитатели укромных уголков	353
Глава XX. И увидел конный, и приник к копью.....	372
Глава XXI. ...И охотник вернулся с холмов	386
Приложения.....	397

Официальный сайт А. А. Бушкова — www.shantarsk.ru

Литературно-художественное издание

Бушков Александр Александрович

ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА

Роман

Ответственный за выпуск В. В. Кузьмин
Художественный редактор А. Я. Гладышев
Художник В. А. Кагане
Компьютерная верстка О. О. Тарвид
Корректор О. Ю. Ашмарина

Подписано в печать 29.11.11.
Формат 60×90 ¼. Гарнитура «Palatino Linotype», «OfficinaSansС».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,0. Доп. тираж 8000 экз.
Изд. № 11-10513. Заказ № 1114861.

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 3, п. I, к. 5
Почтовый адрес: 143421, Московская обл., Красногорский район,
26 км автодороги «Балтия», Бизнес-парк «Рига Лэнд», строение 3
www.olmamedia.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

arvato
ЯПК

ПРОИЗВЕДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА БУШКОВА

ФАНТАСТИКА

Главный герой Станислав Сварог

- Рыцарь из ниоткуда (1996)
- Летающие острова (1996)
- Нечаянный король (2001)
- Чужие берега (2002)
- Чужие паруса (2002)
- Чужие зеркала (2002)
- Пленник Короны (2004)
- По ту сторону льда (2004)
- Враг Короны (2005)
- Железные паруса (2005)
- Спаситель Короны (2005)

Главный герой Аркадий Савельев

- Золотой Демон (2010)
- Завороженные (2010)
- Поэт и Русалка (2006)
- Стражи (2011)
- Чернокнижник (2011)

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

- Варяги без приглашения (1981)
- Стоять в огне (1986)
- Лабиринт (1989)
- Страна, о которой знали все (1989)
- Дождь над океаном (1990)
- Анастасия (1990)
- Волчье солнышко (1996)
- Колдунья-беглянка (2007)
- Колдунья поневоле (2008)

ПУБЛИЦИСТИКА

- Сталин. Красный монарх (2004)
- Екатерина II: алмазная Золушка (2005)
- Распутин. Выстрелы из прошлого (2005)
- Россия, которой не было. Гвардейское столетие (2005)
- Россия, которой не было. Славянская книга проклятий (2005)

- Сталин. Ледяной трон (2005)
- Русская Америка (2006)
- Иван Грозный. Кровавый поэт (2007)
- Земля: Планета призраков (2007)
- Чингисхан: неизвестная Азия (2007)
- Неизвестная война. Тайная история США (2008)
- Хроника мутного времени. Дом с привидениями (2005)
- Владимир Путин. Полковник, ставший капитаном (2007)
- Корабль дураков (2010)

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ

Главный герой Алексей Бестужев

- Авантуррист (Непристойный танец) (2001)
- Дикое золото (2000)
- Сыщик (2009)
- Комбатант (2009)
- Аргонавт (2009)
- Ковбой (2010)

Главный герой Данила Черский

- На то и волки (1999)
- Волк насторожился (1999)
- Волк прыгнул (1999)

Главная героиня Дарья Шевчук

- Бешеная (Девочка со спичками) (1996)
- Танец Бешеной (1997)
- Капкан для Бешеной (2001)

Главный герой Алексей Карташ

- Тайга и зона (2005)
- Ашхабадский вор (2005)
- Сходняк (2005)
- Под созвездием северных «Крестов» (2005)

Главный герой Кирилл Мазур

- Охота на Пиранью (1996)
- След Пираньи (1996)
- Крючок для Пираньи (1997)
- Возвращение Пираньи (1998)
- Пиранья: Первый бросок (1999)
- Пиранья против воров (2001)
- Пиранья против воров-2 (2002)
- Пиранья. Звезда на волнах (2002)

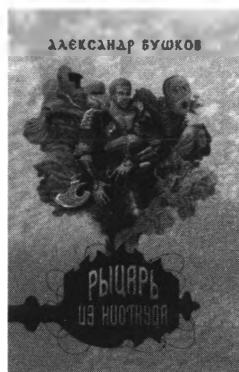
- Пиранья. Жизнь длиннее смерти (2003)
- Пиранья. Бродячее сокровище (2003)
- Пиранья. Озорные призраки (2005)
- Пиранья. Флибустьерские волны (2006)
- Пиранья. Охота на олигарха (2006)
- Пиранья. Алмазный спецназ (2006)
- Пиранья. Война олигархов. Кодекс одиночки (2007)
- Пиранья. Война олигархов. Кодекс наемника (2008)

Главный герой Василий Смолин

- Антиквар (2008)
- Последняя Пасха императора (2008)
- Сокровище антиквара (2009)

ОТДЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ

- Стервятник (1998)
- Волчья стая (1999)
- Бульдожья схватка (1999)
- Четвертый тост (2000)
- Мушкетеры (Д'Артаньян, гвардеец кардинала) (2002)
- НКВД. Война с неведомым (2003)
- Дикарка. Чертово городище (2004)
- Дикарка. Неизвестный маршрут (2005)
- Второе восстание Спартака (2006)
(в соавторстве с А. Константиновым)
- Равнение на знамя (2008)

РЫЦАРЬ ИЗ НИОТКУДА

В один прекрасный день Сварога засасывает страшная воронка и он попадает на планету Талар, в мир, где живут лары — могучие колдуны, правящие миром. Сварог — один из них.

ЛЕТАЮЩИЕ ОСТРОВА

...На земли Талара вторгаются Глаза Сатаны — зловещие создания, умеющие принимать чужой облик.

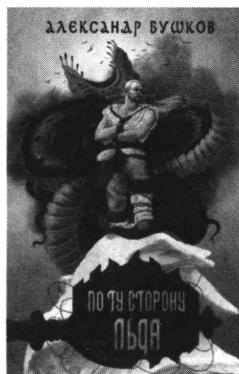
НЕЧАЯННЫЙ КОРОЛЬ

Странствующий романтик Станислав Сварог, нечаянно ставший королем, привыкает к мысли, что во Вселенной две дороги: обычного человека и венценосца.

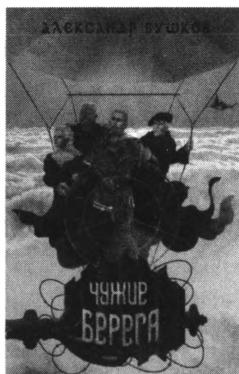
ЖЕЛЕЗНЫЕ ПАРУСА

Хозяин майората много лет собирает книги, рукописи, письменные раритеты, но в жизни не прочитал ни строчки...

ПО ТУ СТОРОНУ ЛЬДА

Беглые каторжники подобрали трех человек без сознания, случайно оказавшихся в порту во время взрыва. Один из них — Сварог.

ЧУЖИЕ БЕРЕГА

Когда друзья и враги неожиданно решают оставить героя в покое, он начинает хандрить. В небе вспыхивает таинственная Багряная Звезда...

ЧУЖИЕ ПАРУСА

После чудовищной катастрофы, потрясшей мир Чужих Берегов, Сварог со своими спутниками отправляется на поиски нового материка через Мировой океан. У него есть Карта — но поможет ли она в далеком плавании над пучинами, полными неведомых опасностей...

ЧУЖИЕ ЗЕРКАЛА

Они не настолько наивны и не ожидают, что эта операция будет похожа на загородную прогулку. Но никто — ни Сварог, ни его команда — даже не подозревали, что ждет их там...

ПЛЕННИК КОРОНЫ

В этом мире нет магии. Во всяком случае, официально. В этом мире нет Сварога — опять же, официально.

ВРАГ КОРОНЫ

Слишком многое становится явным, и Сварог оказывается перед выбором: выжить и погубить близких ему людей — или самому погибнуть в неравной схватке со Злом.

СПАСИТЕЛЬ КОРОНЫ

Со времени событий, описанных во «Враге Короны», прошло пятнадцать лет. Революция магов победила, но жизнь в Короне нельзя называть безоблачной...

ЧЕРНОВА
МЕЛЬНИЦА

ТАЛАР ПОД УГРОЗОЙ

Тонут голубые небеса в отсветах Багряной Звезды. И только король королей — Сварог Барг — уверен, что ему предстоит новый подвиг. Но ждет ли слава короля королей?..

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.
Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает провинциальной самоуверенностью, здравомыслием и крепкой психикой советского офицера. Сварог тут не исключение.

Книжная витрина

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной классикой в то время, как понятия «русское фэнтези» еще и не существовало.

Мир фантастики

...Великолепная фэнтезийная проза. Уникальный, ни на что не похожий, глубоко продуманный мир. Мощная магия, мрачные пророчества. Фирменный стиль, искрометный бушковский юмор.

Русская фантастика

Таларский цикл — самый любимый поклонниками Бушкова. Это изумительный язык: легкий, занимательный, понятный, с приятным юмором.

Ozon.Ru

ISBN 978-5-373-04472-1

9 785373 044721